

БАТЧАЕВ
БАХТИНОВ
БЕЛОУСОВ
БЕЛОУСОВ
БИБИК
БОЙКО
БУДАРИЕ
ВОРОПАЕВ
ГНЕУШЕР
ГНИЛОВСКОЙ
ГРОЗНАЯ
ГРЯЗЕВ
ГУВИЕ
ДЕДУСЕНКО
ДМИТРИЧЕНКО
ДЯТЛОВ
ЕГОРОВ
ЕКИМЦЕВ
ЕПАНЕШНИКОВ
ЗАЙКИНА
ИБРАГИМОВА
ИВАНОВА
ИГНАТЬЕВ
ИСАКОВ
КАПИЕВ
КАРПОВ
КАШПУРОВ
КЕРСНОВСКАЯ
КОЖЕВНИКОВ
КОЛЕСНИКОВ
КОТОВСКАЯ
КОШТОЯН
КРАВЧЕНКО
КУДИНОВ
КУСТОВ
ЛОГВИНОВ
ЛЯШЕНКО
МАЛЯРОВ
МАРЬИНСКИЙ
МОСИЕНКО
МОСИНЦЕВ
ОРЛОВСКИЙ
ПАВЛОВ
ПИДОРЕНКО
РОМАНОВ
САХВАДЗЕ
ТВАЛЧРЕЛИДЗЕ
УСОВ
ХОДАРЕВ
ЧЕРНОВ
ЧУМАК
ШЕЛУХИН
ШИЛИЕ
ШИРЯЕВ
ШУМАРОВ
ЯКОВЛЕВ
ЯРОШ
БИБИК
ГУВИЕ

Николай
Сахвадзе

СТАВРОПОЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Биографический словарь

Издание третье
Дополненное

Н. Н. Сахвадзе

Ставропольские писатели

Биографический словарь

**Ставрополь
2020**

УДК 821.161.1(470.630)
ББК 83.3(2Рос-4Ста)я222
С 22

С 22 Сахвадзе, Николай Николаевич

Ставропольские писатели: биографический словарь /
Н.Н. Сахвадзе — Ставрополь : Сервисшкола, 2020. — 520 с.

ISBN 978-5-93078-976-8

Биографический словарь «Ставропольские писатели» — уникальный вклад Николая Сахвадзе в историю культуры края. Собранные в книге сведения отражают литературную жизнь региона в советский и постсоветский периоды.

Издание приурочено к 70-летию автора. Для широкого круга школьников, студентов, преподавателей.

На титульном листе: А. Мосинцев, Р. Котовская,
И. Романов. Интересно, что каждый из них побывал на
посту ответственного секретаря альманаха «Ставрополье».

г. Железноводск, июль 1975 г.

УДК 821.161.1(470.630)
ББК 83.3(2Рос-4Ста)я222

ISBN 978-5-93078-976-8

© Сахвадзе Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Борцов», 2020

Предисловие автора

В этой книге нет жизнеописания Александра Исаевича Солженицына, родившегося в Кисловодске. Скакой стати низводить лауреата Нобелевской премии до уровня регионального писателя?

Нет здесь биографии Сергея Владимировича Михалкова, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии и четырёх Государственных премий СССР. К чему втуне дублировать сведения о его юности в Пятигорске, которые легко и просто отыскать любому?

По схожей причине отсутствует в словаре-справочнике биография Валентины Ивановны Слядневой. Её именем названа библиотека для молодёжи, в которой проводятся «Слядневские литературные чтения». Создан «Литературный фонд им. В. И. Слядневой»; учреждены четыре ежегодных премии её имени в области литературы и искусства. Трёхтысячным тиражом изданы три тома из запланированного собрания сочинений в пяти томах. Готовится к публикации сборник «В. И. Сляднева в воспоминаниях современников».

Думаю, столь маститая писательница заслуживает отдельной монографии. Я же намереваюсь воскресить в памяти ставропольцев талантливых, но незаслуженно забытых труженников пера, особенно тех, кто так и не успел стать членом профессионального творческого Союза. Это Светлана Заикина, Анатолий Павлов, Андрей Бахтинов ...

В том, что я на правильном пути убедило дружеское послание доктора филологических наук, профессора Ставропольского госуниверситета Людмилы Петровны Егоровой, полученное в апреле 2018 года:

«Дорогой Николай Николаевич!

Спасибо большое за Вашу книгу «Любопытные истории». Я пришла в библиотеку только в феврале месяце, а мне тотчас её вручили. Я как начала читать, и — не оторваться. И хотя многие байки я в Москве слышала, но все они в такой форме изложены, что стали искусством. Настоящим.

И, конечно, для меня стало открытием Ваше слово о Бахтине. Если б тогда о нём как-то заговорили, я бы не прошла мимо него в своём обзоре поэзии 1980-х. Очень жаль.

Не ответила сразу по причине естественной — и февраль, и март прибаливаю.

Ваша Людмила Петровна».

Столь высокая оценка моей работы выдающимся мастером литературоведения приятно удивила и обрадовала. Я с подъёмом набросился на заключительную часть рукописи, биографии Людвиг Коштояна, Идиллии Дедусенко, Вадима Белоусова, Виктора Бабиченко, Ивана Егорова.

Убеждён, что региональная литература Ставропольского края — полноценная часть всей отечественной литературы. За мозаикой конкретных судеб предстаёт масштабная история страны.

Выражаю глубокую признательность писателям, которые откликнулись на мою просьбу и прислали подробные автобиографии.

Николай Сахвадзе

27 февраля 2020 г. пос. Солнечнодольск

Особая благодарность.

сестре Елене Николаевне Булгаковой (в девичестве Сахвадзе) за финансовую поддержку;

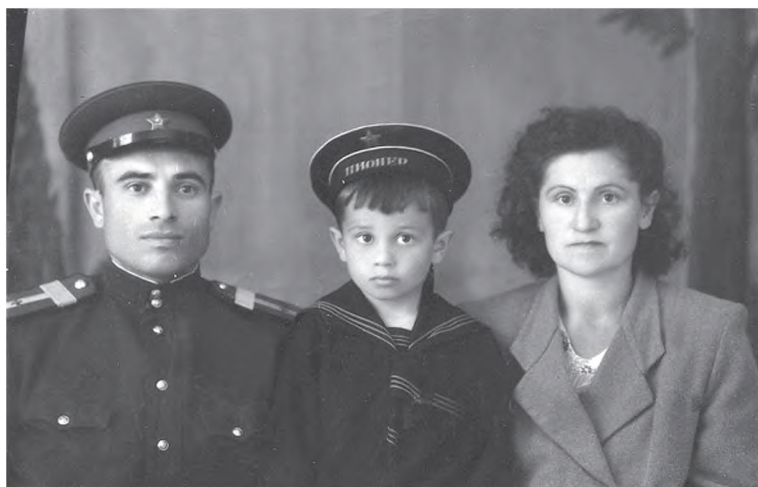
поэтессе-фотолюбителю Валентине Гапуровне Дмитриченко за предоставленные фотографии.

Ставропольские писатели

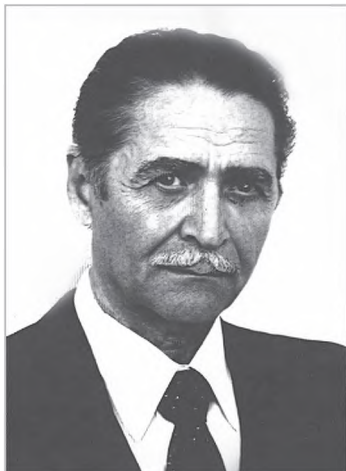
Биографический словарь

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

***отца Николая Иосифовича (1926 - 2012),
мамы Любови Николаевны (1921 - 2013)***

г. Моздок, 4 мая 1954 г.

Аксёнов Иван Михайлович

Любопытна судьба этого писателя. С одной стороны он никак не мог избежать литературной каторги, ибо мало я знаю людей, которые бы так страстно и трепетно любили книгу, чтение, мир искусства, с другой – он явил себя, когда многие его ровесники уже успели опубликовать свои произведения, прославиться, отойти от дел, а некоторые даже умереть.

Родился 18 августа 1935 года в селе Привольном Ставропольского края.

Самым памятным событием детства стала Великая Отечественная война.

1941 – медкомиссия забрала отца, Михаила Кирилловича, из-за язвы желудка. Тогда военком поручил расстроенному кавалеристу Первой конной армии Будённого обучать допризывников скакать верхом и рубить шашкой лозу.

Шестилетний Ваня с гордостью нахлобучивал кавалерийский шлем отца с большой синей звездой, надевал на руку компас со светящимися стрелками, с замиранием детского сердечка любовался синеватой сталью отцовской шашки...

Весной 1942-го отца мобилизовали. Михаил Кириллович попал не в конницу, а в артиллерию, и прошёл с боями от Сталинграда до Ровно, где погиб 2 мая 1944 года.

1943 – 1 сентября, через восемь месяцев после изгнания из села немцев, застенчивый от природы Ваня с робостью и неохотой явился в первый класс привольненской школы. Однако с наступившими холодами мальчику не в чем было ходить по стылой хляби, и он просидел зиму дома, чтобы на следующий год опять пойти в первый класс. Благо мать, Прасковья Андре-

евна, скопила денег и купила старенькие полусапожки размера на три больше, чем требовалось.

1949 – «в пятом классе я увлёкся античной литературой, – рассказывает Иван Михайлович в книге воспоминаний «Лоскутное одеяло» (2006). – Написал две поэмы из жизни древних греков, а своими стихотворениями заполнил общую тетрадь, подаренную мне председателем колхоза за то, что оформил колхозную стенную газету (рисовал я с раннего детства).

Об этом узнал директор школы Алексей Николаевич Геталов, который сам увлекался поэтическим творчеством, и он стал помещать мои стихи в школьном рукописном журнале «Зорька», а одно из них даже отдал в районную газету «Путь Ильича», где оно было напечатано. Радости моей не было предела: я несколько дней как на крыльях летал».

1954 – окончил школу с золотой медалью; без экзаменов поступил в Ставропольский государственный педагогический институт.

На первый курс историко-филологического факультета приняли 125 человек: около двадцати парней, остальные – девочки. Обучение тогда было платным, но Ивана Аксёнова, как сына погибшего на фронте солдата, от платы освободили.

«Голодная, лишённая всяких удобств жизнь в общежитии, в комнате на шестерых, вспоминается с тех пор как самая счастливая пора: я подружился со многими славными ребятами. С Анатолием Павловым и Владимиром Игнатовым наша дружба растянулась на 60 лет. К моему большому горю, Толя Павлов скончался 13 декабря 2014 года. Он был талантливым поэтом и прозаиком. («Автобиография», рукопись).

В число студенческих друзей Ивана Аксёнова вошёл небываемый Виктор Бабиченко, замечательный поэт от Бога, который уже тогда намного серьезнее относился к творчеству, посещал литературное объединение при газете «Молодой ленинец», был внештатным корреспондентом газеты, регулярно публиковал на её страницах самобытные стихи новаторской силы. Худой, высокий, измученный болезнью, чернобровый красавец, который с горечью и мужеством трагически сознавал о себе

«и то, что тело молча ляжет
трамплином на чужой стезе».

1958 – Аксёнов первым на курсе решил расстаться с холостяцкой жизнью, и в середине мая женился на Полине Медведевой. Они учились вместе с первого класса, одновременно поступили в один и тот же институт: он – на историко-филологический, она – на естественно-географический факультет.

1959 – в феврале у супружеской пары родился сын Толя, названный так в честь закадычного друга Анатолия Павлова.

Аксёновы по распределению попали в маленькое село Горнозаводское Аполлонского (ныне Кировского) района. Директор восьмилетней школы, бывший работник военкомата, опоздавших на заседание педсовета учительниц ставил в угол, как нерадивых первоклашек. Однажды при всех учителях и школьниках оскорбил Полину Васильевну. Если б только мог предвидеть последствия своего хамства! Аксёнов ступил на тропу войны с ним и был поддержан коллективом. Райком партии пытался разрешить дело миром, однако люди не пошли на компромисс, и напуганный самодур навсегда уехал из района.

1965 – «Ставропольская правда» публикует рассказ «На рассвете». Похоже, редактировал его поклонник «телеграфного» стиля, безжалостно кастрировавший концовки фраз. «От музыкальности произведения, которой я гордился, – сетует в «Лоскутном одеяле» автор, – не осталось ровным счётом ничего, его стиль стал дёрганным, скачущим и бесцветным. Разочарование моё было так велико, что я перестал посылать в газеты свои произведения, и это продолжалось около двадцати лет. Писать стал для самого себя и узкого круга друзей».

В том же 1965-м Аксёнов начал учительствовать в средней школе станицы Новопавловской, потом пятнадцать лет был здесь заместителем директора по учебно-воспитательной работе.

1972 – в мае появился на свет Андрюша, второй сын.

Жизнь шла своим чередом, похожая на пёстрое одеяло. Не раз в эти годы посещало завуча сожаление о непродуманном выборе профессии. Педагогическая стезя оказалась не такой увлекательной и благополучной, какой виделась из аудито-

рии института. Чего стоили проверки так называемых органов народного образования с их деспотизмом и жандармской сущностью, когда вместо ожидаемой методической помощи несчастные педагоги получали нервные срывы, гипертонические кризы, а то и инфаркты.

Ивана Аксёнова выручала любовь к музыке, к живописи, к поэзии. Вот его стихотворение на эту тему:

Словно ветер прохладный в полуденный зной,
Как живительный дождь на поникшие травы,
Будто горных растений целебный настой,
Опьяняющий мозг колдовскою отравой,
Словно молнии вспышка, что вдруг озарит
Всё, кромешною тьмою покрытое прежде,
Как молитва, что дарит покой и надежду,
Так поэзия душу живит и бодрит.

1985 – организует литературное объединение и клуб любителей поэзии «Лира», которым руководит тридцать лет. Три участника литобъединения станут членами Союза писателей России. В клубе любителей поэзии И. Аксёнов прочитает более двухсот лекций о творчестве русских и зарубежных поэтов. Гостями «Лиры» будут десятки известных в крае писателей.

Альманах «Ставрополье» печатает рассказ «Зимние дожди». Наконец-то пятидесятилетний педагог решает всерьёз заняться литературой и воочию предстать перед читателем. Не тут-то было! Школа ещё не раз потребует от своего служителя уйму времени, сил, здоровья для разрешения самых неожиданных ситуаций. За примерами далеко ходить не надо.

1986 – «Директор и завуч школы, в которой я работал, оклеветали немолодую учительницу и довели её до инфаркта. Мы, группа учителей, вступились за неё. Борьба эта была долгой и тяжёлой, тем более что первый секретарь райкома партии принял сторону школьной администрации и заведующей районо. В конце концов победа осталась за нами, благодаря вмешательству «Учительской газеты». Подобный случай я изобразил впоследствии в романе «Спящие собаки» («Автобиография», рукопись).

1990 – смерть Прасковьи Андреевны.

Похоронили мать писателя на старом, заросшем травой привольненском кладбище. Сын узнал об этом лишь на девятый день после её смерти: «я лежал тогда в больнице с тяжёлым сердечным приступом, и она, понимая, что умирает, и зная, как тяжела будет для меня весть о её смерти, просила сообщить о ней только тогда, когда я выпишусь из больницы».

Дороги пройдены и сожжены мосты.

Годов тяжёлый груз нещадно угнетает.

Но даже в старости мне мамы не хватает –

Её забот, советов, доброты.

1991 – рукопись романа «Осенний свет» обсудили в секции прозы Ставропольской писательской организации. Мнение было единодушным: предложить краевому книжному издательству включить роман И. Аксёнова в издательский план на 1992 год.

Роман был набран, автор получил аванс.

1992 – в связи с гайдаровской реформой, которая свергла большинство населения в нищету, а хваткий Чубайс добил полуживых россиян «контрольными выстрелами» ваучеров, – Аксёнову, как и другим авторам, чьи книги должны были выйти в 1992 году, уплатили неустойку и вернули рукопись. Роман опубликуют через четыре года в Кировской районной типографии, благодаря стараниям её директора Валентины Мицык.

1993 – руководитель издательства «Кавказская библиотека» Евгений Панаско, известный ставропольский писатель-фантаст, дал добро на дебют И. Аксёнова. В книгу «Бессонное сердце» вошли стихи и переводы с испанского, немецкого и украинского языков. В том же году вышел в свет второй сборник стихов – «Свеча на ветру».

1994 – во время съёмок сюжета, посвященного Дню железнодорожника, гибнет младший сын Андрей, тележурналист. В поисках лучшего ракурса он залез на крышу товарного вагона и попал под ток высокого напряжения.

В эти трагические дни отец пишет поэму «Плач по Икару», наполняя содержание древнегреческого мифа глубиной соб-

ственных страданий. Поэма вошла в очередную книгу стихов Ивана Аксёнова «Перекрёсток» (1994).

1996 – выходит сборник «Лето без ласточек», посвящённый памяти погибшего сына. На смерть Андрея Аксёнова отозвались стихами Анатолий Павлов, Юлия Каунова, Станислав Подольский, Олег Воропаев, Раиса Олина-Литвиненко.

В 1997-1998 годах, продолжая работать учителем, И. Аксёнов одновременно был главным (и единственным) редактором литературного еженедельника «Новопапавловское утро». Впрочем, этот неутомный человек занимал и все другие посты: ответственного секретаря, художника, корректора и автора почти всех материалов первой и второй страниц. Вёл обширную переписку с писателями Ставропольского края, потому что две последние страницы газеты отвёл для публикации их произведений (с краткой биографической справкой и портретом). Получилась хрестоматия для школьников, ибо эти материалы набирали в типографии так, что можно было, разрезав последние страницы, сложить книжку небольшого формата, но довольно объёмную: в неё вошли тридцать авторов.

Вот мнение об этом издании талантливой ставропольской поэтессы Елены Ивановой: «Передо мной подшивка газеты «Новопапавловское утро». Я храню эту уникальную подшивку и с большим интересом перечитываю статьи, вышедшие из-под пера моего коллеги. Учитель и здесь остаётся Учителем: ведёт разговор с читателем на самые разнообразные темы: об этике человеческих взаимоотношений, о правильности и выразительности нашей повседневной речи, «о времени и о себе»...

Он стал Учителем для каждого, кто имел счастье соприкоснуться с ним. В этом невысоком, отнюдь не богатырского телосложения человеке живёт воистину возвышенный дух. У него слово не расходится с делом, для него жить и творить – синонимы. Ни в одном своём шаге, поступке он не предавался раздвоенности» («Ставропольская правда». 20 августа 2010).

1998 – отработав 39 лет учителем, Иван Михайлович выходит на пенсию. Все эти годы преподавал русский язык и литературу, историю, а последнее время ещё и изобразительное искусство. Знание законов живописи писатель охотно исполь-

зует в литературном творчестве, выписывая картины природы и окружающей действительности с завидной точностью.

1999 – принят в Союз писателей России.

2000 – публикация книги «Затмение», которую открывает один из лучших рассказов И. Аксёнова «Утро туманное, утро седое...» Плотный клубящийся туман окутывает души и сознание всех действующих лиц: стоило произойти аварии, и полупьяный шофёр трусливо сбегает с места происшествия, а весёлая бригада рабочих превращается в стаю мародёров. «Да что же это с нами происходит?» – недоумевает главный герой. Спасение, судя по всему, приходит к Лужину от местного крестьянина. В конце рассказа главного героя, равнодушного, безразличного ко всему Лужина, кладут на солому, и телега увозит его в черноту ночи.

Рассказ трагически безысходен. Но он мастерски, на уровне символов, передаёт атмосферу и время, не к ночи будь помянуты, девяностых годов XX века.

2001 – начало нового тысячелетия И. Аксёнов отмечает выходом сборника «Канат над бездной» (стихи, переводы, статьи и эссе о поэзии и поэтах). Доброжелательной рецензией «Золотая награда взгляда» отозвался ироничный и загадочный поэт-философ Семён Ванетик, член Союза российских писателей, в газете «Ставропольская правда» (02.08.2002): «Книга эта, на мой взгляд, может вполне соперничать с продукцией лучших столичных издательств. Налицо глубина чувств, поэтическое мастерство, филигранная техника».

2003 – присвоено звание «Почётный гражданин города Новопавловска». Изданы сборник «Сонеты» и роман «Спящие собаки», за который писателю присуждена Губернаторская премия им. Андрея Губина, позже – диплом престижного конкурса «Хрустальная роза Виктора Розова» с медалью «Виктор Розов. За вклад в отечественную культуру» (2006).

Эти (уже упомянутые) книги и все последующие: повесть «Фирма “Эребус”» (2005), сборник стихов «Постоянство памяти» (2007), статьи «Тайна поэзии» (2008), рассказы и эссе «Звезда над чужими полями» (2009), рассказы и рецензии «Зона» (2011), поэмы и стихотворения «Следы» (2014) – были

изданы за счёт спонсоров, бывших учеников И. Аксёнова — успешных бизнесменов.

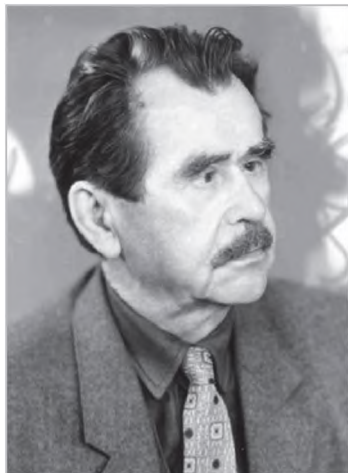
18 августа 2015 года известному в крае писателю-труженику исполнилось 80 лет. К его юбилею в Новопавловске вышел сборник рассказов «Свет в одиноком окне» — лебединая песня Аксёнова-новеллиста.

2016 — сын писателя Анатолий Аксёнов составил и издал книгу «Творчество писателя Ивана Аксёнова (статьи и рецензии)» — царский подарок грядущим биографам моего героя.

2018 — И. Аксёнов передаёт бразды правления основанного им литобъединения заматеревшему прозаику и поэту О. Воропаеву.

*Юбилей писателя (слева направо):
Иван и Полина Аксёновы, Владимир Маляров.
г. Новопавловск, 18 августа 2015 г.*

Ащеулов
Вениамин Абрамович
1920 – 1998

27 марта, в високосном 1920-ом, когда на Алтае вовсю бушевал пожар гражданской войны, крестьянка Елена из села Горное родила мальчика... Через годы выросший мальчик в стихотворении «Эвтерпа, потерпи» вспомнит, обращаясь к покровительнице лирической поэзии, о своих истоках, которые начались с той,

насквозь простреленной деревни,
где мать меня в подвале родила.

1930 — семья Ащеуловых спешно переезжает на Дальний Восток: вначале на Сахалин, затем в Хабаровск. Думаю, на краю земли они надеялись укрыться от принудительной коллективизации и связанных с ней репрессивных мероприятий.

Великую Отечественную войну Вениамин встретил курсантом полковой школы. Боевое крещение получил под Москвой в июле 1941-го года.

В сорок первом утром ранним
У Крапивны, у села,
Мне, когда нас враг таранил,
Пуля ногу подсекла.

Я ремонт прошёл немалый
И с оценкой — «Строевой»,
Забывая о привалах,
Вновь спешил к передовой.

Уже тогда было в нём что-то от тех подтянутых, смелых, находчивых солдат, которые переходят из одной русской сказки в другую.

А уж его послужной список во время войны вызывает почтительное уважение: командир пулемётного расчёта, командир разведгруппы, командир группы десантников на броне. Трижды ранен, награждён двумя орденами Отечественной войны и медалями.

Война не закончилась для него в День Победы. Маршал А.М. Василевский поставил войскам новую задачу:

— После большой войны на Западе надо в предельно короткий срок разгромить последнего агрессора!

9 августа 1945 — началась короткая, но упорная и ожесточенная война с Японией. Отдельные гарнизоны японских войск продолжали сопротивление даже после заявления своего правительства о капитуляции.

— Бусидо, ити их самурайскую мать! — объяснял подчинённым Ащеулов. Так называлась система морали и норм поведения японского воинского сословия в эпоху феодализма.

2-ое сентября стало днём окончательной капитуляции Квантунской армии. Могучая военная машина перестала существовать. Сержант Ащеулов вместе с десантом встретил этот день в Мукдене, выпустив в бледное азиатское небо немало мирных очередей из автомата.

К.Г. Паустовский произнёс поразительно меткие слова о таких писателях, как Ащеулов: «Они вернулись в мирную жизнь, опалённые боями, немногословные, так и не привыкшие к зрелищу смерти, узнавшие цену жизни, цену товариществу, цену любви и цену самим себе».

После войны решил не порывать связи с армией. Существование в ней было понятным и привычным для молодого фронтовика. Поступил в Благовещенское военное училище, в котором смог, наконец, всерьёз заняться не только обязательными дисциплинами, но и поэтическим творчеством.

Успешно окончив училище, стал военным журналистом. Прошёл путь от лейтенанта до майора, от литературного сотрудника до редактора дивизионной газеты.

1964 — в городе Хабаровске Политуправлением Дальневосточного военного округа издана первая книга стихов «Привал». Сорокачетырёхлетний поэт понял, что ему есть чем заняться в гражданской жизни.

Я у судьбы солдатской не просил
До срока ни минуты передышки...

1965 — отслужив четверть века в Советской Армии, уходит в отставку. Переезжает в Ставрополь, где процветала небольшая, но сильная писательская организация под руководством писателя-фронтовика Карпа Григорьевича Черного (1902 – 1985).

Ащеулов почти сразу почувствовал себя здесь своим.

1966 — в альманахе «Ставрополье» № I публикуется подборка стихов с портретом и короткой биографией. С этого дня он постоянный автор альманаха; редкий номер «Ставрополья» обходится без его стихов.

1968 — в Ставрополе издан новый сборник стихотворений «Вы не плачьте, ивы».

В этом городе на протяжении жизни поэта будут изданы еще шесть книг: «Землепроходцы», 1972; «Минуты передышки», 1975; «Корень жизни», 1978; «Жаворонок», 1981; «Исходный рубеж», 1988; «О, Русь моя!..», 1995.

«Однако я не замыкаюсь в рамках армейской темы, — отмечал Ащеулов в автобиографии, — пишу обо всём, что близко и дорого русскому человеку: о родной земле, о доброте людской, о замечательных подвижниках прошлого».

Трудоголик Ащеулов всегда и охотно находится в эпицентре жизни краевой писательской организации. Заведует Бюро пропаганды художественной литературы, организуя для писателей поездки по краю, встречи с читателями. В 70-х — ответственный секретарь альманаха «Ставрополье». Помню, он попросил взять несколько интервью у руководителей строящейся Ставропольской ГРЭС. И ведь не отстал от меня, пока не получил их.

1985 — в Москве, в издательстве «Современник» вышла «Прифронтовая полоса». Публикация книги в столице придавала творчеству местных авторов качественно новый уровень.

Распад Советского Союза вызвал те же разрушительные процессы в Союзе писателей СССР. Он разделился на Союз писателей России и Союз российских писателей.

С 1993 по 1996 — краевой Союз российских писателей возглавлял Вениамин Ащеулов. Время правления Ащеулова - наи-

более плодотворные годы в становлении этой организации. Так считали многие члены новоявленного Союза.

1997 — содействует изданию сборника «Загадки судьбы». В предисловии отмечает, что «авторы являются близкими по духу единомышленниками и состоят в одном союзе - Союзе российских писателей». Вадим Куропаткин, Вадим Белоусов, Анатолий Лысенко, Семён Ванетик — писатели достаточно высокой пробы. Простое перечисление их имен и то доставляет удовольствие.

Отношение Ащеулова к поэзии всегда безудержно и стихийно. Веселые прибаутки по случаю чужого дня рождения сочинял так же охотно, как стихи о пережитом в годы войны.

— Да плюнь, не мечи бисер! — упрашивал Георгий Шумаров.

Вотще! Ащеулов уже не мог иначе. Он превращал в стихи абсолютно всё: и эпохальное событие, и бытовую мелочь.

Однажды на строительстве Ставропольской ГРЭС высадили десант прозаиков и поэтов. Они выступали на строительных и монтажных площадках, в цехах станции, в актовом зале школы № 16. Перед отъездом побывали в Литературном пункте, где я жил тогда. Ащеулов, единственный из присутствующих, отметился в «Книге почетных посетителей»:

Нас пригласил Сахвадзе в гости —
Квартира сразу ходуном.
Нас угостил Сахвадзе в досталь
Своим сахвадзевским вином.

1998 — 2-го апреля этот остроумный, мужественный, трудолюбивый человек навсегда покинул нас.

Земля, избавь меня от боли
И за грехи мои прости.
Когда навек сольюсь с тобою,
Дай хоть травинкой прорасти!

В том же 1998 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» выходит десятая книга поэта «По следу памяти». А объёмистый том сборника «Литературный Ставро-

поль» публикует подборку последних стихотворений: «Ипатьев дом», «Был у меня чеченец в разведгруппе...», «Монолог старого солдата». Судя по этим ярким, архисовременным стихам, 78-летний поэт обладал немалым потенциалом.

Мы на пир на кровавый незваных гостей не просили
И не звали на помощь менять наш греховный режим!
Мы повинны в одном - в неумении видеть Россию
Под чужим сапогом и под взглядом враждебно-чужим!

2000 — 31 мая филиалу библиотеки № 10 Ставропольской централизованной библиотечной системы присвоено имя Вениамина Ащеулова. Здесь создан мемориальный уголок поэта; ежегодно проходят мероприятия, посвящённые творчеству Ащеулова. «Притом не только ко дню рождения поэта», — утверждают работники библиотеки.

2006 — литературный критик Татьяна Чёрная печатает в альманахе «Литературное Ставрополье» № 3-4 статью «Стихи как биография и творчество (В.А. Ащеулов)». С присущим ей мастерством Т. Чёрная рассматривает художественный мир поэта, истоки его мировоззрения и творческой системы. На сегодняшний день это наиболее чуткое исследование жизни и деятельности Ащеулова.

Завершу биографию поэта словами самого Вениамина Абрамовича на книжке «О, Русь моя!..», подаренной журналисту Задорожному:

Ну что сказать, мой друг Виталий?
В каких бы сферах не витали,
Душа, куда не паруси,
Навек причалена к Руси.

Лучше о поэзии Ащеулова не скажешь, его душа и впрямь причалена к Руси. Он доказал это всей своей жизнью.

*На снимке
(слева направо):
писатели
Виктор
Колесников,
Вадим Чернов
и Вениамин
Ащеулов.
г. Ставрополь,
1986 г.*

*На снимке (слева направо):
поэт Николай Бондаренко и прозаик Николай Ля-
шенко исправляют своё финансовое положение
на Пятигорском ипподроме. 27 октября 2007 г.*

**Бабаевский
Семён Петрович**
1909 – 2000

Родился 24 мая 1909-го в селе Кунья Харьковской губернии. Через год семья переехала на хутор Маковский вблизи Невинномысска.

Подростком пас свиней, ходил с отцом на заработки по верховьям Кубани, учился печному делу и игре на гармонии. Посещал церковноприходскую школу.

1926 — семья Бабаевских вступила в сельскохозяйственную комму-ну «Стальной конь», из которой вырос впоследствии колхоз «Красный пахарь». Сам Семен стал комсомольцем и организовал на хуторе комсомольскую ячейку. Написал первый в своей жизни рассказ «Молотилка», и - «понял простую истину: человек я в общем-то малограмотный; чтобы писать рассказы, мне надо получить образование».

1930 - поступил на курсы пропагандистов при ЦК ВКП (б). Окончив их, работал разъездным корреспондентом в редакциях газет Северного Кавказа: «Красная Черкесия», «Молодой ленинец», «Орджоникидзевская правда» — «от Дербента до Темрюка не отыскать, пожалуй, места, где бы не довелось побывать».

1936 — в Пятигорске выходит крошечный (67 стр.) сборник рассказов «Гордость» — первая книга писателя.

1939 — уже будучи автором многих рассказов и отцом семейства, окончил заочное отделение Литературного института имени Горького. Причём первым из ставропольских писателей. Это от него поведём отсчёт все мы — и Владимир Гнеушев, и Вадим Куропаткин, и Светлана Заикина, и супруги Туз...

1941 — работает над «Кубанскими рассказами».

В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом сперва в дивизионной, потом во фронтовой газете, и видел войну не только из окна редакционного автофургона. Вместе с Эффенди Капиевым написал «Казачи на

фронте» (1942). Книга очерков о казаках-конниках Кубанского кавалерийского полка издана в Пятигорске тиражом сто тысяч экземпляров. Но немцы, захватив город, уничтожили весь тираж. Сохранилось лишь несколько экземпляров у авторов. Большая библиографическая редкость.

В послевоенные годы наступил звёздный час Семёна Бабаевского, романы «Кавалер Золотой Звезды» (1947) и «Свет над землей» (кн. I-2) — трижды 1948, 1950, 1951 — удостоились Сталинских премий, одну из которых писатель, посоветовавшись с женой Таисией Терентьевной, отдал на восстановление разрушенного во время войны Пятигорского Дворца пионеров.

1951 — режиссер Юлий Райзман поставил художественный фильм «Кавалер Золотой Звезды» с Сергеем Бондарчуком в главной роли. Во всех театрах страны шли инсценировки романа. Была написана опера, замышлялся балет.

Перевод «Кавалера» на языки республик Советского Союза и на 29 иностранных языков вызвал невероятный резонанс: Бабаевский получил от читателей более 25 000 писем со всех обитаемых континентов Земли и одно с исследовательской станции СССР в Антарктиде.

— Наверное, помру, так и не поняв этого феномена, — вздыхая, признавался Бабаевский другу-писателю последних лет Е.В. Карпову.

В 1950 и 1953 годах избирается депутатом в Верховный Совет СССР от Ставропольского края. Вот что вспоминал по этому поводу глава Союза писателей СССР Александр Фадеев:

«Я пришёл к Сталину со списком будущих кандидатов в депутаты Верховного Совета от Союза писателей. На секретариате всех кандидатов детально обсуждали. Был уверен — краснеть не придётся. Сталин молча прочитал список, пальцем тронул ус, посмотрел на меня и сказал: «Превосходные кандидаты!»

— Старались, товарищ Сталин, — сказал я. — Первым, как и полагается, стоит Михаил Шолохов. Далее — Корнейчук и Ванда Василевская. Следующие — Мыкола Бажан, Николай Тихонов, Алексей Сурков, Константин Симонов... Словом, не забыли ни одного видного литератора. Ручаюсь, товарищ Сталин.

Сталин снова посмотрел на меня, чуть заметно улыбнулся и сказал: «Не надо ручаться. В списке не вижу одного хорошего писателя».

- Кто же он? — спросил, чувствуя тепло на лице.
- Кубанец, — ответил Сталин.
- Первенцев?
- Нет, не Первенцев

И тут я так покраснел, что уши мои стали горячими. Не мог понять: какого кубанца мы пропустили? Молчу, не знаю, что сказать, как оправдываться.

— Тот кубанец — Бабаевский Семен, — сказал Сталин. — И не надо краснеть. Кубанец молодой и никому не известен. Но ошибку Союза писателей можно исправить, — продолжил Сталин». (Цитируется по очерку В. Гнеушева «Прощальные сказания» в «Ставропольской правде» от 23 ноября 2001 года).

Фамилия Бабаевского внесена в Большую Советскую Энциклопедию начиная со 2-го издания (1950) и во все последующие. Награждён орденами Трудового Красного Знамени (1959, 1969).

С 1958 — в течение нескольких десятилетий работает в редакции журнала «Октябрь» заместителем главного редактора. Это при нём начал публиковаться в журнале Андрей Губин; правда с подачи Кочетова.

Регулярно выходят переиздания и новые романы — «Сыновний бунт» (1960), «Родимый край» (1964), «Белый свет» (1969), «Современники» (1972).

Итогом творческой деятельности Семёна Бабаевского стал выпуск восьмитомника.

Благополучная, вроде бы, судьба писателя! Ан нет — горечь и обида терзали его сердце, и как признался в разговоре с Е.В. Карповым девятидесятилетний сочинитель: «После смерти Сталина моё писательское имя смешали с грязью в печати всех видов и уровней».

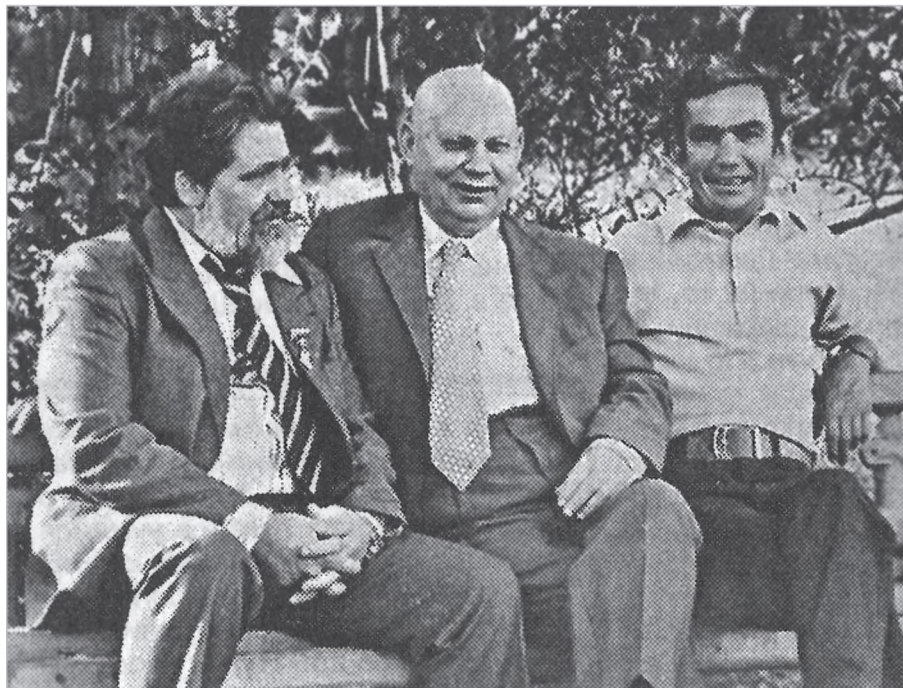
Но ничто не могло заставить его отказаться от профессии. Жизнь Бабаевского — это пример исполнения писательского долга в любых условиях и при любом режиме.

В его книге «Последнее моё сказание» есть короткая и пронзительная притча: «Жила на белом свете писаная красавица — Советская власть, девушка работающая, честная, благородная. На её горе отыскались хриstopродавцы. Они затащили красавицу в Беловежскую пушу, изнасиловали её, испачкали дёгтем, грязью. Потом выставили напоказ всему

миру. Вот, смотрите, какая она, ваша хваленная красавица...»

31 марта 2000 года на первой странице «Ставропольской правды» появилась короткая информация: «Вчера в Москве состоялись похороны скончавшегося на 91-ом году жизни крупного русского советского писателя, нашего земляка Семёна Петровича Бабаевского». Скончался 28 марта.

Он родился на Украине, умер и похоронен в Москве... Но и сегодня из всех ставропольских писателей, он всё ещё самый ставропольский.

*На одной скамейке с классиком.
Слева направо: В. Чернов, С. Бабаевский, В. Кожевников.
Лето, 1981 г.*

**Бабиченко
Виктор Ильич**
1937 - 1973

*Эта юность (умру – не забуду!),
Шевеля по лесам молодняка,
Отгуляла свободно повсюду,
Как весёлый весенний сквозняк,
И посыпались листья без звука.
В одиноком твоём сентябре,
Весь прослушан, досмотрен, обстукан, –
Ты стоишь на больничном дворе...*

Раиса Котовская
«Памяти поэта Бабиченко» (1987)

Виктор родился 14 марта 1937 года в семье кадрового военного в Ставрополе. Здесь, на улице Дзержинского, № 134, в «квартире»-хате, 12, пережил голодное «оккупированное» детство вместе с болезненной матерью, служащей краевой библиотеки. Отец в годы войны – на фронте; в 1947-м демобилизовался и уже через неделю приступил к работе в СМУ № 9 – строителем.

1954 — ещё учась в мужской школе № 5, Виктор стал внештатным корреспондентом газеты «Молодой ленинец». Был секретарём школьного комитета ВЛКСМ, дважды избирался членом райкома комсомола, обладал природными качествами лидера.

1955 — поступил в Ставропольский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет. Писатель Иван Аксёнов так описывает в книге воспоминаний облик Виктора Бабиченко тех лет:

«Оливково-смуглое и одновременно бледное лицо, с выбритыми до синевы впалыми щеками, по-детски припухлые губы, воронённые волнистые волосы, горящие чёрными угольками глаза – умные, внимательные, иногда озорные, но чаще задумчивые, грустные. Ходил он, слегка сутулясь, говорил мягким, бархатным баритоном, не повышая голоса... Главной чертой его характера было неиз-

менное, упорное стремление к совершенству» («Лоскутное одеяло», Новопавловск, 2006, с. 112, 113).

1957 — первая публикация поэта Бабиченко в альманахе «Ставрополье» № 15: стихотворение «У ледника».

На третьем курсе перешёл на заочное обучение и уехал в Невинномысск на строительство химкомбината. Освоил на специальных курсах профессию крановщика. Но приобщение к рабочему классу было недолгим: молодого, жадного до жизни человека сразила тяжелейшая форма туберкулёза. Его дальнейшее существование будет проходить в основном в противотуберкулёзных диспансерах и санаториях.

Так лето 1958 года Виктор провёл в Тебердинском туберкулёзном санатории. Проходя здесь курс лечения, готовил к печати рукопись первого поэтического сборника «Ласточки на проводах». Однако краевое издательство проявило бдительность, и книга вышла в 1960 году под названием «Здравствуй, земля!» — хотя какую опасность и крамолу могли нести социалистическому отечеству малышки-ласточки, я до сих пор не пойму.

1959 — в июле студент-заочник получает «красный» диплом.

На рубеже 60-х В. Бабиченко работает в редакции газеты «Молодой ленинец». Пишет очерки о водителях автоколонны, о девушках-строителях и других трудовых коллективах полюбившегося ему Невинномысска. Одна из газетных статей называется «Парень из города энтузиастов».

14 апреля 1963 года газета «Молодой ленинец» наносит удар в спину недавнего сотрудника, опубликовав в номере статью «Талант — работник общества», написанную преподавателем кафедры марксизма-ленинизма СГПИ по заказу крайкома партии. Приведу одну-единственную фразу о творчестве В. Бабиченко из этого пасквиля: «Автор не идёт к живому современнику, не строит вместе с ним, не борется за утверждение коммунистической деятельности».

Этот лай обрушился на человека, для которого рабочая среда всегда оставалась до слёз родной и невероятно близкой по духу. Его стихи «Бытовки», «На танцплощадке в парке местном», «Как живёте, рабочие парни...» — это голос строителей и монтажников, среди которых поэт жил, с кем дышал одним воздухом эпохи.

Бытовки деревянные,
Что сбиты на «авось»...
Мне с разными ребятами
Бывать в них довелось.
Там вечно были отперты
Нехитрые замки,
Лежали там на отдыхе
Ночами мастерки.

Как по веленью щучьему
Не гасла печь зимой,
Там кто-нибудь подшучивал
Над кем-нибудь порой.
Стучали шашки по столу
И в горестный финал
Бывало, что апостолов
Там кто-то вспоминал.

Но не бросались резкими
Словами сгоряча,
А если правду резали,
То резали сплеча...
Там сладко пахли семечки
И дым от папирос.
Там в робе
 на скамеечке
Я не сидел,
 а рос.

1-4 декабря 1963 года краевое отделение Союза писателей провело семинар молодых литераторов. Вместе с председателем правления Союза писателей РСФСР Л.С. Соболевым в Ставрополь прибыла группа московских авторов: критики М.Р. Шкерин и Г.А. Колесников; прозаик Ариадна Громова, создавшая ряд глубоких научно-фантастических произведений: повесть «Глеги», роман «Поединок с собой»; поэты Виктор Гончаров и Александр Николаев, написавший знаменитое в ту пору стихот-

ворение «Моя рука»: «Я слышал одного юнца, что, не придав словам значенья, сказал для красного словца: «Я б руку дал на отсечение!» Послушай, друг! Когда война кончалась в Западной Европе, моя рука погребена была в засыпанном окопе... И я смотрю спокойно вдаль, постигнув гордых слов значенье. Смотри за что, а то не жаль и две руки на отсечение!»

Семинар длился три дня. Стихи Виктора Бабиченко получили на нём высочайшую оценку. Альманах «Ставрополье» № 1, 1964, напечатал два больших стихотворения поэта: «Невинномысск» и «Ласточки на проводах». Руководитель краевого Союза писателей Карп Григорьевич Чёрный в опубликованной в этом же номере статье «За идейность и мастерство» рассказал о многих участниках значимого для края события. А вот о поэте Бабиченко упомянул один раз, в общем списке: «Активными участниками семинара были также молодые поэты В. Бабиченко, Н. Хубиев...»

Мне почему-то кажется, что Карпа Григорьевича угнетала его вынужденная позиция по отношению к опальному Бабиченко. Ведь будучи главным редактором альманаха, Карп Чёрный уже в следующем номере подписал в печать статью Валерия Гейдеко «Заметки о «своей» поэзии», где дан объективный анализ творчества сразу нескольких ставропольских поэтов: «По причинам, о которых не принято говорить в критических статьях, новые стихи Бабиченко появляются в печати реже, чем того хочется. Но даже и то небольшое, что напечатано, радует... От горячих, взволнованных, но при этом часто описательных стихов он подошёл к умению осмысливать действительность» (Альманах «Ставрополье» № 2, 1964, с. 67).

Моё знакомство с Виктором Бабиченко случилось в стенах Ставропольского драмтеатра. Осенью 1967 года я устроился сюда рабочим сцены. В те дни В. Бабиченко ухаживал вместе с В. Колесниковым за актрисой Лидией Шапоренко. Два тётки-соперника часто навещали храм Мельпомены, всегда почему-то вместе, словно по тайному уговору.

Лида Шапоренко была на взлёте судьбы, карьеры, таланта. Она снялась в жёстком, чёрно-белом фильме А. Алова и В. Наумова «Мир входящему» в роли беременной немки, и

теперь всю наслаждалась киношной славой, что её и сгубило в конце концов. Я тоже приложил к этому руку, а точнее сказать ноги: как самый молодой в их компании, именно я мчался через заснеженный театральный сквер к угловому гастроному, чтобы, засунув бутылки в глубокие внутренние карманы пальто и скрывая их от глаз вахтёра на служебном входе, пополнить быстро исчезнувшие припасы алкоголя.

В сыром полуосвещённом подвале под сценой драмтеатра мы впервые услышали от Бабиченко только что написанное им стихотворение «Ностальгия», посвящённое Лидии Шапоренко.

Точка. Дайте лист больничный!
Пропишите мне Кубань!
Ностальгией искалечен,
припаду к её губам.
Там за садом,
как засада,
песня девичья –
ничья.
Там борщи хлебать засяду
за столы у казачья,
позабуду все невзгоды,
лживой женщины любовь,
там надёжней с каждым годом
отойдёт от сердца боль
по росе,
да по крапиве,
по зрачкам коней в ночном.
Там мы с тёткой выпьем пива,
жить по-новому начнём.
Ностальгия.
Ностальгия!
Как татарская орда,
отнимает дорогие
имена и города.
Точка.
Некуда.

Куда?
На Кубань,
где ветру тесно
умещаться в грудь мою,
где времён казачьих песни
с современными поют.
Где для счастья знают средство,
пляской душу веселят,
да на том стоят, что сердце
поценней, чем вся земля.

Была у меня с ним отдельная, один на один, встреча на проспекте Октябрьской революции. Я столкнулся с ним у магазина «Военная книга». Обменявшись рукопожатием, мы пошли из ложбины вверх мимо Дома офицеров, угловой аптеки, здания КГБ, детского кинотеатра «Орлёнок». Его отрывистые комментарии по ходу нашего продвижения свидетельствовали о неизбывной любви поэта к родному городу.

Возле так называемого дома полярного исследователя Виктор перестал давать объяснения и поинтересовался, как я попал в Ставрополь. Я бесхитростно поведал ему историю своего появления здесь. Бабиченко внимательно выслушал меня и с оттенком восхищения воскликнул: «О нет, ты не мудр, старик, ты мудёр!» Я был польщён... Теперь понимаю, что он насмеялся над восемнадцатилетним провинциалом. Хотя, по словам И. Аксёнова, «злым человеком назвать его нельзя было даже с натяжкой».

1969 — тиражом десять тысяч экземпляров выходит второй (как оказалось, последний) прижизненный сборник стихов В. Бабиченко «Подождите апреля» (Ставрополь). Сборник открывается надписью «Станиславу Борисовичу Соколову, его доброму сердцу посвящается».

С.Б. Соколов — именитый московский хирург ежегодно наезжал в Ялту не только отдыхать, но и работать по профессии. Именно он прооперировал Виктора. Операция, а она была не единственной, не помогла поэту.

Больница кашляла, стонала,
когда у жизни на краю
под белым-белым покрывалом
несли к ней молодость мою.

Хирурги медленно склонились
и завершили колдовство,
шептала няня: «Лишь бы вынес!
Помилуй, Господи, его!»

Это отрывок из стихотворения «Весло», вошедшего во вторую книгу. Сборник получился сильным и впечатляющим, хотя нашёлся рецензент, назвавший книгу «серой массой рифмованной мелочи».

В 60-е годы Виктор интенсивно переводил поэтов Карачаево-Черкессии: ногойцев Кельдихан Кумратову и Суюна Капаева, карачаевцев Назира Хубиева и Азамата Суюнчева. Часть переводов (а это треть книги) вошла в сборник «Подождите апреля».

1970 — Ставропольское книжное издательство выпустило книгу стихов «Сердце помнит», посвящённую памяти защитников Марухского перевала. В. Бабиченко — составитель и общественный редактор сборника. Есть там и его стихи: «Духовые оркестры», «Ледоход», «Невинномысск».

Вскоре он женится на юной Нелли Кирпиченко, которая, как и первая жена, была актрисой драмтеатра. Они переезжают в Крым, где в больницах Ялты станет стремительно истаять жизнь обречённого поэта.

Когда позволяло здоровье, он вёл переписку с земляками, в первую очередь с Виктором Колесниковым. Мне довелось увидеть эти письма.

Я посетил Колесникова за месяц до его смерти. Он выложил на кухонный стол несколько номеров журнала «Литературный Кисловодск» со своим рассказом «Сосны под снегом» и стопку писем Бабиченко.

И тут неожиданно для себя я открыл, что поэт Виктор Бабиченко был интересным и необычным художником. И сегодня перед моим мысленным взором легко возникает его

убийственно-странный рисунок: аллея кипарисов в виде выстроившихся в ряд хирургических скальпелей, на небе солнце, как круглая рана, а вместо прямых солнечных лучей идут по кругу стежки медицинских швов. Такой вот привет из Ялты.

— Если хочешь, возьми насовсем, — предложил Колесников.

— Журналы возьму, Витя, — согласился я. — А вот отобрать у тебя письма Бабиченко... Мне кажется, у меня нет на это права.

— Как знаешь, — не настаивая, сказал Колесников.

Разве мог кто-то предвидеть, что спустя месяц Колесникова не станет? А сам я даже не подозревал, что через несколько лет всерьёз и надолго займусь биографическим словарём «Ставропольские писатели». Французы называют это «ум лестницы»: то есть понимание приходит, когда ты вышел за дверь, на лестничную площадку, где разговаривать уже не с кем.

Последние крохи своей жизни Бабиченко потратил на подготовку к изданию сразу двух сборников: «Грустника» и «Весло».

Умер 7 июля 1973 года в Ялте. Там и похоронен.

Отправляюсь к славянам.
Ладью острогрудую ставлю.
Лажу парус косою.
И плыву в первобытную Русь.
Пусть за мной городов
равнодушные маски растают!
Пусть растает мой век
и простит, если я не вернусь.
Нятяни тетиву
мускулистыми пальцами, Время!
Я — стрела. Я пройду
сквозь упругую толщу веков.
Где-то веточкой стукнусь
о звонкую полночь апреля
и очнусь гуслиаром,
первобытным своим двойником.

Через пять лет Виктор Колесников предварит сборник рассказов «Одинокие птицы» (Ст., 1978) уведомлением «Светлой памяти»

ти Виктора Бабиченко – друга и поэта – посвящаю». Открывает книгу горький и мужественный рассказ «Везучий человек Генка», на который как бы спроецирована трагическая судьба друга.

1988 — благодаря заботам Г. Шумарова (он составитель и автор предисловия), выходит книга «Весло» – сборник стихотворений В. Бабиченко. «Практически собрание его сочинений», – без тени иронии отмечает В. Белоусов в юбилейной статье «Красивый парень Витя: к 60-летию молодого человека» («Ставропольская правда», 14 марта 1997). Р. Котовская и А. Мосинцев напишут эмоционально глубокие стихотворения, посвящённые памяти поэта Виктора Бабиченко.

2007 — в апрельском номере журнала «Наше Ставрополье» Елена Гончарова, родившаяся через год после смерти Бабиченко, представитель иного поэтического поколения, публикует к 70-летию поэта материал «Забытый юбилей, или Подождите апреля»: «Помню, как слышала то тут, то там в среде ставропольских писателей его фамилию, хороший, де, поэт был».

2012 — Северо-Кавказский федеральный университет содействует выпуску книги своего преподавателя Л.П. Егоровой «История литературы Ставрополя. XX век». Творчество В. Бабиченко рассматривается в ней в отдельной монографической статье.

2018 — выходит сборник статей Виктора Кустова «Русский манифест», где в материале «Литературный форпост» автор привёл неотразимый довод: «...поэзия Виктора Бабиченко могла звучать на равных на знаменитых турнирах в Политехническом музее. Но не дано было ему жить в столице, как и долгих лет, когда можно наработать своего читателя, дожить до широкого признания».

Меня восхищает картина наваждения, о которой вспомнил Георгий Шумаров, завершая предисловие к книге «Весло»:

«Прошло уже много лет со дня последней нашей встречи, а мне всё чудится, что он однажды подойдёт ко мне где-то у парка и скажет:

— Старик, хочешь новые стихи?»

**Батурина
Татьяна Петровна**
1928 — 2015

Её статьи о ставропольских авторах – это всегда очень серьёзный разговор без скидок на периферийность.
Карп Чёрный (1982)

К полувековому юбилею краевой писательской организации Татьяна Батурина написала автобиографию для буклета «Писатели Ставрополя»:

«Я родилась 13 января 1928 года в г. Баку. Отец умер, когда мне не было ещё двух лет, и всё, что есть в душе доброго, пришло от матери.

Она же привила любовь к книгам. Вечерами семья собиралась у высоченной, железом обитой печки, которая более занимала места, чем давала тепла, и мать читала вслух романы своего любимого Диккенса. А недалеко от печи обитал громадный книжный шкаф.

И ещё, я думаю, на склонности ума и сердца влияло море: улица, на которой мы жили, притулилась к грузовой пристани, и мы существовали в атмосфере неумолкающего морского гудения. Уже давно на этом месте выстроен Дворец Советов – ничего не осталось от моего детства, кроме воспоминаний».

В 1941 году новым местожительством для тринадцатилетней Татьяны становится город Ворошиловск (Ставрополь). Здесь она прожила годы войны. В победном 1945-м получила аттестат зрелости. В отличие от других выпускников профессию не выбирала.

«Решение заниматься литературой пришло рано. В третьем классе, вероятно, потому, что мне подарили общую тетрадь, я начала вести дневник, где и записала, что буду учительницей литературы и писателем.

Как ни странно, это детское желание в какой-то степени осуществилось. Всю свою жизнь я работала в педагогическом институте. А писала с самых малых лет – всё, что при-

дётся: стихи, рассказы, повести, даже пьесу. Но, очевидно, у меня тогда уже было известное критическое чутьё – писания свои я никуда не посылала...»

В 1945 году очаровательная худенькая девушка из Ставрополя поступила в Московский государственный университет им. Ломоносова на филологический факультет. Несмотря на трудный послевоенный быт, училась жадно и старательно.

«Она вышла в число лучших и по учёбе и по общественной работе. Стала получать стипендию имени В.Маяковского. Товарищи по учёбе избрали её членом факультетского бюро ВЛКСМ», – рассказывает Карп Григорьевич Чёрный в книге «Творчество» (Ст., 1982, с.50).

В 1950 году Т. Батурина успешно окончила университет, а в 1953-м – аспирантуру при кафедре советской литературы. Ещё через год защитила кандидатскую диссертацию на тему «Рассказы Горького периода революционного подъёма».

1955 – спустя десять лет после отъезда из Ставрополя вернулась на родину. Год проработала в газете «Ставропольская правда» литсотрудником. Тогда же впервые начала печататься как литературный критик, разбирая в небольших газетных публикациях стихи А. Исакова, очерки Б. Речина, прозу С. Бабаевского.

1956 – ещё год отработала старшим преподавателем кафедры зарубежной литературы в Ставропольском институте иностранных языков, прежде чем надолго связала судьбу с другим учебным заведением. В альманахе «Ставрополье» № 14 дебют молодого критика – большая обзорная статья «Поэзия Андрея Исакова».

В 1957 году Т. Батурина – старший преподаватель Ставропольского педагогического института, позже – доцент кафедры русской литературы. Её приятельница по работе в редакции «Ставропольской правды», краевед Тамара Коваленко оставила живописную картинку тех лет: «Надо признать, Татьяне Петровне нелегко жилось. Постоянно занятая творчеством и основной работой, она, не унывая, умела выкраивать время и для домашних дел. Причём и то и другое удачно сочетала. Как-то заглянула к ней, а она хлопочет на кухне – печёт пирог и попутно готовится к лекции: на столе лежит том Достоевского, открытый на

нужной странице» («Ставропольская правда», 21 сентября 2000).

1967 — в краевом издательстве выходит первая книга Т. Батуриной «Вторая встреча с Кавказом», посвящённая жизни и творчеству М. Горького в период его пребывания на Кавказе.

Уже через год появляется следующая книга «Останови мгновение» (Ставрополь). В ней автор делится мыслями о современном искусстве и воспитании эстетического вкуса у молодёжи.

1970 — по двум этим изданиям Т. Батурина принята в Союз писателей СССР и со временем становится одним из ведущих литературных критиков края.

В 1973 году вышла книга «И сердце, и интеллект» (Ставрополь), а в 1977-м — «Факел в сердце» в издательстве «Советский писатель» (Москва).

«Радость, которую вызывало общение с книгами, — пишет она в «Автобиографии», — побуждала поделиться ею с другими. Из этого чувства и родилось стремление к популяризаторству.

Сказать просто о сложном, — так я обозначила бы методику своей работы. И когда моя книжка «Факел в сердце» была удостоена высшей из присуждённых премий (второй) на Всесоюзном конкурсе Союза писателей СССР и Госкомиздата СССР на лучшую книгу о социалистическом реализме, я как бы получила поддержку в своих стремлениях».

1978 — награждена за педагогическую деятельность знаком «Отличник народного просвещения».

1979 год отмечен книгой «Приглашение на стеклянную гору» (Ставрополь) с подзаголовком «Портреты писателей». Очерк «Гавань мастеров» глубоко и реалистично воспроизводит творческий облик Андрея Губина.

1982 — в краевом центре к 45-летию Ставропольской писательской организации публикуют книгу «Творчество». В ней 29 очерков обо всех здравствующих на тот момент членах СП края плюс шесть очерков о писателях, уже покинувших бренный мир. Это А. Бибик, А. Исаков, Э. Капиев, В. Марьянский, В. Туренская, И. Чумак.

О Татьяне Батуриной поведал Карп Чёрный. Двух преподавателей пединститута связывают добрые, дружественные отношения. Именно Карп Григорьевич рекомендовал коллегу в

Союз писателей. А в награду за безупречный труд в деле воспитания студентов-филологов она обрела звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

«Мне кажется, – пишет краевед Т. Коваленко, – Татьяне Петровне нравилось дружить с писателями старшего поколения, особенно с прошедшими революцию, гражданскую войну, имеющими за плечами большой жизненный багаж. Нередко можно было встретить их с Карпом Григорьевичем Чёрным, тоже учёным, преподававшим иностранную литературу. Иной раз смотришь: идут по площади Ленина после занятий, о чём-то увлечённо говорят, и кажется, никого и ничего вокруг себя не замечают.

Не раз видела, как из её калитки выходил с картонной папкой, какие обычно в книжном издательстве водились, Михаил Васильевич Усов. Конечно же, ему не безынтересно было услышать мнение квалифицированного критика о своём произведении» («Ставропольская правда», 21 сентября 2000).

Михаил Усов предоставил Батуриной вторую рекомендацию для вступления в Союз писателей, и с тех пор регулярно искал и находил у набирающего силу критика помощь и содействие.

1983 - в краевом издательстве выходит шестая книга Т. Батуриной «Дело нашей жизни». Как разъясняет аннотация, «в новой книге автор поднимает сложные вопросы воспитания у современной молодёжи подлинной гражданственности, преданности коммунистическим идеалам, честности, благородства».

Ни тогда, ни сейчас я так и не смог осилить эту книгу полностью, Татьяна Петровна, член КПСС с 1961 года, всегда относилась к коммунистической идеологии с пониманием, охотно цитировала в своих работах классиков марксизма-ленинизма, но здесь она превзошла себя. «Читайте Ленина, часто, много и основательно читайте Ленина!» – вот главный совет автора молодым современникам.

Если вспомнить, что через восемь лет уже не будет ни страны, ни идеологии, то как-то странно звучит этот истовый призыв, хотя на основе собранных материалов в серии «Замечательные люди Ставрополя» выйдет в 1989 году документальная повесть «Александр Божко» о народном учителе СССР из Кисло-

водска. Зато предыдущая, седьмая книга Т. Батуриной «Пока дышу...» (Ст., 1987) не на шутку увлекла и взволновала меня. Это сборник превосходных литературно-критических очерков о писателях, чья судьба напрямую связана с нашим краем.

Год 1990-й оказался переломным – для страны, для Союза писателей, для моей героини. Татьяна Батурина навсегда покидает Ставрополь. Местом её проживания становится Санкт-Петербург. Накануне отъезда совершает последнее доброе дело здесь: пишет рекомендацию в Союз писателей СССР Николаю Ляшенко. «Делаю это с удовольствием, – пояснила она оробевшему просителю, – потому что читала ваши публикации. Убедена, Коля, вы писатель с будущим». И ведь не ошиблась!

Её внезапный отъезд огорчил многих литераторов края, меня в том числе, которого успела-таки прижечь клеймом своего таланта в одной из газетных статей. Но больше всех кручинился Тимофей Шелухин. «Уехала от нас Татьяна Батурина, и нет больше на Ставрополье литературной критики», – не раз повторял он в печали.

За двадцать пять лет, прожитых в Петербурге, Батурина удвоила количество выпущенных ею книг; назову наиболее значительные из них: «Тайны писателя Алексея Бирика» (2001) , «Ратоборцы слова» (2008). Здесь она стала членом-корреспондентом Петровской Академии наук и искусств, лауреатом Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского.

Умерла 20 ноября 2015-го, на восемьдесят восьмом году жизни.

Много лет назад я любил наблюдать за ней в те мгновения, когда Татьяна Петровна вела беседу с кем-то из подопечных в помещении краевого СП на проспекте К. Маркса. Прямая, статная, в светлом в чёрную крапинку костюме с аккуратно уложенными тёмными волосами вокруг серьёзного круглого лица, с которого, казалось, никогда не сходило выражение приязни и внимания к вам, Батурина могла расположить с себе любого. Студенты пединститута обожали её, а многие писатели побаивались: красивая, умная, талантливая женщина — это ведь такая редкость.

Батчаев
Мусса Хаджи-Кишиевич
1939 - 1981

*Сам уход его — от заземлившейся
молнии высоковольтной линии
в шесть тысяч вольт —
был кричаще несправедлив.
Казалось, он в очередной раз
мистифицирует, — он,
так часто игравший в своих
рассказах и повестях со смертью.*
Фатима Урусбиева

Летом 1981 года писатель Александр Поповский огорошил меня известием о гибели Муссы.

Четырнадцать лет назад мы, трое, познакомились друг с другом на краевом семинаре молодых писателей в Пятигорске. За минувшее время именно Мусса взлетел выше всех в литературное поднебесье: в прозе, критике, поэзии, драматургии. Указатель литературы «Писатели Ставрополья» (1974) отвёл ему четыре плотно набитые информацией страницы.

Он умер за десять лет до развала Советского Союза, когда его любимая Карачаево-Черкессия была частью Ставропольского края. Необходимость биографии Муссы в словаре-справочнике «Ставропольские писатели» не вызывает у меня ни малейшего сомнения.

Как большинство талантливых людей, он родился в понедельник, 2 октября 1939 года в ауле Кумыш Карачаево-Черкесской автономной области. Мусса был первым из внуков, и властная бабушка, довольная его появлением на свет, проворно организовала праздник для всего аула.

«Пригнали с гор бычка, наварили из молодого зерна крепкой бузы, собрались уважаемые аульчани. Самый древний из них, почтенный Мисир, по просьбе бабушки первым сказал тост у моей колыбели. Мир и покой пожелал Мисир каждому дому и

лёгкой счастливой судьбы всем новорождённым... Лёгкой судьбы ни у меня, ни у моих сверстников не получилось» (Предисловие к книге «Серебряный дед». М., «Современник», 1976 г.)

1943 – три недели, со второго ноября по 22-е, продолжалась принудительная депортация карачаевцев из родных мест в малонаселённые районы Казахстана и Киргизии. Судьбу своего народа сполна разделил четырёхлетний Мусса.

Трагическое для карачаевцев событие неброским акварельным фоном отметится во многих произведениях Муссы: «Дома-лай в чужих краях поклялся, что если снова окажется на родине, то никакая сила не унесёт его от неё так далеко, чтобы он не мог утолить жажду водой из Кубани» («Хочалай и Хур-Хур»).

1957 – 9 января в связи с возвращением карачаевцев из ссылки Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о преобразовании Черкесской области в Карачаево-Черкесскую автономную область.

1958 – девятнадцатилетний Мусса становится студентом филологического факультета Карачаево-Черкесского педагогического института. Во время учёбы принимал активное участие в фольклорных экспедициях. Через десять лет часть собранного материала появится в книге «Горы и нарты».

В общежитии пединститута им написаны первые стихотворные строчки. «Случайно и неожиданно», уверял он и в доказательство не раз приводил забавную улику.

В одной комнате с ним жили два студента, уже заражённые вирусом стихотворчества. Их литературное соперничество и громкое чтение собственных виршей мешало спать Муссе по ночам.

– Выход был один: стать здесь третьим поэтом. И я тоже взялся за перо.

Так на страницах областных газет появились первые стихи и рассказы М. Батчаева. Огромную поддержку в период становления оказали молодому писателю две неординарные женщины: Людмила Петровна Егорова, институтский преподаватель литературы, и Халимат Башчиевна Байрамукова, ставшая членом Союза писателей СССР в год рождения Муссы, а с 1944 по 1957 – учительница русского языка в одной из школ Казахстана.

1963 – после окончания института стал преподавать в

Кумышской средней школе русский язык и литературу.

1965 — в редакцию альманаха «Ставрополье» пришло из аула Кумыш несколько машинописных страниц. Прочитав их, Игорь Романов, ответсекретарь альманаха, поделился своей радостью с Вадимом Белоусовым, членом редколлегии:

— Нет, ты посмотри какой язык! И ведь не перевод. Сам по-русски пишет. Хорошо, если бы все русские писатели так языком владели. А характеры какие!

1966 — дебют Муссы в альманахе «Ставрополье» №1. Опубликованы пять миниатюр, пять ёмких новелл. Все они связаны с военным временем и похожи на строгие кавказские чеканки по металлу.

Уже с первых шагов Муссы в литературе вокруг него стали складываться легенды. Георгий Шумаров вспоминает: «В середине шестидесятых я узнал от работников книжного издательства, что к ним поступила интересная рукопись молодого карачаевского писателя Муссы Батчаева. Меня попросили прочесть рукопись. Поговаривали, что у Батчаева есть повесть с дерзким названием «Тринадцать лет без Эльбруса» - намёк на выселение. Когда я взял рукопись, этой повести в ней уже не было. Тема выселения карачаевцев была по тем временам наглухо закрыта... В рукописи самой значительной была повесть «Когда осуждают предки», с которой, по крайней мере для меня, и начался прекрасный карачаевский писатель Мусса Батчаев».

1967 — 19 сентября газета «Ставропольская правда» публикует обширную статью Петра Мелибеева «Талант, трудолюбие, взыскательность. Навстречу краевому семинару молодых писателей». Основное внимание рецензента сосредоточилось на повести «Когда осуждают предки»:

«Язык повести образный, сочный, часто афористичный. И самое замечательное — Мусса Батчаев, пользуясь русским языком, воссоздаёт склад, ритм самобытной, по-восточному цветистой карачаевской речи (что очень редко удаётся переводчикам), и это украшает произведение, делает его достоверным».

В начале октября Мусса едет в Пятигорск для участия в работе семинара. Московский писатель Лев Кривенко и критик «Литературной газеты» Геннадий Красухин дают очень

высокую оценку его работам, хотя нашлись у них ободряющие слова и для нас с Поповским.

В сдвоенном альманахе «Ставрополье» № 3-4 напечатана повесть «Когда осуждают предки». Мусса уверенно, с открытым забралом вступает в мир литературы.

1968 — одновременно выходят в свет две книги: стихотворный сборник «Раздумья» (Черкесск) на карачаевском языке и книга прозы на русском — «Быть человеком» (Ставрополь). Я насчитал более десятка серьёзных рецензий на книгу «Быть человеком» в краевой и центральной прессе.

Однажды Вадим Белоусов при встрече поинтересовался у Муссы: почему тот, блестяще владея русской речью, стихи пишет исключительно на родном языке.

— Поэзия требует гораздо более точного ощущения слова, чем проза, — ответил Мусса.

1969 — Ставропольское книжное издательство выпускает стотысячным тиражом книгу «Горы и нарты». Одиннадцать легенд принадлежат перу М. Батчаева, десять — журналистке Евгении Стефанеевой. Авторы создали колоритный, запоминающийся мир нартов и амазонок, мир романтических преданий Пятигорья и Карачаево-Черкессии.

1971 — принят в члены Союза писателей СССР.

В Черкесске публикуют коллективный сборник «А цветы жили...» В него вошли произведения четырёх авторов: Ф. Абдулжалилова, А. Охтова, В. Филипенко и М. Батчаева («По закону жизни», «Серебряный дед», «Белая скала»).

Альманах «Ставрополье» № 3 знакомит читателя с рассказом «Хочалай и Хур-Хур». Слова, сказанные автором в уже упоминаемом предисловии, можно отнести и к этому произведению: «Многие герои мои очень молоды. Они ничего не успели ещё совершить в жизни, но чутки к добру и злу. Встречаясь с трудностями, они начинают серьёзно задумываться о жизни. Конечно, есть на свете слабые, никудышные люди... Но я пишу о тех, кто выдерживает испытания своей нелёгкой судьбы».

1972 — 20 мая в газете «Ставропольская правда» можно прочитать интервью с писателем М. Батчаевым «Быть на земле человеком».

На карачаевском языке выходит сборник повестей Муссы «Наши земляки» (Черкесск).

30 декабря газета «Молодой ленинец» сообщает «О присуждении М. Батчаеву премии Александра Скокова, учреждённой Ставропольским крайкомом ВЛКСМ, за сборник «Быть человеком» и повесть «Когда осуждают предки».

Странная формулировка! — если учесть, что повесть «Когда осуждают предки» составляет основу сборника «Быть человеком».

В апреле 1975 года у меня была защита диплома. В общезжитии Литинститута столкнулся с Вадимом Куропаткиным; он предложил навестить Муссу.

Мы поднялись на седьмой этаж, где в комфорте: каждый в отдельной комнате, — проживали слушатели Высших литературных курсов. Мусса беседовал с двумя серьёзными, неулыбчивыми земляками. Нас встретили крайне сдержанно. Хозяин выглядел постаревшим и измученным: казалось, что-то померкло в нём. В гостях мы пробыли недолго.

— Что с ним? — с тревогой спросил я в тёмном коридоре. — Куда испарились веселье, ирония, живой характер?

— Неладья на родине, — хмуро пояснил Вадим. — Завидуют сволочи таланту. Одни обвиняют в махровом национализме, другие, что проданся русским. Ему бы в Москве остаться... Вон Боря Примеров или Юрий Кузнецов здесь сразу в гору пошли. Да ведь не останется никогда... — с сожалением подытожил Вадим. — Не сможет он второй раз без Карачая.

1976 — журнал «Юность» № 4 напечатал повесть «Элия», впервые появившуюся два года назад в альманахе «Ставрополье». Это очередной шедевр Муссы, одно из лучших произведений советской литературы тех лет в жанре повести.

В издательстве «Современник» тиражом тридцать тысяч экземпляров, выходит белоснежный, радующий глаз томик под названием «Серебряный дед», главное прижизненное издание Муссы Батчаева.

«У моего поколения не было детства, — пишет он во вступительном слове. — Война не дала нам, как следует вырасти. Мы на целую голову ниже тех, кто родился после победы. Мы раньше седеем. Беда войны не кончается вместе с войной. Всякая война

рано или поздно кончается, но беда её остаётся на долгие годы».

Шесть лет спустя после гибели Муссы издательство «Современник» опубликует более полную версию однотомника под названием «Быть человеком» (1987) тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. Факт переиздания книги в столице через несколько лет после смерти автора наглядно свидетельствует о масштабах его личности и таланта. Исчерпывающе глубокое предисловие «Вершина и склоны» напишет к сборнику Игорь Штокман:

«У прозы Батчаева был свой мир, своя маленькая вселенная с границами родной Карачаево-Черкессии и центром, сердцем - аулом Кумыш. В сущности Батчаев писал одну и ту же вещь — некую сагу о своём крае и его людях. Он шёл в этой саге от рассказа к рассказу, от повести к повести, и вели его поводыри очень надёжные и испытанные, лучшие для писателя поводыри, — Любовь и Знание.

Внутренний голос прозы Муссы Батчаева всегда был очень естественен и доверителен... В нём не чувствовалось дистанции, разрыва меж читателем и автором. Автор всё время был словно рядом с тобой, ты чувствовал на своём плече тепло его ладони, потому что Батчаев верил в читателя и любил его так же полно и открыто, как и своих земляков. У этой веры и любви никогда не было осторожных оговорок, оглядок через плечо — были простота и надёжность сильного чувства, сильного человека».

Закончив Высшие литературные курсы, Мусса поступил на семинар драматургов при ГИТИСе. Перевёл на карачаевский язык «Хитроумную влюблённую» Лопе де Вега. Написал несколько своих пьес: «Айшат», «Честь и судьба», «Особые обстоятельства».

Театр Муссы Батчаева — это, по словам Фатимы Урусбиевой, театр-колокол, театр-праздник, участвуя в котором «толпа превращалась в нацию».

Но премьеры пьес и новые публикации писателя неизменно порождали поток анонимок. Начиналось нечто невообразимое... В присутствии сотрудника обкома КПСС эти доносы старательно разбирались на долгих, изматывающих душу Муссы заседаниях, с обязательной записью обсуждения на магнитофон. И ведь чем весомее звучало имя писателя за пределами Карачаево-Черкессии, тем азартнее гнобили Муссу на родине.

1980 — в журнале «Дружба народов» № 1 Казбек Султанов, литературный критик из Дагестана, написал:

«В последние годы имя Батчаева непременно упоминали в разговорах о молодой прозе Северного Кавказа. Сегодня, думаю, Батчаев уже несколько перерос молодую прозу и стал интересным, ищущим художником».

Осенью в областной газете появилась присланная из Ставрополя статья В. Белоусова «Зрелость». Вадим гордился, что успел-таки сказать важные и справедливые слова при жизни писателя.

В ноябре Мусса откликнулся письмом:

«Я уехал в Тбилиси, вернулся через полмесяца. Ещё в районе автовокзала меня стали поздравлять еле знакомые товарищи, а друзья тем более. И для меня теперь, после паблисити, которое ты устроил, число приветливых крыш в наших аулах удвоилось, утроилось несомненно. Всё, что можно сказать хорошего о товарище Батчаеве, сказано в полной мере, читать даже мне самому всё это можно было не краснея, потому что нет патоки, газетного пафоса, высоких фраз, общих мест и т.д.»

Обратите внимание, Мусса подчёркивает отношение к себе простых людей из аулов, для которых он действительно стал народным писателем, а о творческих работниках области даже не вспоминает.

1981 — пишет публицистические статьи, посвящённые судьбе народа: его прошлому, настоящему, будущему, работает над романом «Горизонт бескрылых», который так и останется на письменном столе незаконченным.

Мечтает посадить в родном ауле фруктовый сад у дороги, а в нём возвести Приют писателей, в котором могли бы жить, творить, общаться между собой приглашённые им единомышленники. Сколько надежд, чистой веры и благородства в его блистательной задумке!

Но поднятый кузов самосвала со щебнем оборвал провод высоковольтной линии, а с ним — жизнь мудреца, не слишком удобного властям, но с которым отождествляла себя часть карачаевского народа.

Безутешная Халимат Байрамукова назвала некролог, посвященный Муссе, «Мелькнувшая молния». «Он шёл от лич-

ного к общечеловеческому, — пронизательно отмечает она, - и избегал даже малейшей надуманности...»

Жизнь между тем продолжалась...

«Горько вспоминать, — пишет ногайский писатель Иса Капаев, - что враги торжествовали и после его смерти. Они проводили себе пышные юбилеи, присваивали звания и были убеждены, что они — корифеи литературы. Они скомкали его 50-летие. Многие в 1989 году хотели отдать должное таланту Муссы Батчаева, но прижизненные злопыхатели всячески воспрепятствовали.

Ничтожные и беспринципные литераторы, всю жизнь профанирующие себя общественности писателями, наивно думали, что навесив на своё бездарное творчество звания, ордена и медали, они стали достоянием народа. Ан нет! Они были и остались всего лишь мелкими насекомыми — паразитами на народном теле.

«Серебряный дед», «Когда осуждают предки», «Мои земляки» — вот настоящие духовные, эстетические, художественные ценности. И дай Бог, чтобы у нас появились государственные мужи, ясно понимающие это!» («Голос Кавказа» № 1, 2007. Пятигорск).

У меня сохранилось несколько писем Муссы. Прежде чем целиком озвучить одно из них, необходимо пояснение.

Когда мы разъезжались после завершения семинара из гостеприимного Пятигорска, Мусса попросил у меня рукопись «Натюрморта любви». Я дал, хотя не помню теперь, чем он аргументировал свою просьбу. А вскоре я решил поступать в Литературный институт им. Горького и начал собирать необходимые документы. Тут-то и понадобился мне недостающий экземпляр «Натюрморта», о чём я написал Муссе.

5 декабря 1967 года из аула Кумыш пришёл ответ:

«Привет!

Режь меня, но не могу не огорчить тебя. Понимаешь, какая оказия с рукописью — сестра моя увезла её с собой во Фрунзе (она там учится). «Почитаю девчонкам!» - сказала она и я, растяпа, не догадался, что она (рукопись) может оказаться тебе позарез необходимой.

Режь, старик, но «Натюрморт любви» так скоро нам не достать. Может быть, именно сейчас читают эту штуку студентки далёкой Киргизии.

А не утешит ли тебя немного то, что сестра моя имела доступ и к моим рукописям, но увезла для подруг именно твою.

Не сердись, хорошо?

Пара вопросов: почему ты оказался в Ставрополь-граде? Работаешь? Что написал? Черкни об этом, если есть время, я это приму как знак того, что ты меня прости.

Что-то хотел тебе сказать, никак не вспомню. Но давай руку! До следующего раза!

Как смотришь на то, что завалюсь к тебе в гости, если буду в Ставрополе?

Ещё раз - привет.

31.XI.1967. Мусса Б.»

Думаю, нелишним будет познакомиться с другим его письмом ко мне, написанным 4 февраля 1968 года:

«Привет, борода!

Был в Ставрополе, не смог заглянуть, хотя это было в моих планах. Карпов сказал, что скоро будет тебе своя келья. Желая побыстрее.

Как пишется? Какие новости? Помню, писал ты повесть – отправил в Москву? Как? Есть надежды? Каково у Поповского? Видишься ли с ним? Если да, - привет ему!

Сам перешёл на другую работу, в Союз писателей в Черкесске. Придётся тебе писать: Черкесск, востребование, мне.

Пишу весёлую повесть. Смеяться будут. Добьюсь ли чего-нибудь большего – не знаю. К осени закончу. Просмотришь – скажешь мнение.

Привет Карпову. На сём пока.

Жму. Жду. Жми! Мусса .»

И было это полвека назад... А сердце щемит так пронзительно и беспощадно, будто мы только что распрощались друг с другом после пятигорского семинара и заряжённые его энер-

гией устремились к письменным столам, к чистому листу бумаги, — в неумный праздник повседневного творчества!

Как выразился наш общий с Муссой друг Георгий Шумаров:

— Из того, что безвозвратно минуло, более всего жалко молодости, когда всё было по плечу и не было ничего неодолимого с точки зрения поставленной творческой задачи.

*Ставропольские писатели
на старом пятигорском кладбище.
Октябрь, 2008 г.*

**Бахтинов
Андрей Дмитриевич
1946 - 1993**

*В его стихах столько глубокого,
искренного чувства,
что комментарии к ним
действительно излишни:
Андрей Бахтинов —
подлинный талант-самородок.
Светлана Солодских (2006)*

Он родился 6 сентября 1946 года в ставропольском селе Труновское (известном ещё как Терновка) в доме по улице Лермонтова, 72. Здесь же, после неоднократных скитаний по просторам Советского Союза, оборвётся в абсолютном, казалось бы, забвении тернистый путь никому неизвестного поэта.

Было что-то во мне от неба —
От высокой его судьбы,
Пусть известным поэтом я не был,
Но поэтом я всё же был!

И за страстную жажду эту
Высоты
До последних дней —
Наградите меня...
Посмертно
Доброй памятью обо мне.

Отец, Дмитрий Андреевич Бахтинов, вернулся с войны инвалидом — без ноги. Это не помешало ему стать ездовым в колхозе. Иногда рассказывал сыну о пройденных дорогах. Теме Великой Отечественной войны Андрей посвятит многие стихотворения.

Наш первый след был на земле от следа
Солдат войны – и мёртвых, и живых.
Мы – первые наследники Победы,
Зелёные ростки сороковых...

Мать, Марфа Михайловна, «женщина с русой большой косой», образования не получила, трудилась разнорабочей. В минуты отдыха с завораживающей сердечностью исполняла русские народные песни. Приохотила к ним сына-первенца.

Ах, русские песни! Как птица влёт
Я ими на счастье ранен.

«Наш соловушка идёт», - говорили односельчане, когда парубок Андрей красивым сильным голосом пел по вечерам на уличных гуляниях молодёжи. Позже напевные стихи А. Бахтинова с удовольствием переключивали на музыку местные композиторы.

С 1953 по 1960-й – ученик Труновской семилетней школы. С отличием закончил её и поступил в Новочеркасский геологоразведочный техникум на отделение разведки полезных ископаемых.

1962 – неожиданная смерть отца вынудила Андрея бросить учёбу. Мать осталась с тремя детьми: десятилетняя Нина, Алексей – восьми лет, Михаил – четырнадцати. А помочь им кроме него, старшего брата, некому.

Работал грузчиком, плотником, механизатором. Физический труд никогда не был ему в тягость. Без отрыва от производства получил среднее образование в вечерней школе. Вот что рассказывает о днях учёбы дальний родственник поэта Иван Иванович Бахтинов, глава Труновского сельсовета в 2005 – 2014 годах:

«Когда мы писали сочинение, то он никак не мог остановиться. Так распишется, что просит добавочные листы. А бумага была со штампом, каждая страница на учёте, и учителя морщились, но выдавали. Уже тогда при нём записная книжечка всегда... Наблюдательный был: визуально увидит что-то, на ходу обработает, раз – и уже стих. Всё из жизни написано, всё от души. Гордимся, что у нас такой земляк.

Благодаря ему, нашу маленькую Труновку знает вся страна. Он до Москвы дошёл, может и дальше пойдёт...»

1963 – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 февраля Труновский район упразднён (такое положение сохранится до 14 декабря 1970 года). Труновский сельсовет вошёл в состав Изобильненского района. Дебют молодого поэта состоялся в Изобильненской районной газете «Заря коммунизма» в 1966 году. Всего под псевдонимом Дмитрий Коршун он опубликовал здесь 29 стихотворений. Дмитрий – это имя отца. Непонятно почему Коршун? Ведь любимой птицей Андрея всегда оставался журавль.

Однажды прочитал о журавлином вече: 13 сентября, по верованиям русского народа, журавли собираются на болотах и держат совет: лететь ли на юг... С тех пор во многих стихах очарованного преданием поэта поселились журавли.

И поверь мне, совсем не кручинюсь,
Сто синиц под рукой упустив,
Что все песни мои получились
На один журавлиный мотив.

Может, были б удачней другие,
Но – не те, и, прошу извинить,
Счастлив я, что во мне ностальгия
По высокому небу звенит.

Последние две строчки выбиты на могильном камне поэта.

1965 – в 19 лет Андрей женится на девушке, которую любил ещё в школе. Светлана была на год моложе.

1966 – принят в Дом культуры на должность культпросветработника. В то время (с 1960 по 1985) сельский ДК размещался в Покровском храме села Труновское.

1970 – рождение дочери Галины.

Географию трудовых путешествий Андрей начал вместе с семьёй с Украины. Работал сверловщиком на Днепропетровском заводе металлургического оборудования. За Украиной последовала Татарская АССР - управление стро-

ительства «КазаньГЭСэнергострой» в Набережных Челнах.

1977 – прожив совместно 12 лет, супруги развелись в тот год, когда дочери Галине приспела пора идти в первый класс. В настоящее время мать с дочерью живут в Михайловске. Светлана парализована; у неё есть внучка Олеся. На мероприятия, посвящённые 70-летию Андрея Дмитриевича, никто из них не приехал.

«Оба очень переживали разрыв, - вспоминают члены инициативной группы, созданной в Труновском для сохранения творческого наследия поэта. – Андрей и после развода посвящал стихи Светлане.

Вот и встретившись в грустной ночи
На каком-то случайном вокзале,
Мы с тобой о вчерашнем молчим,
Понимая друг друга глазами.

В серебринках твоя голова,
И моя, милый друг, стала белой,
Но на школьном подворье листва
В нашей памяти не облетела.

Светлана, читая их напечатанными в газете, плакала и тайла эти публикации от дочери, чтобы не ранить восприимчивое девчоночье сердце. Каждый из бывших супругов попытался начать жизнь с чистого листа, создать новую семью. Но из этого ничего не вышло – видно, не судьба».

Страсть к путешествиям, которая всегда жила в Андрее, после развода со Светланой стала нестерпимой. Она погнала его по стране всё дальше и дальше от родимых мест, пока не привела в Красноярский край.

Андрей прошёл его с механизаторами и строителями от Шарыпова до Игарки. Убирал сибирский хлеб, в связи с чем Николай Блохин, известный на Ставрополье литературовед-исследователь, доказывал мне, что стихотворение «Комбайнёры» написано в Сибири. Работал в химлесхозе на лесопильном участке, на бондарном заводе в Дурмине.

Захолустье, увы, захолустье...
Студит осень таёжную грусть.
Утром кони склоняются грустно
К зеркалам затуманенных луж.

Это из стихотворения «Осень в Дурмине». А стоило поэту попасть в город энергетиков Дивногорск на самую большую в мире Красноярскую ГЭС, где он оформился на работу в бригаду бетонщиков, и у него рождаются такие строчки:

Мы здесь за молодость платили
Нет, не казною золотой –
Крутою радугой плотины
Над енисейской водой.

Я берегу на грошик жалкий,
А ту весну, какой богат,
Как от лучей электросварки
В лице пожизненный загар.

Знаю, что история не терпит сослагательного наклонения, а всё-таки сожалею о том, что в жизнь поэта вошла Красноярская ГЭС, а не расположенная рядышком Ставропольская ГРЭС. Убеждён, если бы Бахтинов появился на нашей станции, я сумел бы ввести его в круг ставропольских писателей. Между тем жизнь его проходила вдали от нашего края. Хотя он регулярно приезжал сюда в отпуск, а иногда и на более продолжительное время.

1987 – в начале года отправил в альманах «Ставрополье» шестьдесят стихотворений. В феврале ответсекретарь С. Бойко вернул их с напоминанием, что альманах не предназначен для издания книг, пусть автор отберёт и пришлёт пять лучших, как он сам считает, стихотворений.

Странно... Перед тобой рукопись талантливого неординарного автора. Зачем возвращать её? Что мешает самому отобрать пять стихотворений для публикации? Тем более, что ответсекретарю альманаха как раз за это ежемесячно выплачивают зарплату. А если вдруг ты, писатель-популяризатор, сомневаешься в своём

художественном вкусе, попроси помощи у В. Колесникова, профессионального редактора, который сидит в комнате напротив.

Следует учитывать и меркантильную сторону вопроса. Публикация в альманахе в советское время хорошо оплачивалась, а стихи А. Бахтинова могли претендовать на место, уже предназначенное и отведённое кому-то из своих.

Как тут не вспомнить скандал, учинённый Раисой Котовской лет за десять до этого, в дни когда Центральный Комитет КПСС принял постановление «О работе с творческой молодёжью».

- Гады! Устроили из альманаха собственную кормушку! – кричала поэтесса руководству краевого Союза писателей. – И даже близко нас, молодых, не подпускаете к этому корыту.

Опасаясь ненужной огласки, редакционная коллегия альманаха пообещала напечатать подборку стихов Р. Котовской, кроме того ей, расточая комплименты, вручили путёвку для участия в зональном семинаре молодых литераторов Центра и Юга России (г. Пенза).

А. Бахтинов, оставаясь в глубине души бесхитрым сельским жителем, даже не предполагал, что поэту, кроме таланта, требуются ещё какие-то качества...

С какой горечью высказал своё прозрение Лев Озеров:

Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

Поэт Бахтинов превзошёл в мастерстве многих ставропольских коллег. Трагедия Андрея в том, что он так и не достиг своего потолка. Отсутствие полноценной творческой среды остановило его на пути к вершине заложенных в нём возможностей. Поэты-дилетанты из рабочей среды не могли соперничать с ним в мастерстве стихосложения, а общение с редакторами провинциальных газет, где он время от времени печатался, ничего не добавляло к его развитию: он давно перерос оробелых акул пера районного масштаба.

В армии говорят: «Вспотел – покажись начальству». Образно выражаясь, А. Бахтинов такой возможности не имел. Хотя, когда я знакомился с его стихотворением «Моё недовольство», вдруг показалось, что именно со мной убеждённо полемизирует автор.

Может, мне в этом мире не часто
На успех, на удачу везло;
Может, был бы я более счастлив,
Если б зло стороной пронесло.

Только как там с чужих колоколен
Всё, что было со мной, ни кажись,
Я не жизнью своей недоволен –
Я собой недоволен всю жизнь.

Пусть в дороге немало терял я,
Но её за потери не клял:
Не дорога меня выбирала –
Я дорогу себе выбирал.

Назидательный ответ из альманаха потряс Андрея Дмитриевича. Отправляя по почте рукопись, он в глубине души надеялся услышать слова поддержки и понимания.

Эх! Раньше, раньше надо было обратиться ему по этому адресу, когда ответсекретарями альманаха работали попеременно И. Романов, А. Мосинцев, В. Ащеулов, Р. Котовская. Тогда и результат мог быть иным.

А пока поэт в очередной раз бежит из родного неприветливого края в привычный для него мир странствий.

Время с 1988 по 1991-й – прожил в Хабаровском крае. В своих скитаниях достиг самой дальней точки России – острова Шикотан.

С кормы заморозила взгляд вода,
Внизу – луны сверкающее чудо;
На сейнере, плывущем в никуда,
Я возвращаюсь вновь из ниоткуда.
И улыбнётся хмурый капитан.
И за волной откроется красиво,
Как изумруд, зелёный Шикотан –
Окраинная капелька России.

Работая в рамках традиционной русской поэзии, А. Бахтинов вместил в своё творчество всю увиденную и пройденную им Россию – от неторопливой степной речки Тугулук до живой зыби Тихого океана.

Возвращаясь домой через неуютную, непохожую на себя Москву образца 1991 года, поэт жёстким программным стихотворением «Вечный свет» словно бы прочищает мозги беснующимся соплеменникам:

Пусть толкут без меня
По Москве горделиво-спесивой
Митинговую пыль
Чьи-то нервные пары штиблет,
Всё ж большая Москва –
Слава Богу, ещё не Россия,
И не в звёздах Кремля –
Самый чистый и праведный свет.

В последних стихотворениях окрепший голос поэта расширил диапазон возможностей. Но время, отпущенное на жизнь, уже стремительно истекало.

Умер Андрей Дмитриевич Бахтинов в феврале 1993 года на сорок седьмом году жизни. В связи с его преждевременной трагической кончиной возникают два вопроса.

Первый – день смерти. На памятнике выбито 12 февраля, а во многих публикациях, связанных с биографией поэта, указывается 19 февраля. То есть смерть наступила неделей позже.

Я спросил об этом разночтении Нину Дмитриевну, сестру поэта, когда она 6 сентября 2016-го возлагала цветы на могилу брата.

— 13 февраля 1993 года, — сказала она, — у меня родилась внучка, и мы поехали в роддом вместе с Андреем. Так что правильная цифра — 19 февраля.

И если с датой смерти разобрался сразу, то, боюсь, на второй вопрос однозначного ответа нам никогда не отыскать.

В доме, в котором жил Андрей, было газово-печное оборудование. В ту февральскую ночь то ли задуло пламя форсунки, то ли хозяин забыл открыть заслонку в трубе, но утром он был обнаружен мёртвым.

Хоронили и оплакивали его всем миром. Могилу вырыли в ограде сельского кладбища, среди могил его близких. Сейчас вы поймёте, почему я подчёркиваю это.

В 2011 году поэтесса Е. Иванова написала предисловие ко второй книге А. Бахтинова «Сказка моя родниковая», утверждая там: «Он сам сорвал стоп-кран и вышел в открытый космос Вечности...» Сказано крайне эффектно, но большинство хорошо знающих и любящих Андрея людей, среди них родная сестра, считают, что он в принципе не мог совершить самоубийство.

Теперь уже не узнать, что случилось в ту ночь на самом деле... Удивительно другое: посмертная творческая жизнь поэта Бахтинова оказалась содержательнее и ярче прожитой им в реальности.

2005 – созданная при библиотеке инициативная группа по сохранению и пропаганде творческого наследия поэта отнеслась к своему делу с похвальным рвением и серьёзностью. Было собрано около трёхсот стихотворений.

2006 – члены группы разнесли рукописи стихов А. Бахтинова в альманах «Литературное Ставрополье» (№ 1-2, 2006), журнал «Южная звезда» (№ 1, 2007), газету «Ставропольская правда» (23 сентября 2006) - и везде стихи опубликовали. Ставрополье с изумлением открыло для себя невероятно одарённого поэта из глубинки.

Как ни хорош чужой бывает разум
Скакать надёжней на своём коне.
Мои следы отыщутся не сразу,
От всех дорог известных – в стороне.

Тиражом в сто экземпляров выходит первый сборник стихов «Журавлиное сердце». Лет пятнадцать назад, его отобрал к изданию сам автор. Книг на всех желающих не хватило, и жители села Труновское собирают кто сколько может: двадцать, пятьдесят, восемьдесят рублей. Так подготовили повторный тираж на народные деньги. Ещё сто экземпляров.

2008 – установлен памятник на могиле поэта; Труновской сельской библиотеке присвоено имя А.Д. Бахтинова. Разрабатывается литературно- туристический маршрут «Бахтиновские места».

С 2009 года ежегодно проводится фестиваль «Бахтиновские чтения». Ведётся работа над проектом создания музея под девизом «...Ведь кто-нибудь продолжит и меня». Под экспозицией фотографий в этом углу библиотеки стоит взмахнувший крылами наивно-трогательный журавль в человеческий рост, изделие сельской мастерицы.

2011 – при содействии Ставропольского аграрного университета в серии «Что имеем – сохраним» напечатан однотомник А. Бахтинова «Сказка моя родниковая» (280 с.) Его тираж – 350 экземпляров. Эту книгу имеет в своих фондах каждая библиотека Труновского района.

— Я смотрю на мир глазами Бахтинова, - говорила на презентации молодая читательница, преподаватель литературы. — У него особенная, глубокая и душевная ментальность, какой-то очень привлекательный для нас патриотизм. Вот почему вопрос «Творчество нашего земляка А.Д. Бахтинова» включён в экзаменационные билеты 9-х и 11-х классов всех трёх школ села Труновское.

2016 – в день 70-летия поэта на стене, у входа в библиотеку его имени, установлена мемориальная доска. По столь знаменательному поводу довелось выступить перед жителями села и нам с Николаем Блохиным.

Школьники старших классов с юношеским волнением и жаром читали стихи земляка, посвящённые малой родине:

Отчий дом... Смеёшься или плачешь,
Он, твой добрый друг, - не за горой.
Отчий дом – как много это значит!
Больше, чем мы думаем порой.

И на свете сколько бы я не жил,
Столько будет течь во мне живой
Эта немелеющая нежность
К пристани начала моего.

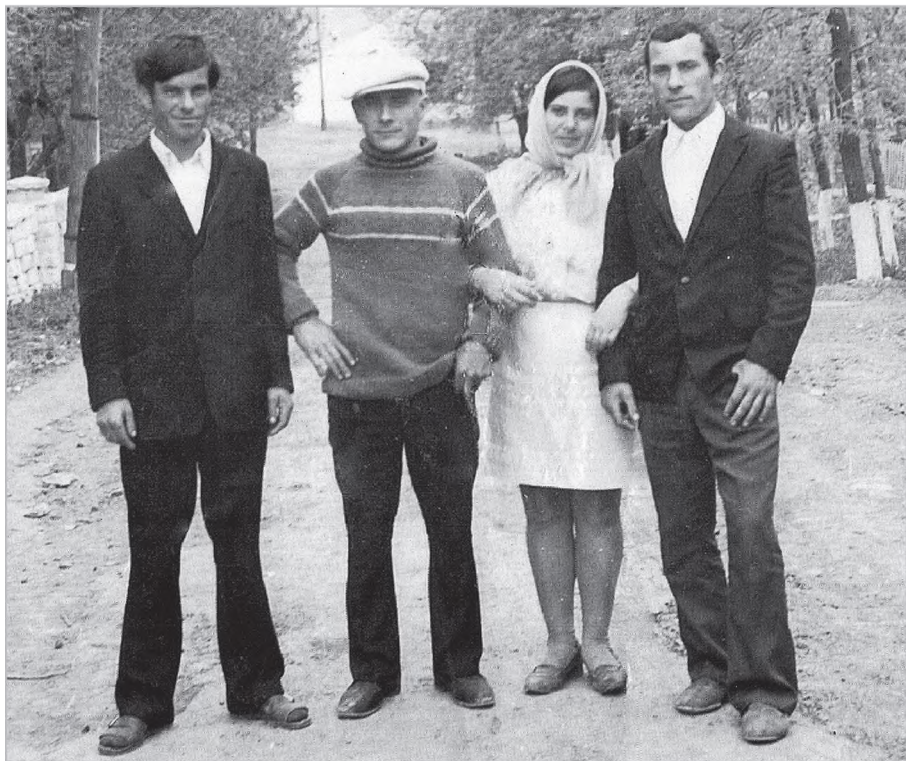
Мне слово в слово запомнилось щемяще-короткое выступление сестры поэта, Нины Дмитриевны:

— Добрые люди! Спасибо вам, что вы собрались, что помните моего брата. Низкий вам поклон!

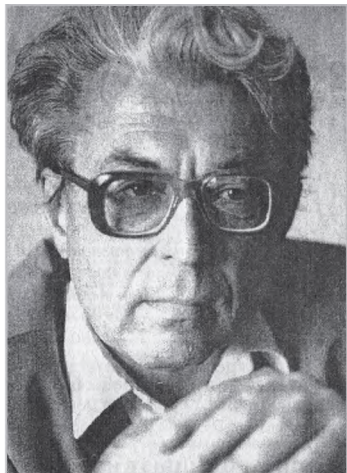
И поклонилась всем в пояс.

Через год в Ставрополе тиражом 700 экземпляров вышел третий сборник стихов Андрея Бахтинова «Светлорье». Его предваряет вступительное слово инициативной группы: «Никто из нас уже не облегчит боль поэта, не изменит его судьбу, но врачующие душу стихи Андрея Бахтинова будут и дальше согревать наши сердца».

Живи, голубоглазая Россия! —
Бессмертна красота твоя и стать.
Мы — русские. Мы — в общем-то простые.
Но нас врагу вовек не разгадать.

*Андрей с братьями Михаилом,
Алексеем и сестрой Ниной, 1972 г.*

Белоусов
Вадим Александрович
1934 – 2000

Он сделал для пропаганды и процветания ставропольской литературы больше, чем десяток профессиональных критиков. Его имя будет часто встречаться на страницах этой книги, но без отдельного очерка о нём нам всё-таки не обойтись.

Родился Вадим 29 июня 1934 года в Краснодаре. Отец – известный в городе адвокат был репрессирован в 1938 году по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока» и сгинул в застенках НКВД. Мать – видная красивая женщина осталась в Краснодаре, а маленького Вадика отправила в Ставрополь (тогда Ворошиловск). Здесь он жил с двумя тётками, которые в нём души не чаяли, такой это был разумный и послушный ребёнок. Здесь пошёл в школу в 1941 году, здесь же пережил вместе с тётками немецкую оккупацию.

В предисловии к первой книге Сергея Скрипаля «Контингент» Вадим Белоусов произвольно вспомнит третье августа 1942 года, себя восьмилетнего и внезапное появление немецких войск в брошенном на произвол судьбы городе:

«Настоящую войну я видел. Не из солдатского, конечно, окопа, а из сугубо штатской щели, что наскоро вырыли во дворе взрослые при первом налёте бомбардировщиков. Но свист бомб над головой слышать довелось, и прятаться от пулемётных очередей тоже и видеть горящие дома на своей улице, а также лошадь с развороченным брюхом в изломанных оглоблях от колченогой телеги без укатившегося неведомо куда переднего колеса рядом с присыпанным известковой пылью неподвижным человеком, лицо которого было смято в багровую кашу...»

Таким предстало перед мальчиком лицо войны.

1951 — после окончания школы поступил на историко-филологический факультет Ставропольского государственного

педагогического института (ныне Северо-Кавказский федеральный университет), тогда просто СГПИ.

В августе 1953 года в этот СГПИ поступил девятнадцатилетний Вадим Чернов. Вот отрывок «Из воспоминаний студента СГПИ», напечатанный Черновым в «Ставропольском хронографе на 2006 год»:

«Мы были приняты с грехом пополам, как я понял. А многие девочки, набравшие баллов больше нашего, нет... Однажды во время большой перемены ко мне подошло несколько парней. Один высокий, черноволосый, с усиками.

— Вы, говорят девчонки, что-то пишете?

— Балуюсь, — отвечал я.

Тот, что с усиками усмехнулся, сказал:

— Мы — тоже. Мы представители институтских литературных сил. Я — Вадим Белоусов...

Ещё несколько парней подошло к нам. Это были Саша Поповский, Саша Коротин... Тут же пристал, как петух длинноногий, мой одноклассник по третьей школе Герман Беликов и начал всех нас призывать бросить литературу и на каникулах отправиться в горы. Его «представители литературных сил» вежливо попросили «шагать обратно на свой геофак», а мне предложили написать драму в «духе Лопе де Вега», грубую, мускулистую и обязательно стихами.

Немного позже я сочинил драму. Она, если мне не изменяет память, называлась «Мужские пристрастия донов...»

Невероятно, но факт: В. Белоусов, сын «врага народа», был в то время классическим сталинистом. В день смерти Сталина, пробираясь с венком от своего факультета сквозь траурные митинги, шествия, толпы плачущих от горя детей и взрослых, он лишь к вечеру добрался до памятника вождя. Возлагая венки на гору живых и искусственных цветов у подножия монумента, не смог сдержать слёз. Спустя год пытался отметить годовщину смерти Сталина траурной стенгазетой. Когда ему запретили её выпуск, он открыто и бурно выражал неудовольствие. Даже доклад Никиты Хрущёва о культе личности Вадим принял далеко не сразу.

1956 — окончив исторический факультет СГПИ, поступил в редакцию газеты «Молодой ленинец», там уже работал в ту

пору Владимир Гнеушев, сотрудник отдела пропаганды и руководитель литературной группы при редакции.

Одновременно В. Белоусов начал плодотворно сотрудничать с краевым радио. Он приносил в редакцию радиокomiteта для программы «Позвольте побеспокоить» сатирические миниатюры. Их инсценировали, затем предлагали прочитать в эфире актёрам драмтеатра.

1960 — в журнале «Юность» №6 (Москва) опубликован первый рассказ Вадима Белоусова «Речь на уровне». Там же напечатана первая повесть Василия Аксёнова. Вадим любил вспоминать, как они нога в ногу шагнули в художественную литературу: «Весь номер был сделан из неизвестных писателей, но Аксёнову повезло больше, чем мне в дальнейшем».

1963 — в альманахе «Ставрополье» № 4 Игорь Романов начал публикацию остроумных шаржей «Пишущие о себе». Вот монолог, относящийся к Вадиму:

Скажу по секрету

Писал сочинения в прозе на двойки я,
Как мне говорили ценители бойкие.
Тогда я однажды в порыве отчаянья
Подверг недостатки людей осмеянию...
Вот так я сатириком стал на три с плюсом.
А что было делать? Вадим Белоусов.

1965 — в краевом книжном издательстве выходит первая книга В. Белоусова «Под полом шуршат мыши». Во всё последующее время его книги будут появляться один раз в десятилетие.

1976 — издана вторая книга В. Белоусова «Пленники добрых знаков». Она написана по заказу Ставропольского ГАИ. В советское время была замечательная система образования по правилам дорожного движения. Заметный вклад сюда внёс герой детской книги о добрых знаках незабываемый Финтипупель Бесстрашный.

1977 — краевое книжное издательство выпустило коллективный сборник литераторов Ставрополья «Три лёгких удара в дверь». Название сборнику подарила детективная

повесть В. Белоусова, написанная в 1970 году. Это захватывающий, психологически-тонкий детектив, открывший нам уникальную способность талантливого автора работать в самых разных и неожиданных жанрах.

1980 — в альманахе «Ставрополье» № 4 опубликована повесть В. Белоусова «Ты слышал, рыжий?» Остроумная увлекательная повестушка о формировании характера у слабовольного подростка стала событием в детской прозе края. О ней благожелательно отозвался знаток жанра А. Екимцев.

1982 — к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит сборник «Творчество», книга очерков о 35 членах Союза писателей СССР. Мастерски написал «О себе» Семён Бабаевский, проникновенно рассказала о своём муже Эффенди литературный критик Наталья Капиева, а журналист В.Фёдоров вспомнил поэта-фронтовика Валентина Марьинского.

Но больше всех потрудился для этого сборника Вадим Белоусов. Он создал шесть очерков о Гнеушеве, Дятлове, Мошинцеве, Романове, Шумарове и Викторе Колесникове, предельно обнажив сущность каждого из них. Не раз припаду я к живому источнику этих материалов, испытывая дружескую благодарность к Вадиму Александровичу за серьёзную, своевременную, неоценимую помощь.

В 1985 году он был принят в штат редакции «Ставропольской правды», и последние пятнадцать лет жизни эффективно работал в любимой газете. Перестройку воспринял как время свободы, демократии, исполнения давних чаяний русского народа. Мне думается, что даже распад СССР не был для него трагедийным событием, а всего лишь парадом суверенитетов бывших союзных республик, выбравшихся из-под железной пяты Большого Брата.

1988 — Ставропольское книжное издательство напечатало третью книгу В. Белоусова «Бессонная ночь коменданта». Повесть рассказывает о майоре Михаиле Дзилихове, уроженце Северной Осетии, который восемь месяцев после победы исполнял обязанности первого военного коменданта в немецком городе Хайлигенштадте. Вадим не считал эту книгу событием в своей жизни: «Коле Сахвадзе от автора. Хва-

стать особенно нечем, но всё-таки...29.X.89 г. В. Белоусов».

Более очевидное удовольствие ему доставила опубликованная в альманахе «Ставрополье» №5 и №6, 1988, сатирическая повесть «Великий Тренер», написанная во второй половине 60-х (1965 - 1969). Сужу опять же по автографу: «Коле Сахвадзе, хорошему другу и хорошему писателю от автора, который несмотря на возраст этой вещи («Великий Тренер») продолжает относиться к ней неплохо. – 29.X.89 г. В.Белоусов».

Десять лет спустя в интервью, данном радиожурналисту Геннадию Хасьминскому, вспоминая повесть «Великий Тренер», Вадим Белоусов скажет:

«А вдохновился я Мао Дзе-дуном. Я считаю, что Азия дала хорошую карикатуру на марксизм, на коммунизм, когда появились Мао Дзе-дун, Пол Пот... Даже китайские радиопередачи на русском языке, хоть и с великим отвращением, но слушал, для того, чтобы понять суть дела. Я придумал страну, где всё подчинено футболу: идеология, экономика, внешняя политика. Я посылал повесть в разные издания и, что любопытно, ответ был такой: «Интересно, но не в профиле нашего журнала». Самое забавное то, что мне действительно хотелось написать вполне нормальную и проходимую вещь».

1991 — в газете «Ставропольская правда» в счастливый для нас миг В. Белоусов придумал «Литературную гостиную». В её выпусках печатал произведения известных и неизвестных краевых авторов. То, что выпуски «Литературной гостиной» живы по сию пору, свидетельствует о их востребованности.

1992 — принят в члены Союза российских писателей во время недолгого правления Вадима Чернова, который в мемуарах «В зените дня» отмечал следующее:

«Мой друг юности талантливый и ленивый Вадим Белоусов часто говорил мне так: «И чего ты, старик, суетишься, бегаешь по стране, как заяц по полю? Я вот лежу на диванчике, обложившись книгами и журналами, думаю, пишу, когда хочу. Благодарить!» Вадим находил материал для творчества в себе, в книгах и журналах. А я гонялся за ним по всему белому свету. И поэтому мои произведения рождались жизнью. Я на личном опыте познакомился с такими делами, людьми, обстоятельствами, о каких

такие писатели, как Вадим Белоусов, просто-напросто не имели понятия. Белоусов принадлежал к типу писателей-домоседов. Ему и жена попалась – милая обаятельная медсестра Тая, которая обихаживала мужа-лежебоку, была ему чуть ли не матерью».

Мемуары В. Чернова правдивы и занимательны. Его индивидуальное мнение подтверждает «Ода на восшествие на диван», написанная Г. Шумаровым к 40-летию Белоусова:

Я верю, что все мы,
трудясь на кушетке,
решаем проблемы
своей пятилетки.

Да, двадцать лет назад Вадим Белоусов обожал праздность, из-за чего редколлегия альманаха «Ставрополье» ввела его однажды в спешном порядке в свой состав. Дабы органы внутренних дел не привлекли незаурядного и породистого сиба-рита к уголовной ответственности за тунеядство.

Но в 90-х с Вадимом Белоусовым произошла разительная перемена, он стал неуёмно энергичен. В газете изобретал новые рубрики: «Моё дело», «Хулиганское литературоведение», «Двести строк о том, о сём», – сам готовил материалы для них. В быту стал активным сторонником «Народного фронта», участвовал в организации Союза правых сил на Ставрополье.

10 января 1996 года с 9 утра до 17.30 вечера, то бишь за восемь с половиной часов В. Белоусов написал талантливый рассказ «Любимый муж в командировке». Рассказ и впрямь хорош, хотя меня насторожило и озадачило то, с каким благожелательным восхищением выписан главный герой – наёмный убийца. Похоже, автор не хотел даже в малости подвергать суду бандитское время и власть, которые обеспечили ему счастливое полноценное творчество.

1997 – в марте Вадим пишет рассказ «Провокатор». Совершенно неожиданно новый рассказ составил вместе с повестью «Три лёгких удара в дверь» и рассказом «Любимый муж в командировке» трилогию об убийцах досоветской, советской и постсоветской эпох.

В январе 1998 года рождается рассказ «Предчувствие строки», в нём к провинциальному поэту приходит молодой, похожий на студента банкир и предлагает издать книгу. «Где ты видел такого банкира? — удивлялись знакомые. — Таких банкиров не бывает». — «Я сочинил его, чтобы было с кого брать пример», — отшучивался Вадим.

Через три месяца к Белоусову пришёл соратник по Союзу российских писателей Анатолий Яковлевич Лысенко — прозаик, журналист, книгоиздатель — и сказал:

— Давайте я вам сделаю книжку.

Так в частном издательстве «Кавказский край» появилась четвёртая книга В. Белоусова «Любимый муж в командировке». Этот благородный поступок оказался последним в жизни А. Лысенко: он умер 21 декабря 1998 года. Его роман нравов «Быстрые волки», опубликованный в трёх первых номерах народившегося журнала «Южная звезда» Виктора Кустова, стал для меня таким же откровением, каким явилась публикация «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» Евгения Поповкина в середине 1960-х. 22 декабря 1998 года В. Белоусов в газете «Ставропольские губернские ведомости» отозвался на смерть А. Лысенко статьёй-реквиемом «Уходят, уходят, уходят друзья...»

В последний раз мне довелось повидаться с Вадимом 10 января 2000-го за полгода до его смерти. Я с такой точностью называю дату, поскольку у меня сохранился пропуск, выданный на вахте. Я пробыл в редакции «Ставропольской правды» с 12.00 до 15.40. Наш разговор не выходил за рамки литературных пристрастий. Помню, я посетовал, что мне стало неинтересно перечитывать Джека Лондона. «Так ведь это подростковый писатель», — легко разъяснил Вадим.

Он много говорил о своей новой книге, которую я ещё не видел. Да и где было увидеть её, напечатанную тиражом в 150 экземпляров? С особым удовольствием Вадим рассказывал об оформлении книжки; его выполнил сам Лысенко.

— Иногда он звонил и приглашал посмотреть на варианты оформления. Я приходил, он выкладывал кучу листов с произведениями компьютерной графики, от которых у меня глаза

разбегались: это выбрать или это? А он, видя, как мне всё нравится, был счастлив, словно это его книжка, а не моя. Он сделал пять вариантов обложки. Мы остановились на четырёх. Потом я спросил: «А нельзя ли все использовать? Сделать часть экземпляров с одной обложкой, часть – с другой?» – «Можно», – ответил Анатолий Яковлевич. И сделал.

Вадим разложил передо мной три книги:

– Тебе какая больше нравится?

– Пусть будет эта, – ткнул палец в одну из них.

Он подписал. Мы попрощались. Как оказалось – навсегда.

На ступеньках помпезного сталинского здания по улице Спартака, 8, где в те годы на третьем этаже размещалась «Ставропольская правда», я раскрыл книгу-подарок: «Коле Сахвадзе на память о встрече, каковые происходят, к сожалению, редко. В. Белоусов – почётный грузин. (Помнишь, как ты присвоил мне это звание?)»

Четверть века назад Вадим Белоусов, Александр Поповский и я стояли во дворе краевой детской больницы на улице Семашко, 3, терпеливо ожидая Георгия Шумарова. Наконец доктор вышел из здания – в берете как у Че Гевары, в светлом плаще, с коричневым портфелем.

– Ну что, по рублю? – радостно осведомился Поповский.

– Можно и по полтора, – устало согласился Шумаров. – Была серьёзная операция... Парадокс заключается в том, что хирург старательно блюдёт чужое здоровье, чтобы потом гробить своё.

Пересчитав деньги, Поповский заявил, что на них можно взять две семисотки портвейна «Иверия» и ещё на закуску останется.

– Трудно спорить с профессионалом, – сказал Шумаров.

– Я, кроме белой, ничего не пью, – с некоторой долей испуга и опоздания предупредил Белоусов.

Шумаров усмехнулся:

Не верю я, не верю я,
что ты не пьёшь «Иверию».

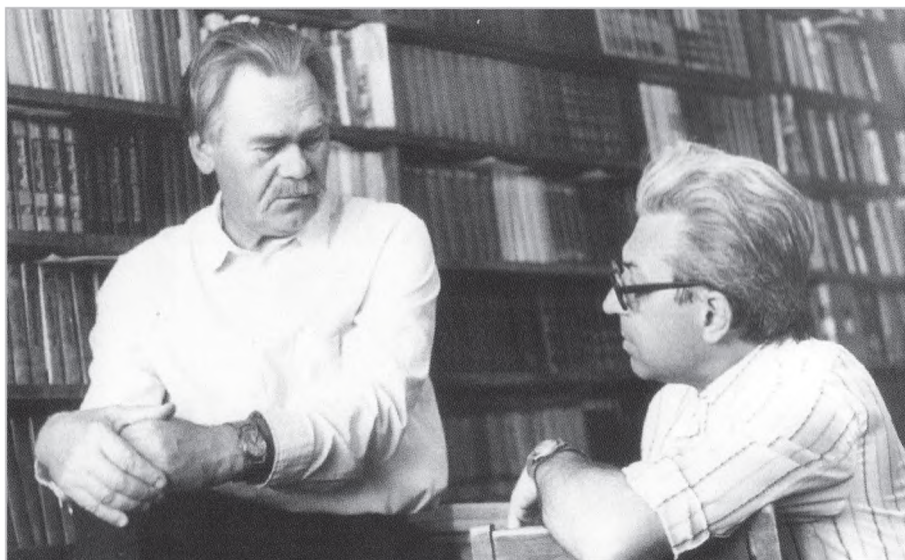
Потом мы сидели в лесу Архирейская Дача на поваленном стволе, возле пня, на котором стояли картонные стаканчики,

две бутылки «Иверии», булка хлеба и сыр сулугуни. Шумаров задумчиво прожевал кусочек сыра и выдал новый экспромт:

Угостили лису-лгунью
скверным сыром сулугуни.

Вадим пил портвейн с таким отвращением, что я предложил принять его в почётные грузины, обещая, что тогда грузинский портвейн покажется ему намного вкуснее. Как же бедна на события была его повседневная жизнь, если он всё ещё хранил в памяти тот шуточный ритуал в лесу.

Умер Вадим Александрович Белоусов 21 июня 2000 года, не дожив неделю до своего 66-летия.

*На снимке (слева направо):
Георгий Шумаров и Вадим Белоусов.
г. Ставрополь, 1994 г.*

Белоусов
Иван Емельянович
1933 – 2000

Родился в крестьянской семье, в понедельник, 2 января 1933 — в селе Нижне-Бабино. Это было тяжёлое для Курской области время, когда ломалось сопротивление крестьян и шло безжалостное уничтожение тысячелетнего уклада русской деревни. И. Белоусов вспоминает об этом более деликатно: «В стране продолжалась коллективизация, борьба с кулачеством. Моё рождение совпало как раз с этой кампанией, развернувшейся в наших местах».

Тяжёлый каток прошёлся и по его семье: раскулачили деда Акима, деревенского кузнеца, который ковал чужих лошадей, а своей не имел. Чтобы не быть высланным, дед немедленно вступил в колхоз:

Дымилось утро над полями,
Струился палевый рассвет.
И шли в колхозный день селяне,
И с ними шел мой хваткий дед.

Подростком Ваня пережил немецкую оккупацию. «Битва за освобождение шла жестокая. Поля были изрыты окопами, воронками от бомб, усеяны трупами, их предстояло расчистить, засеять хлебом».

Но как мы трудились
Заместо отцов!
И деды дивились,
Светлели лицом.

1950 — окончил восьмилетку и семнадцатилетним юношей поехал по найму на остров Сахалин.

«Впервые увидел я огромность моей страны, необозримость её просторов, завораживающую красоту её гор, рек, лесов. Более месяца катился железнодорожный состав с курскими переселенцами к берегам Тихого океана. Потом — пароход «Дальстрой», на котором доставляли заключенных в Магадан, трое суток качки в Японском море и вот он - туманный, неуютный и таинственный остров».

Работал лесорубом, сплавщиком, молотобойцем, научился подковывать полудиких монгольских лошадей, на которых вывозили брёвна.

1951 — поступил в Сахалинское мореходное училище. «Пять с половиной лет в стенах училища явились важным этапом в моей жизни. В эти годы я стал постоянным автором областных газет, альманаха «Сахалин».

1956 — подборка стихов опубликована в центральном молодёжном журнале «Смена». Белоусова приглашают в Москву на совещание авторов газеты «Комсомольская правда». Знакомство с поэтами столицы оставило неизгладимое впечатление, но тем острее ощущалась оторванность от творческой среды на Сахалине, ведь здесь не было ни одного профессионального писателя.

1957 — закончил мореходное училище. Некоторое время работал на судах торгового флота. Но безбрежные морские просторы не увлекали молодого человека.

Проявляя завидную настойчивость, посылая в различные издания стихи, зарисовки, очерки, Белоусов добился того, что был принят на работу в областную газету «Молодая гвардия», где за пять лет прошёл все ступени - от литсотрудника до главного редактора. Был корреспондентом «Комсомольской правды» по Сахалинской области.

1961 — издан первый сборник стихов «Разговор с отцом».

Закончил Центральную комсомольскую школу по журналистике. Заочно отучился на филологическом факультете Южно-Сахалинского педагогического института.

Из газеты со скандалом, потому что не хотели отпускать, перешёл в областное книжное издательство редактором художественной литературы.

За первым авторским сборником в разные годы последовали другие: «Небо России», «Берёзовый ливень», «Магистраль», «Сахалинские свадьбы».

Мать-Россия – ширь-просторы!
Есть ли край твой на земле?
Только море!
Только горы!
Только небо в полумгле!
Необъятна,
непонятна.
Думу думаешь ли?
Спишь?
Или ждёшь сигнал набатный,
чтоб взорвать во гневе тишь?
Мощь твоя необорима.
Ты, как мир, сотворена
Навсегда.
Но из-под грима
немошь жуткая видна.

«Сахалинские свадьбы» — вершина поэтического творчества Ивана Белоусова. В этой поэме он предвосхитил тот беспшашный русский говор, который принесёт бешеную популярность заслуженному артисту РСФСР Леониду Филатову и его стихотворной сказке «Про Федота-стрельца, удалого молодца».

Стихи И. Белоусова переводились на японский, французский, болгарский языки.

Как поэт ни отказывался, как ни упирался, но его забрали из книжного издательства и назначили заведующим отделом печати обкома партии. А там уж и до помощника первого секретаря стало близко.

1967 — принят в Союз писателей СССР. Связь с номенклатурой острова помогла убедить первого секретаря обкома в необходимости создания на Сахалине собственной писательской организации, что и было сделано летом того же, 1967-го.

Из 38 лет, прожитых Белоусовым на острове, 21 год он был ответственным секретарём Сахалинской писательской организации. Награждён орденом Трудового Красного Знамени; заслуженный работник культуры Российской Федерации.

1988 — переехал с семьей в Ставрополь, на родину жены

- Людмилы Терентьевны. Это был крутой, скорее всего, вынужденный и трагический поворот в его судьбе.

Менялась привычная жизнь, рвались многолетние дружеские связи. Хотя внешние признаки свидетельствуют об успехе и благополучии.

1992 — единогласно избран на пост председателя краевого отделения Союза писателей России. Неплохой поэт и прирожденный администратор, он был тут на своём месте, и мы трижды охотно утверждали Белоусова на эту должность, пока он не озвучил самоотвод по состоянию здоровья.

1996 — в Ставрополе вышел солидный итоговый том избранного под названием «Берег России».

1999 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» издана книга стихов «Моя окраина».

На протяжении нелёгких 90-х, в разгар бандитского передела России, Белоусов добросовестно и умело руководил нашей писательской организацией. При его участии изданы книги более 20 членов СП, около 30 книг молодых литераторов. Пятнадцать человек, включая меня, Николая Ляшенко, Иоакима Кузнецова, Сергея Рыбалко, Татьяну Корниенко приняты в Союз писателей России.

На него даже эпиграммы писались добродушные. Так Раиса Котовская, намекая на то, что он подкрашивает седину каким-то немислимым фиолетово-синим цветом написала следующие строки:

Средь отеческих развалин
Белоусов (ё-моё!) -
Подсинён и накрахмален,
Как постельное бельё.

Но есть один нюанс: творчество Белоусова полностью связано с Сахалином, и поэтический статус славы Белоусова гораздо выше там, на краю земли, среди островитян, чем на Ставрополье...

2000 — 24 апреля то, что поэт называл «страницами своего земного брэнного существования» было им прочитано полностью. Он умер, оставив добрую по себе память: хороший был человек!

*Дмитрий Баранов (слева) и Иван Белоусов,
поэты переехавшие в наш край с острова Сахалин.*

*Вадим Белоусов (слева) провожает опального
Вадима Чернова на Дальний Восток.
г. Ставрополь, 1970 г.*

**Бибик
Алексей Павлович
1877-1976**

«Я родился в Харькове в 1878 г. 5 октября. Но так как при поступлении в мастерские понадобилось прибавить год, то официально год рождения выходит 1877», — откровенничает писатель в автобиографии (А. Бибик. Рассказы. М., «Никитинские субботники», 1927, стр. 11).

Это признание постоянно подвергается сомнению. Хотя бы в книге «Судьба. Сборник о писателе А.П. Бибике» (Ставрополь: «ЮРКИТ», 1998), откуда взяты все цитаты, кроме особо оговоренных. А раз у исследователей нет единого мнения, будем придерживаться официальной даты, зафиксированной в Литературной и Большой Советской энциклопедиях. Тем более, что именно к этой дате привязаны все юбилеи и награды писателя.

«Отец — токарь по металлу, мать до замужества работала на мойках. Учился в приходском и церковноприходском училищах. 14-ти лет поступил учеником токаря в паровозные железнодорожные мастерские».

1895 — вступил в социал-демократическую организацию Харькова.

1900 — принимал деятельное участие в организации первого Первоя в Харькове. Был арестован. После семимесячного заключения выслан в Вятскую губернию на три года.

С 14 сентября 1900 по 4 ноября 1905 - отбыл две ссылки в Вятской и Архангельской губерниях.

1901 — в газете «Пермский край» напечатан рассказ «На пристани». «Товарищи по ссылке встретили пробу пера одобрительно, настаивали, чтобы я писал дальше. Деваться было некуда, я написал — под один замах — три рассказа. Один из них был издан отдельной брошюрой в Харькове, а рукописи двух других дошли до А.М.Горького. Великий мастер слова встретил рассказы доброжелательно и даже радостно: «Нашего полку прибыло!» Мне он прислал бодрящее письмо».

С конца 1905 по 1911 — на нелегальном положении.

В апреле 1906 — делегат 4-го (Стокгольмского) съезда РСДРП от меньшевиков. На съезде поддерживает позицию Г.В. Плеханова и дискутирует с В.И. Лениным, ибо сомневается в его взглядах на революцию: «Я всегда был противником ликвидаторства и оппортунизма. Умом и сердцем принимал концепцию Владимира Ильича; и в то же время боялся её чрезмерной прямолинейности, а ещё больше боялся раскола партии». Вернувшись из Стокгольма, приступил к созданию романа «К широкой дороге».

С 1911 по 1915 — конструктор по машиностроению на Русско-Балтийском вагонном заводе в Риге.

1912 — журнал «Современный мир» №№ 7-11 публикует первую книгу романа «К широкой дороге. Игнат из Новосёлки».

1916 — перебрался на завод «Акса́й» в Нахичевани-на-Дону в качестве заведующего техническим отделом.

1917 — в феврале избран председателем рабочего комитета завода; позже стал старшим членом городской управы. В Петрограде в издательстве «Книга» отдельным изданием вышла пьеса «В ночную смену».

1921 — в журнале «Творчество» выходит вторая книга романа под названием «На чёрной полосе».

«Если в романе «К широкой дороге» я хотел показать, как мы, передовые рабочие первых выпусков (а с ними и рабочие массы), продирались по лесным тропинкам предрассудков и личного - к широкому пути коллективизма, то в романе «На чёрной полосе» я хотел показать того же рабочего при сходе с этого пути, хотя бы и вынужденном и временном». (Предисловие к 5-му изданию романа «На чёрной полосе», 1926).

До 1924 — работал на ответственных должностях. Затем был несправедливо арестован и выслан на три года в Свердловск. Как объясняет сам: «По воле случая (наветов ростовского пройдохи и карьериста) совершенно непредвиденно попал я впервые на Урал...» Здесь работал в журнале «Товарищ Терентий», занимался с литкружками. Вместе с Павлом Бажовым стал одним из тех, кто создал на Урале писательскую организацию.

Ссылка сделала из Бибика профессионального литератора. Он смог заняться любимым делом не урывками, а отдаться ему

полностью. «Только в 1925 году, попав на Урал одиноким и свободным от службы, я впервые получил возможность не только писать, но и работать над написанным». (Автобиография).

1927 — возвращается из Свердловска в Ростов-на-Дону. К 10-летию Октября в Москве выходит сборник его рассказов с предисловием наркома А.В. Луначарского.

В 20-е годы Алексей Библик один из наиболее популярных прозаиков молодой Страны Советов.

1929 — издательство «Недра» выпускает Полное собрание сочинений в шести томах.

1930 — публикует новый роман «Катрусина вышка» о событиях гражданской войны на Юге России. В издательстве «Никитинские субботники» выходит сборник статей разных авторов, полностью посвященный творчеству Библика.

1932 — похоже, ссылка ничему не научила: шлёт в адрес Наркомзема и Ростовского крайкома партии тревожные статьи, доклады, письма по поводу всеобщей коллективизации; называет положение дел в этой области катастрофическим.

1934 — издана «Повесть о станке». Один экземпляр книги имеется в личной библиотеке А.М. Горького.

1935 — в Ростове-на-Дону выходит роман «К широкой дороге»; новая его редакция включает обе книги. Кроме того «выдал «на гора» повести «Новая Бавария», «Златорогий тур» и роман «Петро Беспартийный», к сожалению, погибший в печальную эпоху культа личности».

1938 — в ночь с 17 на 18 февраля арестован сотрудниками НКВД. «Произошла новая и самая тяжелая для меня катастрофа, отнявшая у меня 17 наиболее зрелых творческих лет, семью и кров».

С 1938 по 1946 — Библик вторично побывал на Урале - на лесоповале ИвдельЛага.

В конце 1946 — благодаря украдкой написанному и счастливо переправленному письму к М.А. Шолохову — освобожден.

Отыскал дочь, восстановился в Союзе писателей, но ещё долгих девять лет его нигде не печатали. Сам Библик называл этот период издательским карантином. Чтобы заработать на кусок хлеба - плотничал, слесарил, сторожил рыбзавод в станице Синявской. «Так были разменяны творческие возможности рабочего-са-

мородка», — горько итожил Библик эти нелёгкие для него годы.

1955 — в издательстве «Советский писатель» выходит «Избранное». На полученный гонорар приступает к постройке домика с мансардой на окраине Минеральных Вод.

1956 — в Ставрополе, после XX съезда КПСС, состоялось собрание краевой писательской организации. Приветствуя решения съезда по борьбе с последствиями культа личности Сталина, чудом выживший узник ИвдельЛага оставался на прежних революционных позициях: «Писатель должен быть политическим деятелем, если он намерен идти в ногу с социалистическим обществом. Без этого писатель себя изживёт. Надо постоянно учиться марксизму».

1959 — роман «К широкой дороге» публикует издательство «Молодая гвардия» в окончательном варианте.

1965 — А.Т. Твардовский печатает в журнале «Новый мир» № 12 воспоминания Библика «Духом окрепнем в борьбе». В то время это была высшая награда для любого пишущего: публикация в «Новом мире» гарантировала автору завистливое уважение на всей территории Советского Союза.

1967 — официальный год празднования 90-летия: награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его имя вновь внесено в Большую Советскую Энциклопедию. В Мин-Воды прибыл редактор издательства «Советский писатель», чтобы подготовить для очередного переиздания роман «К широкой дороге».

Мне довелось в 1967-ом дважды встретиться с Алексеем Павловичем. 7 июля (см. очерк «В гостях у Библика») и 3 октября вместе с участниками краевого семинара молодых литераторов. Роль свадебного генерала заметно тяготила писателя. При каждой встрече жаловался, что годы и здоровье ограничивают его возможности; грустил, что не может реально участвовать в литературной жизни страны.

На протяжении девяти последних лет в здравом уме и ясной памяти медленно угасал он на окраине Минеральных Вод, на улице Пролетарской, 115. Хотя продолжал интенсивно работать, и написал ряд очерков и воспоминаний.

Регион Кавказских Минеральных Вод был туристической меккой для граждан СССР, и, как писал альманах «Ставрополье», писатели Свердловской области, находясь здесь на от-

дыхе, совершали обязательное паломничество к патриарху и создателю своей региональной организации.

1972 — награжден Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

1975 — в Ставрополе вышла последняя прижизненная книга «Сквозь годы и бури».

1976 — 18 ноября, день смерти А.П. Бибика. «Талантливый, самобытный писатель, он мог бы стать одним из столпов русской литературы, но этого не произошло: он попал в жернова политики», — с горечью и сожалением отметит поэтесса Раиса Котовская.

1982 — к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит сборник «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)». О Бибике написал Ефим Кабаченко. Он был лично знаком с Бибиком, именовал себя литературоведом и всё свободное время просиживал в Союзе писателей. Высокий, худой, всегда серьезный и как бы надзирающий нас, обо всём судил с позиции колхозного парторга, на которого походил даже внешне. Но очерк о Бибике получился замечательный, с большим количеством редких документальных материалов, и я сожалею, что он не вошёл в сборник «Судьба» (Ставрополь: «ЮРКИТ», 1998), созданный усилиями Раисы Котовской и Николая Ляшенко.

1984 — переиздание романа Ставропольским книжным издательством с обширным предисловием Татьяны Батуриной «А.П. Бибик и его роман «К широкой дороге». Т. Батурина и Е. Кабаченко, безусловно, лучшие в крае исследователи творчества Бибика.

1990 — в июле по инициативе краевой писательской организации и руководства города Минеральные Воды создан музей А. П. Бибика в его доме с мансардой.

1992 — в московском издательстве «Отечество» выходит книга Феликса Чуева «Так говорил Каганович» — итог бесед поэта с бывшим сталинским наркомом. На стр.22 неожиданно спотыкаюсь о знакомую фамилию: «Был писатель Бибик, не большевик, но социал-демократ. «К широкой дороге» — его сочинение. Популярный был писатель. Он плехановец, кажется, был. И мы его читали, рабочие ребята, большевики, хотя знали, что Бибик не большевик».

Похоже, роман и впрямь сформировал целое поколение.

**Бойко
Сергей Павлович
1932 – 2005**

Весной 2006 года я зашёл в книжный магазин «Магистр», расположенный на улице Голенева, неподалёку от пересечения с улицей Дзержинского.

Молодой продавец фамильярно беседовал у кассового аппарата с разрумянившейся кассиршей.

— Здравствуйте, — сказал я. — Нет ли у вас книги ставропольского писателя...

— У нас не бывает книг местных авторов, — с непонятным мне ожесточением и гордостью объявил продавец, не дослушав.

Сказать, что я почувствовал себя уязвлённым, значит не сказать ничего: на меня словно выплеснули ушат помоев, — и я не сразу с ледяной учтивостью возобновил разговор.

— Сударь, вы не дослушали меня. В серии «ЖЗЛ», которую в Москве издаёт «Молодая гвардия», появилась книга «Шарль Перро», написанная ставропольским писателем Сергеем Бойко.

— Нет, мы не получали такую книгу.

Продавец осознал, что допустил профессиональную оплошность, и лёгкая тень неудовольствия скользнула по его враз одеревеневшему лицу.

В те годы в краевом центре стали один за другим закрываться и исчезать книжные магазины. Я понимал, что это результат всеобщей компьютеризации и интернета, но каждый такой эпизод вызывал во мне смятение, будто я навек прощался с другом.

И лишь когда не стало магазина «Магистр», испытал неожиданное для себя чувство удовлетворения.

Сергей Бойко родился 21 июля 1932 года в городе Семипалатинске Казахской ССР.

В 1934-м семья переехала к родственникам в Ставрополь.

В детстве Серёжа был неприрученным и диковатым, часто плакал, сторонился сверстников. «Но настоящий праздник наступал вечером, когда я, забравшись под одеяло, начинал придумывать разные истории, в которых был, конечно, главным героем» («Южная звезда» № 2, 2002, с. 3).

Эта неуёмная страсть к сочинительству была не случайна: его дед Иона Дмитриевич Туренский — автор монографий по истории церкви, родная тётя Валентина Ионовна Туренская — известная ставропольская писательница. Позже Сергей Бойко насчитает в родословном древе не менее пятнадцати человек, издавших в XIX и XX веках от одной до двух десятков книг.

А какой богатой выдумщицей была мама — Вера Ионовна! Сочиняла сказки и в стихах, и в прозе. Часто перед сном пересказывала их сыну.

1940 — в школу, как принято было тогда, пошёл в восемь лет.

1941 — 22 июня началась кровопролитная война, от которой мать Вера Ионовна вместе с сестрой Валентиной Ионовной, прихватив с собой Серёжу, бежали в узбекский город Наманган. Здесь в школе им. Карла Маркса, судя по сохранившимся похвальным грамотам, мальчик продолжил учёбу.

Из эвакуации вернулись после освобождения Ставрополя от немцев.

В то время на месте Белого дома находилась керосиновая лавка в здании бывшей часовни без купола, рядом — площадка, на которой школьники гоняли мяч. Сергей любил стоять на воротах, но ещё больше ему нравилось возиться с исписанными в Узбекистане тетрадами. В одних — рассекая волны Индийского океана, носился на фрегате пират Джафар по прозвищу Гроза Морей, в других — двенадцать смелых благородных разбойников боролись в королевском лесу с угнетателями крестьян.

1950 — после окончания школы поступил на историко-филологический факультет Ростовского университета. В студенческие годы увлекался археологией, участвовал в раскопках.

1951 — опубликовал первый рассказ в студенческой многотиражке.

1955 — после окончания Ростовского университета стал зав. отделом в Ставропольском краевом архиве. Отыскал «дело о крепостных крестьянах Дубининых», которые в 1823 году

первыми в мире в результате переработки нефти получили керосин. Тема показалась интересной, и Бойко приступил к созданию исторического романа «Казнь чудака».

1960 – с рукописью завершённого романа ознакомился недавно переехавший в Ставрополь поэт Александр Екимцев. Вот его подлинное заключение, показанное мне вдовой писателя – Екатериной Петровной Бойко:

«В твоём романе есть четыре научно-популярные вставки по 5 страниц: об истории нефти, об истории освещения (керосиновая лампа), об изобретателях-крепостных и об истории огня.

Это твой путь! Пиши для детей научно-популярные книги. Это ты умеешь! О романах забудь! Ты для них не годен».

Как не восхититься глубиной и проницательностью ума нашего главного детского поэта? Он лёгким росчерком пера определил всю дальнейшую судьбу молодого писателя.

1962 – отработав семь лет в архиве, С. Бойко с обычными для боязливого консерватора (каковым он, похоже, являлся) сомнениями и переживаниями переходит преподавателем в сельхозинститут, на кафедру истории КПСС. «Но это утром. А вечером я уходил в плавание, в миры, далёкие от всякой партийности» («Южная звезда» № 2, 2002, с. 14).

70-е годы отметились в жизни С. Бойко водопадом трагедий.

1971 – 10 февраля единственному сыну Саше сделали операцию на головном мозге в институте им. Бурденко (Москва).

«Теперь я знаю, что этот знаменитый институт погубил моего сына. Мы привезли туда ребёнка, который сам ходил, говорил, только страдал эпилепсией, а нам после операции вывезли парализованного немого калеку с раскрытой головой... И выписали его только для того, чтобы уменьшить число смертей» («Южная звезда» № 2, 2002, с. 18).

23 ноября сын Саша умер.

1972– смерть матери. Писатель И. Аксёнов оставил описание этой женщины, преподавателя пединститута: «Вера Ионовна похожа была на дореволюционную русскую интеллигентку: носила пенсне, чёрный костюм с белой блузкой и чёрным бантом. Вся её фигура излучала строгую доброту» («Лоскутное одеяло», Новопавловск, 2006. с. 102).

1973 – развод с женой.

Осенью, отработывая вместе со студентами трудовой семестр на виноградниках Прасковей, сблизился с Екатериной Петровой, преподавателем экономического факультета. Она станет верной спутницей и надёжным другом в жизни писателя.

Но их супружество начнётся опять же с трагедии: умрёт в роддоме сын Миша. И если мягкий впечатлительный Бойко не полез в петлю и не сошёл с ума, то лишь благодаря отчаянной до самозабвения работе за письменным столом.

1974 – в Ставропольском книжном издательстве, после тяжёлых, нетерпимых и оскорбительных для автора взаимоотношений с редактором В.С. Дятловым, выходят в свет «Загадки древних страниц» тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Гонорар, который составил две тысячи рублей, С. Бойко потратил на ремонт квартиры и сменил старую мебель на новую, стилизованную под каштан.

1977 – живо и увлекательно рассказывает об истории вещей и доисторических изобретателях в следующей книге «Первобытные архимеды». А помогает ему в работе созданная им самим картотека, куда изо дня в день вносились редкие сведения, отысканные в журналах «Вокруг света», «Знание – сила», «Наука и религия», «Техника – молодёжи». К концу жизни в картотеке, подчиняясь выработанной С. Бойко системе, собралось около 200 тысяч карточек. Вдова писателя передала это сокровище в краевую детскую библиотеку имени А.Е. Екимцева.

В 80-е годы у нашего героя начинает складываться благополучная издательская судьба: «Что за прелесть эти сказки» (1982), «У истоков великих открытий» (1984).

1984 – особый год в жизни С. Бойко: благодаря поддержке Евгения Васильевича Карпова, он стал членом Союза писателей СССР. Неоценимое значение события в том, что в дальнейшем оно сделало возможным вступление в СП других прозаиков, работающих в жанре документальной, научно-популярной, краеведческой литературы: Иоакима Кузнецова (1993), Германа Беликова (1997), Виктора Кравченко (2006).

Отработав 22 года в сельхозинституте, С. Бойко переходит (с привычными муками из-за перемены стереотипа жизни) в

краевой Союз писателей на должность ответсекретаря альманаха «Ставрополье».

Мне кажется, он был излишне осторожен на этом посту.

В первом номере альманаха за 1985 год напечатан мой рассказ «Смерть Зенона из Элеи». В нём рассказывается о событиях V века до н. э. и финальная фраза в рукописи звучала так: «Кончилось иго тирана, к власти пришли демагоги».

— Ты хоть сам понимаешь что написал? — одобрительно удивлялся подтексту Вадим Белоусов.

— Разумеется, — улыбался я. — Умер Сталин, и к власти пришёл Хрущёв с компанией.

Это понял и С. Бойко, и напечатал в альманахе свой, приглаженный вариант: «Кончилось иго тирана, к власти пришли народные вожди».

Я прямо-таки физически ощутил, как изменилась архитектура фразы: её вкус, цвет и даже вес. На вопрос: «Зачем понадобилась эта подмена?» — Сергей Павлович таинственно приглушил голос: «Мне позвонили из крайкома партии, чтобы я изменил окончание новеллы».

Он полагал, что я раздуюсь от гордости, но я не поверил ему. Как же, нет у членов крайкома других дел, кроме как вникать в нюансы рукописей очередного, готовящегося к печати номера альманаха.

Впрочем, всё это мелочи. А вот то, что он два года спустя не увидел в Андрее Бахтинове большого русского поэта и, ни с кем не посоветовавшись, отослал рукопись стихов обратно — не делает ему чести. Позорное сопроводительное письмо лежит ныне под стеклом в левом крыле Труновской библиотеки имени А.Д. Бахтинова, отведённом под музей поэта.

В 1988 году у С. Бойко в Ставрополе выходит «Корона императора Тиберия» — книга гипотез о технических идеях, обогнавших своё время.

С начала 90-х по договорённости с редакцией ведёт в «Ставропольской правде» две персональные рубрики: «Неизвестная земля» и «Приключения сказок». Обе рубрики пользуются у читательской аудитории заметной популярностью.

1991 — Ставропольское книжное издательство публикует

внушительную «Кунсткамеру», в ней собраны любопытные исторические факты: о героях Гомера, о земле амазонок, о поисках страны Эльдорадо. Летом того же года С. Бойко по литфондовой путёвке впервые посетил Переделкино, «пристань писательских грёз», и в дальнейшем старался каждый год провести три-четыре недели в здешнем Доме творчества.

1992 — в середине года альманах «Ставрополье», в котором С. Бойко проработал восемь лет, прекратил полувековое существование, лишённый финансовой поддержки. Неоднократные попытки реанимировать важное для жизни края издание, успеха в 90-х не имели.

А вот книги писателя Бойко публикуются регулярно: «Волшебная страна Шарля Перро» (1992), «Чудесные зонтики Оле Лукойе» (1996), «Великие сказочники мира» (1997).

В 1999 году книга «Великие сказочники мира» стала победителем общероссийского конкурса «Самая нежная книга», организованного газетой «Книжное обозрение».

В свет выходят два издания: «Пылинки из океана вечности» в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» и художественно-литературное исследование «В волшебной пушкинской стране». Преподнося в дар книгу о мире пушкинской сказки, написал дружески: «Коле Сахвадзе, которого встретил в тревожный для меня 1984 год, когда меня принимали в СП, и от кого получил тёплую душевную поддержку. Помнишь дачу Карпова? Я помню! И спасибо! - 25.04.2000. — Бойко».

2003 — получает губернаторскую премию в области литературы.

2004 — летом в последний раз посещает «пристань писательских грёз» и приходит в ужас от увиденного кошмара. В левой части здания вместо творческой тишины, присущей Дому творчества, — ресторан, бар, бильярдная, лихая музыка приклатнённого оркестра.

По возвращению домой публикует статью «Прощай, Переделкино!» («Ставропольская правда» от 30 ноября), в ней рассказывает как руководители Союза писателей и Литфонда распродали коттеджи, сотни гектаров соснового леса, часть Дома творчества.

Издательство «Терра» (Москва) переиздаёт книгу «Волшебная страна Пьера и Шарля Перро». Именно этот фундаменталь-

ный труд сделал автора лауреатом губернаторской премии. Переиздание книги в престижном московском издательстве стало для угасающего от болезни писателя последним прижизненным изданием, которое он взял в руки, не скрывая слёз.

2 января 2005 года в два часа ночи Сергей Павлович Бойко откинул одеяло, попытался в последнем движении руки осесть себя крестом и умер. Так рассказывал сидящий во дворе у гроба молодой священник.

Писатель ушёл от нас на пороге крупного успеха, не дождавшись выхода первой на русском языке биографии великого французского сказочника. Издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу «Шарль Перро» в популярной серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей»).

«Нечасто ставропольские писатели обращаются к темам общемирового звучания. Тем приятнее творческая смелость С.П. Бойко, восполнившего этот пробел и доказавшего, что не только в столицах пишутся замечательные книги о замечательных людях», — отметит журналист Василий Кизилев («Ставропольские губернские ведомости» 11 апреля 2006).

В Литве издательство «Sviesa» (Каунас) тиражом 500 экземпляров напечатает книгу «Великие сказочники мира» Сергеуса Бойко на литовском языке.

В некрологе, опубликованном «Ставропольской правдой» 06.01.2005 г. с оптимизмом прогнозировали будущее его рукописей:

«В настоящее время в Москве готовятся к печати ещё три новые книги С.П. Бойко, а Ставропольским книжным издательством подготовлена к выпуску его работа «По щучьему велению». Будучи уже тяжелобольным, Сергей Павлович спешил закончить задуманный им «Сказочный словарь» и был безмерно рад, что ему это удалось сделать».

Какие многообещающие, исторгнутые из глубины сердца слова!

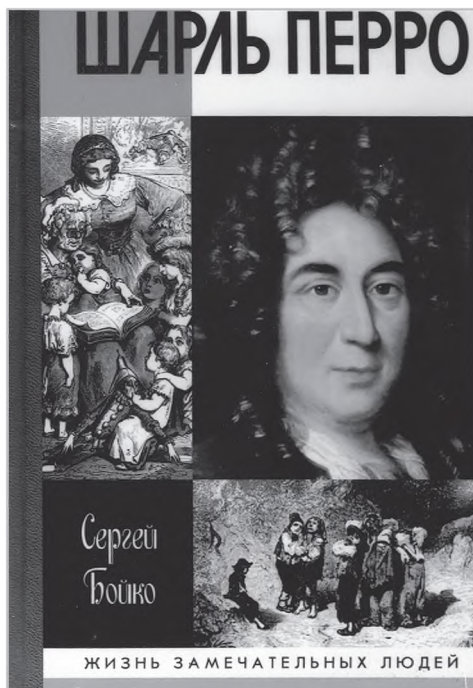
В реальности же в Москве появилась одна-единственная книга — «Шарль Перро», а в Ставрополе, хоть и стоит первым в ряду подписантов некролога отец-губернатор, о рукописях С. Бойко больше не вспоминали.

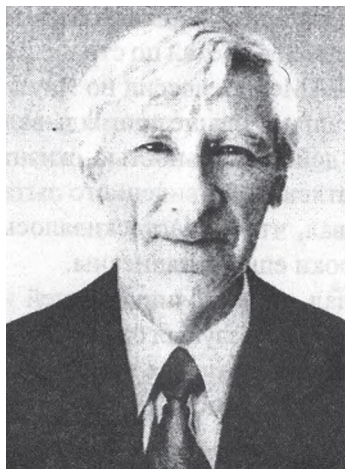
Он долго и трудно искал себя в начале творческого пути. Сумел преодолеть на нём все барьеры: корявость стиля, нелюбовь коллег по перу, сомнения и неуверенность в себе. К концу жизни стал образованнейшим человеком края, обладающим поистине энциклопедическими познаниями.

В 1991 году я собрал документы для вступления в Союз писателей СССР. И тут выяснилось, что рекомендация, выданная мне Георгием Шумаровым, реальной силы не имеет. Он к тому времени перешёл в новообразованный Союз российских писателей.

Сергей Бойко вызвался дать взамен свою рекомендацию, и вместо одной страницы, подготовленной Шумаровым, не поленился отстучать на пишущей машинке несколько.

Такое тоже не забывается.

Бударин Владислав Пантелеевич

«Трудно объяснить, почему стихи этого поэта так притягивают и западают в душу, — удивлялась Светлана Солодских. — Казалось бы, всё выступает против него — и этот недавно вышедший поэтический сборник, словно изданный в пятидесятые годы, и «заунывная», хотя и искренняя, интонация исповеди, и даже почти толстовское название книги — «О жизни, о стране, о нас». Но, начав читать увесистый том, оторваться уже не можешь, словно это дневник современника, который, в отличие от многих, врать принципиально не хочет» («Ставропольская правда», 26 января 2011).

Владислав Бударин и впрямь настолько самобытен и интересен как личность, как поэт, как собеседник, что предлагаемая читателю биография будет написана в основном им самим. А помогут нам десяток писем поэта ко мне.

Долгих девять месяцев пути,
Чтоб увидеть свет в конце тоннеля,
Наконец отныне позади —
Вот он я, хотели, не хотели!

19 июня 1947 года совсем юная, 18-летняя осуждённая (статья 58 — пункт 3, срок 10 лет) родила на Шпаковской пересылке сына.

«Мать вышла замуж сразу же по окончании школы за бывшего офицера-фронтовика, назначенного директором школы. Его греческая родня дружно встала на дыбы, желая с этим браком быстрее покончить. Ничего умнее не придумали, как написать донос, будто их невестка порезала газету с портретом Сталина на выкройку» (Первая цитата из письма В. Бударина)

Опытные сидельцы посоветовали узнице обратиться к В. М. Молотову: «У него тоже жена в лагере сейчас. Может, и вникнет в твоё положение».

Помогли переправить письмо в Москву.

Оно вернулось на шпаковскую пересылку с указанием «разобраться и отпустить». Но начальство, перестраховываясь, ещё год держали осуждённую на пересылке, прежде чем отправить её на рудник «Эльбрусский» в горах Карачаево-Черкесии.

«Рудник свинцово-цинковый, брали только это, хотя в руде были и золото, и платина, и серебро, и вольфрам, и молибден – всего 26 примесей, что шли в отвалы из-за малого их содержания. Рудник глотал людские жизни в неограниченном количестве, а жизни бывших заключённых никто не ценил тогда дорого... Впрочем, сейчас жизнь человеческая обесценилась ниже некуда» (Здесь и далее цитаты из писем В. Бударина).

В раннем детстве Славу, пока мать устраивала свою жизнь, определили на жительство к бабушкам (бабушке и её матери). Они требовали, чтобы малец никуда не ходил со двора, «бо там бандюки и хулюганы». В пять лет научился читать, и теперь книги заменяли ему общение со сверстниками. Читал всё подряд, не пропуская в тексте ни единого слова, даже если не понимал о чём речь. С детства проявлял характер.

1954 - поступил в семилетнюю школу в посёлке Эльбрусский.

Тогда весь мир себя вмещал
В рудник и маленький посёлок,
Который шалости прощал
Нам, несмышлёнышам весёлым.

Быть может, где-то в городах,
Все так же, как и ныне, крали,
Но мы в посёлке никогда
Дом на замок не запирали.

1961 — после окончания семилетки стал осваивать профессию токаря на руднике. Отработав у станка, спешил в школу рабочей молодёжи. Историю здесь преподавал Николай Ива-

нович Удовенко, отсидевший десять лет за научное изучение НЭПа. Вскоре его назначили директором школы.

1962 — узнав, что Владислав пробует себя в поэзии, Удовенко помог опубликовать два стихотворения в газете «Кавказская здравница». Публикация вызвала у одноклассников, выросших в посёлке, где царили лагерные законы, неожиданное озлобление, насмешки.

Обиженный Владислав, для которого теперь даже лестное прозвище «Пушкин» звучало оскорблением, надолго забросил поэтические опыты, вбирая взамен опыт жизненный.

Рабочий в геологической партии.

Лебёдчик на шахте.

Электрик на дизельной электростанции.

Незаметно подошло время армейского призыва. И непонятно, почему Владислав вспоминает об этом так, будто у него была возможность выбора:

Из любопытства ли, по пьянке,
На всех «с прибором» положив,
Мы под весёлый «Плач славянки»
Уходим в армию служить.

Там, в рядах Советской Армии, проходим школу боевого мастерства:

Уметь хитрить и быть готовым
К подначкам, к мерзостям, к войне,
Что в общем-то давно не ново
В привыкшей к подлостям стране.

1965 — армейская служба началась с уборки урожая в Чечне. В дальнейшем крутил баранку на живописных дорогах Закавказья, одолевая затяжные подъёмы и опасные спуски. Возил топливо для перезаправки ракет, что были размещены в секретных шахтах братских республик.

«На заливку меня не пускали: я доезжал до ворот и вылазил из кабины... Машина выезжала уже с топливом, и я гнал

её в пункт назначения, где опять повторялась та же процедура: снова машину забирали, а я огинаялся на контрольно-пропускном пункте. А ведь страсть как хотелось глянуть: что же это я вожу? Пробрался как-то, когда уже примелькался, глянул: тёмно-синяя жижа. Кругом народ в скафандрах, в балахонах - то ли прорезиненных, то ли наполненных бариетом. Увидели меня, схватили, этой накидкой накрыли, выволокли из штольни, вызвали «скорую». На «скорой» в окружной госпиталь на два месяца...»

К счастью, изрядная доля радиации, полученная в результате собственной глупости, не имела для организма Бударина каких-либо последствий. Гораздо больше Владислава беспокоило известие о том, что демобилизацию ему отложили, пока пополнение не подготовит. Сослуживцы, один за другим, покидали воинскую часть. Возникший дефицит общения породил полузабытую страсть к поэзии. Даже письма домой писались в рифму. В армейской и окружной газетах появляются публикации к датам, праздникам и юбилеям. Автору высылают денежные переводы по три, пять, десять рублей.

В середине 70-х, когда уже женился и первая дочь появилась, раз в жизни попытался проникнуть в писательский мир.

В Москве жил армейский товарищ. Владислав прикатил в первопрестольную со своими стихами, остановился у бывшего сослуживца. День начинался с пробежки по редакциям столичных газет и журналов. Их сотрудники умело отбрыкивались от наскоков назойливых провинциалов.

Посетил Дом Герцена на Тверском бульваре, 25 – лимонно-жёлтый особняк за чугунной решёткой, где уже сорок лет размещался Литературный институт им. Горького.

«Там терпеливо объяснили, что, кроме моих листочков, нужно направление от печатного издания, либо от литобъединения. В учётном отделе посоветовали попроситься на дополнительные занятия.

И меня приняли, и попал я в группу Сиротина. Два раза в неделю он читал наставления, как надо строить стихотворение, какие к нему предъявляются требования, а в основном он отыгрывался на любом, в ком видел хоть какие-то задатки. Всё

бы ничего, я бы, может, и вытерпел... Но меня дома нет, жена с младенцем живёт на квартире. Благо здоровья было некуда девать, и ездил я на погрузочную казанскую, реже на харьковскую. Платили мало, но я умудрялся высылать домой в месяц рублей тридцать, раза два даже по полтиннику.

Но что это за деньги?

Короче, через семь месяцев собрался я и махнул домой, зарёкшись пользоваться услугами услужливой столицы нашей.

Молчи, молчи, мотив неспетый.

Увы, не всем из нас дано

Сыграть в Москве концерт для флейты

Или исполнить роль в кино...

Однако жизнь ни жалеть себя, ни расслаживаться не давала. Попал с семьёй в Якутию. Здесь был, как говорится, в своей тарелке: машинёшка, я и долгая дорога.

Пробивал зимник на своём КРАЗе, бывал в Магадане, Петропавловске-Камчатском. Отмотал тысячи километров по Амуро-Якутской магистрали. На море бывал несколько раз, в Тикси. Возил оборудование в Билибино и Анадырь.

Вот где писалось в охотку!»

В 1980 году в команде из 12 человек перегонял КАМАЗы в Афганистан. Потом полтора года не могли вырваться из этого ада. Приехало двенадцать водителей, домой добралось девять.

В. Бударин привёз из Афганистана стихи о любви, о войне, о тоске по Родине. Правда, когда надумали с женой и уже тремя детишками вернуться из Якутии на Ставрополье, то всё, что было написано им за восемь лет, частично раздарилось, частично разворвалось.

На родине, в Мин-Водах, устроился в локомотивное депо, выучился на машиниста, стал водить составы. Другой бы радовался таким переменам, а Владислав маялся: ну неинтересно совсем, когда твой путь тупо лежит туда, куда проложены рельсы. Через два года ушёл...

Сплавливал лес на Сухоне и на Двине. Лебёдкой тянул невод в рыбацкой артели под заполярным Мурманском. Зарабатывал

прилично, почти всё заработанное отсылал семье.

«Потом бросил бродяжничать и явился домой, в Мин-Воды. К тому времени дети выросли и начали разлетаться кто куда. А у меня рука снова сама собой потянулась к ручке и бумаге.

Вот с этого и началось моё присутствие в литературной среде!

Раиса Николаевна Котовская пригласила к себе поговорить. Городишко-то маленький, слух обо мне какими-то путями до неё добрался.

Я, как самодовольный чижик, чирикаю ей что-то, она скромно слушает. Прошёл час, за ним второй: выступающий обычно времени не замечает. Но вот я понял, что пора и честь знать, засобирался уходить. И тогда она прочла своё стихотворение, удивительно попавшее в точку:

Вновь рождаешься. Мучится болью –
Он, тебя исторгающий мир...

С этим чудом откровения я шёл домой, не чуя под собой ног, и благодарил небеса за то, что мне выпала честь жить с этим человеком на одной земле.

Позже, при других встречах, мы часто спорили с ней о религии. Она написала предисловие к моей первой книжонке выпуска 2002 года. Я его не использовал. И вот почему.

По её мнению, я обязан был согласовать содержание книжки с каким-нибудь священником. Она сама отвезла рукопись знакомому ей батюшке, разбирающемуся в стихах и поэзии. Тот уверенно заявил, что «это сплошная чертовщина от дьявола».

Когда она вернула рукопись, я глянул на пометки, похожие на испражнения птиц, внимательно ознакомился с итоговой формулировкой, которая не оставляла мне никакой надежды, и начал сооружать костёр. Кончилось тем, что Рая выхватила остатки рукописи и свезла их в Новопавловку, где книжку «Кусочек Родины моей» напечатали.

Недели две мы считались поссорившимися, но потом Раиса пришла, отчитала меня за мальчишество, мы мирно поговорили ни о чём, и на том инцидент себя исчерпал.

Так же я поступил и с её письмом к главному редактору жур-

нала «Дон», куда она отобрала подборку моих стихов. Я подборку не послал.

Вторую книжку «Покатился вагон по России» (2004) я готовил у А.Ф. Мосинцева. Встречи с этими людьми породили во мне неуверенность в моём праве причислять себя к их плеяде. А не баловство ли это, не праздное ли времяпрепровождение, думал я. Нужны ли кому-нибудь мои стихи? Хотя Мосинцев после выхода второй книжки дал мне рекомендацию в Союз писателей России, как и Раиса...»

2004 — раздел «Поэзия» в журнале «Южная звезда» № 2 открывается подборкой стихов В. Бударина. И хотя связано это всего лишь с буквенным порядком алфавита, а всё равно приятно, что и девять лет спустя журнал «Южная звезда» №1, 2013, вновь предоставил Владиславу Пантелевичу первоочередное право открыть поэтическую вселенную номера.

Становится нас меньше на границах,
И стала меньше линия границ.
Всё чаще видим мы чужие лица
Средь наших вырождающихся лиц.

Степная пыль, пропахшая бензином,
Полоски созревающих хлебов...
Запитая, стоит у магазина
В былом святая к Родине любовь.

2007 — принят в члены Союза писателей России. Зная, что Владислав Пантелевич с одной стороны независим и пренебрежителен, как вспорхнувший на баррикаду Гаврош, с другой — странно и не по рангу скромно, хочу заявить во всеуслышание, что место в нашем Союзе этот самородок с развитым патриотическим чутьём завоевал заслуженно. Прав писатель из Нальчика Сергей Новосёлов, поставивший творчеству Бударина верный и горький диагноз: «Это разрывающее душу описание симптомов наших болезней, а может даже и национальных черт» («Лира Кавказа» № 5. Кисловодск, 2005, с. 77).

16 июня в Пятигорске состоялся юбилейный вечер В. Бударина в честь его 60-летия.

2009 — в Минеральных Водах издан огромный (574 с.) том стихов, поэм, сказаний «О жизни, о стране, о нас».

2010 — 28 сентября выступил на открытии памятной доски на фасаде здания минераловодской библиотеки в связи с присвоением ей имени Раисы Котовской. Волнуясь, прочитал посвящение, которое предваряет поэму «Покатился вагон по России»:

Кому? Конечно же, любимой,
Чьим светом освещён мой путь,
К душевной фальши нетерпимой,
Познавшей трудной жизни суть.

Той, для которой не жалея,
Готов отдать в остатке дней
Всё, что сумел и что сумею,
Всё ей - наставнице моей.

2014 — в Пятигорске выходит очередной сборник В. Бударина «Родина моя, Родина...» — на плотной бумаге, в великолепном переплёте. Здесь вы найдёте много новых стихотворений; содержание книги отобрано автором более придирчиво.

Светлана Солодских первая поняла, что «жизнь, в которой он нам «признаётся», — очень, знаете ли, наша, русская жизнь: одновременно талантливая, безалаберная и трагичная. И счастливая тем русским счастьем, о котором не знаешь что и думать».

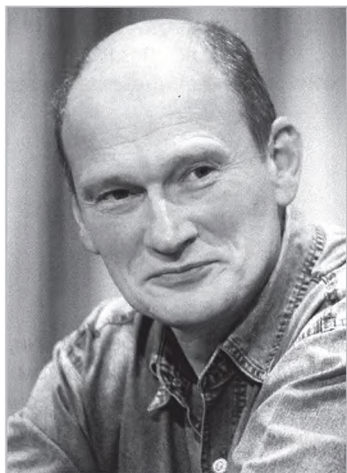
И неохота умирать,
И жить противно.

Те, кто в недалёком будущем станут писать историю России, найдут живой отклик народа в трудах Владислава Бударина. Отражая эпоху жуткого социального неравенства, его стихи сами по себе являются ценнейшим историческим документом.

В суете, в бореньях с нищетой
Годы нашей жизни пролетели,
Лишь остался розовой мечтой
Долгожданный свет в конце тоннеля.

*На снимке (слева направо):
Владислав Бударин и Николай Сахадзе
на презентации книги «ИМЕНА...»
г. Пятигорск, 13 декабря 2014 г.*

**Воропаев
Олег Владимирович**

*Ах, отцовские горькие думы!
В полумёртвом спокойствии мать!
Я в свои перемётные сумы
Карандаш положил и тетрадь.*

*Это ты – ещё детская муза –
Уезжала со мною в поход.
И, не чувствуя лишнего груза,
Кобылица рванулась в наём.
Николай Туроверов*

Родился в понедельник, 2 сентября 1963 года, в г. Заполярном Мурманской области.

Отец, Владимир Васильевич Воропаев, в молодости служил на флагманском крейсере Северного флота. Был печатником корабельной многотиражки, охотно писал сам о боевых буднях команды крейсера. Его публикации заметил командующий флотом адмирал А.Г. Головкин и отечески посоветовал молодому матросу после службы учиться на журналиста. Так и получилось.

Мать, Зоя Фёдоровна – учительница иностранных языков, обладала различными талантами: от рисования акварелью пейзажей до виртуозной игры на аккордеоне. С детства прививала сыну любовь к литературе: читала вслух русских классиков, пела старинные романсы, вспоминала любимые стихи.

Три года, с семи до десяти лет, заболевший подросток провёл на больничной койке костнотуберкулёзного санатория в Крыму. После перенесённой операции ему долго пришлось восстанавливаться и даже заново учиться ходить. Книг в этот «лежачий» период было прочитано не по возрасту много.

1979 – первая публикация в районной газете «Советская Печенга» (г. Заполярный). Отец был корреспондентом этой газеты и как-то попросил у начинающего поэта тексты его стихотворений; два из них напечатал. Позже из беседы с отцом Олег узнал, что таким образом было заполнено пу-

стующее пространство, возникшее во время вёрстки газеты.

Это был урок на всю жизнь. С этого времени поэт Воропаев пытается доказать себе и потенциальному читателю, что он автор пространства не «пустующего», а самого что ни на есть наполненного – литературного.

1980 – окончил среднюю школу в Заполярном, поступил на сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. В период учёбы увлёкся морским многоборьем. Под парусом и на вёслах открывал для себя суровые красоты страны лесов и камня – Карелии. Активно писал «осмысленные», как он выразился, стихотворения, но никаких попыток к их публикации не предпринимал.

После получения диплома в 1985 году работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии.

Преподавал биологию в школе.

Был разнорабочим в геологоразведочной экспедиции на Кольском полуострове.

1993 – тридцати лет от роду впервые увидел цветенье садов, перебравшись с Севера в г. Новопавловск Ставропольского края, на родину предков-казаков. Здесь пополнил ряды членов районного литературного объединения «Ли́ра», созданного И.М. Аксёновым. Общение с талантливым руководителем, неизменное участие в работе объединения помогло, по признанию О. Воропаева, «в смысле культуры стиха, в поисках свежих поэтических форм и образов». Хотя два десятилетия спустя Олег Владимирович вспомнит пору своего ученичества с изрядной долей иронии:

Ах, да!.. На Кавказе попутным ветром
прибило меня к сочинителю-мэтру.
Он был как символ, как Серп и Молот.
«Печатайся, пока молод!» –
сказал он. И я побежал вприпрыжку
кропать свои первые книжки.

С 1994 года – офицер милиции. В этом же году выходит дебютная книжечка стихов О. Воропаева «Тихая пристань» (Новопавловск).

Хорошее название! Жаль только, что принадлежит оно Ивану Кашпурову, который охотно дарил молодым поэтам привлекательные названия для их первых книжек, забывая при этом, кому какое предлагал. Вот бывало и выходило две книги кряду под одной и той же шапкой.

1995 – участник литературного семинаре по линии МВД в Москве. В типографии Новопавловска издана вторая поэтическая книжка «Надежда на осень». Среди необязательных стихотворений вдруг попадаете изумительная «Казачья песня», написанная в полном соответствии с фольклорной традицией терских казаков.

Поднесите вина на дорогу, как исстари было!
Чтобы легче в пути, чтобы злее и круче в бою!
Что ещё казаку? Разве чтобы ждала – не забыла
Молодая подруга в далёком родимом краю.

Мы привыкли любить на санях и в обозных подводах,
Мы устали вином наши раны и души лечить.
Сколько верных друзей мы оставили в долгих походах!
Сколько их матерей нас не может за это простить!

С атаманом на «ты». Наша воля не знает сословий.
Нам свобода одна – за Отечество жизнь положить!
Обнажая клинки, мы дурели от запаха крови,
Но трезвели от слёз, если срок панихиды служить.

Затрубили в поход! Ещё степь от росы не остыла,
Ещё кони храпят, ото сна привыкая в строю.
Поднесите ж вина! Как у предков в обычае было,
Чтобы легче в пути, чтобы злее и круче в бою.

1996 – в январе О. Воропаев участник совещания молодых писателей в г. Ярославле. В августе публикует третью книжечку стихов «Встречные волны» (Новопавловск). Одно из стихотворений посвящено писателю из Санкт-Петербурга Вячеславу Овсянникову. «Ученик поэтической школы

В.В. Сосноры, порой камня на камне не оставлял от моих, казалось бы, не самых худших «стихотворческих» опытов, но в конечном итоге именно он подтолкнул меня к пониманию той, почти мистической грани, за которой начинается настоящая литература» («Автобиографическая справка» в книге «Форт». Новопавловск, 2005, с.207).

1997 – 1 октября в Ставрополе состоялось писательское собрание. Одним из вопросов, который озвучил руководитель краевой писательской организации Иван Емельянович Белоусов, был приём в профессиональные ряды новых претендентов.

Когда вопрос коснулся Олега Воропаева, к столу подошла Валентина Ивановна Сляднева, взяла за уголок три тощие (по 40 страниц каждая) книжицы и, пренебрежительно помахивая ими перед собой, с недоумением воскликнула:

– На основе этого безобразия вы хотите принять его в Союз писателей России? Но ведь ЭТО даже на книги не похоже. Помнитесь, люди!

Но её наскок не сработал. Большинство (и я в том числе) проголосовало «за».

– Хорошо! Увидите, как его Москва завернёт, – не сдаваясь, пообещала Сляднева. – Там приёмная комиссия построже и попринципиальнее будет.

На следующий день мы разъезжались из краевого центра по своим медвежьим углам. Олег Воропаев подарил на прощанье сборник «Надежда на осень»: «Николаю Сахадзе с добрыми чувствами, в память о вступлении моём в Союз. – О. Воропаев. – 2.10.1997».

1999 – официально принят в Москве в Союз писателей России. В Новопавловске выпущена четвёртая книжечка стихов «Игра на грани». В ней интенсивный поиск новых тем и новых форм. Вот заключительное стихотворение сборника:

пусто
как после выстрела в висок
когда только вдох... выдох...
и всё

Шесть лет спустя четыре процитированные строчки станут коротенькой главкой в поэме «Затерянный город», фактически самым жёстким и трагическим произведением поэта на тот момент.

2000 – отбывает в командировку на границу с Чеченской республикой. В результате этой поездки впервые обращается к прозе, приступает к работе над повестью «Форт».

2003 – 2004 – служба по контракту в Ленинском РОВД города Грозного в должности старшего оперуполномоченного уголовного розыска. Попав в горнило гражданской войны, которую по сию пору принято именовать контртеррористической операцией, майор Воропаев осознал, что судьба подкинула ему бесценный материал. Он начал вести дневник и делать выписки из поступающих в отдел оперативных сводок. Вот некоторые из них:

«5 июля 2003 года. Подрыв автомашины УАЗ на проспекте Ленина, у переговорного пункта. Фугас направленного действия. Пострадавшие – сотрудники красноярского ОМОНа. Трое убитых, двое раненых».

«4 ноября 2003 года. Подрыв на проспекте Богдана Хмельницкого. Радиоуправляемое взрывное устройство было установлено в подъезде дома, на крыше которого располагалась огневая точка курганинского ОМОНа. Один омоновец погиб, двое тяжело ранены».

«21 августа 2004 года. В результате дерзкого «налёта» боевиков на Октябрьский ОВД погибло 78 местных милиционеров и контрактников».

2005 – в журнале «Южная звезда» № 3 появляется подборка стихов О. Воропаева. С этого времени он – постоянный автор популярного всероссийского журнала, публикует на его страницах не только поэзию, но и честную суровую прозу. В Новопавловске в свет выходит изящно-строгий книжный томик «Форт», включающий в себя стихи, переводы из Райнера Марии Рильке, повесть и рассказы.

2006 – первая публикация в центральном литературном издании. Журнал «Литературная учёба» (Москва), чей тираж в советское время составлял немислимые сегодня девятьсот тысяч экземпляров, напечатал рассказ и повесть новопавловского писателя.

В 2009 году О. Воропаев, начальник отделения вневедомственной охраны при ОВД Кировского района, выходит на пенсию в звании подполковника. Теперь он может приступить к любимому делу с большей самоотдачей. Правда, поэзия отступает на второй план, ему тесно уже в её рамках, на первый – выходит проза.

В журнале «Южная звезда» № 4 и одновременно в издательстве М. и В. Котляровых (г. Нальчик, КБР) публикуют «Записки «контрабаса»». О буднях контрактников (в просторечии «контрабасов») в разрушенном войной, измученном обстрелами, подрывами, убийствами и похищениями людей Грозном.

Это главное произведение Воропаева-прозаика. За него автор заслуженно получил сначала Диплом литературного конкурса МВД России, затем Губернаторскую премию им. Андрея Губина (Журнальный вариант повести опубликован в Москве в журнале «Роман-газета» №9, 2016).

2013 – издательство М. и В. Котляровых знакомит читателей с новой прозаической книгой О. Воропаева «Параллельное время». – «Книга хотя и состоит из нескольких, казалось бы, самостоятельных повестей и рассказов, на самом деле пронизана и скреплена авторским сознанием, поэтому и читается как единый роман... о себе во времени и о времени в себе», – проникательно отметил Станислав Подольский в альманахе «Литературный Кисловодск» № 53.

2014 – очередной успех в прозе недавнего поэта вновь дублирует журнал «Южная звезда» №2. Ежеквартальное издание открывается биографической повестью «Параллельное время». В своей статье Станислав Подольский писал, что «правда о себе» – это единственный «положительный герой» прозы Олега Воропаева, объединившей все наши «параллельные времена и миры» в абсурдном необъяснимом единстве.

2016 – живой интерес к истории демонстрирует первоклассный рассказ О. Воропаева «Святослав» («Южная звезда» № 3), написанный кинематографически-зримо, с редкой лирической силой.

Северокавказское издательство МИЛ выпускает книгу стихов «Бессонные птицы», в ней 122 поэтических текста, написанных за 30 лет творческой жизни. Сборник смог появиться

на свет лишь благодаря матери писателя, Воропаевой Зое Фёдоровне. Узнав, что издание откладывается по материальным причинам, она сняла со сберкнижки все свои сбережения и отдала сыну со словами: «Не обижай меня отказом, сынок. Книга ведь твой ребёнок, а это то небольшое, что я могу ещё сделать для тебя». Было это за два года до её смерти.

Какими словами выразить нашу признательность матерям современных писателей?! Ведь похожая история приключилась со мной при издании сборника «Сад осьминогов»: моя незабвенная матушка, Любовь Николаевна, оплатила треть необходимой суммы из тех пенсионных крох, что ежемесячно откладывала на свои похороны. И я в смятении спрашиваю себя: «Во что нас превратила жадная, прагматичная, равнодушная к культуре власть, если мы забираем последнее у престарелых родителей?!» Между тем, немалые средства тратятся на проведение различных форумов, на которых число приезжих из Москвы, Санкт-Петербурга и сопредельных государств превышает количество местных участников. И если первым оплачивают проезд и проживание, то здешние люди искусства вынуждены приезжать в Ставрополь и селиться в

«Расскажи, как там в Грозном, Олег?»

*На снимке (слева направо): О. Воропаев, В. Кожевников,
А. Мосинцев, Н. Бондаренко, А. Иваненко.
г. Пятигорск, 2005 г.*

гостиницу за свои деньги. Как это случилось со мной и Олегом Воропаевым на последних форумах «Белой акации».

2018 – Воропаев возглавил литературное объединение «Лира», которое создал и которым в течение 32-х лет руководил И.М. Аксёнов. Так что город Новопавловск по-прежнему пребывает в числе наиболее значительных литературных центров Ставропольского края.

*Писатели края приехали в Литературный центр
на 70-летие Союза писателей Ставрополя.
Крайний слева стоит О. Воропаев.
г. Ставрополь, 2007 г.*

Гнеушев
Владимир Григорьевич
1927 – 2011

Осенью 1967 года я работал монтировщиком сцены в Ставропольском драмтеатре и, в ожидании обещанной директором театра койки в общежитии, жил в семье писателя Е.В. Карпова.

В тот день я, как обычно, пришёл на долгий (из-за вечернего спектакля) обеденный перерыв. Раиса Ивановна, супруга писателя, смуглая чернобровая украинка, вела оживлённую беседу с незнакомым мне мужчиной. У него было тяжёлое, запоминающееся лицо, словно высеченное из скальной породы.

Раиса Ивановна представила нас друг другу.

В тот период их трёхкомнатную квартиру на пересечении улиц Мира и Краснофлотской посещало много талантливых людей. Карповы недавно перебрались сюда из Моздока, и Раисе Ивановне досталась нелёгкая роль гостеприимной хозяйки литературного салона.

Обмениваясь рукопожатием, Гнеушев послал мне дежурную полуулыбку и, отбыв эту повинность, продолжил прерванный моим появлением разговор. Оказывается, он только что вернулся из Старого Крыма, где познакомился с Ниной Николаевной, женой А.С. Грина, занятой безуспешными хлопотами по созданию музея мужа.

Я вдруг понял, что Гнеушев похож на фотографию Грина, предвещающую недавно прочитанный мною шеститомник, приложение к журналу «Огонёк».

– Больше всего мне понравилась «Дорога никуда», – сказал я, когда разговор коснулся этого издания.

– У тебя есть вкус, старик, – с одобрительным интересом отозвался Гнеушев. – Это и впрямь великая книга. Грин доказывает нам, что дорога честности, дорога благородства – это дорога в никуда.

Так, на взаимной любви к А.С. Грину, началось наше знакомство.

Владимир Гнеушев родился 2 октября 1927 года в селе Кевсала Ипатовского района Ставропольского края. Название села переводится с ногайского языка как «сивый ручей». Это ответ И.В. Кашпурову на его огорчение в стихах:

Не знаю я, что означало
Сухое слово – кевсала –
До той поры, пока не стало
Названьем русского села.

«Рано остался без родителей...» Долгое время я думал, что родители Гнеушева скончались в голодном тридцать третьем, но в стихотворении «Рядовой», посвящённом памяти отца, Григория Анисимовича, сын-поэт свидетельствует:

Он убит в боях за Севастополь.
Синим майским днём,
В сорок втором.
И на дне глубокого окопа
Был он похоронен под огнём.

Опираясь на публикации в периодической печати и на несколько фраз, брошенных вскользь при мне Гнеушевым, попытаюсь воссоздать ситуацию. Хотя это не просто, ибо сам Владимир Григорьевич не всегда говорил одинаково, и будущим биографам-архивистам есть где проявить рвение.

Голод 1933 года прошёл по Ставрополю, Кубани, Дону и Тереку не менее страшно, чем по Украине. Журналистка Валерия Пересыпкина в очерке «Очарованный странник» приводит такой случай: «Однажды Володю с матерью, проходящих по сельской улице, остановил колхозный объездчик, одноногий дядя Емельян. И сказал матери: «Ты не дюже отпуская Володьку от себя. По крайности дома пусть посидит, покуда мы шайку от села отгоним... Покуда кукуруза стоять

на поле будет, она не уйдёт. Как бы не съели парня». Мать, не помня себя, схватила Володю и бросилась в свою землянку. Упала на лавку и долго безутешно плакала, прижимая к себе сына. Слухи о людоедстве в то время не затихали, и вот угроза оказалась совсем рядом...» («Ставропольские губернские ведомости» от 3 октября 2007 года).

Десятки тысяч осиротевших детей хлынули из сельской местности в города в надежде обрести там кусок хлеба. Пополнил их армию и сбежавший из родного села Володя Гнеушев.

Беспризорничал, побирался, воровал, ночевал в разогретых за день асфальтовых котлах.

Со времён Феликса Дзержинского непризорниками в СССР занимались чекисты. В самые кровавые для НКВД годы именно это ведомство спасло подростка Гнеушева от смерти. Из ежовских детприёмников его направляли то в «режимные» детские дома для «трудных», то подсобным рабочим на Махачкалинский консервный завод, то на учёбу в Минераловодское железнодорожное училище...

В родное село вернулся незадолго до войны. Несмотря на бурное прошлое, охотно и добросовестно приступил к полевым работам в колхозе «Путь Ильича».

«В поле и жил. За старания и ввиду отсутствия одежды был переведён в контору вестовым. С тех пор жил на конюшне, где от лошадей было тепло. По-прежнему голодал.

Когда началась война, коню моему Кобчику, объявленному стратегическим вооружением, стали выдавать паёк в виде овса. По ночам я нарушал Божью заповедь «не укради» – брал у Кобчика часть овса. Поджаривал, шелушил и ел тоже по ночам, как мусульманин в праздник Рамазана, ибо органы меня бы не поняли. Конь относился с пониманием – сочувственно вздыхал» (Автобиография, написанная для журнала «Наш современник» в 1992 году; цитируется по публикации в «Ставропольской правде» 1 октября 2002 года).

Осенью 1944 года, опасаясь, что войну закончат без него, 17-летний доброволец добился отправки в армию.

«Попал на службу в Тощие лагеря, которые к тому времени верно и стойко служили как зэкам, так и защитникам ро-

дины. Через три месяца жестокого ледового обучения – маршевые роты и почти безостановочный бег через всю страну на Брест и дальше – на Бреслау» («Ставропольские губернские ведомости» от 3 октября 2007 года).

Мы подлежали выброске с утра.
От Балтики по Одеру летели
В сплошном тумане бронекатера.
Год сорок пятый. В слякотном апреле.

Нас до поры не видеть, не слышать.
Десантов увеличивая славу,
Должны мы были молчаливо взять
Тюрьму, каналы и вокзал Бреслау.

И вот утомонился шум винтов.
Бетон к воде катился, влажно-матов.
И прыгали десантники с бортов,
Гремя потёртой сталью автоматов.

А пулемёты били с двух сторон,
Пристрельно, гулко, яростно и резко.
И многим тем, кто прыгнул на бетон,
Пришла в тот день смертельная повестка.

В тот день, среди сырых ещё могил,
С тоской в душе сырые ямы видя,
В одной из них я тоже схоронил
Дружка и земляка Орлова Витю.

И слушал я, как от победы пьян,
О вечной дружбе русских и поляков,
На кромке стоя, польский капитан
И страстно говорил, и трудно плакал.

– От имени товарищей моих
Клянусь всем драгоценным в человеке...

И верилось склонившимся в тот миг,
Что это – правда. Присно и вовеки...

Многие стихи В. Гнеушева основаны на реальных событиях и носят документальный характер. Ему нравится глубоко и эмоционально исследовать собственную личность. А уж откуда у читателя возникает при этом исполненный силы образ поколения – поэтическая загадка.

Молодой боец воевал в Германии и Польше. В боях был ранен. Три месяца провёл в госпитале. Уже после окончания войны его настигла сумасшедшая любовь к пятнадцатилетней полячке.

Сегодня не смогу припомнить сам,
Как мы взглянули. Как знакомы стали.
И, поклоняясь лунным вечерам,
По улицам заснеженным гуляли.

И я сказал, молчанья не стерпя,
Взлетая на заоблачные выси:
– Меня зовут Володя. А тебя?
И девочка сказала тихо: «Гжися».

И так неосмотрительно я жил,
Такие подавал друзьям примеры,
Что замполит комбату доложил:
«Прошу принять решительные меры».

Но меры не умерили мой пыл.
И вот тогда комбат, в стране над Вислой,
Меня, как Бульба, пульей не убил,
Но в деле написал: «В Россию выслать...»

Был август месяц. Поздние цветы
За окнами Христины пламенели.
А поезд грохотал через мосты,
И я упал лицом в сукно шинели...

Так в августе 1946 года В. Гнеушев был выслан из Польши. Пять лет прослужил на кораблях Военно-Морского флота – Балтика, Чёрное море, Север. Природный степняк, он полюбил море беззаветной любовью и посвятил ему немало прекрасных стихотворений. По поводу дальнейшей службы однажды высказался так: «Я принадлежу к поколению, которое самым краешком опалила война и которое потом долго ещё служило в армии, выравнивая разницу призывных возрастов военного и мирного времени».

1947 – седьмого ноября на эскадренном миноносце «Славный» Краснознамённого Южно-Балтийского флота после длительного и трагического плавания участвовал в Ленинграде в морском параде в честь тридцатилетия Октябрьской революции.

«Вечером я получил увольнение на берег и, перейдя мост, ступил на Васильевский остров. Нашёл третью линию и пошёл вдоль домов до угла Малого проспекта. Узнав по описаниям Виталия Валентиновича Бианки его дом, поднялся по широкой лестнице на второй этаж. Так мы встретились впервые за долгие годы разлуки после первой нечаянной встречи...» – пишет В. Гнеушев в «Ставропольской правде» 11 февраля 2000 года.

Мне так и не удалось узнать, когда, где и как они познакомились, но игнорировать факт их общения не имею права. Впоследствии В. Гнеушев неоднократно будет подчёркивать: «Моё идеологическое и нравственное воспитание целиком взяли на себя жизнь, собственное упрямство и Виталий Валентинович Бианки – великий человек и писатель, ставший мне вторым отцом».

1950 – по рекомендации Ленинградского отделения Союза писателей СССР принят в Литературный институт им. Горького на заочное отделение.

1951 – в марте, завершив почти семилетнюю воинскую повинность, старшина 2-й статьи В. Гнеушев приехал из Ленинграда в Москву, чтобы перевестись на очное отделение. Перевод прошёл, можно сказать, безболезненно...

1954 – выходит в свет первая книжка стихов «В дальних морях», изданная ленинградским отделением Детгиза.

1955 – Ставропольское книжное издательство публикует вторую книгу стихов «Якорей не бросать!»

Завершив образование, молодой поэт едет с дипломом Литинститута на родину и несколько лет трудится в отделе пропаганды газеты «Молодой ленинец». Вадим Белоусов в материале «Мужество и нежность» («Творчество». Ст., 1982) воспроизвёл картину тех лет:

«... Большая, немного сумрачная комната в старом здании редакции «Молодого ленинца». Этого здания теперь уже нет. В комнате – пять столов, продавленный коричневый диван, два телефона. Здесь располагаются отделы учащейся молодёжи и пропаганды.

За одним столом Владимир Гнеушев.

Обычно около него толкуются молодые ребята, начинающие поэты и прозаики. Что-то обсуждают, спорят. Гнеушев руководил тогда литературной группой при редакции, много работал с молодыми авторами. Он и сам был молод, но его мнение и советы ценились высоко. Авторитетность им придавали и уже опубликованные стихи Гнеушева, и знания, полученные в Литературном институте, и немалый жизненный опыт.

Так что стул для посетителей около стола Владимира Гнеушева пустовал не так уж часто».

1957 – в краевом центре выходит третья книга «Синяя птица».

1958 – принят в члены Союза писателей СССР.

В начале 60-х В. Гнеушев безусловный лидер по количеству изданных книг среди писателей края: «Дорогой отцов» (Ст., 1960), «Стихи о рядовом» (Воениздат, 1960), «Тревога» («Мол. гвардия», 1960), «Пионеры больших скоростей» («Мол. гвардия» 1961), очерки «Друг, товарищ и брат» (Ст., 1962), «Если ты не забудешь...» (Ст., 1963), путевые очерки с Д. Сиротой и В. Хорольским «На все четыре стороны» (Ст., 1964).

В эти годы В. Гнеушев – корреспондент «Комсомольской правды».

6 октября 1962 года всесоюзная молодёжная газета публикует его материал «Горы открывают тайну», 19 октября – «По следам тайны». В них рассказывается об останках советских солдат, найденных чабаном Мурадином Кочкаровым в горах Западного Кавказа. Страна узнала о своих героях, которые в трудных природных условиях сумели не пропустить через перевалы отборные горнострелковые немецкие дивизии, включая хваленый «Эдельвейс» – гордость Адольфа Гитлера.

То, что делает В. Гнеушев дальше я бы назвал писательским подвигом... Вместе с журналистом Андреем Лаврентьевичем Попутько (1920-2004), в то время редактором карачаево-черкесской областной газеты, они спешно, в каторжном режиме пишут книгу «Тайна Марухского ледника», открывая миру десятки, если не сотни имён доселе неизвестных защитников Кавказа, навсегда оставшихся в заоблачной выси («Фронт над облаками» назовёт поэму о тех же событиях друг-поэт Александр Екимцев).

1963 – выходит первое издание повести «Тайна Марухского ледника» в Черкесске. Через год повесть переиздаст Ставрополь.

Современным людям трудно представить небывалый общественный резонанс, вызванный в стране появлением книги. Шквал взволнованных телеграмм, писем, телефонных звонков; публикации в газетах и журналах от Тбилиси, Цхинвала, Сухуми до Риги, Фрунзе, Якутска, Гомеля и Киева.

А два ставропольских автора продолжают титанический труд, и в 1968 году в Черкесске под названием «Дыхание лавин» появляется вторая книга эпопеи. Послесловие к ней написал генерал армии И.В. Тюленев, бывший командующий Закавказским фронтом.

«Как не восхищаться описанным в первой книге подвигом молчания, который совершили защитники Наурского перевала, – вспоминает генерал армии случай, подобия которому нет в истории войн человечества. – Сорвавшись тёмной ночью со скалы, они летели в бездну молча, не проронив ни слова, чтобы не выдать врагу боевых товарищей. Трудно даже представить себе это, как юноши ещё не достаточно закалённые войной и жизнью, нашли в себе силы не только преодолеть страх, но и стать выше человеческого инстинкта самозащиты».

Обе книги про Марухский ледник массовым тиражом в едином томе издают в Москве («Советская Россия», 1971) и в Ставрополе (1975). Два фронтовика, два воина-журналиста создали настольную книгу для миллионов юных патриотов, ведь именно после её выхода начался Всесоюзный поход молодёжи по местам боевой и трудовой славы советского народа. Однако ошибутся те, кто решит, что В. Гнеушев, занятый документальной прозой, позабыл о поэзии.

1966 – Ставропольское книжное издательство выпускает уникально оформленный «кирпич» книги «Лирика» (художник Н.Д. Будников, редактор И.С. Романов) тиражом двадцать пять тысяч экземпляров. Предисловие «Стихи друга» написал Роберт Рождественский.

В Черкесске выходит поэма «Доброта», созданная по мотивам былей и легенд Карачаево-Черкесии. В Москве, в том же 1966-ом, публикуют сборник стихов «Земля и море» в издательстве «Советская Россия».

1969 – краевой комитет ВЛКСМ учредил премию им. Героя Советского Союза Александра Скокова. Первыми лауреатами этой награды в области литературы стали В. Гнеушев и А. Попутько.

1971 – в Ставропольском книжном издательстве выходит книга лирических стихов «Последний автобус» с иллюстрациями В. Додэ.

Переезд В. Гнеушева в Москву существенно ограничил поток информации о нём. Он частенько навещал Ставрополь, отсюда на перекладных отбывал поработать в заповедной тиши Загедана (посёлок в горах Карачаево-Черкесии), продолжал широко публиковаться в краевых газетах и альманахе «Ставрополье», издавал свои сочинения в Ставропольском книжном издательстве: «Дорога на перевал» (1977), «Южные города» (1982), – стоял на учёте в краевой писательской организации.

Это подвигло местного борзописца, выброшенного из издательского плана, поднять на собрании вопрос о выводе писателя Гнеушева из состава краевой писательской организации: «Пусть становится на учёт у себя в Москве».

Предложение отклонили, но В. Гнеушев был по-мальчишески сильно обижен, и напоминал в тот момент повзрослевшего Гекльберри Финна.

1981 – издательство «Современник» на шикарной мелованной бумаге: Чи-таешь – и читать хочется! – печатает книгу стихов «Меж двух морей» тиражом двадцать тысяч экземпляров.

1983 – авторы книги «Тайна Марухского ледника» удостоены премии Союза журналистов СССР.

1985 – В. Гнеушев и А. Попутько выпускают ещё одну художественно-документальную книгу «Партизанский заслон».

1986 – в издательстве «Советская Россия» выходит «Из-

бранное: стихотворения и поэмы» (400 с.) с предисловием Николая Старшинова.

1987 – в книге «Хранить вечно» (Ставрополь) В. Гнеушев собрал повести о чекистах, их подвигах в тылу немецко-фашистских войск.

1990 – публикует сборник «Кресты и пьедесталы». Вот что пишет о нём доктор филологических наук Людмила Егорова в уникальной «Истории литературы Ставрополья. XX век» (Ст., 2012): «Название дала одноимённая поэма-воспоминание о гибели товарищей, советского десанта, на польской, оккупированной фашистами земле. Но, увы, теперь обелиски («кресты») уничтожены. Поэт-гражданин протестует против «инфляции души»: «Пойду на бой с тупым и жадным сбродом...», – и это не поэтическая декларация, но жизненная позиция писателя. Об этом говорят многие стихи, вошедшие в сборник, обличающие тех, кто

вчера кричали Сталину ура,
сегодня шляпы носят под Хрущёва,

тех, кто не имеет чёткой гражданской позиции».

1998 – в Москве выходит «Полынная слава», художественно-документальное повествование об истории и настоящем казачества Северного Кавказа. Шкуро, Кочубей, Сорокин, Краснов – горькая судьба этих людей получила объективное отражение на страницах книги.

2004 – в феврале В. Гнеушев по просьбе сотрудников Ставропольского краевого музея им. Г. Прозрителева и Г. Праве привозит щедрые дары: самодельный металлический подсвечник, пенал в форме торпеды, портфель, будильник, телефонный аппарат, чернильный набор в виде танков и самоходных орудий, собственноручно добытую в Караибском море раковину (Сергей Бойко рассказывал мне, что Н.С. Хрущёв не мог выговорить слово «Караибское», поэтому в СССР море переименовали в Карибское).

Особый интерес вызвали фотографии, документы, коллекция книг с автографами В. Аксёнова, М. Дудина, Л. Жуховицкого, Р. Рождественского, К. Ваншенкина, С. Куняева. На од-

ной из собственных книг В. Гнеушев оставил пленительную надпись: «Дорогому моей душе краеведческому музею навеки милого Ставропольского края...»

2006 – альманах «Литературное Ставрополье» печатает отрывок «Выйти на площадь» из книги воспоминаний В. Гнеушева: незабываемые годы студенчества, невесёлое общение с КГБ в 1963-м, запоминающийся портрет изворотливого, лицемерного Евгения Евтушенко – изображены с беспощадной правдивостью.

Рассказывая мне и Вадиму Куропаткину о своих отношениях с Евтушенко, насмешливый Гнеушев озвучил эпиграмму-покаяние поэта Долматовского:

Я – Евгений, ты – Евгений,
Я – не гений, ты – не гений.
Я – говно, и ты – говно!
Ты – недавно, я – давно...

Дебютный номер альманаха «Голос Кавказа» (Пятигорск, 2007) публикует главы из автобиографического романа В. Гнеушева под названием «Там, в горах...»: «Самое страшное, что с нами произошло, это вовсе не то, что нас обманули, обвели вокруг пальца, ограбили, унизили презрением и даже облапошили по базарному образцу, а то, что нас расчётливо и холодно предали».

Если б знали наши предки,
Послужившие векам,
Что наследство сдали редким
И отпетым дуракам.
И хотя б единым глазом
Поглядеть на нас могли,
Тут же плюнули б три раза
И обратно залегли...

2007 – в конце сентября В. Гнеушев приехал на Ставрополье отметить своё 80-летие.

И он, и мы понимали, что это наше прощание с ним: правительство края вручило медаль «За заслуги перед Ставрополь-

ским краем», казаки наградили Терским казачьим крестом генерала Ермолова.

В Литературном центре В. Гнеушев провёл презентацию свежеезданного тома «Сирень в провинциальном городке» (Москва). Охотно читал стихи, шутил без намёка на улыбку, тепло общался с работниками библиотек.

В конце встречи стал подписывать книги.

Я тоже с сомнением приблизился к нему. Мы не виделись свыше пятнадцати лет, и мне следовало, наверное, освежить юбиляру память. Но его перо уже выводило что-то. Когда я увидел, что именно он пишет, то едва удержался от слёз: «Дорогому Коле Сахвадзе на память о молодости, которая, какой бы ни была, но – наша!!! Вл. Гнеушев».

И сразу вспомнились не только дружеские посиделки в ресторанах Ставрополя, но и наши походы в горы под опекой егеря Ивлева...

Вот, в сущности, и всё.

Наш земляк проживёт ещё три года и десять месяцев. Но это время будет похоже на доживание.

Последние полтора года был прикован к постели тяжёлой болезнью.

Умер 28 июля 2011 года. Похоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище в Новокосино: «Домой вернулся моряк, домой вернулся он с моря. И охотник вернулся с холмов»¹.

Однажды мы с Александром Поповским попали на писательскую дачу в горах Карачаево-Черкесии. Тогда же в посёлке Загедан находились художники Май Митурич и Анатолий Брусиловский.

Май Митурич оказался племянником Велимира Хлебникова.

Потом художники вернулись в Москву, а сюда в тот же день явился Гнеушев. Я посочувствовал ему, что он не застал здесь художников, тем более что один из них – племянник Велимира Хлебникова.

– А это не его заслуга, – равнодушно объявил Гнеушев.

¹ Роберт Льюис Стивенсон «Реквием».

Поповский побагровел и вдруг прокричал с непонятной обидой и остервенением:

– Ну, стань ты! Стань ты племянником Хлебникова!

Гнеушев спокойно глянул на рассерженного коллегу и, покрывая простыней раскладушку, без тени высокомерия или пафоса сказал:

– А мне ни к чему это, Саша. Не надо мне становиться ничьим племянником. Мне вполне хватает того, что я – поэт Владимир Гнеушев, и за мной одна Родина, один флаг, одна присяга и единая верность им. Спокойной ночи, коллеги!

... В конце XX века ставропольский писатель Александр Михайлович Поповский эмигрировал в Германию и умер там 24 мая 2014 года.

*80-летие Гнеушева в Ставрополе (слева направо):
Витислав Ходарев, Владимир Гнеушев, Вадим Чернов.
Сентябрь 2007 г.*

**Гниловской
Владимир Георгиевич
1907-1980**

В моей личной библиотеке рядом с репринтным изданием «Ставропольской губернии» Антона Твалччрелидзе стоит «Занимательное краеведение» Владимира Гниловского. Обе книги одинаково важны для меня, хотя одна из них написана для подготовленного читателя, другая же – для детворы.

В 2019 году исполнилось 65 лет со времени выхода в свет «Занимательного краеведения». Нам трудно даже представить сейчас количество школьников-подростков, которые обрели обширные знания и любовь к родному краю, благодаря этой дивной нестареющей книге.

Её автор родился 14 июня 1907 года в Ставрополе, в семье Георгия Владимировича Гниловского, учёного секретаря епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафадора. Мать – Екатерина Георгиевна Тарасова, дочь именитого купца из села Безопасное.

Уже в школьные годы Володя часами изучал материалы Ставропольского краеведческого музея. А основатель музея Георгий Константинович Праве (1862 - 1925), добродушный выходец из семьи обрусевших шведов, стал для любознательного подростка идеалом служения делу краеведения.

В 1924 году семнадцатилетний Владимир окончил школу 2-ой ступени, сиречь девять классов, и поступил в Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Был лучшим в эконо-географической секции экономического факультета.

1928 – по окончании учёбы попал в город Златоуст Челябинской области. Преподавал географию, был заведующим учебной частью рабфака, научным сотрудником краеведческого музея.

Через четыре года В. Гниловской возвращается на родину, и в течение двух лет является доцентом Ставропольского пединститута. Во время каникул в пеших походах изуча-

ет вместе со студентами Ставропольскую возвышенность и ущелья Западного Кавказа.

1934 – становится заведующим кафедрой географии в Арзамасском учительском институте.

Но уже через год наш пединститут, оценивший познания и исследовательскую активность молодого учёного, добивается возвращения В. Гниловского на должность декана географического факультета.

Он с увлечением, иногда в тяжелейших условиях, продолжает изучение природы края. Вспомним колоритный эпизод из книги «Занимательное краеведение», посвящённый Сенгилеевскому озеру:

«Путешествуя по льду озера в феврале 1940 года, мы испытывали на себе силу сенгилеевского ветра... Утром при выходе на работу (мы обследовали глубины озера от южного побережья к центру) юго-восточный ветер оказался нам попутным. Он дул в спину и не гнал, а прямо катил каждого из нас по зеркальному ледяному полю.

Один из рабочих, в прошлом опытный моряк, не замедлил использовать даровые силы природы. Усевшись на лёгкие деревянные санки, на которых мы перевозили инструменты, и запарусив их полами своего тулупа, он в несколько минут был доставлен ветром к месту работы... Хуже пришлось «континентальным жителям» – мне и другому рабочему. Сильный ветер не давал нам сделать ни одного шага, пришлось разобрать штативы от буссоли и других инструментов и использовать их остроконечные ножки, как костыли и, упираясь ими, передвигаться по льду» (Ст., 1974, с. 356-357).

Начало Великой Отечественной войны круто изменило жизнь Гниловского. В октябре 1941 года он призван в сапёрную часть и направлен на строительство оборонительных укреплений. Принимал боевое участие в защите Георгиевска, Моздока, Орджоникидзе, Грозного.

Война для майора Гниловского закончилась в 1943 году на земле Донбасса. По приказу штаба Закавказского фронта кавалер восьми боевых наград отозван в Ставрополь для восстановления разрушенных зданий.

«Фашистские захватчики при отступлении подожгли здания совпартшколы, типографии «Пролетарий», главпочтамта, разрушили сотни домов, промышленные предприятия, культурно-бытовые учреждения, железнодорожный узел, взорвали 13 школ, здания педагогического и сельскохозяйственного институтов, больницы, бани, детские дома. Материальный ущерб, нанесённый городу, превысил 720 млн. рублей» («История городов и сёл Ставрополя». Ст., 2008, с. 34).

1944 – назначен старшим преподавателем Суворовского военного училища, основанного в 1943 году; заведует в нём кафедрой географии. Через два года стараниями В. Гниловского организовано Ставропольское краеведческое общество.

С 1949 года созданное им общество регулярно публикует совместно с краеведческим музеем «Материалы по изучению Ставропольского края». Вышло 14 выпусков. Перу Владимира Георгиевича принадлежит 21 материал. Это глубокие и разнообразные по своему диапазону исследования: геоморфология, геология, гидрология, палеонтология, газовый вулканизм, сейсмология, топонимика, архивные карты лесов Ставропольской возвышенности, исторические документы Азово-Моздокской оборонительной линии.

1952 – вступает в ряды КПСС и, уволившись в запас, возвращается в Ставропольский пединститут. 23 мая защищает диссертацию на тему «Особенности геоморфологии юго-западной части Ставропольской возвышенности» в Институте географии Академии наук СССР. Диссертанту присвоена учёная степень кандидата географических наук.

1954 – Ставропольское книжное издательство выпускает «Занимательное краеведение» с рисунками И. Харсекина. Книга удостоена второй премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую художественную и научно-популярную книгу для детей.

Утверждён в звании доцента на кафедре физической географии Ставропольского пединститута.

На базе краеведческого общества организует Ставропольский отдел Географического общества СССР. Более 20 лет руководит им.

За этот срок воспитал сотни последователей. Президиум Верховного Совета СССР за заслуги в подготовке специалистов

и развитие науки наградили В. Гниловского в 1961 году орденом «Знак Почёта» и почётным знаком «Отличник просвещения СССР». Наиболее известным из его учеников энтузиастов стал Василий Леонидович Гаазов, опубликовавший «Географию Ставропольского края» в эксклюзивной книге-исполнине «Ставропольеведение». Свой труд посвятил В. Гниловскому – «Краеведу с большой буквы», предварив уникальный материал очерком о незабвенном учителе. Вот выдержки оттуда:

«С 6 мая 1961 года по 25 июня 1975 года он заведовал кафедрой физической географии и геологии Ставропольского педагогического института, а затем до последних дней продолжал работать в должности доцента этой кафедры. Более 40 лет он читал лекции. Ход его изложения отличался необычной логикой, где каждая мысль была логически закончена. Студенты любили лекции Владимира Георгиевича и ласково называли его «дедом».

За все годы трудовой деятельности Гниловской ни разу не использовал свой отпуск для отдыха. Всё свободное время он проводил в экспедициях и походах. В своих поисках напоминал увлечённого ребёнка, заражал всех членов экспедиции поисковым азартом.

...стёр многие «белые пятна» на карте Ставропольского края, опубликовал 106 научных работ общим объёмом 280 печатных листов.

Он был, есть и будет краеведческим маяком, освещающим путь исследователя в страну нехоженых троп» (М.: Издательство Надыршин, 2010, с. 6, 7, 8).

В 1966 году при его непосредственном участии создано Ставропольское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Гниловской не только стал первым председателем Ставропольского отделения, но и был избран в президиум Центрального совета Общества.

1974 – спустя двадцать лет после первой публикации Ставропольское книжное издательство тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров публикует второе, дополненное издание «Занимательного краеведения». Автор посвящает его «памяти сына Юрия, отдавшего жизнь изучению геологии нашей Родины».

Ранее, в содружестве с Д.Г. Пановым, опубликованы два тома монографии «Природа Ставрополья» (1945); а школьный

учебник «География Ставропольского края», написанный совместно с Т.П. Бабёнышевой, выдержал три массовых издания.

1977 – к 200-летию Ставрополя краевое издательство выпустило книгу «Два века. Путеводитель по Ставрополю». Авторы миниатюрного альбома-путеводителя трио известных в крае эрудитов: Владимир Гниловской, Вениамин Госданкер, Юрий Христинин. Это одно из наиболее значительных и красивых изданий, посвящённых городу-крепости, его истории, его улицам, его жителям.

К 70-летию Гниловского профессор А.И. Галушко назвал его именем новый вид василька, найденный в долине Большого Зеленчука.

Скончался В. Гниловской 10 октября 1980 года. На белом мраморе могилы изображён контур Ставропольского края и выбита короткая надпись: «Исследователю природы Ставрополя».

1997 – к 90-летию со дня рождения присвоено звание «Почётный гражданин Ставрополя», в связи с чем знаменитый скульптор Николай Фёдорович Санжаров соорудил стелу с барельефом Владимира Георгиевича Гниловского на Аллее почётных граждан.

*В. Г. Гниловской с женой
Евгенией Николаевной Воскресенской и детьми.*

**Грозная
Ольга Леонидовна**

*Я – Хельга, Эльга, Ольга,
Имён красивых сколько!
Вот не забыть бы только:
Олёна, Ляля, Олька.*

На новый 2005 год я получил дорогой для меня подарок от главного редактора журнала «Лирика Кавказа» (Кисловодск) Юлии Андреевны Кауновой. Это были четыре первых номера ежеквартального литературно-художественного журнала, и в каждом из них моё внимание невольно задерживалось на подборках стихов абсолютно неизвестной мне Ольги Грозной.

– Вообще-то она по фамилии Воронкина, – уточнила Каунова. – Грозная – это псевдоним. Она оттуда родом...

– Какая разница! – энергично и взволнованно воскликнул я. – Главное, что это подлинная поэзия, а не рифмованные вирши.

Сломалась времени машина –
Перенесла в какой-то ад.
Тугая ржавая пружина.
Меня отбросила назад.

И внешний мир – такой жестокий,
А внутренний – так уязвим.
Но есть же солнце на востоке
И за спиною херувим?

Ольга Леонидовна Воронкина родилась в понедельник, 19 октября 1953 года в городе Грозном. Заманчиво для будущего поэта появиться на свет в любимый день А.С. Пушкина – день лицейской годовщины. Есть в этом что-то, не скажу пророческое, а скорее - манящее...

В Грозном Ольга выросла, окончила среднюю школу № 41. Здесь, за чёрной ученической партой с откидной крышкой и выемкой для чернильницы, сочинила первые стихи. Они, как и другие её творения советского периода, сгорят в пламени первой чеченской войны. Кое-что сохранится в памяти автора.

Я – казачка терская –
Гордая и дерзкая,
Вовсе не плаксивая –
Бойкая, строптивая.

Не овца, не курица –
Подтвердит вся улица,
Не змея холодная,
Зла – но благородная.

С 1977 по 1982-ой обучалась в Чечено-Ингушском госуниверситете им. Л.Н. Толстого на факультете романо-германской филологии. Приобрела специальность – «Романо-германские языки (французский) и литература». Получила диплом «с отличием» и квалификацию: филолог, преподаватель, переводчик.

Её охотно оставили преподавателем на кафедре французского языка. Вся дальнейшая трудовая деятельность О. Грозной (тогда ещё Воронкиной) связана с родной альма-матер: и в университетской библиотеке довелось поработать, и на кафедре химии.

С увлечением занималась сначала настольным, потом большим теннисом. Проявляла интерес к искусству дизайна, пению, танцам. Сразу после окончания университета всё свободное время посвящала творчеству Владимира Высоцкого. Обучилась игре на гитаре, пробовала писать авторские песни.

Здравствуй, колхоз «40 лет без оргазма» –
Детище старого горе-маразма,
Всех голодранцев собравший до кучи
И обещающий райские кущи,
Братство, свободу и равенство членов.

Здравствуй, Ильич, волокущий полено,
Ровно – на всех – поделивший страдания,
Верно любимый – и всё ж – до свиданья!

Нет уж – прощайте, вожди и тираны!
Пусть у народа затянутся раны,
Пусть нагуляет бока понемногу,
Пусть без Сусаниных ищет дорогу.

До замужества охотно участвовала в общественной работе.
Была бойкой на язычок активисткой.

Вид скромный у меня – овечкин,
Но в кобуре – товарищ Стечкин.

Под «товарищем Стечкиным» она подразумевает свой, всегда готовый к выстрелу язык.

Вышла замуж, родила двух сыновей – Дениса и Романа.
Появление детей смягчило и уравновесило её сильную неугомонную натуру.

Но тут грянули жуткие опустошительные события, объективная оценка которым не дана властью до сих пор.

В газете «Комсомольская правда» существовала в середине 90-х рубрика «Взгляд из подвала», в которой рассказывалось о жизни и страданиях русского населения среди дымящихся руин Грозного. А на первой странице публиковалось официальное правительственное заявление о том, что «в Грозном остались только незаконные вооружённые формирования».

Здесь нужно быть, конечно, дипломатом,
Чтоб понимать политики финты.
Но так и тянет обложить их матом, –
Да некого: попрятались в кусты.

«Война сломала привычный уклад, – пишет О. Грозная в автобиографии. – Она и явилась поворотным событием в жизни».

1996 – семья вынуждена бежать из Чечни и искать пристанища в Ставропольском крае. Оседает в Пятигорске.

Куда уехать от себя? О, боги!
Россия велика, да что мы ей...
Остаток жизни обивать пороги?
Придумывать из недругов друзей?

О чём скорблю? На это есть причина:
В душе ведь не осталось ничего...
Изгой мы. Нам целый мир – чужбина,
Отечество нам – Грозный. Нет его...

Война как будто открыла в О. Грозной какой-то клапан, и из неё с невероятной мощью изверглась стихия поэзии. Это было внезапное чудо её Болдинской осени, возвращённое трагически-ми обстоятельствами. И всё равно, поражаюсь! – насколько быстро обнаружился у неё свой стиль, манера, своя интонация.

В 2001 году состоялся дебют поэтессы. В пятигорской типографии «Рекламно-информационного агентства на КМВ» в серии «С любовью к Кавказу» выходит сборник «Город, мной не опознанный...» Подруга автора Элона Башинуридзе проиллюстрировала книгу чёрно-белыми отчётливо-философскими рисунками. На обложке сумела глубоко и пронзительно отобразить уродливо-угловатый лик чеченской войны.

Сборник большой, объёмный, и далеко не всё в нём равноценно. Но, знакомясь с ним, я понимал, что только что на моих глазах родился писатель. Настоящий писатель с реалистически-жестким видением мира.

Климат жуток политический,
Как удар апоплексический.
Этот мир педерастический
Уж совсем сошёл с ума:
Все ракетами пвыряются,
Однополые сношаются,
Продаются, покупаются.
Нахлебались мы дерьма...

«Её творчество, – пишет редактор книги Алла Чеботарёва, – невыдуманый отчёт о полноте жизни – жизни, казалось бы, в условиях совершенно невыносимых, когда некие чёрные силы

(впрочем, имеющие конкретные лица и названия) лишили тебя всего самого дорогого: обжитого дома, многообещающей работы, милой малой родины. Память о погибших друзьях и разрушенном войной родном городе, имя которого и было взято автором в качестве псевдонима, стала основной темой многих её стихов».

Но что не говори, а Пятигорск оказался для О. Грозной приветливым и щедрым в плане издания её книг.

2003 – публикуется «Кардиомеланж».

2004 – в свет выходит «Синдром Феникса».

По этим книгам О. Грозную принимают в Союз писателей России. Путь, который другие литераторы проходят десятилетиями, у неё уложился в четыре года.

2005 – сборник стихов «Арсенал мнений».

2008 – сборник стихов «Либертины». 19 октября в Пятигорске в помещении издательства МИЛ состоялся юбилейный вечер О. Грозной в честь её 55-летия. Вечер вела ближайшая подруга поэтессы Ю. Каунова. После короткого вступления она дала слово виновнице торжества.

– В новой жизни, – сказала Ольга Леонидовна, – обретать друзей довольно сложно, но мне повезло, и я встретила людей, которые отнеслись ко мне доброжелательно и помогли решать реальные проблемы. Этих людей немного, но они есть, и я им благодарна.

2009 – в Новопавловске выходит уникальная антология «Современные писатели Ставрополья». Теперь эта книга библиографическая редкость. Её ценность в том, что каждый из писателей предваряет публикацию своих произведений -- автобиографией.

«С 1996 года я живу в Ставропольском крае, в городе Пятигорске (последние годы – между Москвой и Пятигорском)», – пишет О. Грозная. В подборке, прилагаемой к автобиографии, выделяется стихотворение «Гремучая помесь», полное поэтической страсти и негодования.

Гремучая помесь казачьих кровей,
Как Терек, свободных и буйных.
Упрямства во мне – выше чёрных бровей,
Характер – степей ветродуйных.

Мне хочется кроткой и ласковой быть –
Какие-то силы мешают.
Ведь предки себя не позволят забыть –
Строптивость с трудом укрощают.

Что с вольницей стало? Казачество где?
Иль Терек утёк к басурманам?
Эх, страсти мои! Не удержишь в узде!
Куда там до них атаманам...

Вот жаль не умею скакать на коне!
Не так уж далече до Дона.
Зовусь я не Жанной, но кажется мне,
Смогла бы собрать под знамёна!

Во время наездов в Москву награждена дипломом «За верное служение отечественной литературе» с вручением медали «55 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954 - 2009».

Выходит шестая книга стихов – «Пурпур и маренго» (2009).

В 2010-м О. Грозную награждают памятной медалью «65 лет Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.» Хотя, если честно, эта медаль и сегодня напоминает ей совсем о другой войне.

Я песен давно не пою,
Смеяться – и то перестала.
Сбежавшую душу мою
Война и не в Грозном достала.

Ныне живет и работает в Москве. Но Пятигорск не забывает, периодически навещая его.

Обладает сильным поэтическим дыханием. Преображая в стихи уникальный внутренний опыт и жизненные наблюдения, О. Грозная печатается во многих газетах и журналах столицы: «Московский литератор», «Прогноз развития», «Академия поэзии», «Российский колокол», «Москва поэтическая».

Грязев
Василий Никанорович
1925 – 2002

Я пришёл к нему весной 1991 года. Время было смутное, непонятное, а мне, как на грех, после выхода второй книги «приспичило» поступать в Союз писателей СССР.

– Василий Никанорович, – сказал я, – Карпов переехал в Москву, а я, помня вашу прежнюю с ним дружбу, решил обратиться к вам за рекомендацией.

Невысокий, по-медвежьки массивный Грязев усмехнулся и, ступив неуклюже в сторону, пригласил важно: «Заходи!» – напомнив мне повадкой великого Павла Луспекаева в фильме «Белое солнце пустыни».

Он сел за пишущую машинку печатать рекомендацию, а я разглядывал корешки книг его библиотеки.

– Дерзай! – сказал Грязев, вручая мне бумагу.

Ему всегда были близки идеи духовного единения писательского братства, и сейчас он не просто вручал рекомендацию, а словно бы лично принимал меня в это братство.

Василий Грязев родился 15 января 1925 года в селе Чернолесском Прикумского района (по тогдашнему административному делению).

1932 – пошёл в первый класс сельской семилетней школы.

1939 – после успешного окончания семилетки поступил в Будённовское педагогическое училище.

Регулярно посещает занятия литературного кружка при Будённовской городской библиотеке. Он ещё не думает о прозе, а, подобно большинству начинающих, сочиняет стихи.

1942 – весной закончил учёбу в педучилище, получил звание учителя. Но работать по специальности не пришлось: надо было возводить оборонительные сооружения. На Кавказ неудержимо

и мощно надвигалась немецкая военная машина, которая грезила нефтью Грозного и Баку, и чьи сладкие грёзы захлебнулись в ненависти и стойкости миллионов таких людей, как Грязев.

1943 – восемнадцать лет призван в армию. Был комсоргом роты в стрелковом полку. Затем направлен командованием в военно-авиационную школу пилотов первоначального обучения. По её окончании продолжил учёбу в Балашовской бомбардировочной военно-авиационной школе пилотов.

На фронт не попал, и никогда не скрывал этого. Вот фрагмент его воспоминаний:

«Демобилизовался в 1946 году. Построили нас на плацу – бывших учителей, агрономов, зоотехников, ветеринарных работников. Вышел перед строем подполковник Козлов, начальник политотдела училища, прошёлся вдоль шеренги, сказал прочувственно:

– Ребята, многие из вас без боевых наград возвращаются по домам. Но никто вам не сделает в том упрёка. Не сами вы распоряжались своими судьбами. И не стыдитесь. Вы тоже выполняли высокую миссию – вы находились в резерве Главного Командования, в резерве страны. О вас думали, вас берегли и на тот случай, если бы пришлось бросить в бой последние молодые силы, молодую гвардию, и на тот случай, который теперь пришёл – залечивать раны войны, строить новую жизнь. Считайте и вы себя победителями. И как гвардейцы покажите – не зря на вас надеялась Родина, оставляя вас в резерве...»

После демобилизации работал завучем, потом директором семилетней школы в селении Псыхурей Кубинского района Кабардино-Балкарии, в птицеводстве «Куркужин».

1948 – заочно окончил литературный факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. В альманахе «Кабарда» №2 напечатан рассказ «Ночь».

«Мне исполнилось 23 года. До этого я печатался в газетах с небольшими заметками, зарисовками о знатных людях, очерками. Но рассказ появился впервые. Нужно знать, каким счастливейшим человеком я был тогда и удивлялся, что об этом не знают встречавшиеся люди и не поздравляют молодого автора».

1949 – вступил в ряды Коммунистической партии.

1951 – переведён в республиканскую газету «Кабардинская правда». «Тут я познакомился с большим человеческим материалом. С судьбами людей, их душевными исканиями, думами, перепутьями на жизненных дорогах».

1955 – в тридцать лет возвращается из Кабардино-Балкарии на родное Ставрополье.

1959 – стал членом Союза журналистов СССР.

В Ставропольском крае поначалу работал в газете «Кавказская здравница», позже на более ответственных должностях:

– так по свидетельству писателя Ивана Пасько из Будённовска: Василий Никанорович некоторое время руководил краевой журналистской организацией и обязательно заходил в редакцию газеты «Советское Прикумье» в те дни, когда навещал город своей студенческой юности («Литературное Прикумье» №3, 2012 г.);

– возглавлял главную редакцию художественных программ на краевой студии телевидения (вот откуда достоверность и знание материала в его первом романе «Земляки»);

– был директором Ставропольского книжного издательства.

В нём не было чиновничьей спеси: он старался быть строгим, поскольку положение начальника обязывало, но оставался доступным для подчинённых и просителей. Обладал простым и незатейливым чувством юмора: я бы назвал его – народным. Думаю, он имел в виду себя, когда давал характеристику одному из своих героев: «Внешне суховатый, угрюмый, но очень добрый по сути своей, необыкновенной честности и твёрдости».

1964 – в апрельском номере журнала «Дон» появляется повесть «Год начинается осенью» о школьной жизни. В газете «Ставропольская правда» от 15 ноября – рецензия на эту публикацию критика Ефима Кабаченко.

1965 – «Повесть вышла отдельным изданием в Ставрополе и получила большую почту, – вспоминает Грязев. – Видно, она затронула сердца многих читателей. И я понял, что главное в писательстве».

1970 – публикация книги «Земная звезда» в Ставропольском книжном издательстве, сотрудником которого стал.

По просьбе Игоря Романова читает рукопись повести «Берег туманов» Владимира Дятлова. Краевой Союз писателей поче-

му-то не рекомендовал её к печати, но у Грязева иное мнение: «она захватила меня своей свежестью, романтикой первопреходца, наблюдательного и зоркого хозяина земли».

Грязев помог выйти повести в свет. С тех пор их дружба с автором «Берега туманов» будет длиться четверть века, до тяжёлого смертного часа Владимира Дятлова. «Одно время мы с Дятловым работали в книжном издательстве. Он жил на улице Серова, я – на Ленина. Каждое утро мы встречались на углу Краснофлотской и Лермонтова, чтобы вместе шагать на работу».

1973 – выход книги «Лунная дорожка» в Ставрополе.

В этот год 48-летний Грязев стал членом Союза писателей СССР. Поехал в Москву, чтобы, не дожидаясь пересылки, поскорее взять в руки долгожданный писательский билет. Его Вергилием в походах по инстанциям стал земляк и тёзка Василий Росляков, выходец из Будённовского района.

Обретение билета отмечали в ЦДЛ (Центральный Дом Литератора): праздничный столик на двоих у стены, исчерканной автографами подвыпивших знаменитостей.

«Будем, Вася, жить долго, писать будем лучше!» – любимый тост Рослякова стал девизом жизни Грязева.

1974 – работает над романом.

1975 – в пятьдесят лет забирает из отдела кадров трудовую книжку и покидает издательство, чтобы полностью посвятить себя творчеству. В этом решительном поступке был элемент риска, но тут уже ничего не поделаешь: роман, в отличие от малого жанра, произведение многоплановое, и требует от автора намного больше времени для изучения материала...

Результат не замедлил сказаться.

1976 – летом на книжных прилавках появляется первый роман Василия Грязева «Земляки», рассказывающий о становлении краевого телевидения на Ставрополье. В романе заметно возросло мастерство писателя, его умение двигать сюжет через живые стремительные диалоги.

1978 – на плотной типографской бумаге №1 печатает Ставропольское книжное издательство три повести Грязева под редакцией Вадима Куропаткина, в изумительном оформлении художника Н.Д. Будникова: «Остаюсь в Новотроицке», «Год

начинается осенью» и совершенно новое творение, давшее заголовок сборнику – «Павел Петрович».

1980 – выходит роман «Пристань». Возможно, лучший роман Василия Грязева, на который спустя три года «оперативно» отзовется рецензент московского журнала В. Лазарев: «С чем придёшь к пристани?» («Литературное обозрение» №4, 1983).

Ставропольский журналист Василий Кизилов весьма уместно сравнивал героев «Пристани» с героями «Буранного полустанка» («И дольше века длится день») Чингиза Айтматова: «Их жизненный путь – повод для обоих писателей (у каждого, разумеется, свой арсенал лексических средств, этнографических и бытовых реалий) к исследованию добра и зла».

1981 – летом наш край посетил гость VII съезда писателей СССР, известный французский писатель Арман Лану, автор трилогии «Безумная Грета», романов «Полька пушек», «Пасущий пчёл», биографий Золя и Мопассана. Оказывается жена Лану, урождённая Толстая, родилась на Ставрополье. В поездках по районам края Армана Лану с супругой Катрин сопровождали Василий Грязев и Иван Кашпуров.

1982 – выходит сборник «Творчество» к 45-летию краевой писательской организации. Материал о Грязеве «Судьбы земные» написал Василий Кизилов. Он сделал профессиональный и развёрнутый анализ творчества Грязева, останавливаясь по мере необходимости на отдельных произведениях.

1984 – публикация романа «Горькое лето».

Писателя увлекла историческая тема, и в новом произведении он воскрешает лето 1918 года, когда Ставрополь оставили войска большевиков, уступив город армии генерала Деникина и партизанским отрядам полковника Шкуро.

1985 – в первом номере альманаха «Ставрополье» журналист Василий Кизилов публикует статью «Писатель и его герои (К 60-летию Василия Грязева)». Ни один литературный специалист не проявит столько внимания к Грязеву, сколько увидел он его от журналиста Кизилова.

Татьяна Чёрная в книге «Ставропольеведение: Литературный край Ставрополье» (2010) упоминает В. Грязева три раза (с. 572, 573, 580), причём в общем списке, среди сонма дру-

гих писателей, не вспоминая ни одной изданной им книги.

Людмила Егорова в учебнике «История литературы Ставрополя. XX век» (2012) отвела В. Грязеву около страницы, следуя содержанию романа «Пристань».

1987 – к 50-летию Ставропольской писательской организации (она включала в себя на тот момент 35 человек) вышел буклет «Писатели Ставрополя», в котором все тридцать пять коротко поведали о себе, о выпущенных ими книгах и о темах, которые их волнуют.

1989 – публикация романа «Огненная губерния» о событиях 1918-1919 годов на Ставрополье; с героями этого романа читатель уже знаком по «Горькому лету».

1992 – выход в свет романа «Старший брат», посвящённого, как и два предыдущих, истории Ставрополя и края.

2000 – в начале года в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» появилась последняя прижизненная книга Василия Грязева. «В настоящей книжке печатаются рассказы под общим названием «Старики» – «Ожидание тепла» и «Жить после смерти», а также рассказ «Старый знакомый», – сообщал автор во вступительном слове.

Время пришло такое, что последние итоговые книги уходящих ставропольских писателей напоминали скорее копеечные брошюры Политиздата, чем полноценные издания.

2002 – газета «Ставропольская правда» сообщила, что «24 ноября на 77-м году жизни (правильнее: 78-м. – Н.С.) скончался участник войны, известный ставропольский писатель, член Союза писателей России Василий Никанорович Грязев.

Его не случайно называли летописцем края, ибо всё его творчество было посвящено воспеванию людей труда, своим современникам. Он писал только о том, что хорошо знал, что видел своими глазами. Все его произведения нашли признание у ставропольских читателей.

Память об этом светлом человеке, верном друге, талантливом литераторе навсегда останется в наших сердцах.

Группа товарищей».

В марте 1977 года я принёс в Союз писателей материал о Ставропольской ГРЭС, написанный по просьбе ответсекретаря альманаха «Ставрополье» В.А. Ащеулова.

Самого Ащеулова здесь не оказалось, на его месте сидел В.Н. Грязев. Он входил в состав редакционной коллегии, и я со спокойным сердцем оставил ему сухой, газетный материал, далёкий от всякой художественности.

Не помню, кто ещё был в помещении, но разговор зашёл о предыдущем номере альманаха. Я охотно подхватил тему:

– У меня там рассказ напечатан. И это верно Ащеулов к словам, что герой был рад приехать в деревню, присобачил выражение «в родные пенаты». Я бы так никогда не написал. Ведь «пенаты» – это боги домашнего очага у римлян, и правильнее было бы написать «вернуться к родным пенатам». Как писали в XIX веке Толстой, Лесков, Тургенев.

Василий Никанорович слегка побагровел и то ли кашлянул, то ли хмыкнул:

– Это не Ащеулов, это я добавил. Но уверяю тебя, Николай, в наше время можно употреблять выражение и в таком контексте. Особенно после того, как Илья Репин назвал так свою дачу. «Поедем в «Пенаты»», - предлагал Короленко или Чуковский.

Я не был готов с лёта менять своё мнение, но он так расстроился, что пришлось успокаивать его.

Василий Никанорович обладал огромным опытом учителя, журналиста, редактора, и, похоже, ему было крайне неловко, что кто-то посмел выразить сомнение в его грамотности.

Не знаю, почему в памяти всплыло мимолётное, почти забытое воспоминание... Хотя нет: не так уж оно мимолётно, если я вижу в нём зёрна того писательского братства, о котором упоминал в начале биографии В.Н. Грязева.

Губин
Андрей Терентьевич
1927 – 1992

Родился в понедельник, 17 октября 1927-го — в семье терского казака, в станице Ессентукской.

Детство провёл в Кисловодске. «Именно в этом городе во второй половине 30-х годов я написал первые стихи.

Осенью 1942, в период немецкой оккупации Северного Кавказа, был пастухом. После оккупации — моло-

тобоец в колхозе, пожарник в театре, паровозный кочегар».

В конце 40-х несколько лет колесил по Советскому Союзу от Прибалтики до Дальнего Востока. Как пишет в автобиографии: «Дослужился до машиниста первого класса на транспортных судах Рижского морского порта. В Риге завершил среднее образование. Там же, на корабле «Рита», начал писать стихи — «о торосах, альбатросах и крошке Мэри» - и это оборвало мои морские путешествия: я ступил на книжный берег.

Поселился в Москве, в гостинице «Европа», став кочегаром этой гостиницы. Ночью топил котлы, дни проводил в библиотеке имени Ленина и Государственной театральной библиотеке. Писал уже «трагедию в стихах».

Презрев московскую прописку, уехал на Тихий океан - «за котиками». Стал портовым грузчиком в Находке. Во Владивостоке опять попал на паровоз, вернулся на Кавказ с сумкой трофеев - записных книжек».

Перечитывая дома потрёпанные блокноты, вспоминая события, которые насыщали впечатлениями душу и зрение, Андрей осознал, что пора садиться за стол и со всей серьёзностью приступить к главному делу своей жизни.

1951 — первая публикация: рассказ «Бичи» в газете «За родину» (ныне «Искра») Предгорного района (от 13 ноября); там же 30 декабря напечатана подборка стихов «Письмо».

1952 — редактор газеты в качестве поощрения предложил

место типографского корректора, позже перевёл в литературные сотрудники. Молодой журналист приступил к роману в стихах «Молоко волчицы». В то время сюжет романа укладывался в пять месяцев оккупации Кавминвод.

1953 — поступил на сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии.

1959 — окончил ВГИК, получив квалификацию киноматюрга. Стал жить исключительно литературным трудом. Его рассказы и повести печатались в журналах «Октябрь», «Смена», «Сельская молодёжь».

1965 — впервые выступил в альманахе «Ставрополье» с рассказом «Бочка Франсуа Рабле». Для земляков Губина стало очевидным, что на Ставрополье появился могучий литературный талант.

1966 — выходит первая книга писателя «Афина Паллада» (Ставрополь) новеллы о Фидии, Данте, Льве Толстом, А.С. Грине — с посвящением «Рике Детской». Так называл Губин двадцатилетнюю Маргариту Кузнецову, полюбившую его в пионерском возрасте, будучи девочкой-подростком.

1967 — 6 марта состоялась регистрация брака с Маргаритой. Их супружеская жизнь мистически — день в день — продлится 25 лет.

1968 — в журнале «Октябрь» №№ 6, 7 опубликован роман «Молоко волчицы». Успех был всесоюзным: о романе писали в «Литературной газете» (от 4 сентября 1968), в журналах «Наш современник» (1969, № 3.), «Молодая гвардия» (1970, № 8), «Дон» (1970, № 7 и 1972, № 11). Правда, завистники уже тогда называли «Молоко волчицы» краевым вариантом «Тихого Дона». Но Губин не был эпигоном; он создал мощное самобытное произведение, не копируя и не подстраиваясь под глыбу шолоховского эпоса. Достаточно сказать, что при жизни автора роман выдержал двенадцать изданий!

1969 — принят в члены Союза писателей СССР. Одну из рекомендаций дал Владимир Максимов, в скором будущем диссидент и отец-основатель журнала «Континент», а в середине 50-х журналист в Карачаево-Черкесии. Максимов с радостью помог бы давнему другу в случае его переезда на Запад, но этот вариант потомственный казак войска Терского никогда не примерял к себе.

1970 — сентябрь: смерть отца, Терентия Борисовича Губина. «Помер он раньше мамы, и нету во мне о нём большого горя, понимаю — все этим кончат. А о маме вспомню...»

1971 — «Молоко волчицы» переведено на немецкий язык и опубликовано Берлинским издательством всемирной литературы. Успех романа побудил зарубежное издательство просить для перевода новые издания популярного у немецких читателей автора. Другие произведения у Губина, конечно же, были, но, исключая «Афины Палладу», лишь в ящиках письменного стола в виде рукописей, то есть их как бы и не было в природе.

1972 — сентябрь: умерла мать, Мария Васильевна. «...А о маме вспомню — хоть кричи, никакой рассудок не помогает. Понимать-то понимаю, а согласиться с её смертью не могу...»

1974 — издательство «Современник» готовит к изданию роман «Светское воспитание». Сколько надежд связывал писатель с этим событием! Но в последний момент цензура налагает запрет, и уже набранный текст в типографии рассыпают. Жена рыдала по уничтоженной книге, как по истерзанному покойнику. А Андрей, обняв тонкие колотящиеся плечи, мужественно утешал супругу: «Не расстраивайся, Рикуюшонок, мой читатель в XXI веке. Главное, роман написан» (Впервые «Светское воспитание» Маргарита Николаевна опубликует через 22 года).

1976 — родился сын Андрей. Писатель счастлив: появился наследник, который перейдёт в XXI век вместе с книгами отца. Однако примерно с этого времени Губин «всё чаще и всё дольше жил в Москве, где у него был свой угол в коммунальной квартире, забитый книгами и рукописями. Там, как он утверждал, ему хорошо работалось».

Цитата принадлежит Владимиру Гнеушеву, который тоже переехал, в Москву и вскоре открыто сожалел об этом:

Надо жить на родине, где любят,
где мертвы завистливость и ложь.
На чужбине, где чужие сплошь,
молока, мой друг Андрюша Губин,
даже у волчицы не попьёшь.

Губин разрывался между Москвой и Кисловодском, между работой и семьёй. Не сосчитать сколько поездок и перелётов совершил он за эти годы. Не здесь ли кроется причина первого инфаркта? Тут и более здоровый организм не выдержал бы... Да и работал так, что бывало в изнеможении падал со стула за своим рабочим столом.

В начале 80-х «Молоко волчицы» в очередной раз вышло почти одновременно и в крае, и в Москве.

О, если б мне, как Губин, наловчиться:
Всю жизнь питаться молоком волчицы! —

сочинил признанный мастер экспромта Георгий Шумаров при встрече с Андреем. Тот усмехнулся в ответ и попросил записать ему это двустихие. Они шли по Ставрополю; неожиданно Губин споткнулся, а Шумаров поддержал его. «Молодец! Губины на дороге не валяются! — мимоходом отметил Андрей и поделился планами на будущее: — Написал роман «Мангышлак». Я его пушу как ледакол, а он поведёт за собой остальные романы...»

1985 — выходит третье, значительно дополненное издание «Афины Паллады» в Ставрополе. Остальные рукописи лежат мёртвым грузом, их упорно не печатают.

Губин не сдаётся. «Я же на непризнание отвечаю новыми рукописями, отчего уже могу издать пять томов своих произведений, а издаю всего лишь две книги», — сообщил он на встрече с молодёжью Предгорного района.

1990 — подготовил книгу стихов «В далёком Космосе» и попытался ею прорвать многолетнюю блокаду, предложив государственному издательству. Попытка не удалась, что в общем-то не удивительно, ибо о своих стихах Губин говорил так: «Полвека они были отдушиной автору в сплошных полярных льдах государства лжи, обмана, приписок, мимикрии и камуфляжа» («Ставропольские губернские ведомости» от 19. X. 1996 г.)

1992 — 6 марта в 23 часа 30 минут второй инфаркт оборвал жизнь Андрея Терентьевича Губина, большого российского писателя.

1994 — Маргарита Губина приступает к изданию 12-ти томного собрания сочинений мужа. До своей загадочной гибели успеет выпустить четыре тома.

1995 — роман «Молоко волчицы» получил Государственную премию им. М.А. Шолохова, учреждённую Союзом писателей России. Этим романом открылась многотомная библиотека «История казачества».

1997 — апрель: в связи с гибелью Маргариты Николаевны (её сожжённый труп с пулей в затылке найдут в лесополосе), уничтожат гранки уже набранного пятого тома, вобравшего в себя драматургию мастера.

1999 — на Ставрополье учредили Губинаторскую премию им. А.Т. Губина в области литературы. Первым лауреатом премии стал Владимир Маляров.

*Мария Васильевна Губина (в девичестве Тристан)
с сыном Андреем. 1959 г.*

Дедусенко Идиллия Владимировна

18 ноября 1930 года в Сталинграде в семье Владимира и Анны Суриковых родилась дочь Идиллия. Её родители недавно перебрались сюда из села и оформились рабочими на Сталинградский тракторный завод, который в строй ввели всего лишь пять месяцев назад – 17 июня 1930-го. Жили в общежитии. Идиллия росла и воспитывалась в круглосуточных яслях, позже в детском садике.

1935 – отец освоил автодело, и семья переселилась в пригород, где отец стал завгаром.

1937 – переехали из Сталинграда в Ставрополь (тогда Ворошиловск). Отец устроился на работу в гараж крайисполкома. Мать осталась на хозяйстве дома, так как в семье росли уже три дочери.

В 1938 году восьмилетняя Идиллия пошла в первый класс. Училась хорошо, потому что с шести лет бегло читала. Охотно пересказывала прочитанное сверстникам, что-то присочиняя. С особым наслаждением излагала страшилки вроде жутковатой гоголевской повести «Вий».

Очень любила ходить в кино и на спектакли приезжавших в город театров; родители покупали ей абонемент. После каждого спектакля с неизменным успехом представляла всё увиденное сёстрам и другим детям своего двора на улице Дзержинского, 167.

22 июня 1941 года Идиллия шла в кинотеатр «Гигант», где её мать работала контролёром. Дойдя до школы № 5, увидела, что напротив на площади собираются люди у столба с радиорупором, рядом с керосиновой лавкой (тогда, кроме столба, лавки и небольшого овражка, на площади ничего не было). Идиллия приблизилась к толпе и узнала вместе со всеми из речи министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, что в стране уже восемь часов идёт война.

«Для меня война от начала до конца прошла в городе Ставро-

поле, — вспоминает И. Дедусенко в очерке «Негромкие подвиги». — Это была обычная жизнь в необычных условиях, и каждый хотел выжить. А выжить вряд ли смогли бы без наших матерей, которые совершили свой негромкий подвиг, сохранив для страны поколение будущих строителей, хлеборобов, учителей, врачей, учёных...» («Ставропольские губернские ведомости», 11 мая 2016).

1948 — окончила среднюю женскую школу № 25. Мечтала о журналистике, но, не имея возможности поехать в профильный вуз, поступила на факультет русского языка и литературы в Ставропольский государственный педагогический институт.

1952 — после окончания института (тогда из-за выбитого в войну населения студенты осваивали программу за четыре года) Идиллия получила вместе с дипломом направление в Сенгилеевскую среднюю школу. В то время станица Сенгилеевская состояла в основном из низеньких, саманных, крытых камышом и соломой хат, расположенных на обоих берегах Егорлыка.

Молодой учительнице дали выпускной десятый класс, три восьмых, классное руководство и два кружка: хоровой и драматический.

Через полгода, в дни, когда страна погрузилась в глубокий траур по поводу смерти И.В. Сталина, один восьмой класс расформировали: завершив работу, уехали строители ГЭС со своими детьми, — но Идиллии Владимировне тут же добавили пятый класс вместо расформированного.

«Наверное, со всем справлялась, потому что мои коллеги, встречаясь потом со мной на улицах Ставрополя, говорили, что меня вспоминали на педсоветах», — отмечает она в написанной по моей просьбе «Биографии Д.», так она назвала рукопись.

В июне 1953 года, когда в Москве арестовали Л.П. Берия, в Ленинграде восстановили в членах Союза писателей СССР М.М.Зощенко, в станицу Сенгилеевскую прибыл новый участник с женой — преподавателем русского языка и литературы. Идиллия Владимировна охотно уступила ей своё место, отработав всего год вместо трёх, и уехала в Москву.

«В Подмоскowie в то время жила моя тётя, и через полмесяца мы с ней поехали в Крым, где с 1944 года жили все сёстры и старший брат моего отца. Так я оказалась в Ялте, где сначала поработала корректором, потом делала первые шаги в журна-

листике, работая в курортном отделе «Курортной газеты» (так она называлась). Там вышла замуж за журналиста и поменяла фамилию на Дедусенко» («Биография Д.», рукопись).

В 1955 году у супругов родилась дочь. Но их личная жизнь не сложилась, и в 1958 году И. Дедусенко с трёхлетней Галиной оказалась в родном Ставрополе. Устроилась корректором в издательство «Ставропольская правда». В свободное время писала.

1961 – переведена в отдел писем корреспондентом, затем – в отдел публицистики, которым несколько лет заведовала.

1963 – в августе её приняли в Союз журналистов СССР.

Однажды Дедусенко назначили на две недели народным заседателем в суде. Она собрала там богатый материал для серии судебных очерков, опубликованных в «Ставропольской правде». Вскоре ей позвонили из Ставропольского книжного издательства и предложили поучаствовать в выпуске серии книг для молодёжи, используя одну из судебных тем.

Так в 1969 году появилась первая книжечка писательницы «Двое под одной крышей».

Но раньше мне довелось узнать Дедусенко-учёную, энергичную исследовательницу литературных архивов. Я имею в виду статьи «Николай Успенский и революционные демократы» (альманах «Ставрополье» №1, 1965) и «В защиту Н.В. Успенского-демократа» (альманах «Ставрополье» № 1, 1966).

Повесть «Егорка-пастух» я прочитал в десятилетнем возрасте, и с тех пор Николай Успенский (1837 - 1889) неизменно входит в число моих любимых писателей. Более того, я считаю, что он был талантливее своего знаменитого двоюродного брата Глеба Успенского.

Мой вопрос Идиллии Владимировне:

– Скажите, а как Вы пришли к Николаю Успенскому?

– Ещё когда работала в издательстве, мои бывшие институтские преподаватели уговорили меня поступить заочно в аспирантуру. Что я и сделала, сдав экзамены. Мой научный руководитель профессор Андрей Васильевич Попов, известный лермонтовед, предложил мне писать диссертацию о творчестве Николая Успенского, родоначальника крестьянских очерков. Аспирантуру я окончила, диссертация практически была готова, а защититься не успела: 3 июля 1966 года Андрей Васи-

льевич умер, и я осталась без поддержки. Редактор мне говорил: «Брось ты её. Твоё дело – журналистика». Помыкавшись в поисках научного руководителя для защиты диссертации по Москве, Ленинграду, Ростову, я с ним согласилась.

С марта 1973 года И. Дедусенко стала жить в Пятигорске, работала в «Кавказской здравнице» заведующей курортным отделом. Но собранный ранее материал не отпускал её. Тогда она в кратчайший срок переделала диссертацию в критико-биографический очерк и послала рукопись на родину своего героя: «г. Тула, ул. Каминского, 33. Приокское книжное издательство».

1975 – так появилась на свет её вторая книга «Николай Успенский».

Дедусенко продолжает работать в «Кавказской здравнице», но её по-прежнему интересуют литературоведческие темы. В частности жизнь поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802 - 1839). Последние годы его жизни прошли на Кавказе.

1985 – Ставропольское книжное издательство печатает третью книгу И. Дедусенко «Певца несуетная лира». Это повесть об Одоевском.

1989 – вышла второй раз замуж, за профессора политехнического института Анатолия Михайловича Данилова. Снова поменяла фамилию в паспорте, но, по уговору с мужем, фамилию Дедусенко оставила как творческую: ведь её знали уже тридцать лет.

И, на мой взгляд, поступила разумно. На моей книжной полке стоит за стеклом приятно-зелёный томик избранных повестей и рассказов Николая Успенского «Издали и вблизи» (М. «Советская Россия», 1986). Откроем его на странице 394:

«Во вступительной статье и примечаниях учтены сведения, содержащиеся в работах В.А. Богданова, И.В. Дедусенко, К.И. Чуковского, других советских литературоведов».

То есть Дедусенко и её научные интересы давно и прочно вошли в круг внимания выдающихся мэтров литературной критики. Виктор Антонович Богданов, к примеру, человек глубочайшего парадоксального ума, учил нас в Литинституте основам теории литературы. Три года я безуспешно пытался получить у него зачёт по этому предмету, пока он, наконец, просто-напросто не сжалился надо мной и с горьким упрёком: «Эх, Сахвадзе-Сахвадзе!» – поставил роспись в зачётной книжке.

Работая в газете, Идиллия Дедусенко довольно часто публиковала материалы об участниках войны. На это обратила внимание жительница Эссентуков Зинаида Колганова. Она приехала к автору полюбившихся военных очерков со своим рассказом.

Ей было 16 лет, когда пришлось сопровождать детдомовских детей из Георгиевска до Баку без средств и документов. На этом долгом и тяжёлом пути она не потеряла ни одного ребёнка, всех привела в Баку. Отсюда их отправили в Среднюю Азию.

Бесхитростный рассказ Зинаиды Колгановой захватил и увлёк писательницу, и она пишет повесть «Жаворонки ночью не поют».

1990 – Ставропольское книжное издательство охотно включило эту повесть в сборник «Игра без козырей».

В 90-е И. Дедусенко была уже на пенсии, книг не писала, но изредка «для души» печаталась в газетах.

2000 – по просьбе краевой творческой организации «Слово Искусство Музыка» (Пятигорск) взялась руководить у них литературным объединением. За пять лет под её редакцией выпущено семь номеров альманаха «Истоки». В них публиковались стихи и проза участников литобъединения.

«В 2003 году вернулась в «Кавказскую здравницу», теперь уже в качестве ответсекретаря. С некоторыми перерывами (из-за тяжёлой болезни мужа) проработала там до января 2015... Было у меня несколько сюжетов на курортную тему, и друзья уговорили на новую книгу. Сборник (две повести и рассказ) вышел в 2010 году под названием «Самая счастливая осень» небольшим тиражом, так как теперь приходилось издавать за свои деньги. А я никогда не обращалась ни к каким спонсорам» («Биография Д.», рукопись).

2011 – публикация остросюжетной повести «Приключения Альки Руднева». В ней рассказывается о прискорбной проблеме беспризорничества, порождённой распадом СССР. За эту повесть Идиллия Дедусенко получила из рук народного артиста России Николая Бурляева бронзовую статуэтку и диплом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь».

В том же 2011 году у неё вышла ещё одна книга: «Легенды седого Маныча» – новеллы, основанные на реальных фактах. Журналистка Дедусенко собрала их аж в середине 60-х XX века,

когда работала в «Ставропольской правде» и ездила в Апана-сенковский район для поиска интересных материалов к 50-летию Октября. Два очерка были тогда опубликованы в газете.

Получает от профессиональных писателей три обязательных рекомендации, прилагает к ним заявление о приёме её в Союз писателей России, отдаёт в приёмную комиссию.

2012 – выходит «Тайна Нефертити». Легендарная жена фараона Аменхотепа IV, одна из красивейших женщин в истории человечества, заинтересовала И. Дедусенко после того, как она в 1974 году побывала в Египте. Несколько лет копила деньги на заветную турпоездку.

2013 – в феврале торжественно выдали членский билет Союза писателей России на очередном мероприятии. Небольшими тиражами вышли две новые книги:

1. «Исповедь неудачника, или История странной любви».

2. «В «игру» вступает дублёр» – о военных чекистах, на основе воспоминаний одного из участников. Воспоминания переработаны в художественное произведение. Имена действующих лиц изменены.

11 сентября 2013 года после тяжёлой продолжительной болезни уходит из жизни Анатолий Михайлович Данилов, муж.

В январе 2015-го И. Дедусенко переезжает в Ставрополь. Здесь её родовое гнездо: дочь, два внука, правнучка, правнук.

В 2017 году умирает дочь Галина. Мать ни словом не обмолвилась об этом в материале «Биография Д.» Не хотела выставлять напоказ горькое, неизбежное горе матери, похоронившей своё дитя. Рукопись закончила так: «Когда работала в газетах, ко мне всегда прикрепляли студентов, проходивших практику. Я их выпустила десятки...»

Но кроме таланта журналиста-педагога, И. Дедусенко сумела проявить себя и как пытливым исследователем-архивистом, многогранным писателем для детей и взрослых.

Оставила примечательный след в литературе Ставропольского края и в литературоведении России. Ни один научный труд о писателе Николае Успенском не обходится сегодня без ссылок на Идиллию Дедусенко.

*На снимке (слева направо):
Владимир Маляров, Валентина Дмитриченко, Николай Са-
хадзе. На заднем плане Идиллия Дедусенко.
г. Ставрополь, филармония, сентябрь 2017 г.*

*Критик
Ефим Кабаченко
(справа) в гостях
у писателя
Алексея Бибики.
г. Мин-Воды, 1968 г.*

**Дмитриченко
Валентина Гапуровна**

Родилась 20 января 1956 — в селе Лузинка Северо-Казахстанской области. Мать — доярка на колхозной ферме, отец — ссыльный ингуш-механизатор.

Деревенька Лузинка,
Белая дорожка.
На оконце узеньком
Яркая матрёшка.

Веретёнце-прялочка,
Половик зелёный.
Леденец на палочке.
Бабушка Алёна.

1968 — бабушка, поэтически увековеченная внучкой, отослала подборку Валюшиных стихов в районную газету «Ишим». Стихи напечатали.

Так в 12 лет появилась первая публикация. Путь был указан. Но жизнь подсунула свой вариант.

Валя окончила в Петропавловске библиотечное отделение культпросвет училища. Работала в сельской библиотеке, преподавала в школе физкультуру. Кандидат в мастера спорта по скоростному бегу на коньках и по настольному теннису, она по сей день занимается бегом и зимним плаванием.

1977 — переехала в Невинномысск. Продолжала писать стихи, но никому их не показывала.

Во время перестройки создала совместное российско-польское предприятие по изготовлению женской одежды. Уехала с семьей в Польшу; жили и работали в пригороде города Лодзь.

Через два года вернулись в Невинномысск. Приобрели оборудование для производства стройматериалов и железобетонных изделий.

1996 — организовала хорошо известное теперь в регионе, от олимпийских объектов в Сочи до строительных площадок Владикавказа, «частное предприятие Дмитриченко».

Успех в бизнесе как бы предполагал и подталкивал определиться в поэзии. Однако визиты в газету «Невинномысский рабочий» ни к чему не привели. Здесь выстроилась виртуальная очередь на публикацию стихов местных авторов. Талант при этом не учитывался.

А зря!

Ведь, кроме умения писать ясные, чистые, полные гармонии стихи, В.Дмитриченко обладает уникальной способностью к их сюжетности, интриге. Нередко именно последнее предложение скрывает неожиданный ход или виртуозно опрокидывает сочинение в иную тональность.

Сколько безудержной любви, страсти, обожания в стихотворении «Ах, что ты делаешь со мной?» А заканчивается оно так:

Твои глаза всему виной.
И плакать хочется и петь
Как будто крылья за спиной...
Да только некуда лететь.

Или «Раскаянье»: всё прощает, всё терпит от мужа брошенная жена. Более того, жизнь изменщика превращает в сказку. А знаете зачем?

Отниму тебя у соперницы —
Вот тогда, может быть, и выгоню!

1999 — узнала о существовании в Невинномысске литературного объединения «Кубань», которым многие годы руководит Виктор Андреевич Ярош, хорошо известный на Ставрополье поэт и прозаик. Он внимательно прочитал предложенные рукописи и вынес неожиданный для руководителя объединения вердикт:

— Вам учиться нечему. Вам нужно издаваться.

И написал блестящее предисловие к ее первому поэтическому сборнику «Выбираю любовь» (2000).

Ах, как долго не хватало поэтессе такой поддержки! Зато теперь, уверовав в свои силы, она выпускает в свет новые книги.

2002 — «Подкова на счастье».

2003 — «Продолжается жизнь...»

В том же 2003 — писатели Ставрополя единогласно приняли Дмитриченко в краевой Союз писателей России.

В мае 2004 — это решение подтвердила Москва. Летом тиражом в три тысячи экземпляров печатается четвертая книга — «Звезда в колодце».

В полдень летний, под жарким солнцем
Освящалась я серебром,
Из заброшенного колодца
Доставая звезду ведром.

День июльский стоял в зените
Над началом моих начал...
Ты и ночью тех звёзд не видел,
Ты их просто не замечал.

А моя-то душа смеётся,
И доныне ещё полна
Чистотой, где на дне колодца
Высь сходились и глубина.

2006 — юбилейный вечер в Ставропольском литературном центре. Валентина Гапуровна объявила коллегам о выходе из печати пятого по счету сборника «Лунная подкова».

2010 — на моём вечере в Литературном центре она открылась с совершенно неожиданной стороны, когда прочитала стихотворение, в котором, мастерски используя цитаты из моей антиутопии «Переулук», добилась искромётного иронического сплава:

Будь ты хоть послем Уганды, хоть дворником,
Результат уже известен заранее...
Я к тебе как к Николаю угоднику
Со своим нелепым тайным желанием.

Что греха таить, и я (прочь банальности)
Не без умысла (прости меня, Господи)
Сражена была твоей гениальностью,
«Насладившись остроумием собственным».

Со «своей монументальностью сытою»,
С уговорами и воплями дикими,
Вся была перед тобою открытою,
Когда «мавр тебе с картины подмигивал».

Я глядела на тебя с вожделением,
Я от губ твоих теряла сознание...
Не любить тебя — уже преступление,
А любить тебя, увы, — наказание.

Говорят, Лев Толстой мечтал хоть час прожить в обличи женщины. Если бы он познакомился с творчеством Дмитриченко, то необходимость в его желании, возможно, отпала бы. Настолько проникновенно, глубоко и ярко отражает свою сущность эта талантливая женщина.

2016 — в типографии «Рекламно-информационного агентства на КМВ» тиражом двести экземпляров выходит двухтомник избранных произведений Валентины Дмитриченко.

Дятлов
Владимир Семёнович
1924 – 1996

Родился в городе Майкопе Краснодарского края 27 июля 1924-го — в семье потомственного казака, заместителя командира кавалерийского полка Семёна Дятлова.

1929 — родители развелись, и мать с пятилетним сыном уезжает к сестре в Абхазию. Детство и юность прошли на берегу Чёрного моря в городе Гагра. Необъятная ширь и изменчивый облик водной стихии навсегда покорили будущего писателя.

1938 — на четырнадцатом году жизни стал работать в гагрском рейдовом порту матросом, грузчиком, и с полным правом на то причислял себя к портовикам: «Он знал в порту всех, все знали его, и это просто замечательно, когда вокруг тебя столько знакомых добрых людей» («Тропую жизни человечьей»). Школу не бросил, хотя ходил туда далеко не каждый день.

1942 — горький знаменательный год. В боях, при обороне Северного Кавказа, погиб отец - командир кавалерийского полка. В начале лета Владимир закончил десять классов. Через три месяца призван в действующую армию и направлен под город Моздок, взятый немцами. Враг рвался к нефтяным районам Грозного и Баку. Моздокчане по сей день называют места боевых действий «долиной смерти».

1943 — в январе дивизия переброшена под Сталинград, где окружена группировка Паулюса. Знание и любовь к технике сделали Дятлова отличным артиллеристом. Освобождал Ельню, Смоленск и другие российские города уже в должности командира орудия. Дошёл до Орши. Контужен, дважды ранен. Награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги».

1944 — направлен с фронта во 2-е Ленинградское артиллерийское училище.

1945 — в сентябре закончил учёбу, получил звание офицера, отбыл в Эстонию в состав знаменитой 8-й Гвардейской панфиловской дивизии. Во время службы в армии учился заочно в институте иностранных языков.

С 1950 по 1954 — проходил службу на Камчатке, откуда и уволился из армии в звании капитана.

Поначалу вернулся в город Гагра. Помыкавшись в поисках работы, оказался на Северном Кавказе, работал инженером-топографом, литературным сотрудником в газете «Советская Калмыкия». Тянул лямку ответственного секретаря и заведующего сельскохозяйственным отделом в районных газетах Ставрополья.

1963 — краевое отделение Союза писателей провело семинар молодых авторов. В работе трёхдневного семинара приняли участие Председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев и группа московских литераторов. Высокую оценку получило творчество прозаиков В. Дятлова, В. Колесникова, В. Белоусова, поэтов А. Екимцева, И. Романова, В. Бабиченко. Никогда больше, ни на одном семинаре не будет открыто сразу столько подлинно ярких дарований.

1964 — в альманахе «Ставрополье» № I в рубрике «Слово участникам семинара молодых литераторов» напечатан рассказ «Гвардейский значок» — психологический этюд о взаимовыручке на фронте, о неразрывной связи с прошлым. Ранее в альманахе публиковалась приключенческая повесть «Тайна белой церкви». Но это всего лишь удачные пробы пера, ученические подступы к профессии.

По совету Игоря Романова переехал из Зеленокумска в Ставрополь. Поселившись в краевом центре, работал электромонтажником на заводе «Электроавтоматика», инженером ОТК, старшим инженером. Писал рассказы и повести; однако инженерские хлопоты мешали этим занятиям. С удовольствием вернулся к рабочим профессиям: слесарь-ремонтник, бригадир электромонтажников.

Однажды я шёл с ним через площадь Ленина к Дому Книги, — вдруг Дятлов приостановился и указал на электронные часы на крыше углового здания: «Знаешь, Коля, а ведь это я собирал и настраивал их». Мне понятна его пролетарская

гордость, ведь и я предпочитал хвастаться не принятыми в печать рукописями, а тем, что могу собрать и разобрать газовую плиту десятикопеечной монетой.

1965 — публикация повести «Что человеку надо» во втором номере альманаха «Ставрополье».

Дятлов-журналист, который за пять лет работы в газетах края до тонкости изучил жизнь села, душу русского крестьянина, его говор, мысли и чаяния, помог Дятлову-писателю с поразительной глубиной и достоверностью отразить послевоенную действительность. В дальнейшем повесть, переработанная и дополненная, обретёт новое название — «Если ты человек».

1969 — выход в свет этой повести отдельным изданием в краевом книжном издательстве. «Если ты человек» - первая книга В. Дятлова.

1970 — закончил повесть «Берег туманов». Игорь Романов, прочитав рукопись, не поленился сопроводить автора в краевое издательство. Там не только приняли рукопись, но и предложили должность редактора художественной литературы.

Приведу фрагмент воспоминаний писателя Василия Грязева, который работал в то время в издательстве: «Я прочитал повесть, и она захватила меня своей свежестью, романтикой первопроходца, наблюдательного и зоркого хозяина земли.

Не понимаю, почему рукопись имела столько противников - тогдашний краевой Союз писателей не рекомендовал её к изданию. Издательство настояло на своём, и повесть увидела свет. Читатель по достоинству оценил книгу, и она разошлась почти мгновенно».

1972 — тиражом 30 000 экземпляров публикуют повесть «Берег туманов» в очаровательном оформлении художника С. Каретко.

1973 — будучи отменным стилистом, мастерски владея сюжетом, Дятлов-редактор был излишне нетерпим к тем, кто, по его мнению, этими качествами не обладал. Вот отрывок из мемуаров Сергея Бойко в журнале «Южная звезда» № 2 (2002):

«В конце октября мне назначили редактором Владимира Семёновича Дятлова. Красивый мужчина! Хороший писатель. Но ко мне он был нетерпим. Не знаю почему, но он со всей строгостью своей природы обрушился на мою рукопись. Стал долбить

её со всех сторон! Я понимал, что он хочет довести меня до того, чтобы я вспыхнул, забрал рукопись и убежал из редакции.

А я чувствовал, что не имею права убежать из литературы. Это моё поле боя, и я не имею права оставлять его. И когда Дятлов сказал что-то уж очень обидное, я спокойно ему ответил:

— Ну, раз вы так думаете, значит, и читатели так подумают. А мнение читателя мне дорого. Спасибо за науку. Я постараюсь всё исправить.

И всё!

И он замолчал. Ему нечего было говорить.

И тогда он стал работать со мной. Долго, упорно.

23 декабря 1973 года рукопись книги «Тайны древних страниц» была сдана в производство. В 1974 году книжка вышла.

1974 — принят в Союз писателей СССР. С этого времени переходит на профессиональную писательскую работу.

1975 — моё знакомство с Дятловым в посёлке Солнечнодольск. Дятлов являлся составителем книги очерков «Высокое напряжение» о строителях, монтажниках, эксплуатационниках Ставропольской ГРЭС. Надпись на книге «Берег туманов» уводит меня в тот далёкий день: «Коле, в память о начале нашего знакомства, с надеждой, что знакомство станет дружбой. В. Дятлов. 4 сентября 1975 г.» И мы действительно подружились... Уж слишком много точек соприкосновения было у нас: Моздок, Грузия, литература, маниакальная любовь к чтению.

1976 — выход в свет самого знаменитого романа В. Дятлова «Чистая сила» (Ставрополь).

1977 — во втором номере альманаха «Ставрополье» напечатана повесть «Поединок на хуторе Рогатом».

В студии, созданной при Союзе писателей края для оказания помощи молодым литераторам, Дятлов — руководитель секции прозы. Рекомендует меня для участия в зональном семинаре молодых писателей Центра и Юга России в Пензе.

1978 — роман «Чистая сила» перепечатало московское издательство «Современник» тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров. Ставропольский драмтеатр предлагает автору написать пьесу на основе романа. Дятлов блестяще выполняет этот заказ, и пьеса «Чистая сила» долгие годы не сходит со сцены.

1980 — публикация сборника «Степные острова»: «о людях села — механизаторах, животноводах, живущих на отдалённых хуторах, которые подобно островам разбросаны по бескрайним степям Ставрополя».

1982 — к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит книга очерков «Творчество» — о тридцати пяти членах Союза писателей СССР. В материале «Целители» о Дятлове рассказывает Вадим Белоусов:

«Жизнь современного села для Владимира Дятлова не просто хорошо изученный и выигрышный в наше время материал, из которого можно выстроить рассказ, повесть, пьесу. Его любовь к земле и знание сельской жизни заставляют быть и суровым, и строгим, и гневным по отношению к тому, что мешает нормально жить современным земледельцам. Да и к ним самим писатель подходит с высокой нравственной меркой, не избегая острых углов, нерешённых проблем, различных пороков».

1984 — выход в свет нового романа «Зона риска» (Ставрополь). Дятлов в очередной раз подтверждает не только глубокое знание жизни села, но и уникальное писательское свойство: умение естественно и органично ввести в роман любого из многочисленных персонажей этого произведения.

1985 — в первом номере альманаха «Ставрополье» статья о творчестве В.С. Дятлова «Проблема и характер» принадлежит перу Татьяны Батуриной.

«За Владимиром Дятловым, — пишет Батурина, — прочно укрепилась репутация писателя, приверженного к характерам цельным и нравственно крепким и ясным.

Положительные герои Дятлова жизненны, он их не выдумывает, а находит в самой жизни, структура их психики ему понятна и близка. Интересующий его характер писатель осмысливает диалектически, обнаруживая в нём не только сильные стороны, но и слабости, требующие преодоления. Эти слабости обычно являются как бы продолжением достоинств, герой их осознаёт и стремится побороть — в этом тоже проявляется его крупность и цельность».

1986 — альманах «Ставрополье» № 4 печатает главы из нового романа. Дятлов, опираясь на факты своей биографии, ре-

шил создать историю современника. Этот роман должен был стать самым значительным произведением писателя-фронтовика. Он успел написать первую часть — о детстве и юности Виктора Степановича Логинова, о городе Гагра, о боях под Моздоком. Сохранились черновые наброски второй части.

Последний раз мы виделись в краевом Союзе писателей весной 1995 года. На московском издании «Чистой силы» остался прощальный автограф: «Пусть в твоём Солнечнодольске, жизнь твоя, Коля, будет всегда по-солнечному светлой. В. Дятлов. 28.4.95 г.»

Тяжёлая болезнь (рак правого лёгкого) уложила старого солдата в постель. Он не сдавался: начал курс голодания, пил барсучий жир.

«И в последние месяцы он не мог оставаться без дела, — вспоминает Василий Никанорович Грязев. - Он что-то переделывал в радиоприёмниках, доделывал, что-то изобретал. Увидев меня, каждый раз хвалился новым изобретением, новым усовершенствованием:

— А ну послушай, как работает приёмник!

Включал. Лилась прекрасная музыка - восхитительная чистота звука, прекрасный тембр».

Владимир Семёнович умер 24 июля 1996 года, не дожив трёх дней до своего 72-х летия. Над могилой писателя-офицера прозвучал троекратный салют из автоматных очередей.

2005 — возобновилось издание альманаха под названием «Литературное Ставрополье». Первый номер открылся начальными главами романа В. Дятлова «Тропою жизни человечей».

2010 — «Литературное Ставрополье» № 3 публикует следующие четыре главы неоконченного романа.

И слава Богу! Этот талантливый писатель-стилист, яркий и своеобразный, не должен быть предан забвению... Когда мне становится по жизни совсем уж неважно, я в качестве лекарства перечитываю его книги. И, знаете, — помогает.

Егоров
Иван Яковлевич
1900 - 1971

Родился 25 мая 1900 года в семье крестьянина-бедняка. Село Быково, где младенец первым криком известил о себе мир, располагалось в Царёвском уезде Астраханской губернии (ныне Волгоградской области). В годы Первой мировой войны окончил Астраханское училище садоводства и виноградарства. До призыва в армию работал агрономом-садоводом.

В 1920 году, находясь в рядах Красной Армии, Иван Егоров впервые взялся за перо и краски. Его агитационные рисунки и рифмованные подписи к ним публикуются в армейских газетах. Иногда рядом с агитпроповской трескотнёй появляются прозаические зарисовки, в них наблюдательный боец осмысливает революционное время, осваивает народную речь. Служба в политотделе армии стала неплохой академией для начинающего писателя-самоучки.

После демобилизации занялся журналистикой всерьёз. Работал в областной газете «Уральский рабочий». В эти же годы (1924 - 1927) в Свердловске находится в ссылке А.П. Бибик. Он фактический редактор журнала «Товарищ Терентий», но нередко приносит свои материалы в редакцию «Уральского рабочего». Их публикуют в газете под прозрачными инициалами А.Б.

1930 – в Саратове выходит первая книжица И. Егорова «Колхозная путина на Каспии» (43с.), состоящая из нескольких очерков. Мимоходом обращаю ваше внимание на то, что в 1930 году Егоров всё ещё далеко от Ставрополя: он корреспондент газеты «Поволжская правда».

В 1932 году Иван Яковлевич переезжает в Ростов-на-Дону, но живёт здесь недолго, около полутора лет. Видимо, что-то не заладилось у «иностранного» на донской земле, с её особым укладом и традициями.

1934 – 10 января большой, а точнее гигантский по размерам Северо-Кавказский край, куда входил Ставропольский округ, разделили на два края: Азово-Черноморский с центром в г. Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский с центром в г. Пятигорске.

Журналист газеты «Молот» И. Егоров переезжает из Ростова-на-Дону в Ставрополь. Вскоре женится здесь на известной в городе стенографистке Ванде Эдмундовне – аристократически утончённой умнице, ставшей помощницей ему в творчестве. Она с успехом заменит мужу-писателю диктофон, о котором не упоминали тогда даже в научной фантастике.

В марте 1935 года И. Егоров приступает к работе в газете «Северо-Кавказский большевик» разъездным корреспондентом. Его очерки, репортажи, фельетоны (последние под псевдонимом И. Чилим) рассказывают о самых глухих уголках полюбившегося края: о казачьих станицах на Тереке, садах Дагестана, о бурунных землях. В декабре в восьми номерах опубликована очерковая повесть «Абрек-Науруз» о карачаевце Наурузе Лепшокове, беглом каторжанине, активном участнике Гражданской войны в верховьях Кубани.

«Это был занимательный материал для «оживления» газеты (она-таки была скучновата и огромна по формату)», – признаётся Иван Яковлевич в письме к однофамилице Людмиле Петровне, преподавательнице Карачаево-Черкесского пединститута в 1960-х годах.

Опыт, отменное знание русского языка и природное чувство юмора сразу поставили И. Егорова в ряд лучших журналистов края за всю историю газеты.

В мае 1937 года центр теперь уже Орджоникидзевского края переносится из города-курорта Пятигорск в город Ворошиловск, поближе к сельскохозяйственным районам (с 29 апреля 1935 года по 12 января 1943 года г. Ставрополь носил название Ворошиловск). В связи с этим историческим переносом-переездом «Орджоникидзевская правда» публикует 5 июня очерк И. Егорова «Город Ворошиловск». На днях я с наслаждением перечитал его: материал ничуть не утратил познавательного значения и эстетического очарования.

Ранее, в поездках по стране, журналист Егоров не раз об-

щался с известными советскими писателями: Михаилом Пришвиным, Аркадием Гайдаром, Павлом Бажовым, – теперь дружеские отношения наладились у него с местными авторами: Эффенди Капиевым, Карпом Чёрным, Ильёй Чумаком.

1939 – ответственным секретарём Ставропольского отделения Союза писателей СССР избран И. Егоров. И это при том, что сам он в члены СП будет принят лишь в 1942-ом. То есть веской причиной избрания послужил природный талант, а не билет члена Союза писателей.

Краевая писательская организация состояла из пяти человек. Все они до выборного собрания прочитали роман И. Егорова «Ипомея», опубликованный в журнале «Красная новь». Это было мощное, многоплановое произведение об эпохально-трагическом периоде коллективизации на Кубани.

Единодушный выбор И. Егорова руководителем объяснил позднее Пётр Мелибеев: «Непримиримо злой фельетонист, он был удивительно добрым и чутким товарищем. Он умел увидеть в первой несовершенной рукописи одарённость и творческие возможности автора и стал непререкаемым авторитетом для всех начинающих писателей. Можно смело сказать, что все первые рукописи старшего поколения ставропольских писателей прошли через добрые руки Ивана Яковлевича» (цитируется по книге Л. Егоровой «История литературы Ставрополя. XX век». Ст., 2012, с.160).

1940 – Орджоникидзевское краевое издательство в Пятигорске публикует «Буйные травы». Так по предложению А. Фадеева стал называться роман «Ипомея».

1941 – «Буйные травы» перепечатывает издательство «Советский писатель» в Москве. Роман переиздавался шесть раз – в Ростове, Ставрополе, Сталинграде. Последнее издание вышло в год смерти писателя в Нижне-Волжском издательстве в Волгограде.

В годы Великой Отечественной войны И. Егоров – военный корреспондент. Он пишет ряд драматически сильных материалов, имевших в крае широкий общественный резонанс.

Это очерк «Смертный бой» о героической схватке партизан Гофицкого отряда с колонной немецкой мотопехоты 18 августа 1942 года у хутора Новогражданского. Отряд погиб вместе с ко-

мандиром Н.Ф. Гноевым и комиссаром И.Г. Анисимовым, но задержал продвижение врага в районы, где шла эвакуация скота. Посмертно все партизаны отряда удостоены боевых наград.

Это «Гитлеровская пекарня» – о зверствах гестапо в Пятигорске с использованием автомобиля-душегубки: семитонного крытого грузовика с дизельным двигателем. Очерк построен на рассказах очевидцев.

Это «Фрау напрокат» – о жене старшего лейтенанта Красной Армии «фрау Настье», которая сожительствовала с немецким обер-ефрейтором.

Это безжалостный по отношению к нерадивым хозяйственникам фельетон «Конные и пешие». В нём говорится о повальной гибели от истощения и болезней 63-х лошадей из 80-и, подаренных Красной Армией городу Ставрополю. В рубрике «По следам наших выступлений» бюро горкома ВКП (б) признало факты, изложенные в фельетоне, имевшими место и постановило «привлекать к суровой ответственности хозяйственников, нерадиво относящихся к рабочему тяглу».

В конце войны И. Егоров приступает к работе над следующим романом – «Третий эшелон». В нём рисует яркую и правдивую панораму жизни Северного Кавказа в военное время. Главы из романа печатаются на страницах «Ставропольской правды». Одновременно с «Третьим эшеленом» пишет небольшие повестушки, ставшие по утверждению Л. Егоровой «классикой литературы Ставрополья».

1946 – типография газеты «Ставропольская правда» издаёт отдельной книжечкой повесть «Роза – дочь Алана». В связи с тем, что карачаевский народ жил в те годы в малонаселённых районах Казахстана и Киргизии, и был вычеркнут из жизни края, писатель, описывая своих героев, вынужден называть их осетинами. Такая вот гримаса истории!

В первом номере «Ставропольского альманаха» за 1946 год (с №1 по № 8 альманах «Ставрополье» назывался «Ставропольский альманах») напечатана повесть «Море Сарматское» – жемчужина в творчестве И. Егорова, которая ни разу с тех пор не переиздавалась. Десятилетиями гонялись за ней по книжным развалам и букинистическим отделам ставропольские рыболовы, так вы-

соко ценилось в их профессиональной среде «Море Сарматское».

1948 – краевое книжное издательство публикует роман «Третий эшелон». Рецензию «Живые соки (О романе Ивана Егорова «Третий эшелон»)» прислал из Москвы Юрий Либединский. Статья увидела свет в «Ставропольском альманахе» №5, 1949. Напомню, что когда Ю. Либединский по поручению правления Союза писателей СССР приезжал в наш край в августе 1939 года для оказания помощи молодым литераторам, то в первую очередь выделил в отчёте об этой поездке романиста И. Чилима (Егорова) – «человека вполне сложившегося и зрелого».

1949 – издательство «Советский писатель» переиздаёт роман «Третий эшелон» в Москве. Вместе с гонораром автор получает в столице удостоверение специального корреспондента «Литературной газеты».

В начале 50-х для Ивана Егорова наступили трудные времена. Виной тому стали мастерски написанные фельетоны, которые регулярно печатались не только в «Ставропольской правде», «Молодом ленинце», «Литературной газете», но и в самых главных газетах страны – «Известиях» и «Правде». Газеты с фельетонами И. Чилима передавались читателями из рук в руки. Отношение же власти к сатире характеризует частушка тех лет:

Нам, товарищи, нужны
Побеззубей Щедрины,
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

«Смело и хлётко высмеивал он уродливые явления окружающей действительности, – вспоминает краевед Тамара Коваленко. – Тем самым навлёк на себя неприязнь власть предержащих. К тому же он был беспартийным. Жившие бок о бок с Егоровыми в просторном барском доме высокопоставленные люди будто не замечали, как маются в дряхлой хибарке без удобств уже немолодые уважаемые люди. А ведь в краевом центре в ту пору государство вовсю строило жильё» («Ставропольская правда», 17 марта 2000).

Ещё одну картину жизни писателя в те годы я обнаружил в «Дневниковых записях» Тимофея Шелухина:

«Встречи с Мастером проходили в отделении Союза писателей, которое в те времена располагалось на проспекте Сталина, в одном доме с редакцией газеты «Ставропольская правда»...

Часто Иван Егоров для более доверительной беседы приглашал в свою квартиру, что находилась в глубине одного из дворов возле денно и ночью гудевшего старого, ещё царских времён, кинотеатра «Гигант». Свои беседы со мной он не начинал, не выпив стакана вермута, этого для меня диковинного напитка, ящик которого (что меня также удивляло) я всегда видел возле его стола. Приняв «причастие» он оживлялся и обращался ко мне со словами: «Ну что, комбайнёр, начнём молотить?»

Иван Егоров был беспартийным, чем воспользовались его завистники, являвшиеся поголовно членами ВКП (б), и скоро изгнали его с поста ответственного секретаря. Оппозицию возглавил всем известный интриган и бездарный критик Ефим Кабаченко, однако работавший корреспондентом газеты «Советская Россия»...» («Зеленокумские встречи». Ст.: «ЮРКИТ», 2011, с. 346, 347).

Ситуация не из приятных: Егорову хоть в петлю лезь. Его планомерно выживали со Ставрополья, как когда-то изгоняли из Дагестана Эффенди Капиева. Особенно тяжело было видеть изо дня в день, как молчаливо страдает самый близкий ему человек: гордая, исхудавшая Ванда Эдмундовна с посеревшим лицом и рассеянно-измученным взглядом.

1954 – чета Егоровых переезжает в Сталинград.

Встаёт вопрос о времени пребывания И. Егорова в Ставрополе. Кажется, чего уж проще, везде указывается одна и та же цифра: «Более 30-ти лет писатель жил и работал на Ставрополье».

Но это не так.

Обратимся к указателю литературы «Писатели Ставрополья» (Ст. , 1974, с. 79 - 94). Здесь указано свыше полутора сотен газетных публикаций И. Егорова. Последняя статья в ростовской газете «Молот» напечатана 22 февраля 1934 года. Этот год является годом переезда писателя из Ростова в Ставрополь. Таким образом, время пребывания И. Егорова в Ставрополе: с 1934 по 1954 годы – составило двадцать лет, а не мифические тридцать. Странно, что на это не обратили внимания в 1974 году составители книги «Писатели Ставрополья».

В Сталинграде всесоюзно известного автора встретили с распростёртыми объятьями. Тем более, что он продолжал оставаться спецкором «Литературной газеты», и в цикле «Заметки писателя» стал рассказывать на страницах столичной газеты о проблемах Сталинградской области. В местном издательстве одна за другой выходят его книги.

1955 – сборник рассказов «Узорчатая рама».

1956 – повесть «Ярлычок».

1958 – второе издание повести «Ярлычок» и... историческая встреча двух отцов-руководителей Ставропольского отделения Союза писателей РСФСР – бывшего и будущего.

Дело в том, что на строительство Сталинградской ГЭС приехал выпускник Литинститута Евгений Карпов. Он принёс в областное издательство свою дипломную работу: рукопись из девяти рассказов. О дальнейшей судьбе рукописи можно узнать из записок Е. Карпова «Всё было, как было»: «Рецензент, писатель Иван Егоров, на верхнем её уголке тонко отточенным карандашиком написал: «Для советской печати явно не годится». А в разговоре со мной добавил: «Ты эту рукопись больше никому не показывай. Нельзя, нельзя о советской жизни так... нехорошо писать», – говорил Иван Яковлевич, прихлёбывая портвейн» (Журнал «Южная звезда» № 3, 2007, с.47).

Как видите, ставропольские мытарства не прошли для Егорова бесследно. Он оценил обретенный в Сталинграде душевный покой, материальный достаток и стал гораздо осторожнее в словах и поступках. Фельетонист Чилим почил в бозе.

К счастью для Карпова, руководитель Союза писателей РСФСР Леонид Соболев в речи на писательском пленуме расхвалил молодого автора. Речь была опубликована в «Литературной газете». Издательство тут же потребовало рукопись обратно и издало экспрессом. Это был действительно достойный сборник рассказов «Мои родственники» (1959) – дебют Е. Карпова в литературе.

Мне трудно судить насколько прав Т. Шелухин, назвав Е. Кабаченко главным гонителем Егорова со ставропольской земли. Именно Ефим Тимофеевич 27 мая 1960 года опубликовал к 60-летию И. Егорова статью «Всесторонний талант»

в газете «Молодой ленинец». Материал перепечатали в альманахе «Ставрополье» № 3, 1960:

«И. Егоров был одним из первых писателей-ставропольцев, чьи книги получили признание и выход на союзную трибуну. Александр Фадеев в числе лучших произведений назвал роман «Буйные травы»... Литературная общественность Ставрополья, отмечая 60-летие со дня рождения писателя Ивана Яковлевича Егорова, отдаёт дань уважения его таланту и многолетней плодотворной деятельности по воспитанию молодых литературных кадров».

Что это? Застенчивое извинение?

1961 – издательство «Советский писатель» публикует новую повесть И. Егорова «Левадинцы». И опять критик Е. Кабаченко отзывается на эту публикацию статьёй «В мире книг» в газете «Ставропольская правда» от 10 января 1962 года.

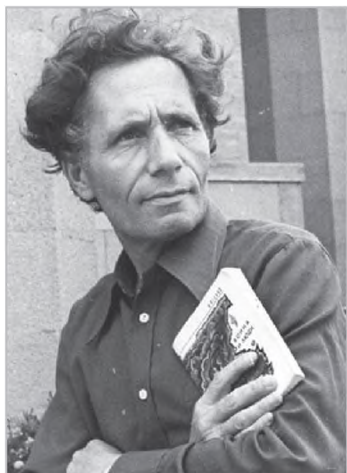
1965 – в Волгограде выходит повесть «Крутая Громадка». В основе её воспоминания И. Егорова о незабываемой комсомольской юности 20-х годов.

Умер писатель 5 апреля 1971 года в Волгограде.

9 апреля «Литературная Россия» напечатала некролог «И. Я. Егоров (1900-1971)». А «Ставропольская правда» всё чего-то выжидала в нерешительности, прежде чем 14 апреля попрощалась с покойным. В числе подписавших некролог «Памяти писателя и друга» был поэт Андрей Исаков.

А уже через день, 16 апреля 1971 года, «Ставропольская правда» сообщила о смерти самого Исакова.

О, непредсказуемая эфемерность земной жизни!

**Екимцев
Александр Ефимович**
1929 – 1992

Родился на исходе лета, 30 августа 1929, в селе Акуличы Клетнянского района Брянской области.

Во время Великой Отечественной войны фронт проходил под окнами хаты, и события тех лет навсегда отпечатались в цепкой мальчишеской памяти.

Запомнился мне беженцев поток,
Запомнил и картину я такую:
Слепой старик тащился на восток,
За девочку держась глухонемую.

«Я и до сих пор слышу отдалённые гулы орудий, свист летящих бомб, вижу чёрные дымы над родным селом, «ковпаковцев» и «фёдоровцев» уходящих в глубь брянских лесов. Пережитое в годы войны не давало мне покоя. Хотелось рассказать ребятам об увиденном, об услышанном», — признаётся поэт в автобиографии.

После окончания средней школы служил в рядах Советской Армии на Дальнем Востоке — сначала в Приморском, затем Хабаровском краях.

1952 — опубликовал первые стихи в окружной военной газете «Суворовский натиск».

После демобилизации поступил в Московский институт культуры и окончил его, получив профессию библиотекаря.

1956 — первая публикация в центральной печати, в журнале «Крестьянка».

1957 — вступил в Коммунистическую партию. Решение стать коммунистом сформировалось после прошлогоднего XX съезда КПСС, на котором прозвучал знаменитый доклад Н.С. Хрущёва о культе личности Сталина.

1960 — после окончания института культуры приехал по распределению в Ставрополь и стал куратором библиотек города.

1962 — в местном издательстве выходит первая книга поэта «Десять добрых тропок». Одновременно во Всесоюзном журнале «Мурзилка» печатается большая подборка стихов.

Вырос куст над жёлтой кручей,
Царапучий-царапучий.
Царапучее, чем кошка.
Я его боюсь немножко.

«Я и не знал тогда, что это определит мою дальнейшую судьбу как детского писателя», — с ребячьей непосредственностью кокетничает Екимцев в автобиографии.

1963 — участвует в краевом семинаре молодых писателей вместе с поэтом Виктором Бабиченко и прозаиком Владимиром Дятловым. Эта одержимая творчеством тройка ворвётся в литературу как августовский звездопад.

1964 — выход в Ставрополе новой красочной поэтической книжки-картинки «А мы реку встречали», адресованной малышам дошкольного возраста.

1965 — краевое издательство стотысячным тиражом публикует третью книгу поэта «Деревушка на сосне». Её дважды переиздаст издательство «Детская литература» в Москве (1967, 1972).

1967 — становится членом Союза писателей СССР. Создаёт книгу «взрослых» стихов «Светло в России от берёз» (одно название чего стоит).

...И санный след, и след колёс
И в полночь разглядел бы я:
Светло в России от берёз,
Светло от снега белого.

От меловых заречных круч
И вишен цвета сильного.
От новых срубов,
Белых туч,
Плывущих над Россиєю.

И счастлив я, что здесь я рос,
И то мне сердце радует,
Что снежный свет
Родных берёз
На всю планету падает!

Осенью в Пятигорске участвует в очередном семинаре молодых уже на правах руководителя. Там я впервые увидел его в автобусе, который вёз участников семинара в «Домик Лермонтова», и принял за экскурсовода, настолько глубоко, истово и правдиво говорил он о дуэли, о желчном нраве гения.

Познания в области искусства, дерзкие суждения, одухотворённое лицо завораживали окружающих. «Он был даже для беллетристов психологическим аккумулятором, вокруг которого всегда толпились люди, особенно молодёжь» (В.Кожевников).

Обладал поразительным чутьём; мог дать совет, который изменял жизнь человека. Приведу пример. Сергей Бойко написал повесть о изобретателях керосина и первом в мире керосиновом заводе. Рукопись подвергли жесточайшей критике на всех инстанциях: характеры — ходульные, интрига — вялая, язык — беспомощный; автор занялся не своим делом. Бойко, который с детства не мыслил себя вне литературы, впал в прострацию, и тут Екимцев между делом сказал: «Знаешь, Серёжа, мне понравилось как описан сам процесс изготовления керосина. Почему бы тебе не заняться вместо беллетристики научно-популярными книгами? Мне кажется, у тебя получится». И ведь как в воду глядел! Сергей Павлович достиг в этом жанре небывалых успехов; вершиной стала биография Шарля Перро, изданная в серии «ЖЗЛ». Такова цена своевременного совета от Александра Екимцева.

1970 — в апреле в Москве проходит III съезд писателей РСФСР. С высокой трибуны Агния Барто назвала Екимцева одним из лучших детских писателей страны. Это вызвало у поэта выброс творческой энергии: «Кроме стихов, я решил попробовать свои силы в более широких полотнах. Так появилась поэма «Брянский лес» о героическом подвиге партизан в Великой Отечественной войне».

Посвист пуль. Веток хруст.
Штык. Кинжал. Винтовка.
Каждый пенёк и каждый куст
Бьют фашистов ловко!

Партизану из-за пня
Подорожник шепчет:
«К ране приложи меня –
Сразу станет легче!»

Шепчет Брянский лес героям:
«Отходите, я прикрою!
Я прикрою вас собою.
Каждой елью голубою».

Краевым комитетом ВЛКСМ учреждена премия имени Александра Скокова, Героя Советского Союза. В 1970-ом лауреатом премии стал А.Е. Екимцев — «за создание высокохудожественных произведений, способствующих воспитанию детей в духе любви к родной земле, природе, труду».

1971 — окончил Высшие литературные курсы в Москве при Литинституте. В Ставрополе тиражом 250 000 экземпляров (четверть миллиона!) выходит жизнерадостный колдовской «Дедушка Туман». Сборник тут же переиздаст «Детская литература».

1972 — поэма «Брянский лес» отмечена премией Госкомиздата и Союза писателей СССР. «Лиризм военных стихов Екимцева основан на общечеловеческом масштабе чувства, на синтезе печали и света, скорби и жизнеутверждения. Всё, чего касается его художественная мысль, превращается в эстетический факт и обретает философскую глубину» (Т. Чёрная).

1975 — альманах «Ставрополье» №1 открывается фрагментом из новой поэмы «Фронт над облаками». «Это поэма о том, как советские войска на 4-5-ти километровой высоте, проваливаясь в трещины и щели, замерзая на жгучем морозном ветру, остановили фашистские орды, рвавшие к бакинской нефти», — объясняет автор.

Уже тогда я отчётливо понял, что в детской поэзии о войне

появился поэт, который занял в ней такое же положение, какое во взрослой занимал А.Т. Твардовский. Эпизод, когда советские солдаты перед ночным штурмом обещают друг другу не кричать даже сорвавшись со скалы и уносясь в бездну, на встречу неминуемой гибели:

Клянусь!
Если со скалы сорвусь —
В пропасть молча упаду,
Но отряд не подведу! —

поражает былинным величием, первобытной человеческой мощью. «А ведь и правда ни один не вскрикнул, — с грустью и страданием восхищался Екимцев. - И это в последний миг жизни, когда так хочется исторгнуть в крике всю суть и силу своего исчезающего «Я». Но нет, ни один... Падали молча... Какой-то невероятный, осознанный и священный подвиг молчания».

1977 — при Ставропольской писательской организации начинает работу краевая литературная студия, созданная для оказания помощи молодым литераторам. Секцией поэзии руководит Александр Екимцев, секцией прозы — Владимир Дятлов. Помните «августовский звездопад»? Правда, Виктор Бабиченко уже четыре года покоится в крымской земле. Он выпустил две жизнеутверждающие книги стихов, которые вошли в золотой фонд ставропольской поэзии («Здравствуй, земля!», «Подождите апреля»), поехал на лечение в санаторий и умер в Крыму от туберкулёза.

1982 — к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит сборник «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)». Обзор поэтического пути А. Екимцева под названием «Своя тема» принадлежит Татьяне Чёрной. Гораздо более отточенный и углублённый анализ творчества поэта она сделает в статье «Поколение», опубликованной в альманахе «Литературное Ставрополье» № 4, 2007. (Лёгкое недоумение вызывает нежелание Татьяны Карповны именовать поэму «Фронт НАД облаками» так, как нарёк её автор. Во всех известных мне работах Т. Чёрная предлагает собственный вариант: «Фронт ПОД облаками»).

1987 — в самом разгаре работа над поэмой «Города-герои». Одна из частей о крепости-герое Бресте («В самый первый день войны») уже опубликована. «Несмотря на лирическое начало в моём творчестве, — признаётся Екимцев, — военная тема все-таки берёт верх».

1988 — в конце года, к предстоящему 60-летию автора издадут сборник детских стихов, сказок, загадок «Шишки под осиной».

1991 — тиражом в одну тысячу экземпляров печатается последняя прижизненная книга поэта «В последних числах декабря». Я не раз сталкивался с ним в издательстве: у меня выходил сборник «Его последний вечер».

— Что-то часто мы стали употреблять слово «последний», — загрустил Екимцев. — Как-будто навсегда прощаемся с чем-то.

Обычно он был ироничен, смешлив, улыбчив, — и никто даже представить не мог тотального одиночества и какой-то жизненной бесприютности этого человека. А ведь иногда он прямым текстом жаловался на то, как тяжело бремя детского поэта: «Надо сначала добиться, а потом сохранять всю жизнь восприятие мира на уровне ребёнка среди мусора и мерзостей взрослой жизни».

Я одинок, как острова Анжу,
В дорогу одиноко ухожу, —

посылал он сигналы SOS, так и непринятые нами.

1992 — 15 апреля Александр Ефимович Екимцев скоропостижно умер. И сразу стал очевиден подлинный масштаб личности. Утешая и беспокоясь о нас, он оставил строчки, полные мужества, отсутствия страха смерти и редкой лирической силы:

Я пришёл при луне и уйду при луне,
Лишь тайком лозняки загрустят обо мне.

Да всплакнёт на заре молодая трава,
Да молву невзначай опечалит молва.

Только я говорю вам: не надо грустить,
Рано, поздно ли — всем в далеко уходить.

Потому и прошу не грустить обо мне:
Я пришёл при луне и уйду при луне.

1993 — в ноябре имя поэта А.Е. Екимцева присвоено Ставропольской краевой детской библиотеке.

Посмертно за двадцать восемь лет небольшими тиражами изданы три книги: «Кому чего хочется» (1999), «Эти струны живые» (2002) и репринтное переиздание «Дедушки Тумана» (2015).

Как же нам надо не уважать собственных детей, чтобы выдавать им столь малыми дозами стихи великого детского поэта!

*Слева направо:
А. Екимцев и С. Рыбалко.
г. Ставрополь, январь, 1990 г.*

**Епанешников
Леонид Фёдорович
1923 - 1992**

*Мир поэзии Л. Епанешникова –
мир увлекательных
для детей находок, мир искренней
сердечной доброты.
Евгения Стефанеева.*

Родился в городе Черкесске 11 апреля 1923 года. Здесь же прошли его детские и школьные годы.

1936 — в областной газете напечатано первое стихотворение тринадцатилетнего подростка.

1939 — победитель литературного конкурса среди пионеров и школьников Северного Кавказа.

1940 — поступил в Литературный институт им. Горького, подготовил к печати первый юношеский сборник стихов, который так и не вышел в свет из-за разразившейся войны.

В своей автобиографии Леонид Епанешников хранит непонятное молчание по поводу военных лет. Александр Мосиенко заверил меня, что его друг не попал в Красную Армию из-за сильной близорукости. Зато Татьяна Чёрная, известный на Северном Кавказе исследователь литературы, в книге «Ставропольеведение» (издательство Надыршин, 2010, с. 573) ошибочно вносит Л. Епанешникова в число ветеранов Великой Отечественной войны и здесь же исключает из этого списка участника боевых действий В. Гнеушева.

Замечательную, нужную книгу написала и издала Т. Чёрная, тем досаднее было обнаружить при чтении столь явное несоответствие фактам.

Вернёмся к автобиографии Л. Епанешникова, написанной для буклета «Писатели Ставрополя» (издательство «Ставропольская правда», 1987):

«Но война с гитлеровскими захватчиками прервала учёбу в Литинституте. И лишь много позднее пришлось продолжить

её: сначала в учительском, а затем педагогическом институте».

Поясню: сначала в Черкесском педагогическом училище, затем в Ставропольском пединституте.

Свыше двадцати лет проработал в газетах Ставрополя, а в начале карьеры в других областях страны. Но главным для себя всегда считал поэтическое творчество.

1957 — в связи с 400-летием добровольного присоединения Карачаево-Черкессии к России поэт-переводчик Л. Епанешников награждён Почётной грамотой Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры.

1959 — Карачаево-Черкесское книжное издательство выпускает небольшую первую книжицу Л. Епанешникова «Брат и сестра» тиражом три тысячи экземпляров.

Переехал на Кавминводы. Жил в Кисловодске, а работал в Пятигорске.

1960 — стоял у истоков возникновения газеты «Кавказская здравница». Был в ней сначала корреспондентом, потом заведомом и наконец ответсекретарём. Издал второй поэтический сборник для детей — «Друзья».

Третью книжку «Август» в 1964 году публикует «Детгиз», который в том же году по неизвестным мне причинам сменил привычную вывеску и стал издательством «Детская литература». Альманах «Ставрополье» № 4 писал: «Книжка стихов Леонида Епанешникова, вышедшая в московском издательстве, — явление отрадное. Герои её — дети из большого южного города».

После недолгих колебаний автор отослал свой сборник Самуилу Яковлевичу Маршаку (1887 — 1964). Знаменитый детский поэт был уже тяжело болен, но в ответном письме передал «сердечный привет и благодарность за книгу».

Привет классика, посланный со смертного одра, произвёл на Л. Епанешникова ожидаемое впечатление: «Это окрылило, утвердив в правильности избранного пути, того дела, которому я решил посвятить себя».

К этому времени относится один поучительный для журналистов пример, которым Л. Епанешников поделился позже в письме к А. Мосиенко:

«Был в бытность моей работы в газете такой случай. На-

печатали мы стихи отдыхающего на Кавминводах москвича Вас. Степанова и дали аннотацию: мол, московский поэт и прочее. И вдруг редактор получает открытку — от кого бы ты думал? От лауреата Государственной премии Александра Яшина, отдохавшего в Кисловодске. Эту открытку редактор со своей визой переправил мне (я тогда был ответственным секретарём и сдал подборку стихов в набор, прочитав её поверхностно, полагаясь на магическое в аннотации «московский поэт»). Эту открытку я до сих храню.

«Уважаемый товарищ редактор! Очень горько было читать в вашей газете подборку стихов В. Степанова, поданную очень громко, но не имеющую никакого отношения к поэзии. Стихи настолько плохи, что критиковать их всерьёз даже как-то неудобно. «Крутой Октябрь» (говорят: крутой кипятилок!), «Солнечное счастье», «Яркая блуза лучей», «Дыхание бед и побед» — это мнимые стихи. За святыми для советских людей словами скрывается полное отсутствие мысли, чувства, налицо только бойкое приспособленчество. Не такова сейчас наша родная поэзия, не так пишут «московские поэты». Извините, но я не могу этого не сказать. Александр Яшин. 22 января 1964 г. Кисловодск».

Вот чем обернулось, что В. Степанов, в общем-то неплохой поэт, член Союза писателей (он и сейчас есть в справочнике СП), будучи в Кисловодске, написал стихи наспех, небрежно и принёс в редакцию, думая, что в местной газете всё сойдёт, всё и так скушают» (Цитируется по книге А. Мосиенко «К поэзии и прозе прикасаясь», Северокавказское изд-во МИЛ, 2006, с.174-175).

1980 — в Ставропольском книжном издательстве выходит «Несговорчивый ручей», очередной детский сборник.

Мимо лип, карагачей
Побежал весной ручей;
И запел, и засветился
Звонким золотом лучей.

«В своих стихах, - делится автор, - пишу только о том, что знаю, о людях и природе края, где родился, вырос и живу».

1981 — столичное издательство «Малыш» публикует книгу «Де-

душкина бурка», основу которой составляют стихи, посвящённые чабанам, людям древней как мир профессии, их нелёгкому труду.

Пахнет дедушкина бурка
И травой, и речкой бурной,
И горячим скакуном,
И ягнёнком – сосунком,
Да ещё овечьей шерстью,
Да немножечко дымком
От чабанского костра,
Что не гаснет до утра!

1982 — Л. Епанешников вошёл в число победителей конкурса на лучшее стихотворение для дошкольников. Конкурс был организован правлением Союза писателей РСФСР. Диплом вручал председатель жюри конкурса Сергей Владимирович Михалков.

59-летний Леонид Фёдорович становится членом Союза писателей СССР.

Сборник «Творчество», посвящённый 45-летию краевой писательской организации, подписан в печать 7 декабря 1982 года. Журналистка Евгения Стефанеева успела дать в него очерк «С солнышком в дружбе» о принятом в СП Леониде Епанешникове. Материал с лёта берёт читателя в оборот:

«Запомнилась мне одна встреча — в автобусе, шедшем из Пятигорска в Ставрополь. Мальчик лет шести, сидя на коленях у матери, с жадным любопытством смотрел в окно, не пропуская ничего из того, что видел. А потом обернулся, широко улыбаясь:

— Мам, а мам, помнишь:

Зелёный Автобус
Бежит по дороге,
Как будто мальчишка
Пылит
Босоногий.

Он ещё и ещё читал на память строки из стихотворного рассказа «Автобус». Машина мчалась по шоссе плавно и быстро, и стихи обретали реальное звучание:

Шу-шу, хорошо, -
Зашушукали шины.

Маленький читатель слышит шуршание колёс, и ему кажется, будто и сам он едет в этом сказочном автобусе. Аллитерация умело поставлена на службу образной задаче автора, это один из многих поэтических приёмов, которые Л. Епанешников использует в своём творчестве».

1983 — в краевом центре выходит итоговое издание под названием «Живой значок». Таким значком стал жук, севший на грудь влюблённого в окружающий мир мальчугана. Книга вобрала в себя наиболее удачное из того, что было создано за четверть века работы в детской поэзии. Предисловие написал Георгий Гулия, известный советский писатель, автор романов из истории древнего Египта и Рима:

«Тот, кто бывал в горах, несомненно, встречал в глухих местах родники необыкновенной чистоты. К ним полностью можно отнести определение «кристально чистые». С такими родниками можно сравнить детскую душу. Чтобы не замутить её, требуется и большой такт и хорошее знание юной души, не говоря уже о литературном таланте. Всеми этими качествами обладает Леонид Епанешников. Говоря попросту, сердце у него доброе, и стихи его добрые».

Уйдя из журналистики, стал работать редактором издательского совета в Пятигорском педагогическом институте. Обрёл здесь надёжного друга в лице Александра Мосиенко, редактора институтской многотиражки.

1987 — к очередному юбилею Ставропольской писательской организации выходит буклет «Писатели Ставрополья». В нём Л. Епанешников вспомнил о своих переводах. Их пик пришёлся на 50-е годы, хотя грешил этим приработком и позже. Не касаясь публикаций в «Советской Черкессии» и других газетах края, перечислю лишь авторские сборники. Это «Будильник» черкеса Хусина Гашокова, «Утро» абазинца Калимурзы Джегутанова, «Мой товарищ» абазинца Пасарби Цекова.

Отдельно следует сказать о прозе директора областного книжного издательства Сайдина Ибрагимовича Хатуова. Пе-

реводчик познакомил русского читателя сначала с повестью «На рассвете», затем с повестью «Дорога Хамида». Примечательно, что книги С. Хатуова, изданные на русском языке в Черкесске, через два-три года дублировались Ставропольским книжным издательством.

Хочу познакомить вас с дружески развёрнутой характеристикой, которую дал Л. Епанешникову в очерке «Волшебный поэт детства» А. Мосиенко:

«Леонид Фёдорович был человеком редкой честности, совестливости, дорожил высоким званием поэта. И болезненно переживал всякую несправедливость, а когда она касалась его лично, то становился просто беспомощным. Жил с семьёй в стеснённых условиях. Квартирная очередь никак не приближалась. Болезнь всё чаще давала о себе знать. И тогда Союз писателей России по ходатайству краевой писательской организации и Сергея Михалкова перечислил в Кисловодск на долевых началах сумму на квартиру специально для Епанешникова. Увы, деньги растворились где-то в городской казне, а он, похоронив жену, так и не получил желанной квартиры...»

Умер Л. Епанешников в 1992 году.

И умер как нельзя вовремя, не успев увидеть выпедший в издательстве «Терра» пятый том собрания сочинений Владимира Максимова. В романе «Прощание из ниоткуда» автор-эмигрант в неприглядном свете вывел всех своих бывших друзей: Леонида Епанешникова, Евгения Карпова, Владимира Гнеушева — «Шолохов-Гнеушев, слышал? «Марухскую целину» написал...» (с.170)

Я даже не сразу понял, что автор, пусть устами мимолётного персонажа, но явно иронизирует в этом эпизоде над вмёрзшими в лёд телами наших и неприятельских солдат, о чём с такой скорбью рассказывается в книге «Тайна Марухского ледника».

В тенденциозном романе В. Максимова я отыскал четыре процента искренности и девяносто шесть процентов лукавства. Чего стоит описание пьянки в областном театре, где служат исключительно комики-алкаши и трагики-гомосексуалисты. Ночная гульба перерастает в вакханалию, в которой «потерявший память Епанешников поочерёдно требовал от каждого ответа на вопрос: как его зовут и где он находится» (с.38).

Что за патологическая тяга к глумлению над когда-то близкими тебе людьми?

Мы и сегодня с теплом вспоминаем Леонида Фёдоровича Епанешникова, мечтавшего заронить в душу каждого ребёнка добрую искорку. А вот в какой из стран Евросоюза навсегда упокоился Владимир Емельянович Максимов (Царство ему небесное) — я запомню.

В некоторых изданиях по непонятным мне причинам смерть Л. Епанешникова отнесена к 2005 году.

Я могу доказать, что это не так.

Передо мной сборник произведений лауреатов и участников конкурса на лучшее литературное произведение «Неслучайная исповедь», изданный Ставропольским фондом культуры в 1994 году. В нём фамилия поэта Епанешникова везде взята в чёрную рамку, а в биографической справке «Наши авторы» указаны годы жизни: 1923 — 1992.

Подозреваю, что впервые неверная дата появилась в антологии «ИМЕНА в истории Ставропольской краевой писательской организации» (Пятигорск, 2014), и уже оттуда пошла гулять-кочевать по другим изданиям.

Раскройте мощный по объёму, содержанию и научной значимости том Людмилы Егоровой «История литературы Ставрополя. XX век» (Ст., 2012). Там на странице 208 после оценки поэтического творчества А. Екимцева упоминается его сотоварищ:

«В том же фарватере детской поэзии шёл и Леонид Епанешников (1923 – 1992)...

...Хочется отметить, что детская поэзия Ставрополя была широко известна и за пределами края».

Это так. Трудно было бы не согласиться с правдивым и приятным для нас утверждением.

**Заикина
Светлана Андреевна
1935 – 1980**

*Я внимательно следил
за её творчеством
и с каждым годом всё больше
убеждался, что Светлана Заикина,
как говорится, –
писатель милостью Божьей.
Виктор Колесников (1983)*

Когда я вижу, как её имя забывается и исчезает из памяти окружающих, как стремительно убывает число знавших её людей, я понимаю, что, кроме меня, уже некому рассказать об этой лучезарной женщине и её жизни, так грубо и беспощадно оборванной.

Родилась Светлана в декабрьскую вьюжную ночь 1935 года в станице Александрийской Георгиевского района, на территории бывшего Терского казачьего округа, и никогда не забывала о своём казачьем происхождении.

Одно из первых жизненных впечатлений девочки-казачки связано с железнодорожным вокзалом: «Мы часто сюда прибегали смотреть, как грузят зерно и кукурузу в вагоны. Потом, пролезая под вагонами, уходили на холмы, где весной росли «толкачики» – синенькие, усеянные бусинками цветы. А осенью трусили боярышник. Лазить на деревья нам было ещё не способно, а потрусив, ползали, собирая опавшие ягоды. Наедались до отвала. Ягода крупная, чёрная. Вечером пылили по дороге вместе со станичным стадом...» («Командировка в детство»).

Летом 1942 года семья покинула станицу с отступающими войсками Красной Армии. Дома осталась бабка Ефросинья Терентьевна, крутая нравом мать отца Светланы. Упавшая во двор бомба оторвёт ей ноги, и помрёт суровая несговорчивая казачка под старой грушей, призывая в муках нелюбимую невестку Веру, мать Светланы.

В очерке «Альбом со старыми фотографиями» Заикина вспоминает семейный снимок родителей: «Оба в военной форме, только мама без погон. Всю войну до 1944-го мать прошла с отцом... И когда я всматриваюсь в её красивое лицо, в её спокойные глаза с круто поднятыми бровями и крупным ртом, то снова и снова стараюсь понять, откуда взялось столько мужества у неё? Ведь за этими, по-девичьи тонкими плечами был и 37-й с его пустотой и одиночеством, были мы, маленькие и голодные, и был страшный чёрный провал могилки третьего сына, родившегося, когда отец был ТАМ».

В 1937 году терский казак Андрей Иванович Заикин побывал в шкуре врага народа. А то, что он на следующий год был включён чекистами в один-два процента осуждённых, которых освободили, иначе как чудом не назовёшь.

После войны отец служил замполитом в Тамбовском кавалерийском училище, отличительной чертой которого являлись бесконечно длинные, кирпичные конюшни. И училище, и конюшни горожане называли Лермонтовскими, хотя пребывание М.Ю. Лермонтова в Тамбове документально не доказано. Но здешние краеведы до сих пор настаивают на вероятном посещении города поэтом в декабре 1835 года по дороге в Тарханы.

На обед «самый сильный и красивый отец» приезжал иногда «на самом прекрасном в мире коне» – гордом золотистом Секрете, признававшем только хозяина. «На фронте, в одной из атак, Секрет спас его, прикрыв контуженного, с перебитыми ногами от осколков. С тех пор у коня были две отметины – шрамы. Отец не расставался с ним до самого расформирования училища» («Альбом со старыми фотографиями»).

Новым местом службы назначили Дальний Восток. Здесь двенадцатилетняя Светлана, после волшебного путешествия через всю страну под увлечённый стук вагонных колёс, захотела отразить на бумаге поразившее её воображение пространство Великой страны. Ан ничего не вышло.

«Но почему? Почему другим удаётся, а мне нет?»

Поразмыслив, решила всё свободное время посвятить чтению книг-шедевров. Список получился длинным. Светлану это не пугало.

После окончания школы поступила в Московский библиотечный институт. В столице стала завзятым любителем классической музыки, оперы, балета. Культуру впитывала в себя как губка. «В Москве даже афиши помогают, – говорила она сокурсникам. – Просто ходи, читай и развивайся...» Окончив институт, вернулась на Ставрополье. Устроилась на работу библиотекарем в Пятигорске.

1964 – поступила в Литературный институт им. Горького на заочное отделение.

1966 – альманах «Ставрополье» № 3 публикует четыре стихотворения С. Заикиной и её фотографию. В разделе «О наших авторах» дана короткая справка: «Писать стихи начала два года назад и сейчас ещё ищет себя в поэзии, много работает над каждым словом, над формой и содержанием своих произведений».

У мальчишки ландыши в застенчивых руках.
Он их прячет за спину, неловко жмёт в кулак.
Не стыдись, мальчишка, чистоты лесной,
Пусть всю жизнь пройдёт с тобой
Первый ландыш твой.

Я познакомился со Светланой 7 июля 1967 года. История нашего знакомства отражена мной в цикле «Силуэты современников» (см. очерк «В гостях у Бибика»). Светлана выглядела молодой, я решил, что ей 23 года, и у меня рука с тех пор так и не поднялась переставить цифры местами.

В тот день я впервые услышал от неё удивительную историю казаков-некрасовцев.

О булавинском восстании на Дону (1707 - 1708) я знал из романа Дм. Петрова (Бирюка) «Кондрат Булавин», там мимоходом упоминался Игнат Некрасов, который, оказывается, увёл своих казаков с семьями сначала на Кубань, а потом за рубеж земли русской. 22 сентября 1962 года потомки казаков-некрасовцев вернулись из Турции на Родину. Их почему-то поселили не на Дону, а у нас на Ставрополье, в Левокумском районе.

В миниатюре «Некрасовские казаки» Светлана пишет, что её встреча с ними произошла летом 1971 года, но заинтересовалась

она их необычной историей значительно раньше. С того памятного дня, когда впервые услышала по радио о прибытии некрасовцев в Новороссийск на теплоходе «Грузия»: высыпавшие на палубу потомки донских бунтарей становились на колени, плакали, осеняя себя размашистым староверческим двуперстием. Затаив дыхание, слушала Заикина бойкий радиорепортаж и даже не сомневалась, что когда-нибудь воздаст должное непокорившимся героям казачества: «Удивляли и радовали эти люди чистотой и целостностью натур. Создавалось впечатление, что все долгие-долгие годы на чужбине для них всегда были делом временным... Смотрела я на них и думала об одном: до чего же силён русский народ».

Ныне на проспекте К. Маркса в Ставрополе, рядом с Литературным центром, существует с 2017 года музей казаков-некрасовцев. На днях я посетил его, предполагая получить здесь хоть какие-то сведения о моей героине.

«Заикина? Светлана Андреевна? – недоумеваю, переспросили в музее. – Кто это?»

И мне вдруг с удвоенной силой захотелось поведать о ней миру.

...Как сценарист литературно-драматической редакции Светлана принимала участие в работе Пятигорской студии телевидения. В то время это был единственный в крае телецентр. «Коллеги ценили её за профессионализм, высокую работоспособность и умение образно и ярко подать материал. Её биография – свидетельство не только успешной профессиональной карьеры, но и яркий пример постоянного самосовершенствования», – такое суждение встретилось мне в Хрестоматии публицистики (Ст., 2011, с.222).

В начале октября 1967 года Светлану пригласили на краевой семинар молодых писателей в Пятигорске.

1968 – в Ставропольском книжном издательстве выходит поэтический сборник «Первое свидание». В нём стихи, отобранные наставниками на пятигорском семинаре. Существенная часть сборника (18 стихотворений) отведена Светлане Заикиной. В сдвоенном выпуске альманаха «Ставрополье» № 1-2 напечатан автобиографический рассказ «Рисовый суп» о военном времени.

1970 – заочно окончила Литературный институт им. Горького, куда поступала как поэт, а выпущена оттуда профессиональным прозаиком.

С 1971 года корреспондент газеты «Кавказская здравница», руководитель литературного объединения при редакции газеты.

1972 – шестого мая в Кисловодске состоялась встреча литераторов края с московскими писателями. На фотоснимке в честь события озорная Заикина с копной пышных пшеничных кудрей заливается смехом над шуткой Мосинцева. Земляки-поэты уважали друг друга за талант и порядочность ещё со времён проживания и встреч в общежитии Литинститута.

1973 – в краевом центре публикуют первый сборник рассказов С. Заикиной «Казачий пояс». В книге 62 страницы «про славное терское воинство, казачество, значит» и многое другое. Рецензией на книгу отозвалась Наталья Капиева, заслуженный работник культуры Дагестана, известный критик, переводчик, четверть века – с 1950 года бессменный руководитель литобъединения на Кавминводах. Материал «Знакомство с прозаиком» напечатан в альманахе «Ставрополье» № 4.

1975 – тиражом пятнадцать тысяч экземпляров опубликован следующий сборник С. Заикиной «Жена командира» (Ставрополь). В основе самого крупного произведения писательницы история её семьи: отца Андрея Ивановича и матери Веры Дмитриевны, – вот только фамилия у них в повести Засекины. Себя Светлана вывела в образе Лизки, весёлого общительного существа.

В этом же году Заикина вместе с сыном: «лучшее пока, что я сделала на этом свете, это дала жизнь сыну», – уезжает к мужу в Якутию. Муж – опытный командир вертолёта – летал к геологам в отряды, садился на плохо подготовленные в тайге посадочные площадки. Светлана каждый раз, провожая его в полёт, шептала вслед молитву, написанную лётчиком Экзюпери для своей непутёвой жены Консуэло: «Господи, сохрани моего мужа, потому что он искренне любит меня, и я без него осиротею».

В апреле С. Заикина, ставшая корреспондентом местной газеты, побывала в Нерюнгри.

« – Экая силища! – невольно вырвалось у меня, когда я впервые увидела угольную стену, высотой около ста метров, мощно вырастающую из недр сопки.

А ведь нерюнгринский угольный разрез был только началом разработки тех миллиардных запасов угля, из которых, по

существо, и состояла вся сопка, протянувшаяся от основания разреза не на один десяток километров.

Впечатляющее зрелище! Говорят, когда иностранные журналисты впервые увидели этот мощный пласт, то были поражены не только величиной, но и тем, что это богатство не охраняется.

– От кого охранять? От народа? – засмеялись сопровождавшие их инженеры» («Нерюнгринские встречи», вступление). К счастью или к сожалению, она не дожидается до того времени, когда все эти природные богатства перейдут от народа в руки кучки незнамо каких людей...

Её писательское зрение отличалось исключительной глубиной и зоркостью. В тех же «Нерюнгринских встречах» воспроизведены ею десятки характерных образов, которые пробуждают в нас самые разные и противоречивые чувства – от восторга и обожания до брезгливости и неприязни.

Зловец и страшен дряхлый старик из заброшенного посёлка в тайге – ни семьи у него, ни детей – но безграничная власть золота подавила и уничтожила в нём все человеческие чувства, кроме скарденности: «Золото моё, никто его отобрать не сможет! Я его добыл... Спрятал... Со мной умрёт. Пусть никому не достанется».

Прямо скупой рыцарь из «Маленьких трагедий». Те же мощь и величие, отданные низменной страсти.

Приезжая в отпуск, Светлана Андреевна обязательно навещала краевой Союз писателей, оставляла рукописи новых рассказов. В 1977 году в коллективном сборнике «Три лёгких удара в дверь» появились «Ночная радуга» и «Белый олень». В её последней книге эти сильные, завораживающие мастерством и талантом рассказы войдут в цикл «Были северного края».

В 1980 году С. Заикина вернулась на Ставрополье, в Ессентуки. Именно этот город обозначен местом её проживания в коллективном сборнике «Весна Победы нашей» (Северокавказское издательство МИЛ, 2005, с. 218).

Как хорошо всё складывалось у неё в тот олимпийский год – последний год её жизни. Вышел третий прозаический сборник литераторов Ставрополья «Всходы». Его открывают четыре стилистически безупречных рассказа С. Заикиной. Подготовила и отвезла в Ставропольское книжное издательство пухлую

рукопись в 14 печатных листов. Сдала под расписку редактору В. Колесникову, пообещала зайти через месяц.

Не зашла...

Её пригласили в окрестный колхоз на встречу с читателями. Вечером прислали тяжёлый мотоцикл с коляской. Тусклый луч света выплясывал на гравии перед колесом мотоцикла. На краю дороги была брошена тракторная тележка с пробитым колесом. Коляска на скорости влетела под тележку. Светлана умерла мгновенно.

Удивлением жизни полна – уйду.
И не надо держать, я давно ведь ушла.

В 1984 году напечатана третья книга одарённой писательницы «Вспомни меня, Юлька!». Единственный упрёк по поводу этого издания я с грустью и неохотой отсылаю редактору. Из-за своей приснопамятной лени редактор В. Колесников не потрудился обособить как-то подборку казачьих рассказов. Он бездумно включил их в раздел «Были северного края», и этим объединил некрасовских казаков с населением Якутии.

Во втором ряду сверху смеющаяся Светлана Заикина с писателями края и Москвы; г. Кисловодск, 6 мая 1972 г.

Светлана Андреевна Заикина не успела стать членом Союза писателей СССР. Но без неё писательский корпус края будет всегда неполный. Скажите, разве смог бы кто-нибудь из нас выразиться так грациозно:

«Было в ней что-то от нерастраченного девичества»!

**Ибрагимова
Мариам Ибрагимовна**
1918 – 1993

28 ноября 1918 года в станице Челбасской на Кубани (так в то время именовали Краснодарский край) в семье торговца Ибрагима родился второй ребёнок – дочь Мариам.

Мать девочки, Прасковья Петровна, дочь потомственной дворянки из рода тех самых Пуцциных, что были участниками восстания декабристов и дружили с поэтом А.С. Пушкиным. Когда

Прасковья Петровна в 1913-м вышла замуж за дагестанского купца Ибрагима, то приняла ислам и стала зваться Патимат.

Как писала впоследствии Мариам: «Жизнь в кубанской станице становилась невыносимой... После 1920 года отец с матерью вернулись в родные края – в Дагестан. Я оказалась в далёком ауле Хуты бывшего Лакского округа». Здесь получила уроки мудрости и любви к бесплодным горам от слепого деда Исмаила-Хаджи; ему было 115 лет, и за советом к нему ходили все жители аула.

«Ака Исмаил, а почему, когда выпадает первый снег так радостно на душе?» – запомнился Мариам её вопрос деду. – «Это оттого, дитя, что душа стремится быть такой же чистой, как первый снег», – ответил старик.

Исмаил-Хаджи участвовал в Кавказской войне, и по вечерам в старой сакле звучали у очага рассказы о прежних сражениях, о мужестве и стойкости мюридов (воинов, глубоко преданных своему имаму). Впервые услышала девочка имя, которое станет знаменем всей её жизни – имам Шамиль.

В тридцать пять лет умирает от воспаления лёгких отец, оставив Прасковью Петровну с тремя детьми: сын Бутта, дочь Мариам и малыш Джабраил.

В восемь лет Мариам привезли в бывшую столицу Дагестана Темир-хан-Шуру, переименованную вскоре в Буйнакск. Запи-

сали в тюрскую школу. Когда наступил сентябрь, девочка сама пошла и записалась в русскую школу. Читать и писать по-русски она уже умела, выспрашивая у старшего брата названия букв и складывая их в слова.

Область приоритетов обозначилась сразу: литература и медицина. Книги читала с жадностью, охотно пересказывала на уроках их содержание, изумляя учителей и одноклассников глубиной и независимостью суждений. Что касается медицины, то дадим слово самой Мариам: «Когда в классе попросили назвать ударника, почему-то все назвали моё имя и выбрали членом санитарной комиссии. Наш школьный врач раз в неделю проводил час санитарного просвещения, рассказывая о правилах санитарии, гигиене, микробах, насекомых – переносчиках заразных болезней, и о многом другом. Тогда впервые почувствовала тягу к медицине».

1933 – весной правительство Дагестана отправило в города и районы республики агитаторов, которые приглашали молодёжь в открывающиеся высшие и средние специальные учебные заведения. «Мне было 15 лет, и мать отпустила меня на учёбу в Махачкалу. Я была круглой отличницей и в том же году осенью стала студенткой медицинского техникума».

Осваивая специальные предметы, Мариам вдруг всерьёз заинтересовалась наукой историей: «Потом, когда стала писать стихи, это моё раннее увлечение историей очень мне помогло». Тогда же появились в студенческих конспектах, рядом с записями лекций, первые стихотворные строки.

Однажды пришла со своими стихами в республиканское отделение Союза писателей СССР. К стихам, в то время ученическим, отнеслись прохладно, а вот отличное знание языков у дочери лакца и русской вызвало интерес. Мариам предложили подрабатывать переводчиком и консультантом. Общаюсь с писателями, осознала, что нельзя обращаться к темам истории без кропотливого изучения архивных документов, и стала снимать копии с бумаг прошлого века. В первую очередь тех, что касались предводителя горцев – имама Шамиля.

1936 – с отличием окончила техникум, и ей, как фельдшеру и акушерке, выдали направление в высокогорный Кулинский

район, объединённый с Лакским. Это решение показалось девушке несправедливым:

– Двоечников, которым еле-еле натянули тройки, в городе оставляете. А меня, отличницу, к чёрту на кулички? Не выйдет!

Руководство техникума за три года хорошо изучило строптивый характер студентки. Мариам мог успокоить только честный ответ:

– Ну, нельзя посылать плохих студентов на самостоятельную работу. Они по невежеству могут нанести больным больше вреда, нежели пользы.

Поначалу горцы игнорировали молодого специалиста, предпочитали по старинке лечиться у знахарей. Но когда Мариам удалось поставить на ноги несколько заболевших чабанов, слух о «дохтуре» вмиг разнёсся по селениям. Её начали приглашать в дома к тяжелобольным. Приходилось не только лечить, но и роды принимать, и шины накладывать.

Вечером наступало время творчества. Изучая копии документов, переписанные в республиканском архиве и краеведческом музее, набрасывала эпизоды и зарисовки – фундамент к зданию книги о Шамиле. В общую тетрадь с портретом Пушкина на переплёте (страна широко отмечала юбилей трагедии: столетие со дня гибели поэта) заносились сокровенные мысли о земляках:

«От тех богобоязненных, веками безропотно покорявшихся превратностям судьбы горцев, ценивших свободу, совесть и честь дороже жизни, я научилась терпимости, почтительному отношению к сединам, милосердию к немощным, презрению к подлым».

Часто те же слова и мысли тут же перековывались в стихи:

Горы лакские сердцу близки,
В их теснинах не дышится тяжело!
Говорят, здесь живут бедняки...
Но душа у них вся нараспашку.

1939 – устроилась медицинской сестрой в Буйнакскую городскую поликлинику: «С врачом Антониной Курняковой быстро нашла общий язык. Видя мою дисциплинированность, исполнительность и добросовестное отношение ко всяким поручениям, она стала мне во всём доверять. Попросила порабо-

тать по совместительству медсестрой ещё и в больнице. Я согласилась, тем более что она не ограничивала меня ни в чём».

Мариам имеет в виду, что врач Курнякова с пониманием относилась к её литературному творчеству.

1941 – 22 июня весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз всколыхнула Дагестан. В Буйнакске, как и по всей стране, выстроились очереди к военкомату. Люди требовали отправить их на фронт.

Мариам с первых дней войны работает в эвакогоспитале: помогает лечащим врачам, выходит на ночные дежурства, встречает на вокзале эшелоны с ранеными.

1942 – горком партии назначил Мариам директором дома инвалидов. В этом доме обучали искалеченных на войне людей швейному делу, сапожному мастерству, профессии киномеханика.

– У некоторых кровоточили и гноились раны, вскрылись костные свищи. Приходилось самой и лечить, и делать перевязки. Дому инвалидов по штату не был положен фельдшер.

1943 – год освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков. Махачкала стала глубоким тылом. Осенью Мариам предложили продолжить учёбу в медицинском институте.

– Помню, как обрадовались нашему появлению старики-преподаватели. Ведь в годы войны с первых курсов забирали ребят, а старшекурсников выпускали досрочно. Учились почти одни девочки да инвалиды, побывавшие на фронте, и просто больные.

Со снегом и холодами наступил новый 1944 год. Аудитории в Дагестанском мединституте не отапливались.

– На мне были мужские кирзовые сапоги в заплатках, они совершенно не грели. Вместо пальто – крест-накрест затянутый на спине суконный платок, а вместо чулок – старые дедовы кальсоны под платьем. Чтобы не коченели ноги, я на лекциях снимала сапоги, прятала их под стол, а ноги, сидя, поджимала под себя. Так теплее было. Но училась я с удовольствием, мне было всё интересно. Зачёты и экзамены сдавала на «отлично».

1948 – 2 июля получает диплом с отличием. Ей предлагают остаться на кафедре: «Ваш удел – наука. Через несколько лет защитите кандидатскую, а там и докторскую».

Но Мариам к тому времени вышла замуж за Юрия Ивано-

вичка Ткачёва, юриста, и уехала вместе с мамой Прасковьей Петровной по месту работы своего мужа – на Ставрополье, в город Минеральные Воды.

1950 – невесёлый год для Мариам и имама Шамиля. Если в двадцатые-сороковые о имаме писали как о герое, если в декабре 1942-го тамбовские крестьяне развернули сбор средств на создание танковой колонны имени Шамиля, то теперь первый секретарь ЦК КП Азербайджана М. Багиров объявил народного героя пособником турок и английских колонизаторов. А несогласного с ним профессора Гейдара Гусейнова вызвал в свой кабинет, обозвал сукиным сыном, надавал пощёчин, пригрозил сгноить в тюрьме. В тот же день учёный покончил с собой.

Багирова вынужден поддержать первый секретарь обкома партии Дагестана А. Даниялов.

В ответ Мариам написала статью в защиту Шамиля, объёмом около двух печатных листов, и послала в журнал «Вопросы истории» в Москву. Редакция журнала сочла публикацию статьи нецелесообразной, чем избавила Мариам от дальнейших неприятностей.

Но ещё один удар был нанесён со стороны, откуда она его не ждала. Муж Ю. Ткачёв работал в прокуратуре, вёл общественную приёмную по правовым вопросам в районной газете. Мариам случайно стала свидетельницей любовных отношений мужа с секретаршей и ушла от него, хотя Прасковья Петровна упрашивала дочь простить Ткачёва: «У мужчин это бывает. Забудь. Тем более ребёнка ждёшь». – «Не могу. Он предал меня».

Ни к чему уговоры, мольба,
Всё уж сказано словом решающим.
Знать, меня наделила судьба
Сердцем добрым, но не прощающим.

Переехала вместе с матерью из Минеральных Вод в Кисловодск, устроилась терапевтом в санаторий «Десять лет Октября», но вскоре переквалифицировалась в биохимику.

1951 – 15 июля родился сын Рустам.

1953 – 13 января Сообщение ТАСС об аресте группы вра-

чей-вредителей, ставивших своей целью сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. Ставропольский крайком партии получил секретный циркуляр из Центрального Комитета: выявить среди местных врачей вредителей.

Секретарь парткома санатория «Десять лет Октября» предложил Мариам написать заявление и указать в нём имена двух врачей, которые, ставя неверный диагноз, доводят до смерти своих пациентов.

– Это неправда, – возразила Мариам. – Обоих знаю как порядочных людей, хорошо разбирающихся в своём деле.

– Факты мы вам подбросим. Имя огласке не предадим. Примем кандидатом в члены партии. Плюс квартира одного из врачей перейдёт к вам.

– Как вы посмели вообще предлагать мне такое? – взорвалась Мариам.

Угадываю, как сложилась бы её линия жизни, если бы не смерть И.В. Сталина и не Сообщение МВД от 4 апреля в газете «Правда» о прекращении и ликвидации «Дела врачей».

1957 – приглашена на съезд женщин Дагестана. В дни работы съезда правительство республики предлагает Мариам пост министра здравоохранения. Отказывается, уверяя, что не имеет желания и тяги к руководящей работе. Ей скоро исполнится сорок лет, Мариам в замечательной творческой форме, у неё в самом разгаре работа над третьей книгой романа «Имам Шамиль».

1962 – в Москве проходит 8-й Международный противораковый конгресс. Мариам обратилась с письмом в президиум конгресса, предложила использовать для лечения рака травертины, то есть вещества, выпадающие в виде осадка минеральных целебных источников. Исследования Мариам помогли шагнуть вперёд молекулярной онкобиологии.

Начиная с 1963-го регулярно публикует научные статьи, диагностические методики и результаты своих исследований в центральном медицинском журнале «Лабораторное дело» (Москва).

1966 – закончила поэму «Сурхай» (памяти Ирчи-Казака, родоначальника кумыкской поэзии), предложила её альманаху «Ставрополье». В номере четвёртом напечатали отрывок «Встреча с ашугом», предварив его аннотацией и фотографией Мариам.

1968 – в Махачкале выходит сборник стихов «Моя тропа». Гравюра на обложке изображает девушку, бегущую по волнам.

1972 – 2 мая, в субботу, состоялась встреча писателей Ставрополья в Кисловодске. На памятном фото Мариам окружена А. Мосинцевым, С. Заикиной, И. Кашпуровым, А. Екимцевым, чуть ниже Е. Иванова и В. Ащеулов. Жаль только, никто из них даже представить не может подлинного масштаба её творчества: «Имам Шамиль», отвергнутый всеми издательствами, десять лет лежит в письменном столе.

Зато в Махачкале вышла документально-историческая повесть «Звенел булат». Судьба братьев Манафа и Джавада проходит на фоне революции и гражданской войны. Реальные события тех лет, уже позабытые или скрываемые от населения, были воссозданы с исторической достоверностью.

1978 – шестидесятилетие Мариам. Краевое телевидение показало сюжет о её жизни и творчестве. Газета «Кавказская здравница» напечатала очерк, в котором прозвучало такое признание:

– Если вижу, что поступает человек несправедливо, сразу скажу ему. Причём вещи и явления называю своими именами. Могу сказать лентяю в глаза, что он лентяй. Иной раз получается резко, а люди этого не любят. Рассказала как-то об этом сыну (он юрист, работает в Дагестане помощником прокурора), а он отшутился: «Тебе, мама, наверняка придётся учиться у дипломатов умению находить контакты...»

Дагестанское книжное издательство в юбилейный для Мариам год выпускает роман «Туман спустился с гор». В центре повествования нелёгкая судьба горянки Качар и её внука Сеида. Род Алибековых на себе испытал муки и страдания, через которые проходит страна: революция, гражданская война, коллективизация, репрессии...

Ещё более эпическую картину сумела нарисовать в семейно-бытовом романе «Мал золотник...», опубликованном тридцатитысячным тиражом в престижном московском издательстве «Советский писатель».

При жизни Мариам, кроме ещё одного сборника стихов, вышла повесть «Охотник Кереселидзе». Познав верность друзей, предательство близких, Антони Кереселидзе обретает счастье в

единении с природой. Это последний охотник прежних времён, который одновременно является хранителем дикой природы, ибо никогда не выстрелит просто так: «Нельзя на охоте брать больше, чем можно. Оскудеет охота...» Цельный, мощный, привлекательный образ охотника – несомненная удача писательницы.

1988 – коллектив санатория «Десять лет Октября» торжественно провожает на пенсию заведующую отделением, врача-биохимика высшей категории, награждённую почётным знаком «Отличник здравоохранения СССР».

«Высокоэрудированный специалист с широким научным мышлением и поиском, 38 лет отработала в нашей здравнице», – говорят в своих выступлениях коллеги, вспоминают даже о её писательской деятельности.

Но немногие знают, что Мариам пробует себя ещё в одной творческой сфере: живописи. Это пейзажи Кавказа и средней полосы России, портреты, натюрморты и самая дорогая для неё картина «Шамиль и Шуанат». Шуанат, в девичестве Анна Улуханова, дочь армянского купца из Моздока, любимая жена имама.

1991 – весной издательство «Советский писатель» стотысячным тиражом печатает роман «Имам Шамиль», мгновенно исчезнувший с книжных прилавков. Воистину в России надо жить долго, чтобы лицезреть плоды трудов. На семьдесят третьем году жизни Мариам держала наконец-то в руках напечатанный роман, рукопись которого 30 лет пролежала в её письменном столе.

Вот честное, с примесью горечи, признание народного поэта Дагестана Расула Гамзатова: «То, что не смог сделать я для великого Шамиля, воздать ему должно в истории России, Кавказа, Дагестана, с блеском и исторически правдиво, с большой любовью сделала Мариам. Её роман «Имам Шамиль» по праву является лучшим художественным описанием нашего Шамиля и Кавказской войны».

1993 – 19 августа Мариам, дочь горного Дагестана и привольного Ставрополя, навсегда покинула этот мир, так ни разу и не прогнувшись под него. Её уход случился в старой части любимого ею Кисловодска, в доме по улице Чкалова, 16, расположенном над тесниной, где сливаются потоки Березов-

ки и Ольховки. Как славно работалось ей по ночам под их немолчный шум! И даже умирая, сумела написать на конверте последнюю в жизни фразу: «Невежество и алчность – источник всех земных бед». Она правильно поняла опасность и суть наступившего времени.

– Пять лет после ухода мамы из жизни я не мог прикасаться к её вещам, читать её стихи, – признавался сын Мариам Рустам Ибрагимов газете «Аргументы и факты».

А потом пришло желание издать всё, что написала мать. Правой рукой Рустама стал Александр Иваненко, человек мощный и впечатляющий: журналист, редактор, литературовед, художник – отменно талантливый во всех этих категориях. Лучшего кандидата на роль главного редактора собрания сочинений нельзя было даже представить.

Творческое наследие Мариам составило 15 подготовленных к печати томов.

2009 – в начале октября на Кавминводах состоялась презентация первого и второго тома; они были напечатаны в Москве издательским домом «Империя XXI век». Один том – биографический («Жизнь и творческий путь Мариам Ибрагимовой, рассказанный её современниками»), другой – поэтический («Стихи и поэмы»).

В телефонном разговоре со мной Пантелеич (А. Иваненко) подтвердил существование третьего тома. Но на этом замечательный проект из-за отсутствия финансов был свёрнут...

И вот свершилось!

В октябре 2017 года в Ставропольской краевой библиотеке им. Лермонтова состоялась презентация собрания сочинений Мариам Ибрагимовой в 15-ти томах, вышедших в издательстве «Белый город» (Москва).

– Она вернула Шамиля своему народу, не сделав его при этом врагом народа русского, – справедливо отметил писатель-краевед Николай Маркелов.

Возможно, у читателей возник вопрос: почему я на протяжении всего материала упорно называю Мариам исключи-

тельно по имени? Дело в том, что в Грузии, откуда родом мой отец Николай Иосифович, некоторых писателей обычно не упоминают по фамилии. Говорят просто: Шота, Илья, Акакий, Галактион, – и все понимают, о ком речь. Мне по душе эта исполненная уважения к таланту традиция.

*«Меня спрашивали: почему я решила стать медиком?
Потому, что врач стоит ближе всех к страданиям людей.
Человек начинается с доброты,
с умения откликаться на чужую боль»*

Мариам Ибрагимова.

Иванова Елена Львовна

Родилась 28 ноября 1941-го — в посёлке Ивот Дятьковского района Брянской области. Отца, подобно большинству сверстников, знала лишь по фотографиям.

Лев Васильевич закончил индустриальный техникум, работал в конструкторском бюро завода, что усиленно дымил трубами в центре рабочего посёлка, создавая стеклянное волокно. С началом войны ушёл на фронт.

1943 — мать Мария Павловна, урождённая Храмченко, получила горькое известие: «Ваш муж, уроженец Орловской губернии, сержант Иванов Лев Васильевич, в бою за Социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 16 января. Похоронен на высоте три километра северо-восточнее станции Курсавка». Лишь через 73 года, в 2016-м, Елена Львовна отыщет место захоронения отца.

Немало трудностей и горя вынесла овдовевшая 26-летняя солдатка с тремя малыми детьми и бабушкой Лизой. Тем более, что их новый, выстроенный перед войной дом сожгли вместе с другими строениями Ивота отступающие оккупанты.

«Люди ещё месяцы спустя всё ходили на пепелища родимых гнёзд. В зарослях диких трав, среди полуистлевших головёшек, искали и порой находили что-то из утвари. В тот поход мама нашла таганок, и в погожий летний день мы варили на нём во дворе нашу любимую картошку в мундире».

Брянщина — земля лесов (само слово «Брянск» происходит от древнерусского «Дебрянск» — дебри, чащоба). «Вокруг посёлка со всех сторон простирался, как зубчатая ограда, дремучий ельник. А ещё были луга, медлительная речушка, озерцо с водяными лилиями, — вспоминает Е. Иванова. — От природы мне был дан редкостный, как я это понимаю теперь, дар - чувствовать землю».

Желание истолковать, воплотить, донести до окружающих то состояние, когда «при виде картин природы сердце моё заходило от чувства неутолённости этой красотой», заставило Лену взять в руки перо, ещё будучи школьницей.

Можно сказать, что ей повезло с наставником, который помог поверить в себя. «Это был энтузиаст районной газеты, руководивший литературным объединением. Сейчас мне кажется непостижимым, что, живя за десятки километров от районного центра, мы, литобъединенцы, съезжались на занятия из близлежащих рабочих посёлков. Возил нас паровоз «кукушечка» со скоростью 12 километров в час».

Здесь в районной газете «Фокинский рабочий» и были впервые напечатаны стихи юной поэтессы. Следующий этап — публикация в областной молодёжной газете «Брянский комсомолец».

Обретя аттестат о среднем образовании, два года работала на стекольном заводе лаборантом.

«В Литературный институт я не метила. Решила для начала приобрести более земную специальность, способную, с одной стороны, давать средства к жизни, с другой — возможность активно участвовать в ней». И Елена поступила на факультет журналистики Московского государственного университета.

1965 — закончила журфак МГУ, «распределена» в знакомый по роману «Герой нашего времени» курортный город Пятигорск, в газету «Кавказская здравница».

«После столицы, где мною владела ностальгия, Пятигорск пришёлся мне по душе. И если Брянщина была моей поэтической родиной, то Ставрополье, пишущая братия, которую я здесь обрела, помогли мне, как говорится, стать на крыло».

Никогда не забыть ей свою первую автобусную поездку в краевой центр. Взгляд скользил по однообразному ландшафту степи и вдруг, обмирая, осёкся на скромном дорожном указателе со словом «Курсавка».

Боже мой, та самая, загадочная станция Курсавка, где 16 января 1943-го убит отец...

Не тогда ли прямодушная, до горячих слёз взволнованная Елена впервые назвала Ставрополье - «моей второй родиной»?!

1966 — первая публикация в альманахе «Ставрополье» № 3.

Цикл стихов «Кавказские ямбы» с портретом и короткая биография в рубрике «О наших авторах». Ответсекретарь альманаха Игорь Романов любил представить читателям понравившихся ему авторов обстоятельно и солидно.

1968 — сборник стихов молодых ставропольских поэтов «Первое свидание». В нём 19 стихотворений Е. Ивановой. Позже она выскажет глубокую и справедливую мысль: «На мой взгляд, «детский лепет» не очерстневших от грубых прикосновений внешнего мира чувств имеет свою прелесть, даже если на стихах ещё лежит печать ученичества».

Пахлопряно и крепко
От пшеничной скирды.
За ночь небо ослепло
На четыре звезды.

У реки за амбаром
Закатились как раз
Эти звёзды в две пары
Человеческих глаз.

Пахло счастьем и хлебом,
И шептали сады
Про ослепшее небо
И четыре звезды.

1971 — в Ставрополе издана «Мелодия», первый авторский сборник.

1973 — уходит из «Кавказской здравницы». Становится редактором Ставропольской краевой студии телевидения. Колесит по просторам края, знакомится с людьми, освещает в своих передачах проблемы культуры, анализирует свежие номера альманаха «Ставрополье» и новые книги местных авторов.

В одном запомнившемся телевыпуске рассуждала о внутреннем протесте героини моего рассказа «Лодка на озере», легко расшифровывая подтекст и вскрывая замаскированные на уровне подсознания мотивы.

1976 — выход в Ставрополе второго сборника «Росток»; в нём, помимо лирики, поэма «Гуси-лебеди» о погибшем отце.

1977 — в Москве издательство «Современник» публикует книгу стихов «За Десною-рекою». В год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции принята в Союз писателей СССР.

В 80-е — корреспондент «Ставропольской правды».

В 90-е возглавляет издательский отдел Ставропольского краевого института повышения квалификации работников образования.

Продолжает выпускать новые поэтические сборники: «Маврушин лук» (1981), «Трава не знает» (1985), «Ключи земные» (1989), для детей интересная «Озорная азбука» (1994), «Позывные любви» (2000, в серии «Писатели Ставрополя для школьников»).

Её поэзия в трудные для России годы обретает подчёркнутую философскую глубину и гражданственность:

Гони домой, вечерний поезд!
Тяжёл он, мыслей наших гнёт.
В вагон садишься беспокоясь:
Доедешь или же рванёт?

Как вышло, что в своей отчизне
По минным ходим мы полям
И, что ни день, справляем тризну
По убиенным сыновьям?

2006 — выходит книга «Второе дыхание»; а в альманахе «Литературное Ставрополье» № 1-2 — статья о поэзии Николая Рубцова под названием «Неуловимая, как луч, необъяснимая, как тайна». В статье настолько глубокое и сердечное проникновение в творчество поэта, как будто сам Рубцов решил пояснить читателям подтекст и образную систему своих произведений.

2008 — избрана председателем правления Ставропольского краевого отделения Литературного фонда России. Руководила им до 2013 года.

2009 — получила Губернаторскую премию в области литературы за достойный томик стихотворений разных лет «Вечный образ» (Пятигорск, 2008).

Светлана Солодских, которая входит в число наиболее интересных литературных критиков Ставрополя, предваряя подборку стихов Е. Ивановой, сумела найти удивительно точные слова: «Мир поэзии Елены Ивановой с течением лет неуклонно расширяется. Дела земные, мгновенное человеческое бытие в контексте вселенской беспредельности, сокровенная жизнь души — всё это составляет содержание её творчества. В её лирике нынешних дней особенно явственно заявляет о себе историзм, стремление автора осмыслить настоящее, прошлое и будущее как родной ей Руси, так и всего человечества на отрезке нового времени».

Ещё ли есть такой народ на свете,
Чтоб рвал постромки из последних жил,
Чтоб веровал в души своей бессмертье
И жизнью этой - так не дорожил!
Какие бы ни реяли знамёна,
Пускай святится Веры твой оплот,
Мой битый, клятый, мятый и —
Спасённый,
Блаженный мой,
Единственный народ!

2017 — Министерство культуры края помогает Е. Ивановой издать сборник «Лунная флейта». Он был подарен мне при встрече с таким сопровождением: *«Летописцу нашего литературного сообществу Николаю Сахвадзе с любовью.*

*На флейте водосточных труб
Я не сыграю, хоть убейте.*

*Ноктюрн лишь тот мне будет люб
Что ночь доверит лунной флейте.*

17.04.2018

г. Ставрополь, Автор — Е. Иванова.»

В июне 2018 года она покидает краевой центр. Её поступок показался мне опрометчивым, пока я не получил из Преградского района письмо от Елены Львовны. Вот отрывок из него:

«Здравствуй, дорогой Николай!

Пишу тебе из станицы Ессентукской — ныне это мой последний приют. У меня внучка (единственный тут, в наших краях, близкий человек) живёт с семьёй в Горячеводске. В моем возрасте, понятное дело, надо быть поближе к своим. Вот я и продала квартиру в Ставрополе, а сама переселилась сюда. Хотела обосноваться в Пятигорске, но там цены на жильё запредельные. А тут до города всего-то езды минут 12 на маршрутке. Как говорится, семь вёрст хромому не крюк. Будешь в наших краях милости прошу в гости. Адрес — на конверте».

*Лауреаты Губернаторской премии —
Елена Иванова (2008) и Николай Сахвадзе (2009).
В 2010 году из-за отсутствия достойных произведений
премия не присуждалась.*

Игнатъев Олег Геннадьевич

В моём архиве сохранился ветхий пожелтевший номер «Молодого ленинца», выпущенный 9 апреля 1976 года.

На его развороте под длинной величественной шапкой «Третий краевой семинар-совещание творческой молодёжи Ставрополя» подборка материалов: «Творить во имя народа», «Воспевать героев современности», «Молодость принимает эстафету».

Но нас интересует фотография в правом углу. На ней – простодушный молодой человек с ранними залысинами и поэтически откинутой рукой.

«На снимке: свои новые стихи читает Олег Игнатъев, врач железнодорожного санатория имени Э.Тельмана».

В недавно созданной по моей просьбе автобиографии, откуда в дальнейшем будут изыматься цитаты, О. Игнатъев пишет:

«В 1976 году рукопись моей первой книги стихов была обсуждена на семинаре молодёжи края. По завершении его сформировали коллективный сборник «Станция отправления», изданный в Ставрополе на следующий год пятитысячным тиражом и не залежавшийся на полках книжных магазинов. Заодно я был включён в состав концертной бригады, которая выступала перед строителями Большого Ставропольского канала, и награждён туристической поездкой в Румынию и Болгарию. В составе писательских бригад выезжал на встречи с тружениками села, но это было редко, так как я был занят на основной работе» («Опыт автобиографии», рукопись).

Его юные родители познакомились на занятиях в Ессентукской фельдшерско-акушерской школе. Получив дипломы о среднем медицинском образовании, уехали на Сахалин.

Здесь 17 августа 1949 года в рыбацком посёлке Ловецкий, неда-

леко от Невельска, у них родился сын. Через три года, поднакопив денег для продолжения учёбы, вернулись на материк и поступили в Ставропольский медицинский институт на дневное отделение.

1956 – Олег определён в первый класс школы № 4 г. Ставрополя.

1958 – родители получили дипломы врачей и вместе с сыном поехали в Восточную Сибирь, в Красноярск. Там крайздравотдел перенаправил семью в Игарку, город-порт и крупнейший центр лесозаготовительной промышленности: «В енисейской протоке стояли большие иностранные суда, трюмы которых заполнялись брёвнами и пакетами досок с помощью больших портовых кранов».

Отец стал здесь хирургом, мать – педиатром.

В десять лет Олег написал свои первые стихи про Патриса Лумумбу из Конго, который хотел людям счастья, а его убили. Стихи послал в «Пионерскую правду» и, хотя их там не напечатали, но в ответном письме посоветовали «не отступать в своём творчестве от общественно-политического звучания».

«Поощряя мою тягу к стихотворству, мама подарила мне подписку на собрание сочинений А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, которые стали моими любимыми авторами».

В июле 1961-го мать и Олег убыли в Ставрополь, а отец, который возглавил к тому времени горздрав, остался ещё на один год на Севере.

С началом учебного года Олег пошёл в шестой класс школы № 3 и записался в изостудию при Дворце культуры им. Ю. А. Гагарина. Преподавателем живописи и рисунка был молодой тогда выпускник Краснодарского художественного училища Виктор Муссович Чемсо (1933 – 1994).

— У художника должна быть оголённая нервная система, — говорил он. — Чем она чувствительнее, чем сильнее боль за окружающий мир, соперничество ему — тем острее и неповторимее он сможет передать свои ощущения в полотнах, книгах, музыке, фильмах.

В восьмом классе Олег впервые испытал потрясение от чтения, когда одноклассница принесла ему на сутки потрёпанный томик Сергея Есенина:

«Я прочёл отмеченное красной галочкой стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...» и меня словно то-

ком прошибло. Это было чудо! Сколько я стихов перечитал, сколько заучил их наизусть, но эти... Такого потрясения, какое я испытал в пятнадцать лет, впервые прочитав Есенина, я никогда, ни до, ни после не испытывал. У меня не было слов, но я понял, что значит поэзия».

Сдав экзамены за восьмой класс, хотел под влиянием В. Чемсо поступать в Краснодарское художественное училище, но родители убедили, что ему рано отрываться от семьи.

— И учти, сынок: врач без куска хлеба никогда не останется. А художник — запросто.

Получив в 1966-ом аттестат зрелости, поступил на первый курс лечебного факультета Ставропольского государственного медицинского института.

В феврале 1969 года состоялась первая публикация поэта О. Игнатьева в институтской многотиражке. Когда номер верстался в типографии «Ставропольской правды», стихи Олега случайно прочёл Владимир Гнеушев и сказал: «Этому парню надо писать». Редактор многотиражки передала эти слова Игнатьеву.

Осенью в Центральном парке он попадает на встречу с тем самым Гнеушевым и поймёт, что это первый «живой поэт» в его жизни. Позже в мединституте будет выступать Иван Кашпуров, который с обычным для него отсутствием скупости к молодым поэтам напишет на своём сборнике: «Олег, пусть твои стихи печатают рядом с моими. Они ничуть не хуже».

Узнав, где находится редакция газеты «Молодой ленинец», занёс туда рукопись. Вскоре получил вызов на краевой семинар молодых литераторов. Здесь познакомился с руководителем поэтического семинара Игорем Романовым. Тот пригласил Олега на занятия литературного объединения при «Молодом ленинце», которое возглавлял в то время.

«Занятия в литературной группе дали свои плоды: я увидел свои стихи, опубликованные в «Молодом ленинце», и получил первый гонорар».

На пятом курсе женился на сокурснице, и в августе 1971 года у супругов родился сын.

Летом, перед шестым курсом, был на военных сборах в танковом полку, дислоцированном в селении Шали Чечено-Ингушской

АССР, где принял присягу и «дослужился» до офицерского звания.

17 мая 1972 года — «Молодой ленинец» начал публиковать в нескольких номерах поэму «У подвига возраста нет». Упомянув об этом событии лишь потому, что вступительное слово к поэме написал Александр Екимцев. Доброе слово такого мастера дорогого стоит.

Получив дипломы врачей, супруги Игнатьевы отбыли в систему курортов профсоюзов, в город Железноводск. Здесь они вскоре получили квартиру, что было довольно обычным для того времени событием: государство не бросало молодых специалистов, как кутят в омут, а старалось поддержать.

1973 — Олег Игнатьев призван в армию и направлен в город Псков в качестве старшего врача войсковой части. Отдав Родине двухгодичный долг, вернулся в Железноводск в звании «старший лейтенант медицинской службы».

Подрагивает скорый наш вагон
В цепи согласно мчащихся вагонов,
Берёзы устремляются вдогон,
И свет берёз ложится на погоны.

Погоны лейтенантские мои,
Вбирайте этот свет в себя надолго,
Чтоб я его по жизни мог нести
Как символ чести, мужества и долга.

И день летит, и вдаль бегут столбы,
И занавески вновь запарусили...
Я знаю, что в глаза моей судьбы
Теперь глядит всё пристальной Россия.

1976 год стал поворотным в жизни целой когорты молодых ставропольских писателей. На третьем краевом семинаре-совещании молодёжи отметили творчество прозаиков Нины Чечулиной, Михаила Колбасова, Владимира Бутенко, поэтов Анатолия Маслова, Станислава Подольского, Раисы Котовской, Ларисы Прайсман.

По итогам семинара краевое издательство выпустило два

коллективных сборника: прозаический «Последний день августа» и поэтический «Станция отправления».

Но главное событие, которым отметится этот семинар, произойдёт через три года: в 1979-ом Ставропольское книжное издательство опубликует первые книжки восьми поэтов. Это будет кассета под названием «Поэтическая радуга Ставрополья». Уникальное издание в оформлении художника Николая Дмитриевича Будникова (1935 – 1996) — раритет и гордость моей личной библиотеки, наряду с первой книгой Булата Окуджавы «Лирика», изданной газетой «Знамя» в Калуге в 1956 году.

Сиреневая книжечка Олега Игнатъева (а у каждой из восьми свой цвет) называется «Заснеженный сад». Там есть короткое знаковое стихотворение «Мама». В нём присутствует всё, чем отличается подлинная поэзия: сюжет, интрига, непринуждённая точность слов, чувство меры и глобальный вывод, исторгнутый из потрясённой души...

Зал вокзала. Нам нужен билет.
Давка. Очередь образовалась.
Очень боязно было в пять лет:
Как бы мама не потерялась...

Отчий дом! Сколько радостных дней
Календарным листом отлисталось,
Только страх с каждым годом сильнее:
Как бы мама не потерялась!

Стихи тридцатилетнего поэта начинают публиковать в журналах «Дон», «Юность», альманахе «Поэзия». Набравшись смелости, посылает рукопись сборника «Северный приют» в издательство «Молодая гвардия».

1983 — тиражом пятнадцать тысяч экземпляров выходит в свет «Северный приют». Он отмечен издательской премией «Лучшая поэтическая книга года».

1984 — в издательстве «Современник» издают третью книгу поэта «Сахалинский прибор».

Когда-то о М. Горьком говорили: «Всесоюзный инкубатор

для писателей-цыплят». Таким инкубатором стал для молодых поэтов края Александр Мосинцев.

— Игнатъева давно пора принять в наш творческий Союз, — уверенно предлагает он на собрании писателей.

В 1986 году, получив из краевого издательства сигнальный экземпляр четвёртой книги «Окно времени», Олег Геннадьевич написал заявление о приёме в Союз писателей СССР. Рекомендации дали Е.Карпов, А. Мосинцев, В. Ащеулов.

«Но «мурыжили» меня ещё три года. Наконец, в 1989 году, когда в издательстве «Молодая гвардия» вышла моя очередная поэтическая книга «Тесен мир», меня приняли в Союз писателей. Перед собранием, на котором решался «мой вопрос», Александр Васильевич Коротин (1932 — 1997), здороваясь со мной, ободряюще сказал:

— Не переживай, Олег. Примем мы тебя в Союз. Дадим тебе право на полуголодное существование».

После тайного голосования руководитель краевого Союза писателей Георгий Шумаров объявил:

— За приём Игнатъева в Союз проголосовало двадцать девять человек, двое воздержались.

Одним из этих воздержавшихся мог быть сам Шумаров. За несколько месяцев до этого он при мне сочинил экспромт, на какие был великий мастер:

Не принимать Игнатъева —
И гнать его, и гнать его!

Не понимаю, что могло послужить причиной столь явной неприязни: их общая работа в системе здравоохранения или непонимание поэзии претендента? А может просто заворожила, повела за собой идеально найденная рифма.

Но как бы там ни было, триумф О. Игнатъева был несомненен, и сидящий позади В. Гнеушев наклонился к уху новоиспечённого члена Союза писателей СССР со словами:

Легчайшею походкою,
Не отирая слёз, —

Беги, Олег, за водкою,
Коль спирта не привёз.

— Как скажете, командир!— мгновенно отреагировал сияющий Олег...

Обретя членский билет, подал документы на Высшие литературные курсы и, выдержав строгий творческий отбор, получил вызов на учёбу. Поэтическим семинаром руководил Юрий Поликарпович Кузнецов (1941 – 2003).

1990 – в Москве прошёл очередной съезд Союза писателей России.

Олег Игнатъев избран на нём членом контрольно-ревизионной комиссии СП РСФСР.

Всё чаще обращается к прозе.

1991 – в «Молодой гвардии» выходит историческая повесть «Сын России – заступник славян», в московском издательстве «Стиль» - детективы «Воздушный колодец».

Получив на Высших литературных курсах диплом с отличием, стал главным врачом в Доме творчества писателей «Малеевка». Здесь реализовал свою давнюю мечту: всерьёз занялся живописью.

Когда Дом творчества продали, а должность сократили, вернулся в Железноводск.

«Но живописи не бросал. Писал портреты и пейзажи, для себя и на заказ. Развозил картины по московским галереям. Выставлял свои работы в Кисловодске и Железноводске».

1995 – поселился в Люберцах. Перебравшись в Москву, забрал сюда семью.

Издательство «Вече» выпустило сборник детективных повестей «Мёртвый угол».

1996 – издательство «Эксмо» переиздало две повести из этого сборника отдельными томиком: «Магия крови» и «Дойти до ада».

2001 – провёл выставку портретов из задуманной им серии «Друзья и учителя» в Правлении СП России на Комсомольском проспекте.

Его пейзажами и портретами проиллюстрированы книги Ни-

колая Рубцова, Марины Цветаевой, Эдуарда Асадова, вышедшие в серии «Всемирная библиотека поэзии» издательства «Эксмо».

Им издано двенадцать книг. Среди них два больших романа: «Пекинский узел», который в 2008 году получил премию В.С. Пикуля, и «Циркач для Лолиты».

2016 – закончил работу над исторической диалогией «Константинопольский крест» и «Ключи от Стамбула».

2018 — журнал «Наш современник» № 2 публикует новый роман О. Игнатьева «Удар скорпиона». В основу напряженного и увлекательного сюжета положена история профессионального взлёта молодого успешного футболиста. Но насколько оказывается легко в нынешней России безнаказанно раздавить, уничтожить, превратить в лагерную пыль любого законопослушного гражданина, если этого пожелает член правительства или олигарх. К такому неутешительному выводу приходит в итоге читатель романа.

В настоящее время трудно назвать страну, в которой не было бы живописных или графических работ художника О. Игнатьева. Их немало как в Европе, так и в Восточной Азии: в Китае, в Южной Корее, в Японии...

Однако последние слова, которыми этот баловень судьбы завершает «Опыт автобиографии» звучат так: «Но главным делом своим жизни я считал и считаю поэзию».

Ты могла, ведь в мире всё известно,
Услыхать от третьих петухов,
Что душе моей нигде нет места,
Кроме тонкой книжечки стихов.

У меня нет оснований не верить ему.

**Исаков
Андрей Максимович**
1902 – 1971

Летом 2011 года купил на шумной моздокской «барахоловке» старенькое, но вполне приличное «Избранное» поэта Андрея Исакова (Ставрополь, 1955) в плотном тёмно-синем переплётё с потускневшим золотом букв.

Моя 90-летняя матушка, начав читать «Казачью думу», вдруг подняла на меня удивлённое лицо и с волнением сказала:

– А ведь я знаю эту песню. Мы пели её, когда всей школой выходили на демонстрацию – Первого мая или Седьмого ноября. Тогда все шли и пели. И даже старались перекричать друг друга... Давно, ещё до войны.

И она, не заглядывая в текст (дочь раскулаченного крестьянина из села Соломенское, которая говорила о Сталине, не иначе как «У-у, злыдень!»), вдруг тоненько, с сердечной задумчивостью пропела:

Если б нам теперь, ребята,
В гости Сталина позвать,
Чтобы Сталину родному
Все богатства показать.

Показать бы, похвалиться
Нашей хваткой боевой:
«Приезжай, товарищ Сталин,
Приезжай, отец родной!»

Родился Андрей Исаков 17 сентября 1902 года в бедной казачьей семье в станице Родниковской Краснодарского края (в то время Кубанская область и Черноморская губерния).

Родниковская станица
Славится водою,
Где копытом конь ударит,
Там вода струёю.

1914 – с началом войны отца мобилизовали на фронт. Двенадцатилетний подросток нанялся в батраки. «Так «в людях» и проработал всю юность», – вспоминает поэт. Это было тяжёлое для него время:

Ведь хозяева меня били кнутом,
Назвали «голодранцем горьким».

1920 – добровольно вступил в ряды Красной Армии. Принимал участие в разгроме армии Нестора Махно на Украине.

После демобилизации работал на строительстве в горах Кавказа, на плантациях эфирно-масличных растений, лесничим на побережье Чёрного моря. А свободное время посвящал сочинению стихов и чтению книг.

«И вот однажды в ущелье приехал на охоту из гагринского санатория ЦИК Отто Юльевич Шмидт и в жизни наступила новая, самая счастливая пора».

Судьбоносная встреча произошла 18 февраля 1931 года. Шмидт, начальник Главсевморпути, приехал поохотиться в кавказские горы незадолго до своих экспедиций: сначала на пароходе «Александр Сибириakov», а затем на легендарном «Челюскине».

У костра, на привале, Исаков, выполнявший роль проводника-следопыта, читал ради развлечения стихи. «Да вы поэт, батенька! – одобрительно воскликнул академик. – Вам обязательно надо учиться... Хотите, я напишу вам рекомендацию?»

1933 – поступил на литературный факультет Северо-Кавказского педагогического института в г. Орджоникидзе (Владикавказ).

1934 – в периодической печати появляются первые стихотворения Андрея Исакова. Одно из них посвящено О.Ю. Шмидту:

На хрупкой дрейфующей льдине
Работа науки кипит,

А чёрную бороду иней,
Как будто шутя, серебрит.

Литературный критик Татьяна Батурина утверждает в книге «Пока дышу» (Ставрополь, 1987), что не раз слышала, с какой благодарностью говорил Андрей Максимович о человеке, которого запомнил на всю жизнь. «Оттого, вероятно, воспоминания о Шмидте жили в душе где-то рядом с воспоминаниями о родной станице, что были это истоки его поэтической биографии...» – поясняет Батурина.

1936 – в Пятигорске выходит первая книжечка стихов «Казачья дума». В газете «Молодой ленинец» от 6 мая статья «Моя жизнь и мои песни». Особого внимания заслуживают стихи и песни в студенческом сборнике, изданном литературным кружком. За эту публикацию студенту Исакову назначена персональная стипендия на всё время учёбы.

1938 – в Ordжоникидзе выходит книга «Стихи и поэмы»; Исакова принимают в Союз писателей СССР.

Книги у него на протяжении жизни публиковались регулярно: через два-три года. Но лишь четыре из них продолжили отсчёт сверх сотой страницы, остальные в большинстве своём – тоненькие брошюры.

После окончания института – корреспондент областных и республиканских газет Северо-Кавказского края.

1939 – пишет пьесу «Шамиль», которую ставят на сцене осетинского драматического театра (см. рецензию А. Танеева «Шамиль» в «Ordжоникидзевской правде» от 12 мая 1940).

1941 – с началом Великой Отечественной войны – корреспондент фронтовой печати. В армейских газетах появляются статьи, заметки, стихи, стихотворные фельетоны.

20 января 1943 года Исакову выпало счастье участвовать в освобождении родного Ставрополя. Радость события омрачила смерть боевого друга, поэта и разведчика Ивана Булкина. Его памяти Андрей Максимович посвятил стихотворение «Товарищ с Волги».

За время войны Исакову довелось пройти многие фронты: Кавказский, Южный, Третий Украинский, Волховский, Ленинградский, Третий Прибалтийский. За боевые заслуги награждён орденом Красной Звезды.

1944 – вступил в ряды Коммунистической партии.

В послевоенные годы пишет и публикует ряд поэм: «Медьна», «Ставропольская быль», «Виноградарь», «Огни Дарьяла», «Кавказская сторона». Все о наших земляках: хлеборобах, пастухах, виноградарях, строителях невинномысского канала.

Татьяна Батурина в уже упоминаемой нами книге справедливо отмечает, что «поэзия Исакова не поражает глубиной открытий, остротой переживаний, она не проникает в истоки жизненных противоречий. В его стихи, не мудрствуя, вошла радость нового бытия. Это была радость приобщения к строительству новой жизни, к культуре, к творчеству. Вчера ещё неграмотный человек, он чувствовал, какие великие возможности открывает перед ним жизнь».

Согласен. Его поэзия принадлежит социалистической эпохе и уже не трогает нас так, как когда-то трогала его современников. Но душевная чистота, искренность, отсутствие всякого лицемерия (даже когда пишет «Памяти А.А. Жданова») сделали Андрея Исакова ведущим поэтом Ставрополя послевоенного периода.

Льют сияющий свет над землёю
Путеводные звёзды Кремля.
Собрались мы у гроба семьёю,
Примет тело родное
земля.

Но бессмертия смерть не коснётся.
Незабвенным он входит в века.
Жданов спит,
он живёт,
он проснётся,

Лавой огненных слов отзовётся
В каждом сердце
большевика.

Андрей Исаков пережил, подобно Семёну Бабаевскому, свою всесоюзную известность, когда страна после XX съезда КПСС перестала петь его песни. Он отнёсся к происходящему философски, без обиды и негодования, оставаясь таким же добрым и радушным человеком, каким знали его все окружающие задолго до случившихся перемен.

С середины 50-х пробует свои силы в прозе. В периодической печати появляются рассказы «Блукало», «Федькина отара», «Тигрица», «Володька Черенков».

Занимается переводами с языков народов Кавказа. Наиболее известные – это поэмы черкесов Хусина Гашокова «Охотник Шомахо», Абдулаха Охтова «Ущелье Бэлы», карачаевца Назира Хубиева «Песня о первой любви», калмыка Морхаджи Нормаева «Полярная звезда».

1966 – альманах «Ставрополье» №4 публикует обширный отрывок из новой поэмы А. Исакова «Сто мудрецов и чаша вина». Не могу вновь не сослаться на мудрое рассуждение Т. Батуриной. «Мне кажется, – писала она, – эта поэма была ярким свидетельством тех возможностей поэтического дарования Исакова, которые, к великому сожалению, почти не успели проявиться. Прежде всего, это, конечно, юмор, так весело засверкавший в учёной беседе мудрецов о происхождении вина. И как-то совсем незаметно весёлая шутка оборачивается серьёзной проблемой, достаточно актуальной и при жизни Андрея Максимовича, и сейчас:

Научи, как уберечь мне душу,
Прикасясь к твоему огню?»

1970 – выходит последний прижизненный сборник с жутковатым названием «Земля зовёт».

Умер А.М. Исаков 15 апреля 1971 года в Ставрополе, где прожил большую часть своей жизни. Его смерть реально опечалит писательскую организацию, ряд ставропольских поэтов отзовется стихами-воспоминаниями.

Его мы больше никогда не встретим,
Не спросим по привычке: «Как дела?»
Он в Ставрополь ворвался в сорок третьем,
В лицо метель свинцовая мела.
И на углу центрального проспекта
Его товарищ рухнул и затих.
Как мало на земле живёт поэтов,
А пули почему-то ищут их.

Это из стихотворения Геннадия Фатеева. Он познакомился с Исаковым на встрече в пионерлагере летом 1945 года, будучи застенчивым сельским пареньком одиннадцати лет. А через четверть века Фатееву пришлось писать в газеты некролог вместе с критиком Ефимом Кабаченко.

Суровые простые, но мужественные и проникновенные слова отыскал Владимир Гнеушев, чтобы открыть нам в ушедшем поэте главное:

Абрикосовым цветом
Розовеют сады.
Мы хороним поэта
И молчим от беды.
Ах, как было спокойно
И уверенно нам
С ним,
Прошедшим и войны,
И житейский туман.
С ним,
Вино выпивавшим
И не спавшим ночей.
Никогда
Не предавшим
Ни страну, ни друзей.

Любовь к Родине, способность к героизму и самопожертвованию были настолько естественны для Андрея Исакова, что он об этом даже не думал... Он этим жил:

Окончен бой,
Улёгся ураган,
Сияет солнца диск
Над русскими полями.
И я стою от счастья полупьян
Ещё с оружием,
Затянутый ремнями.

Капиев
Эффенди Мансурович
1909 - 1944

*Он должен был совершить
титанический прыжок
через широченное ущелье,
отделяющее его
неграмотных отца и мать
от высот мировой культуры.*
Вадим Белоусов

Родился 13 марта 1909 — в высокогорном Дагестане в древнем лакском ауле Кумух. Дату рождения устанавливал сам по рассказам матери Айшат:

— По милости Аллаха, Эффенди, ты появился на свет через полгода после смерти бабушки, в тот год, когда в Темир-хан-Шуре был убит пристав. Муж мой Мансур удачно продал в тот год осла и, кроме денег, привёз несколько фунтов отборного винограда.

Отец был лудильщиком и гравёром. Искусный умелец, он в поисках работы скитался вместе с семьёй на двухколёсной арбе по Сальским степям и равнинным станицам Ставрополя.

«Из деревни в деревню кочевала наша семья, — вспоминал Эффенди. — Отец делал трубки, кольца, пояса. Мать меня растила. И была в нашей семье такая ясная иллюзия счастья: заработаем — и снова в Дагестан. Там родники, прозрачны, как журавлиные глаза. Там родина. Думаю, в этом был весь смысл жизни отца и матери. И в тех гиблых калмыцких степях есть тихая, до боли тоскливая деревня Мингута. Там в серых землянках гнездятся пыльные удоды и живучая липкая нужда. Эту деревню мы покинули раньше, чем полагалось. В этой деревне... со скотоводом Адваном мой отец не поладил. Он ранил Адвана в руку за то, что тот выпорол меня, единственного сына у отца. За пустяк меня выпорол Адван. Я дразнил из-за забора его верблюда».

После Октябрьского переворота семья вернулась в тогдашнюю столицу Дагестана Темир-хан-Шуру (переименованную вскоре в Буйнакск).

1920 — нужда вновь гонит отца на заработки. Мать устраивается на консервный завод. С грустью и горечью вспоминает Эффенди то время:

«Мать свою я видел только раз в сутки. Поздно ночью тихо приходила она домой, ни слова не говоря, раздевалась, падала на постель и засыпала. Порой я слышал слабые стоны, и тогда мне становилось жутко, бесконечно жаль её, сестёр, себя... Матери моей было около сорока лет, но, прежде времени поседевшая, она выглядела старухой».

Эффенди попал в школу-интернат, впервые открытую в Дагестане для детей горцев: там «за умение делать карикатуры и оформлять стенгазету был отмечен комсомольской ячейкой и принят ею в воспитанники» (из «Автобиографии»).

После интерната закончил Темир-хан-Шуринский педагогический техникум, расположенный в бывшей казарме царских войск. Здесь познакомился с творчеством великих русских поэтов и, восхищённый их стихами, пробует сочинять сам.

Он знал три дагестанских языка, но для себя выбрал русский. Без скидок на происхождение решил стать настоящим писателем в чужом труднодоступном языке. До него проделать такое смог лишь один человек: Конрад Коженевский, поляк из Бердичева, стал признанным английским стилистом Джозефом Конрадом (1857 — 1924).

1928 — направлен преподавателем русского языка в кумыкский аул Аксай. В школе увлёкся «Дневником педагога», куда регулярно вносил наблюдения, мысли, стихи, первые рассказы.

Однако ему не дали доработать учебный год до конца.

1929 — в апреле Эффенди арестован по подозрению в контрреволюционной связи с жителем аула Будаё-Ханом, бывшим царским офицером.

В то время ГПУ функционировало на национальных окраинах страны пока ещё с соблюдением правовых норм. Эффенди в процессе разбирательства сочли невиновным и освободили из-под стражи.

1930 — по путёвке комсомола поступает в Ленинградский машиностроительный институт. Там с ним случился забавный эпизод, о котором он рассказал Константину Алтайскому, переводчику казахского акына Джамбула.

— Когда я учился в Ленинграде на машиностроительном, мне довелось выступать на вечере безбожников, где присутствовали и верующие люди.

В выступлении Эффенди прозвучала мысль о том, что русский народ — издревле безбожный народ, это даже в пословицах и поговорках нашло отражение.

— Может, припомните хоть одну безбожную поговорку, — предложили из зала.

— Извольте, — сказал Эффенди. — Вот вам явно антирелигиозная пословица: «На тебе, боже, что нам негоже».

— Вот и попал пальцем в небо, — не унимался оппонент. — Вы привели искажённый невеждами перевод украинской пословицы: «От тоби, небоже, що нам негоже», — где слово «небоже» или «небога» означает: убогий, нищий, калека. Бог тут, как видите, ни при чём...

Вскоре Эффенди из-за болезни оставил машиностроительный институт и вернулся на родину.

1930 — год, когда Эффенди, по словам Натальи Владимировны Капиевой (1909 — 2003), «входит в ряды дагестанских литераторов. Он всесторонне одарён и одержим жаждой дела. Увлечённый искусством кино, учится на курсах сценаристов, пишет сценарии из жизни родных гор; хорошо разбирается в музыке, рисует. Его карандашные наброски отличаются точностью штриха. Он проявляет себя как способный газетчик. Но всему он предпочитает литературу и писателем стать твёрдо решил ещё на школьной скамье» («Творчество». Ст., 1982).

1931 — начало литературной деятельности Эффенди. Дебютом стал рассказ «Приговор приведён в исполнение» в газете «Красный Дагестан».

В других газетах появляются критические обзоры произведений местных авторов, статьи об устном творчестве горцев и даже творческие портреты литераторов Дагестана.

1932 — в Махачкале (тогда ещё Махач-Кале) в Даггосиздате выходит сборник стихов «Дагестанские поэты», составленный и отредактированный Э. Капиевым.

В начале года становится ответственным секретарём Даге-

станской Ассоциации Пролетарских Писателей (ДАПП).

Однажды к нему пришла со стихами круглолицая светловолосая девушка с ясным доверчивым взглядом, студентка Дагестанского пединститута Наташа Славинская. Она стала женой и соратницей Эффенди. Их семейное гнездышко сделалось, по словам писателя Петра Мелибеева, организующим центром литературных сил Дагестана. Собрания в домике на улице Оскара стали основой Союза писателей Дагестана, руководителем которого был Эффенди.

1934 — знакомится с лезгинским ашугом Сулейманом Стальским и, вплоть до его кончины в 1937-ом, пребывает в роли незаменимого помощника: переводит стихи, поэмы, песни народного поэта, способствует всем предвоенным изданиям С. Стальского.

В Москве в государственном издательстве «Художественная литература» выходит в свет первая «Дагестанская антология», которую собрал и отредактировал Эффенди.

Становится членом только что созданного Союза писателей СССР. Билет № 1794 подписал М. Горький.

С 17 августа по 1 сентября восемь писателей-делегатов Дагестана участвуют в Первом Всесоюзном съезде советских писателей: 2 аварца, 2 кумыка, лак, лезгин, еврей и один не указал свою национальность (судя по мандатным данным, даргинец).

Вместе с группой литераторов из союзных и автономных республик Эффенди встречался с А.М. Горьким на его подмосковной даче в Горках, где читал свои переводы стихов.

Сулейман Стальский посвятил съезду стихотворение, которое перевёл А. Сурков, а зачитал горластый А. Безыменский вечером 22 августа на девятом заседании, пояснив, что стихи написаны обычным ашуговским строем, где каждая строфа состоит из трёх рифмующихся, а четвёртая строка повторяется в каждой строфе.

Не торопясь, сквозь зной и дождь
Мы в дальность дальнюю пришли.
Товарищ Ленин — мудрый вождь,
Его увидеть мы пришли.

Голодной жизни дикий луг
Вспахал его могучий плуг.
Товарищ Сталин — вождь и друг,
К нему с приветом мы пришли.

Развеяв нашей жизни хмурь,
Мы солнце подняли в лазурь,
Живи наш Горький — вестник бурь,
Мы навестить тебя пришли.

В большой простор нагорных стран
Приветный знак ашугу дан.
И вот я, Стальский Сулейман,
На славный съезд певцов пришёл.

Так высказался неграмотный ашуг, которого А.М. Горький в заключительном слове назвал «Гомером XX века».

Доклад о литературе Дагестана сделал член ВКП(б) Г. Лелевич на одиннадцатом вечернем заседании 23 августа.

Эффенди же за два месяца до этих событий, 17 июня 1934 года, на Первом съезде писателей Дагестана обратился к коллегам с таким воззванием:

— Я предъявляю к себе большие требования и хочу выступить с оформившимся зрелым лицом. И хочу, чтобы каждый писатель Дагестана чувствовал ответственность за своё творческое лицо и сознавал, что его роль не в том, чтобы наполнить рынок стихами, зарифмованными кое-как, или прозой, рассказывающей кое о чём.

Это требование не понравилось писателям, привыкшим держать планку личного творчества на невысоком уровне. Они стали изживать своего руководителя с такой партийной принципиальностью, что уже через год вынудили Эффенди покинуть родину, и он из любимца Дагестана превратился в изгнанника, подобно Овидию, Данте, Байрону...

Справедливости ради, надо сказать, что сам Эффенди никогда не порывал связи с родиной. Ездил в гости к родственникам, встречался с Сулейманом Стальским в ауле Ашага-Стал, и

писал за него статьи в центральные газеты. Проводил отпуск в горах Дагестана вместе с женой, «охотясь», по её выражению, за народными песнями. Лишь раз вырвались у него слова обиды в разговоре с балкарским писателем Бертом Гутуевым:

— Охотников испортить жизнь своему ближнему на свете немало. Они есть везде. Я на себе это испытал...

1935 — осенью Эффенди переезжает в Пятигорск, тогдашний краевой центр. Здесь становится сотрудником газеты «Молодой ленинец».

«Подготовленные Капиевым литературные страницы «Молодого ленинца» тех лет до сих пор поражают содержательностью и художественным оформлением», - утверждает в «Истории литературы Ставрополя. XX век» учёный-филолог Л.П. Егорова.

1936 — опубликована уникально-содержательная антология «Поэты советского Дагестана: Аварцы, даргинцы, кумыки, лаки, лезгины, таты, ногайцы и тюрки. Книга организована и составлена Э. Капиевым. - Москва - Пятигорск: Севкавказ, 1936. - 166 с.»

1937 — 26 мая председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал правительственное постановление: «Удовлетворить ходатайство Орджоникидзевского крайисполкома о перенесении центра Орджоникидзевского края из города Пятигорска в город Ворошиловск». В связи с этим решением в Ворошиловск (Ставрополь) перебрались редакции краевых газет.

Эффенди остался в Пятигорске. Здесь, в краевом издательстве, выходит разовый, профессионально подготовленный «Дагестанский альманах». У составителя альманаха возникает мысль о необходимости издать похожий литературный сборник на материале писателей ставшего родным для Эффенди края.

1938 — вместе с Семёном Бабаевским основал при газете «Пятигорская правда» литературную группу. В декабре на декаде новеллистов в Московском клубе писателей прочитал одну из глав рукописи «Поэт». Именно эта книга соединила, по мнению Вадима Белоусова, «глубину мысли с лёгкостью стиля, цветистую горскую образность со строгим изяществом русской классической традиции, «модернистскую» фрагментарность и прерывистость композиции (рассказ, воспоминания, притчи, дневник и даже записи на полях дневника) с неторопливым

реализмом при изображении главного героя, старого горского поэта Сулеймана, быта лезгинского аула, пейзажей Дагестана».

1939 — год шестидесятилетия И.В. Сталина. В Пятигорске печатают «Песни народов Кавказа», посвящённые вождю; составитель Э. Капиев.

Гослитиздат в Москве публикует сборник «Песни горцев» под редакцией и с комментариями Э. Капиева.

В марте Эффенди и Наталья Капиевы знакомятся с директором музея «Домик Лермонтова» Елизаветой Ивановной Яковкиной. (С 1941 по 1947 — Н. Капиева станет работать научным сотрудником музея).

1940 — в начале августа в Москве, в издательстве «Советский писатель» выходит «Резьба по камню». В книге оригинальные стихи, созданные на основе горского фольклора.

Библиотека журнала «Огонёк» № 22 печатает «Разговор о поэзии» с обязательным портретом автора на обложке.

Но вообще-то весь предвоенный год Эффенди живёт под знаком создания краевого литературного альманаха. «Сказать, что он был собирателем и редактором этого номера мало, — вспоминает Карп Григорьевич Чёрный. — Он был его душой. Столько пристального и сердечного внимания уделял он каждому автору первого краевого писательского сборника».

1941 — 28 января «Альманах» выходит в свет.

С марта месяца в журнале «Молодая гвардия» планируют полностью напечатать рукопись книги «Поэт». Великая Отечественная война оборвала публикацию на полуслове.

Вдобавок Эффенди из-за болезни не подлежит призыву в Красную Армию. «Мои ровесники и друзья все на фронте: «На фронт! На фронт!» — кричу я и бью крыльями об стол... Тщетно! Военной специальности у меня нет, корреспондентов и без меня, видно, хватает, а в качестве рядового пока не берут».

В конце 1941 года впервые в ходе этой войны Красная Армия не только остановила наступление врага, но и нанесла ему серьёзные поражения под Москвой, Тихвином и Ростовом-на-Дону.

1942 — в январе Э. Капиев и С. Бабаевский на поезде-товарняке прибыли в освобождённый Ростов. Оттуда на попутном грузовике отправились в расположение кавалерийских полков,

сформированных на Ставрополье и Кубани. Эти казацкие полки героически проявили себя в боях за освобождение Ростова.

Стотысячный тираж книги очерков «Казаки на фронте», напечатанный в Пятигорске, уничтожили оккупанты. Сохранились единичные экземпляры у авторов.

Седьмого апреля состоялось краевое совещание писателей, посвящённое проблемам их работы в условиях военного времени. «Приехал и Эффенди, — вспоминал Пётр Петрович Мелибеев. — Он в чёрной кубанке, за плечами ярко-синий башлык. Он совсем недавно возвратился из командировки на Южный Фронт и жил тем, о чём позже мы узнали из «Записных книжек». Настроение у него приподнятое. Он возбуждён, энергичен, как видно, весь под впечатлением того, что пережил на передовой».

В начале осени Эффенди вновь в действующей армии. Он — спецкор газеты «Дагестанская правда», находится между Моздоком и Малгобеком, в районе, который, по определению самих немцев, стал для них «долиной смерти». Здесь написаны очерки «В отряде Кара Караева», «Письма немцев с Кавказа» и другие материалы.

С 27 ноября Эффенди уже вольнонаёмный корреспондент газеты Северо-Кавказского фронта «Вперёд, за Родину!»

1943 — утром 11 января советские войска заняли Пятигорск, а уже к вечеру 37-я армия генерала П.М. Козлова и 9-я армия генерала К. А. Коротеева освободили все города Кавказских Минеральных Вод.

В числе воинов-освободителей в Пятигорск входит Э. Капиев. Он спешит к Лермонтовской усадьбе, где пять месяцев назад оставил семью.

Вспоминает Елизавета Яковкина:

«Нетерпеливый стук в парадную дверь. Спешу открыть..»

— Эффенди! Милый Эффенди!

Кричу:

— Наташа! Наташа!

Объятия. Поцелуи. Беспорядочные вопросы. Бестолковые ответы.

Капиев не один. С ним сотрудники фронтовой газеты «Впе-

рѣд, за Родину!» Открываем ворота: во двор въезжает редакционная машина с типографским оборудованием. Сбросив полушубки, сотрудники принимаются за составление очередного номера газеты».

Через день Эффенди выезжает в Кисловодск для участия в составлении актов о зверствах гитлеровцев.

Очевидец жестокой войны, Э. Капиев сумел с пронзительной силой запечатлеть не только её героические моменты, но и повседневные, бытовые. Жаль только, его карьера фронтового корреспондента уже близится к завершению.

До сих пор я писал вскользь о болезни Эффенди, потому что он жил так жадно, яростно и полноценно, словно пышущий здоровьем атлет. Но в июне язвенная болезнь обострилась, и Эффенди кладут в госпиталь. В сентябре его эвакуировали из Краснодара в тыловой госпиталь Пятигорска. Больной уговаривает врачей отпустить его к семье, обещая выполнять все предписания и посещать назначенные процедуры.

В конце декабря озабоченный судьбой рукописи «Поэт» прибыл в Ставрополь. Книга выйдет в свет двумя выпусками во второй половине следующего года уже после смерти автора.

1944 — Новый год встретил в семье Ильи Чумака. По возвращению в Пятигорск состояние здоровья продолжает ухудшаться. 21 января Эффенди помещён в Пятигорский госпиталь № 5430.

«Итак, на операцию, - пишет он 26 января в последней из заполненных им двадцати записных книжек. — Уже сделали укол морфия... Я ли не терпел? Ты ли не терпел, Капиев? Он ли не терпел, этот несчастный страдалец язвы столько лет! А уж на сей раз перетерпим. Не беда! Хрен с тобой!..»

Внизу осталось совсем немного свободного места, и он добавляет ещё одно предложение, последнее в своей жизни:

«Как странно: книжечка кончилась минута в минуту перед операцией, хотя я и не хотел этого».

27 января — на рассвете Эффенди умер от внутреннего кровоизлияния; он не прожил и суток после операции. Похоронили его на старом пятигорском кладбище неподалёку от места первоначального погребения М.Ю. Лермонтова.

1945 — на доме № 7 по улице Анджиевского (ныне Соборная) установили мемориальную доску:

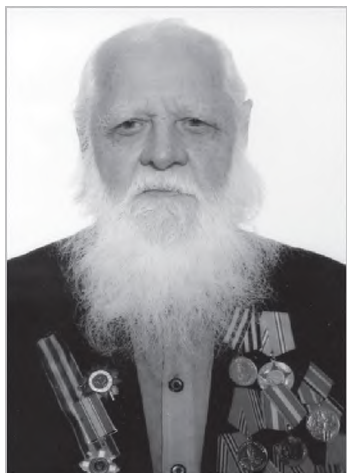
«В этом доме с 1937 по 1942 год жил и работал писатель Эффенди Мансурович Капиев».

После XX съезда КПСС появилась молодёжная проза шестидесятников. Но переизданные книги Эффенди воспринимались читателями так, будто и он был совсем новым автором, тем же шестидесятником.

В нём жила какая-то так и неразгаданная нами тайна.

*Эффенди Капиев с сыном Рустемом.
Весна 1941 года.*

Карпов
Евгений Васильевич
1919 – 2016

Появился на свет в семье потомственного железнодорожника в понедельник, 6 октября 1919-го, на хуторе Эсауловка Воронежской губернии. Отец — Василий Максимович, командир красного бронепоезда, расстрелян солдатами генерала Мамонтова в день рождения сына.

1921 — переболел чёрной оспой.

С 1927 по 1931 — прошёл начальное обучение в Россошанской фабрично-заводской семилетке. Получил удостоверение, напечатанное на папиросной бумаге. В нём отмечена «особая склонность к составлению докладов». Из-за этой редкой и неожиданной для подростка способности получил единственную на весь район путёвку в Артек. Пребывание там обозначил «вершиной пионерского детства».

1933 — страшный голод не обошёл стороной Эсауловку: смерть косила хуторян семьями. Евгений с отчимом заболели сыпным тифом. Отчим умер.

1934 — закончил в Эсауловке семилетку. Всею семьей переехали в Сталинград к старшей сестре - 20-летней Валентине, жене лётчика. «Если Артек был вершиной моего пионерского детства, то жизнь среди военных лётчиков - вершиной юности».

1935 — по окончании 8-го класса стал дежурным в радиоузле гарнизонного Дома Красной Армии.

1938 — по юношеской дурости, связанной с тратой казённых денег (статья 241-Б, три года) попал сначала в Гомельскую тюрьму, потом за Полярный круг. Строил железную дорогу под Мурманском: «Когда нас туда привезли, какой-то чекист перед строем зачитал приказ Берии: «За 92 рабочих дня проложить 71 километр дороги и пустить первый паровоз». И сейчас дико вспоминать: в горах, зимой проложить десятки километров железнодорожного пути — это как в страшном сне. Там

за три месяца погибло, только по моим поверхностным наблюдениям, около 15 тысяч человек. Ведь мороз-то был 45-50 градусов. Но поезд прошёл на моих глазах, как сейчас помню...» Посадили его 29 апреля.

1941 — тридцатого апреля освободили!

26 мая призвали в армию, в 547-й Отдельный строительный батальон. «Великая Отечественная война для меня началась 22 июня 1941 года вблизи западной границы в городе Станиславе».

1942 — в качестве артиллерийского топографа при штабной батарее воевал на Сталинградском фронте.

1943 — 10 января 258-я стрелковая дивизия частично окружена немецкими танками восточнее города Шахты. Человек триста-пятьсот сдалось в плен. «Вернее, не мы сдались, — с горечью уточняет Карпов, — а нас сдали генералы, оставив без снарядов, патронов, без горючего для танков».

1944 — осенью вчетвером бежали из лагеря военнопленных близ города Швайднитц (ныне польский город Свидница). Этот эпизод описан в рассказе «Крупица добра».

До окончания войны и ещё год после неё служил помощником и переводчиком военного коменданта города Рейхенбах.

1946 — 10 мая отправлен в лагерь на «фильтрацию». Сначала в Бреслау, потом в Гродно: «расспрашивали, допрашивали, печатали пальцы». У союзников-англичан таким бедолагам вручали орден «За страдания в плену», а у нас отправляли в лагерь для репатриированных советских граждан. В августе, не найдя вины, выпустили.

1949 — становится студентом Литературного института им. Горького. «На четвёртом и пятом курсе я занимался в семинаре Паустовского и скажу так: если я хоть в какой-то степени «выпрыгнул из самого себя», то только благодаря занятиям в семинаре Константина Георгиевича»

1954 — после защиты диплома Паустовский со словами: «Вот, познакомьтесь. Может, что-то и понравится», — сунул в руки журнал «Смена» № 7. «Стал листать - мать родная! Мой рассказ «Жемчужина». Я впервые увидел свои слова напечатанные, да ещё в столичном журнале».

Едет на строительство гигантской гидроэлектростанции

близ Сталинграда. Работает арматурщиком, диспетчером, литсотрудником многотиражки «Стройка коммунизма».

1959 — выход первой книги рассказов «Мои родственники» в Сталинградском книжном издательстве.

1960 — в журнале «Нева» № 4 опубликована повесть «Сдвинутые берега» о строителях гидростанции.

1961 — повесть выходит отдельной книгой в московском издательстве «Советская Россия». Перепечатана полумиллионным тиражом в «Роман-газете». Переведена на чешский, польский, французский и китайский языки. По ней снят кинофильм, в котором впервые появился на экране Иван Лапиков.

Карпова принимают в Союз писателей СССР. Журнал «Нева» и издательство «Советская Россия» предлагают заключить договоры на новую повесть.

1963 — повесть «Синие ветры» выходит в свет.

Семья Карпова переезжает в Липецк; в здешнем издательстве опубликован сборник «Моя любовь».

1964 — трехкомнатную квартиру в Липецке обменяли на старинный особняк в Моздоке, в котором в годы гражданской войны располагалась ЧК, а в годы Великой Отечественной — гестапо. Помню, я спросил у Карпова: зачем в доме такие мощные двойные двери с крошечными смотровыми оконцами? «Не поверишь, — сказал Карпов, — но ведь я поменялся жильём с полковником, который вывез из Германии дачу Геринга. Вот и жил он тут в страхе за награбленное богатство».

1965 — в издательстве «Советский писатель» выходит повесть «Не родись счастливым». Это первая в моей библиотеке книга, подаренная автором: «Николаю Сахвадзе с надеждой, что он вернёт мне мой подарок сторицей, в смысле сам напишет много книг. Е. Карпов 24 января 1966 г. Моздок».

1967 — переезжает в Ставрополь. В столице издана «Крупица добра» («Советская Россия»), в краевом издательстве — «Чограйские зори». Отныне история Ставропольского края, его люди становятся для Карпова главной темой его творчества. Два года был ответственным секретарём Ставропольской писательской организации.

1969 — к пятидесятилетию в краевом книжном издательстве

под названием «Синие ветры» напечатали томик «Избранного», наградили званием «Заслуженный работник культуры РСФСР». На сцене Ставропольского драматического театра им. Лермонтова премьера пьесы «Не родись счастливым». А вот на второй срок в качестве руководителя писательской организации — не избрали: аукнулось «зековское» прошлое, о котором доложил в крайком партии начальник управления КГБ по Ставропольскому краю Э. Нордман.

Снимать Карпова приехал вальяжный Аркадий Первенцев, автор давно написанного им «Кочубея». Два дня скрывал он истинную цель своей миссии, чтобы в полной мере насладиться карповским гостеприимством. На третий день, пока я ходил по просьбе Евгения Васильевича в Зоотехнический переулок, чтобы взять Первенцеву билет на самолёт, Карпова благополучно «прокатали».

1971 — выходит роман «Разведка боем», написанный в соавторстве с П. Зубаревым (Ставрополь).

1975 — в «Профиздате» публикуют документальную повесть «Крутогорье» - о строителях Большого Ставропольского канала. В краевом издательстве выпускают сборник «Твой брат», одна из лучших книг писателя. В ней россыпь поэтически-тонких, глубоких и трагических рассказов Мастера: «Пять тополей», «Брут», «Меня зовут Иваном», «Прости, Мотя».

1979 — в издательстве «Современник» напечатана повесть «Знойное поле» — масштабное жизнеописание первого секретаря Изобильненского райкома партии Г. К. Горлова, где через судьбу героя исследуется судьба страны.

1981 — выходит небольшая, но уникальная книга «На семи холмах» («Советская Россия»), очерки о Ставрополе и его имени-тых, известных на весь Советский Союз жителях. Эта книга как старинное вино: её цена и значение вырастают с каждым годом.

Через четверть века после выхода книги доктор филологических наук, профессор Ставропольского госуниверситета Людмила Петровна Егорова в статье «Литературная Ставрополияна», опубликованной в альманахе «Литературное Ставрополье» (№ 2, 2007), разбирает романы С. Бабаевского и В.Бутенко, но основное внимание уделяет очеркам «На семи холмах», объяс-

няя это тем, что Карпов сумел выдать «новую визитную карточку» индустриальному Ставрополю, а кроме того:

«Из писателей-ставропольцев Е. Карпов, пожалуй, первым вывел обобщённую человеческую составляющую города: «Город - это сконцентрированная энергия человеческого гения, его непрестанного развития, напряжённого поиска». Поэтому человеческие характеристики обязательно присутствуют в обобщённых определениях Города: «Смелость, мужество, трудолюбие, широта натуры, её благородство - это и есть Ставрополь, город на семи холмах, на семи ветрах. И все они попутные».

В 80-х вместе с другом-художником Евгением Биценко побывал на строительстве Байкало-Амурской магистрали, проехав 400 километров по непролазному бездорожью.

1989 — Ставропольское книжное издательство выпускает роман «Буруны». Это первый вариант его самой главной книги, о которой впервые задумался в Моздоке и не раз заводил разговор о ней потом — в Загедане или Солнечнодольске. Отдельные главы публиковал в альманахе «Ставрополье» как отрывки из романа «Терек».

В начале 90-х, прожив в Ставрополе самую зрелую и продуктивную четверть века, переезжает в Москву. Зря не учитывает он горький опыт Андрея Губина и Владимира Гнеушева! Но как говорил нам с Карповым при прощании Бибик: «Эх, если б Волгу-матушку да вспять повернуть!..»

В столице Карпов подружился с Семёном Бабаевским, о котором, честно говоря, был когда-то невысокого мнения, но время примиряет людей, рождает взаимопонимание, делает близкими.

1999 — осенью последний раз навещает Ставрополь. Журналист Геннадий Хасьминский после встречи с ним публикует к 80-летию Карпова в газете «Ставропольские губернские ведомости» № 173 от 2 октября материал «От исповеди не отрекаются»:

«У меня такое впечатление, что я приехал к себе домой, — говорил Евгений Васильевич. — А что касается Ставрополя, то он стал значительно чище и уютнее... Появилось много красивых зданий. Я прошёл по знакомым улицам, вспомнил друзей, побывал в мастерской у художника Жени Биценко, встретился с писателем Вадимом Черновым. Принял меня Владыка Геде-

он, дал благословение на книгу «Связь времён» — о возрождении православия, над которой сейчас работаю.

Я не считаю, что прожил свою жизнь напрасно. Любая жизнь не бывает зряшной, разве что преступная. А простая человеческая жизнь... Она уже тем хороша, что я видел солнце, встречал заходы и восходы, видел степь. Я люблю степь больше, чем море, потому что я степняк. Да и не зря прожита жизнь и потому, что есть у меня дети, внуки, много друзей».

Его последние годы прошли в Киеве, где живут и работают, снимая телевизионные сериалы дочь Алёна и сын Лев. Печатался в русскоязычном журнале «Радуга». В издательствах Киева опубликовано несколько объёмных томов: «Новое небо» (2004), «Да будет воля Твоя» (2006), «Всё было, как было» (2008).

К счастью, самая главная книга «Гога и Магога (Репортаж-хроника. 1915 — 1991 гг.)» вышла в Ставрополе в журнале «Южная звезда» в 2005 году. И тут все мы должны сказать слова благодарности издателю Виктору Кустову. Он предпринимает энергичные усилия, чтобы сохранить творения Карпова в копилке классической русской литературы.

Вадим Чернов, который долгое время ценил лишь собственное творчество, на склоне лет удостоил Карпова небывалой характеристики: «Его авторитет затмил мой и даже Чёрного, Усова, Мелибеева и других стариков вместе взятых. Карпов — яркая звезда среди литераторов не только Северного Кавказа».

2010 — к моему юбилею я получил из Киева фотографию Евгения Васильевича с короткой надписью на обороте: «Николай — 60. Поздравляю и обнимаю! Карпов — 91».

2014 — я по просьбе Т.Ю. Кравцовой из Ставропольской научной библиотеки им. Лермонтова написал юбилейную статью к 95-летию Е.В. Карпова для краеведческого сборника «Ставропольский хронограф».

2016 — позвонил Владимир Маляров из Михайловска и несёлым голосом сообщил, что сегодня мы с ним осиротели: 18 июля 2016 года в Киеве на улице Малышко скончался наш старый друг и коллега Евгений Васильевич Карпов.

В ту скорбную минуту мне вспомнился вдруг далёкий январский день 1966 года. Во время зимних каникул я отнёс Кар-

пову две общих тетради со своим историко-приключенческим романом «Правитель Карибского моря». И вот во второй половине января, прямо во время урока, в наш 9 «Г» врывается запыхавшаяся женщина-завуч и, не переводя дыхания, кричит:

— Сахвадзе, бегом в учительскую! Тебе звонит писатель Карпов.

Даже не верится сегодня, что в советское время профессия писателя пользовалась у населения таким глубоким и восторженным уважением.

— Здравствуй, Николай, — слышу в массивной чёрной трубке неотвратимый голос Судьбы. — Прочитал рукопись твоего романа. Зайди ко мне после уроков, нам есть о чем поговорить.

Участь моя решена! После занятий я стремительно и неудержимо, едва касаясь подошвой туфель асфальта, лечу по скользкой Главной улице Моздока к особняку Карпова. Мне совсем скоро будет 16, Карпову исполнилось 46 лет. Перед нами лежит необозримая дорога жизни, полная литературных трудов и поисков истины.

Вряд ли я был когда-нибудь более счастлив.

*В редакции газеты «Молодой ленинец».
Слева направо: А. Мосинцев, Е. Биценко, Н. Марьевский,
Е. Карпов, А. Екимцев. 1972 г.*

**Кашпуров
Иван Васильевич**
1926 – 1997

За пятьдесят лет в моей библиотеке собралось несколько сотен книг, подписанных авторами. Среди них сборник стихов и поэм «Дарую степь», на котором написано: «Моему другу талантливому Николаю Сафадзе на всё доброе! Иван Кашпуров».

Сей автограф красноречиво свидетельствует о широте души поэта и той лёгкости, с какой он включал окружающих в число друзей. Ему нравилось воссоздавать безоблачную атмосферу обожания вокруг себя.

Был импульсивен и щедр, иногда безответственно щедр: в 90-х годах два молодых поэта выпустили первые сборники стихов под одинаковым названием. Когда, при встрече, стали выяснять причину, оказалось, что обоим это название подсказал Иван Кашпуров.

Ах, Ставрополье, синий край России,
ты – песня эскадронная отцов.
Меня сады, поля твои растили
под птичий грай и перезвон овсов.

Мне открывали даль твои рассветы,
а жаворонки – песни и траву...
Куда б меня не заманили ветры –
тебя от сердца я не оторву.

«Родился 14 октября 1926 года в селе Калиновском Ставропольского края в семье будённовца, которого с Украины на Ставрополье в 1908 году занесла горькая нужда и безземелье.

Сегодняшняя молодёжь и представить себе не может, что в моей родной Калиновке большинство жителей были негра-

мотными. Я с детства пристрастился к книгам. Но как мы читали! Вот, говорят, у такого-то есть книга, просто книга, никто не знает какая. И я уже собираюсь и иду, а Калиновка и тогда была длинным селом, иду просить читать книгу.

Детства у меня не было. Был сплошной голод. О юности тоже сказать нечего. Началась война, а с ней снова голод, холод, лишения. В семнадцать с половиной меня призвали в армию...»

Простой арифметический подсчёт показывает, что семнадцать с половиной исполнилось Кашпурову 14 апреля 1944 года. В этом возрасте он попал в кавалерийскую полковую школу.

Чтобы завершить тему войны, вспомню один эпизод. Однажды, в краевом книжном издательстве, Кашпуров с искромётным юмором рассказал нам с Владимиром Маляровым такую историю.

На излёте войны их эшелон мчался в Германию. На государственной границе солдат настигла весть о Победе. Поезд завернули назад, в Россию.

– И мы, не нюхавшие пороху молодняк, стали для всех встречающих героями-фронтовиками. На каждой станции – охапки сирени, благодарные речи, хлеб-соль, выпивка. Девчата плачут, обнимают, целуют... Эта неожиданная сказка продолжалась до тех пор, пока нас на одной станции не нагнал эшелон с настоящими фронтовиками. Ох, и гоняли же они нас по вокзалу! Ох, и хлестали ремнями по согнутым спинам!

Я испытал и голод, и усталость,
И боль, и страх у жизни на краю,
И только упоения в бою
За всю войну изведать не досталось.

После окончания войны артиллерийская часть, в которой на тот момент служил Кашпуров, была направлена в Иран.

1946 – у него нет публикаций, но окружающие знают о пробах пера молодого солдата. Командование посылает его на окружное совещание красноармейских поэтов и писателей в столицу советского Азербайджана – Баку. Участие в совещании, наряду с профессиональными литераторами, оказало огромное влияние на дальнейший творческий рост будущего поэта: «Тогда же

я сделал для себя открытие о существовании ритма, размеров. Словом, началось моё знакомство с техникой стиха».

1949 – опубликовано первое стихотворение в новогоднем номере дивизионной газеты «Советский патриот» Закавказского военного округа.

В том же году Кашпурова демобилизуют.

«После воинской службы вернулся на Ставрополье. Побыв около месяца в селе, приехал в Ставрополь, где работал билетным контролёром, экспедитором хлебозавода, подчитчиком в газете «Молодой ленинец» и одновременно учился в вечерней школе, а затем в Ставропольском пединституте».

При газете «Молодой ленинец» родилось литературное объединение. Кашпуров – активный участник всех заседаний. Он внимательно слушает критику, работает над собой и стихами, избавляясь от замеченных огрехов и шероховатостей.

1952 – получил направление в Литературный институт им. Горького в Москве и вне конкурса стал его студентом. Этот период жизни Кашпурова получил отражение в критической статье Лидии Анохиной «Душа движения просила» («Ставрополье» №1, 1975):

«Певучее начало России», звучавшее в сердце, увело деревенского паренька из раздольных степей в “тесные кабинеты” литинститута. Он засел за “грузные тома”, в которых говорилось о том, как непросто это, оказывается, – петь. Нужно и помолчать. Быть интеллигентом в первом поколении ой как непросто. Что греха таить – приходится сносить и вежливые насмешки, более образованных, волею обстоятельств, товарищей. Впервые появляется чувство робости, неуверенности в себе. “Грузные тома” – это сказано не ради красного словца: прочитанное можно было измерить не одним десятком килограммов».

1956 – выходит первая книга стихов «Дыхание степи» (Ставрополь), тепло встреченная читателями и критикой. Рецензиями отозвались Владимир Гнеушев в «Ставропольской правде», Наталья Капиева в газете «Советская Россия» и Д. Долинский в журнале «Дон» №4 (1957).

1957 – окончил Литературный институт, начал работать в редакции Карачаево-Черкесской областной газеты «Ленинское знамя».

1958 – выходит вторая книга «Над седыми курганами» (Ставрополь). Принят в члены Союза писателей СССР. Уезжает вдруг на Украину.

С 1959 по 1961 – сотрудник газеты «Запорожская правда». В книжном издательстве Запорожья публикует поэму «Родины почётный сталевар» (1959) и сборник «Мои позывные» (1961). Позже издаст две книги в издательстве «Промінь» (Днепропетровск): «Крылья» (1964), «Обновление» (1968).

1963 – вступил в члены Коммунистической партии.

1967 – возвращается, теперь уже навсегда, в Ставрополь. Краевое книжное издательство встречает его после девятилетнего отсутствия свежeweыпущенным сборником «Вёрсты» – свидетельство огромной пробивной силы поэта.

Самое время поговорить о Кашпурове-переводчике. Свои первые художественные переводы он сделал с украинского языка. Вернувшись на родину, продолжил работу в этом направлении.

«Большой вклад внёс Кашпуров в диалог культур русского народа и народов Кавказа, – свидетельствует Людмила Егорова. – Трудно назвать поэта соседствующей со Ставрополем Карачаево-Черкесии, чьи стихотворения (хотя бы несколько) не пришли к нам в кашпуровских переводах. Им была полностью переведена книга карачаевца Магомета Байчорова «Костёр в горах» (1973). Вместе с автором этих строк Байчоров вспоминал: «Мы с Иваном Васильевичем оба ставропольцы, росли в крестьянских семьях, только он бегал за гусятами, а я за ягнятами, поэтому так хорошо понимаем друг друга. Он подлинный поэт, певец родной земли. А когда переводит, очень интересуется самой техникой карачаевского стиха – где гласные, где согласные... Индивидуальный подход к каждому стихотворению находит» («История литературы Ставрополья. XX век»).

Вслед за сборником «Вёрсты» (1967) у поэта с завидным постоянством выходят другие книги – как в Ставрополе: «Осенний снег» (1969), «Аппассионата» (1970), «Не за морями чудо» (1973), – так и в московском издательстве «Советская Россия»: «Певучие травы» (1972), «Дарую степь» (1978).

1979 – принимает бразды правления Ставропольской писательской организацией. Встречает делегацию литераторов

из Николаевской области (Украина) в связи с изданием книги «Рукопожатие через горизонт».

Выходят сборники «Синий край России» (1979) и «Даль по-лынная» («Современник», 1980).

1981 – сопровождает вместе с Василием Грязевым французского писателя Арман Лану в его поездке по Ставрополью в поисках родового гнезда Катрин Толстой, жены француза.

Находясь на посту руководителя, отмечен званием «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1982), награждён орденом «Знак Почёта» (1986).

С приходом перестройки обстановка в краевом писательском Союзе невероятно накалилась.

1986 – 19 февраля В. Ащеулов, В. Грязев, А. Екимцев, Р. Котовская, И. Романов, В. Чернов заговорили на собрании писателей о бесконечно переиздаваемых Кашпуровым сборниках, о самовозвеличивании, о преследовании за критику, использовании служебного положения в корыстных целях.

Справедливости ради, скажу, что далеко не все писатели поддерживали выдвинутые обвинения. Возмущённая происходящим Валентина Сляднева прочла на собрании экспромт:

Я понять ничего не могу,
Где враньё, а где наглая дерзость,
Но я остаюсь на том берегу,
Где мой друг позиции держит...

1987 – в первых числах апреля эти события получили продолжение на пятом пленуме крайкома КПСС: И.С. Болдырев, первый секретарь крайкома, отметил в докладе, что И. В. Кашпуров «... допускает субъективизм в оценке творчества писателей, навешивает ярлыки, фамильярен и груб в обращении, игнорирует мнения товарищей. Во всём этом бюро крайкома партии видит прямую вину отдела культуры крайкома КПСС и его заведующей тов. Меренковой А.В., которая не всегда принципиально оценивает кадры, допускает безапелляционность суждений, невыдержанность, не умеет строить отношения с творческими работниками».

27 апреля на отчётно-выборном собрании писатели выводят Кашпурова из состава редколлегии альманаха «Ставрополье». Ответственным секретарём краевой писательской организации избирают Георгия Шумарова.

Нет худа без добра: отстранённый от дел поэт Кашпуров сумел невзгоды и переживания повседневного человека преобразовать в эмоциональное топливо для художника. В последние годы жизни ему удалось реализовать себя с убедительной художественной силой.

1989 – по приглашению Союза писателей Украины принял участие в торжествах, посвящённых 175-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко. Познакомился и подружился с японским писателем Такаюки Мураи, который впоследствии перевёл на японский язык сборник стихов друга. Произведения Ивана Кашпурова издавались на английском, болгарском, монгольском, украинском и французском языках.

1996 – к семидесятилетию выходят «Избранные стихи». Тяжело больной поэт понимает, что этой книгой завершает полувековую творческую карьеру, которая началась когда-то в столице советского Азербайджана, где он впервые узнал о существовании ритма, размера, техники стиха.

Незадолго до смерти ставит запоминающуюся точку: пишет стихотворение «Иду!» Картина ухода проникнута сдержанным мужеством и незащищённым трагизмом ситуации, которую однажды предстоит пережить каждому из нас:

Мама, мама, и я уж старик,
жизни срок всё грустней и короче.
У порога немеющей ночи
я глотаю отчаянный крик.

Как же больно мне изо дня в день
с миром Божьим прощаться, прощаться,
улыбаться своим домочадцам,
видя Вечности жуткую тень.

Мама, мама, сегодня в саду
среди осенних деревьев и кущей
я услышал твой голос зовущий –
я иду к тебе, мама, иду!..

Он ушёл к ней 17 ноября 1997 года. Тело поэта перевезли из краевого центра в родную Калиновку, похоронили рядом с родителями.

2000 – в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» издан сборник стихов «Нас оболецают сто до-рог» с предисловием вдовы поэта Евгении Кузьминичны.

В селе Калиновском открыт памятник Ивану Кашпурову. Установлена мемориальная доска на здании сельской школы, где он учился. Ещё одна – на доме, где он жил в Ставрополе.

Я любил мою землю любовью звериной,
И она отвечала взаимностью мне...

2003 – наконец-то появляется «Избранное» поэта, которое он готовил, невзирая на тяжёлую болезнь, к своему 75-летию. Из-за отсутствия средств издание вовремя не вышло.

В октябре «Ставропольская правда» публикует подборку стихов из книги, предварив её вступительным словом Светланы Солодских, хозяйки «Литгостиной»:

«Мы всегда знали, что Иван Кашпуров – прекрасный профессиональный поэт. Но теперь, читая его стихи на фоне времени, в котором всё тайное стало явным, мы улавливаем в отношении к нему своё новое понимание собственной культуры.

Из века в век Россия жила в «ожидании» Европы. Но вот Европа с нами случилась – и что же? В проломленные окна и двери хлынул не свет, а нечто противоположное. Оказалось, что лучшее из европейского опыта приходит туда, где существует собственная высокая культура. Мы же своей культурой, по сути, пренебрегли, посчитали её провинциальной. И вот интересно – самое неевропейское в нас – подражание Западу.

В этом смысле сегодня провинциальны наша политика, образование, ТВ, современная литература, постмодернизм.

И не провинциален русский реализм. Именно он выразил всю полноту нашей драматичной национальной жизни. Лучшие представители России – люди, глубоко связанные со своей страной, землёй, получающие от неё свою мощь и крепость.

Исключительно не провинциален ставропольский поэт Иван Кашпуров, родившийся в глубинке:

И если б где-нибудь меня спросили –
ответил бы спокойно и светло,
что в самом лучшем
уголке России
стоит моё заветное село.

Поэзия Кашпунова глубоко национальна. Образ Родины, России складывался в ней исподволь, незаметно. Кашпуров не только видел и знал, как растёт пшеница, дерево, трава – он рос вместе с ними...

Читая стихи Ивана Кашпунова, мы путешествуем в его поэтических воспоминаниях. Поэзия – память о прошлом, без которого (и в этом можно уже не сомневаться) нам не найти собственную дорогу в будущее».

Ах, какая всё-таки молодец, эта Светлана Солодских! Я и сегодня поражаюсь её эстетической неисчерпаемости.

**Керсновская
Ефросиния Антоновна**
1908 - 1994

*Мир ловил меня,
но не поймал.*
Григорий Сковорода

Эта стойкая нестигаемая женщина — национальная героиня Молдавии. В Польше её имя внесли в список самых знаменитых поляков. Сама она, вспоминая насильственное присоединение Бессарабии к СССР, заверяла: «Душой я тянулась навстречу этим людям: ведь это были свои — русские».

Написанная ею книга с собственноручными рисунками на листах в школьную клеточку переиздана в Германии и во Франции в виде альбома «Наскальная живопись».

Не удивлюсь, если со временем представители Ставропольского краевого отделения «Союз художников России» примут самобытную художницу в профессиональный отряд живописцев. Подобно тому, как я приобщаю её сейчас к числу ставропольских писателей.

Родилась в Одессе 24 декабря 1907 года (6 января 1908 по новому стилю) на Маразлиевской улице, № 40, в дворянской семье. Отец был юрист-криминолог, мать преподавала в гимназии английский и французский языки, читала в подлиннике древнегреческих авторов. Помогла дочери освоить в совершенстве девять иностранных языков.

1919 — отец чудом избежал расстрела. «Конвоир, перегонявший колонну арестованных до места расстрела, узнал в отце человека, который ему когда-то помог...» («Огонёк» № 3, 1990, с. 15). В ту же ночь, договорившись с греками-рыбаками, семья переправилась в Румынию. Здесь, в Бессарабии, у них было родовое поместье в деревне Цепилово — небольшой дом в три комнаты.

После окончания гимназии занималась некоторое время в ветеринарном училище.

1927 – отец хотел продать землю, чтобы отправить девушку учиться в Париж, к её старшему брату Антону: тот постигал науки в Сорбонне; во время войны воевал на стороне французов, был тяжело ранен в грудь и в 1944-м умер от туберкулёза.

Ефросиния уговорила отца не продавать землю, заверив, что станет образцовым фермером и поставит захиревшее хозяйство на ноги. Ей это и впрямь удалось. Работящая двадцатилетняя девушка акклиматизировала новые виды злаков, создала ферму племенного скота из свиней Ланкастер и овец-метисов Каракуль. Первую пару поросят везла летом, в жару, из дальнего Аккерманского уезда, заботясь о них в пути, как о малых детях.

1936 – смерть горячо любимого всеми отца, которого она боготворила. Некому стало, сидя в шезлонге, читать газеты, олицетворяя собой уютный мир патриархальной Бессарабии. Похоронили его в саду, на поляне, окружённой фруктовыми деревьями. Мать от горя едва не лишилась рассудка.

«Умер он в самый разгар осенних полевых работ, и кредиторы предъявили к оплате его векселя раньше, чем покойника в гроб положили. Но они просчитались: вместо того, чтобы подписать кабальные обязательства, я через голову местных «акул» заключила сделку с Государственным Федеральным банком, обязавшись поставить для экспорта зерно самой высокой кондиции... Я сразу же расплатилась со всеми долгами. И в дальнейшем ни разу не воспользовалась кредитом, который мне предлагали наши местные финансовые тузы» («Знамя» № 3, 1990, с. 5).

Ефросиния обзавелась идеальным сельскохозяйственным инвентарём из Лейпцига. В марте 1940-го внесла за него последние деньги: «хозяйство было чисто от долгов и процветало». Но недолго длилось это вынужденное своими руками благополучие человека труда.

В ночь на 28 июня 1940 года в Бессарабию вошли советские танки и бронемшины. Утром, когда Ефросиния шла на работу, над головой звено за звеном с рёвом пролетели на запад краснозвёздные самолёты. Один из них (очевидно, из-за неполадок) приземлился неподалёку от её поля.

Войска Красной Армии встречали как освободителей: под колокольный звон выходили вперёд священники с хлебом-солью, маленькие дети несли букеты полевых цветов... «А я? Разве моя душа не рвалась навстречу им?» - с болью вопрошает Керсновская.

Через две недели дочь с матерью выгнали из их родового гнезда как эксплуататоров трудового народа. В близлежащем городе Сороки одна-единственная старушка 86-и лет не захлопнула перед носом дверь и предоставила в их распоряжение крошечную каморку.

В качестве батрака Ефросиния работала на уборке хлеба в агротехническом училище, лушила на волах лемехами стерню, ночью сторожила сад. Ела хлеб, сыр, огурцы и чеснок. Не тратила на себя ни одной лишней копейки, лишь бы собрать денег для спасения матери.

В августе 1940-го отправила мать в Румынию, подыскав в попутчики семью пожилого священника. Обливаясь слезами, Александра Алексеевна цеплялась за дочь руками: «Я не смогу без тебя. Ты — последнее, что у меня осталось! Едем вместе в Румынию! Я чувствую: тут слишком много тёмных сил, тут — всюду ложь...»

Вскоре после отъезда матери военфельдшер Папа, жена советского офицера, посоветовала:

- Теперь и вам, Фрося, нужно куда-нибудь уехать. Туда, где вас не знают, и начать жизнь сначала.

В ответ — гордое:

— От кого мне прятаться? Я не воровка, ничего не украла, никого не обидела. Стыдиться мне нечего!

Сильная, добрая, справедливая, полная достоинства, она искренне верила, что сможет стать полноправным полезным гражданином нового Отечества.

День 13 июня 1941 года — последний день её «мирской» жизни. В Сороках собрали сотни подвод, десятки грузовиков. Началась принудительная высылка в Сибирь бессарабских фермеров, интеллигенции, духовенства и их семей. В кузове машины, куда попала Ефросиния, ей запомнился плачущий мальчик лет восьми, две перепуганные школьницы-выпускницы, взятые с первого в их жизни бала.

На железнодорожных станциях растерянных, обезумевших

от непонимания происходящего людей пинками и прикладами загоняли в красные телячьи вагоны и эшелонами отправляли в Сибирь. Они были в пути, когда Германия напала на Советский Союз, но никто и не подумал сказать им об этом.

За несколько недель, пока вагоны катились по России, в них умерли от голода и лишений десятки стариков и детей. Некоторые физически крепкие на вид люди сходили с ума. Немногие из этапа Керсновской достигли конечного пункта лесозаготовок в глухой сибирской тайге.

Начальником пункта вскоре после их доставки стал на редкость сволочной тип по фамилии Хохрин. Когда разнеслась весть о его назначении, мужчины-ссылные не могли сдержать слёз: «Ну, теперь мы все и наши семьи погибли!» Норма была два с половиной кубометра, Хохрин повысил её до двенадцати.

Была у него слабость, которая вылилась в очередное издевательство над безответными людьми. Он любил проводить собрания. «Сгонит, бывало, смертельно усталых, голодных лесорубов в клуб и начинает... Как перед Богом скажу: ни разу, ни одного раза я не смолчала!» («Огонёк», № 3, 1990). Её не могли сломить ни издевательства Хохрина, ни побои надзирателей.

Но однажды и её терпению пришёл конец: с топором в руках ринулась в контору Хохрина. Тот сидел за столом спиной к двери. Ефросиния, не видя «трупные» глаза садиста, не смогла нанести удар из-за спины.

И тогда она решила, что если впереди только смерть, то пусть неизбежное случится на воле. Вернулась в барак, собрала в рюкзак свои вещи, одеяло и ушла в тайгу. Её скитания длились несколько месяцев; в тяжелейших условиях прошла по сибирской тайге около полутора тысяч километров. Видно, кто-то крепко молился за неё; догадывалась кто: мама.

1942 – 30 апреля обнаружила в таёжной глухомани МТС (машинно-тракторную станцию) и вошла во двор, чтобы отдать механикам найденный на дороге разводной ключ.

Ох, уж эта её хозяйственная рачительность!

«Завтра Первое мая: предстоит начало работ, а с инструментом в Сибири да в военное время трудно! Лучше было бы отправить это «благое намерение» в ад, где, как говорят, ими

все мостовые вымощены. А в «Пути Ленина» меня сразу же объявили шпионом, арестовали, чуть не убили и отправили под конвоем в центр» («Огонёк» № 3, 1990, вкладыш). Когда доставили в тюрьму, устроили привычный судебный спектакль, зачитали приговор: «К высшей мере социальной защиты - расстрелу». Дали чистый лист бумаги, чтобы написала «кассацию» или «просьбу о помиловании». Возвратила бумагу нетронутой. Такого в практике тюремщиков ещё не было! Через день вновь приносят бумагу, на которой она после недолгого раздумья пишет:

«Требовать справедливости — не могу, просить милости — не хочу».

Её поведение, степень внутренней свободы, колоссальная духовная мощь воздействуют даже на её палачей, и они заменяют смертную казнь десятью годами лагерей.

«Исправительно-трудовой лагерь... Звучит неплохо. Но за этими словами кроется такое смертельное равнодушие к людям, которое страшнее ненависти. Всю мудрость, накопленную человечеством, рабовладельцы середины XX века употребили на то, чтобы конвейерным способом превращать человека в животное» («Огонёк» № 4, 1990, вкладыш).

Е. Керсновскую от этого превращения избавляла вера в Бога. В меру сил и возможностей несла свет православия другим заключённым. Однажды в свинарнике тайно окрестила младенца Димитрия, потомка адмирала Невельского, по просьбе матери.

Дальнейшие перемены в жизни случились из-за вольнонаёмного бригадира. Тот грязно оскорбил её и в ту же секунду поплатился сокрушительным ударом в глаз. «Избитую до полусмерти и к тому же раздетую, меня отвели в «холодную». Сквозь незастеклённое окошко в камеру намело много снега. На улице в тот день было 54° мороза...» («Огонёк» № 4, 1990, вкладыш). Так Е. Керсновская оказалась в лагерном лазарете и, выздоровев, была оставлена работать медсестрой в центральной больнице Норильского лагеря. Работать приходилось — куда пошлют. Зимой, к примеру, мертвецов не хоронили, чтобы не долбить мёрзлую землю, их просто закидывали снегом. Весной Е. Керсновской пришлось закапывать огромную могилу, в которой находилось 250 трупов.

1944 — неожиданно просыпается страсть к рисованию. Рисует что-нибудь красивое, радостное, непохожее на то, что ежедневно окружает её.

Сохранилась фотография 1945 года. На фото персонал лагерной больницы: пять женщин и двое врачей-эстонцев. Самое живое и одухотворённое лицо у медсестры Керсновской.

1947 — Ефросиния по собственной инициативе: «подлецы под землю не спускаются», — уходит в шахту. Благодаря зачётам, введённым в Норильском лагере в 1950 г., освободилась на два года раньше — не в 1954-ом, а в 1952 г.

«Итак, 12 лет тюрьмы позади. Я на воле. Но можно ли это назвать «свободой»? В клетке я не сидела, но была на привязи. Паспорта у меня не было, уезжать из Норильска я права не имела, зато два раза в месяц должна была ходить отмечаться к коменданту. До настоящего освобождения ещё далеко. Впереди — семь с половиной лет работы в шахте, где я могла погибнуть десятки раз. Но Бог милостив...» («Огонёк» № 4, 1990, вкладьш). Поводок ослаб лишь после XX съезда партии.

1957 — в июле специально прилетела из Заполярья в Молдавию, чтобы взять горсть земли с отцовской могилы.

Неожиданно отыскался след матери.

«Маму я вызвала из Румынии. Поначалу ей не давали разрешение на постоянное жительство, но Хрущёв помог...» («Огонёк» № 4, 1990, с. 14).

1960 — три года спустя мать и дочь гуляли на Воробьёвых горах в Москве и уткнулись в маленькую церковь. Церковь была отворена и они вошли. Ефросиния Антоновна впервые за последние 20 лет увидела священника в облачении. Здесь они с матерью поблагодарили Бога за своё воссоединение.

В начале 60-х Е. Керсновская открыла для себя Ставропольский край, когда приехала в район Кавминвод повидать знакомых по Норильскому лагерю. Она сразу влюбилась в эти райские места и смогла купить крошечный домик в Ессентуках. Прихожая, кухня и жилая комната занимали 20 квадратных метров.

Старожилы-ессентучане ещё помнят эту крепкую доброжелательную женщину без малейших признаков косметики, с короткой стрижкой, в спортивном костюме. Она ездила на ве-

лосипеде не только по окрестностям Эссентуков, но и в другие города региона. Ходила пешком в Грузию через Клухорский перевал, жадно навёрстывая упущенное.

Осенью выставляла перед калиткой вёдра с грушами и виноградом, бросив поверх картонку – «Берите даром».

Мать заставила развесить в комнате её норильские пейзажи; слушала рассказы о лагере, но не всегда понимала о чём речь. Дочь это объясняет так: «Моя жизнь в те годы была цепью таких безобразных и нелепых событий, которые не уместаются в разуме нормального человека и не доходят до чувства того, кто этого не пережил».

Но именно Александра Алексеевна предложила ей взяться за перо:

— Ты рассказываешь — то отсюда кусочек, то оттуда. Я никак не разберусь! Напиши всё подряд! И тогда ты мне прочтёшь, и я, может быть, пойму...

1964 — мать умерла в возрасте 86-и лет. Похоронив её на эссентукском кладбище, Ефросиния Антоновна села за столик у окошка и чёткими маленькими буквами вывела в школьной тетради начало будущей книги: «Этого хотела ты, моя добрая старушка! Ты меня не раз просила записать — хотя бы в общих чертах — историю тех лет, ужасных лет моих университетов...»

И она изо дня в день, подобно истовым летописцам Руси, в течение года пишет «Воспоминания». Потом проиллюстрирует их в отдельном блокноте. Создавая второй экземпляр «Воспоминаний», совместит текст с рисунками.

Это время отмечено жанровым разнообразием: в Москве прошёл пленум, который снял Н.С. Хрущёва и избрал Первым секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежнева; в Ставрополе открыли регулярное троллейбусное сообщение и сдали в эксплуатацию новое здание драмтеатра... Но ничто не могло отвлечь Е. Керновскую от дела. Она упорно созидала иллюстрированную энциклопедию сталинской эпохи, не думая о том, что вряд ли доживёт до того дня, когда можно будет её напечатать.

В последующие годы продолжала перепечатывать на машинке новые экземпляры «Воспоминаний», которые, опасаясь внимания КГБ, пристраивала в надёжные места, чтобы сохранить для потомков, «не дать умереть правде».

1988 — летом у Ефросинии Антоновны случился инсульт, после которого говорила мало и с трудом. За ней, ежемесячно меняясь, бескорыстно заботились молодые прихожанки православного храма.

1989 — однажды в редакцию журнала «Огонёк» вошёл посетитель с большим портфелем. Он извлёк из него шесть переплетённых машинописных фолиантов и двенадцать общих тетрадей.

— Баба Фрося велела передать, — объяснил он в ответ на недоумённые взгляды сотрудников.

И на такой вот будничной ноте творение Е. Керсновской вошло в сокровищницу советской литературы, дополнив безрадостные произведения А. Солженицына и В. Шаламова особым светом мужества и жизненной правды.

1990 — под названием «Житие Ефросинии Керсновской» в двух номерах «Огонька» (№ 3, № 4) выходит очерк об авторе и 65 рисунков с развёрнутыми подписями к ним. А в журнале «Знамя», начиная с мартовского номера, публикуют первую часть её «Воспоминаний» под заглавием «Наскальная живопись».

В Эссентуки, в скромный маленький домик, началось паломничество журналистов со всего света. Хозяйка общалась со многими из журналистов на их родном языке. Эта простая на вид женщина знала, если вы помните, девять иностранных языков.

1991 — советско-немецкое издательство «Квадрат» выпустило альбом с рисунками Е. Керсновской на немецком и русском языках. Вскоре книгу перевели во Франции.

1994 — 8 марта Ефросиния Антоновна Керсновская скончалась в возрасте 86-ти лет. Похоронена на эссентукском городском кладбище, рядом с матерью.

2007 — к 100-летию со дня рождения автора в издательстве РОСПЭН вышло первое полное издание её книги под названием «Сколько стоит человек». В конце года в Эссентукском краеведческом музее состоялась презентация издания. В дальнейшем огромная книга, в которой сотни рисунков, будет не раз экспонироваться на международных выставках, вызывая интерес и потрясение.

Курортники, приезжающие в Эссентуки из разных уголков страны, упорно ищут в городе музей бабы Фроси. Но такого

музея нет. Ибо человек, так и не признавший над собой силу власти, вызывает у власти лишь неприязнь и раздражение.

2010 — по случаю 65-летия Великой Победы исполняющий обязанности президента Молдовы (бывшей Бессарабии) получил правительственное приглашение для участия в торжествах на Красной площади. Он отклонил его со словами:

— Там собираются победители, а мы - побеждённые...

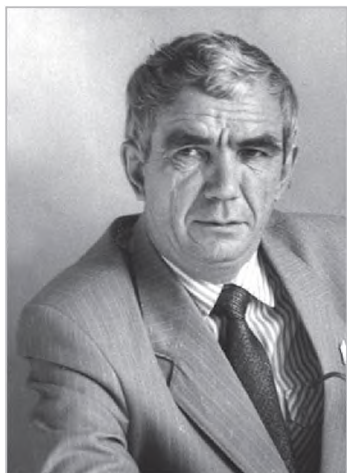
Неужели кто-то может хоть на секунду представить Ефросинию Керсновскую в роли побеждённой?

*Семья Керсновских.
Одесса, 1911 г.*

*Лагерная больница.
В первом ряду в центре —
медсестра
Е. А. Керсновская.
Норильск, 1945 г.*

Кожевников Владимир Иванович

День — понедельник, год — високосный, место — станция Бишкиль Челябинской области. Там появился на свет 25 марта 1940-го.

«С детских лет полюбилась мне железная дорога. На ней голопузым мальчишкой я с замиранием сердца провожал на фронт составы с танками. По ней возвращались с фронта мои близкие и родные, многих из которых мне еще и видеть не довелось.

Это с дороги, отработав полсуток, приходил домой уставший отец в промёрзшем на крепком морозе полушубке, телячьей шапке, громадных пимах, с заиндевевшими усами и бровями. Зимой он вытаскивал из кармана «заячий гостинец» — залежавший кусочек черного хлеба, а летом — связанную в пучок гроздь полевой клубники. Отец, треть века отдавший дороге, был для меня авторитетом, и не случайно мой первый сборник «Бишкильский дождь» начинается с рассказа «Обходчик».

Писать Кожевников начал рано. Писал необычайно много, но, вырабатывая собственный стиль, десятки рассказов и повестей отправил в мусорную корзину, которая всегда стояла наготове рядом с письменным столом.

С 1965 — живет в Невинномысске.

На семинаре молодых писателей края 1969 года обсуждалась рукопись первой книги рассказов «Бишкильский дождь».

— Таких талантливых авторов из рабочих нужно пестовать! — убежденно заявил Михаил Усов. Рукопись на семинаре одобрили, рекомендовали к печати.

Книга вышла в 1973 году.

В 1980 — вторая книга рассказов «Среди людей», в которой автор, согласно аннотации, «бичует то, что мешает советским людям строить свое светлое завтра». Как ни странно, но именно эти слова, подчиняясь эзопову языку тех лет, свидетель-

ствуют о честности и порядочности писателя. Собратья принимают его в Союз писателей СССР.

1986 — публикуется сборник «Тепло сердец».

Три книги за 13 лет — это немного, и чтобы прокормить семью, поднять сыновей, Кожевников трудится рабочим на стройке, железной дороге, химкомбинате.

Одновременно учится и заканчивает заочно отделение журналистики ВПШ (Высшей партийной школы), затем Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Почти сорок лет отдал Невинномысскому шерстяному комбинату. Четверть века из них редактировал многотиражку «Шерстяник», а в свободное время, т.е. в выходные дни и по ночам, с невероятным упорством и трудолюбием ткал главное полотно своей жизни — трилогию «Руно золотое».

«Вы много знаете краевых писателей, которые бы создали трилогию? — справедливо вопрошает Владимир Иванович. — Вот и я не помню ни одного».

Это масштабное, всеохватывающее произведение о судьбе Невинномысской шерстомойки от века XIX до начала XXI. Глубоко проникая в человеческие судьбы, автор поднял почти полуторавековой исторический пласт.

«В родном верховье Кубани появился мой собрат — еще один сочинитель! — с видимым удовольствием отозвался из Москвы Семён Бабаевский в октябре 1996. — Добро пожаловать к нашему шалашу! Располагайся, кубанец, как у себя дома!»

2001 — трилогия «Руно золотое» победитель конкурса имени С.П. Бабаевского.

2007 — писатель стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса имени В.М. Шукшина.

Как отмечает антология «Современные писатели Ставрополя» (2009), особенно урожайными были последние годы, когда он издал 8 книг. Среди них романы «Линия отреза» и «Шапка Газомаха», где писатель выплеснул всю боль за социальную катастрофу, в которую ввергли Россию, за обнищавший обворованный народ, за развал предприятий и экономики.

2011 — на празднике краеведческой книги «Созвучье живых слов» диплом присужден В.Кожевникову за книгу сказок и

легенд «Солнечный олень», которую он неожиданно для всех написал в стихах.

2013 — писателю присвоено звание «Почётный гражданин г. Невинномысска».

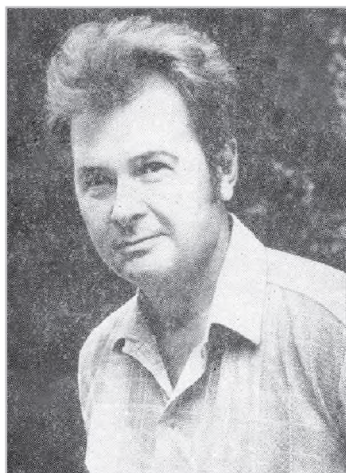
Его романы об южно-уральских (оренбургских) казаках: «Отцы и матери», «Сыновья и дочери», «Внуки и правнуки» — составили еще одну трилогию.

В багаже В. Кожевникова свыше 30 изданных книг. Он самый плодовитый писатель края, и не сбавляет, по моим наблюдениям, темпов и рвения.

В 2018 году вышла очередная книга ветерана краевой писательской организации «Маршал стальных магистралей». Она рассказывает о последнем Министре путей сообщения СССР Николае Семёновиче Конареве.

*Владимир Иванович Кожевников в Литературном центре.
г. Ставрополь, 2009 г.*

**Колесников
Виктор Сергеевич
1938 – 2004**

Родился 15 января 1938-го в Тамани, в семье военнослужащего.

1939 — 30 ноября началась война между СССР и Финляндией, отец отбыл на фронт.

1940 — мать переезжает с двухлетним Виктором в Ставрополь (в то время город Ворошиловск Орджоникидзевского края), к своим родителям. Со Ставрополем связана вся

дальнейшая жизнь будущего писателя.

1943 — пропал без вести отец, образ которого не сохранился в памяти мальчика.

«Последнее письмо-треугольник с грифом «За Родину! За Сталина!» пришло из-под Курска. Судя по официальным ответам Министерства обороны на запросы матери, без вести пропала вся дивизия, в которой служил отец. Пенсию платили за рядового — 110 рублей, по тем временам цена булки хлеба. Фронтovou фотографию отца в форме капитана храню как реликвию.

Начало сознательной жизни связываю с дедом-самоучкой и его богатейшей по тем временам библиотекой... Читать начал рано, после четырёх лет. Научился сам, благодаря несложной хитрости деда: дочитав мне до середины «Зимовье на Студёной» Мамина-Сибиряка, он отложил книгу, и сколько я его не упрашивал, дальше читать отказывался. Тогда я заставил его научить меня читать. Букваря не было, учился сразу по книге. Дочитал рассказ самостоятельно» (Из автобиографии «О себе»).

С детства три всепоглощающие страсти владели Виктором: чтение, охота и небо над головой.

1954 — в шестнадцать лет курсант аэроклуба. Первый прыжок с парашютом, который мог стать последним, растеряйся или запаникуй курсант: «Кстати, он (парашют) не раскрылся, приземлялся я на запасном».

1955 — первый самостоятельный полёт на стареньком «ПО-2» («Первая книга тоже о небе — «Взлётная полоса». Но это уже потом»).

Ни в одном материале о писателе не упоминалось до сих пор о поэтических опытах Колесникова. А начинал он со стихов. Чтобы подтвердить это, приведу цитату из письма Виктора ко мне: «В эпистолярном стиле я никогда силён не был, а когда получил первый гонорар за исписанный плохими стихами листок бумаги, сразу перестал писать письма. Усёк, что писать надо — А-БЫ ВЫ-ГО-ДА».

Во второй половине 50-х, кроме профессии лётчика и инструктора-укладчика парашютов, освоил профессии автослесаря, бурового рабочего (этот период описан в повести «Лазорики»), слесаря-сантехника.

1960 — поступил на очное отделение Литературного института им. Горького. Творческий семинар вёл Владимир Германович Лидин, старейший русский прозаик, работающий в жанре рассказа. На одном из занятий дал Виктору своевременный совет:

— Ничего не выдумывайте — у вас нет этого дара. Но у вас есть более ценное для писателя качество. Вы умеете жить сразу в нескольких измерениях. Об этом и пишите.

Учился на одном курсе с Николаем Рубцовым и Вадимом Куропаткиным; был комсоргом курса. О Рубцове рассказывал с невольным профессиональным уважением и толикой зависти: «Установил для себя жёсткий режим: до десяти вечера в его комнате сплошное «О-рейда-райда!» После десяти — стрекот машинки».

1963 — в альманахе «Ставрополье» опубликована повесть «У меня есть крылья». Её широко обсуждают на краевом семинаре молодых писателей, дают высокую оценку, рекомендуют к изданию.

1964 — под названием «Взлётная полоса», с посвящением друзьям-авиаторам, повесть выходит в Ставропольском книжном издательстве тиражом пятнадцать тысяч экземпляров. В альманахе «Ставрополье» № 1 появляются дружеские шаржи Игоря Романова «Пишущие о себе». Привожу тот, что касается Виктора:

Проклятые гири раздумий

Без лишних слов признаюсь вам, ребята, -
В литературе, чувствую, боббль я...

Проклятый, знаете ли, недостаток:
Никак не напи... не отращу вторые «крылья».

И вот топчусь в раздумье у Парнаса.
«Метод» в уме я взвесил массу.
Но не решу, как двигать вверх по лесенке:
Бегом или шажочком? В.Колесников.

1965 — получил диплом об окончании Литературного института. Устроился редактором художественной и детской литературы в Ставропольское книжное издательство. Двадцать лет проработал на этом месте, именуя себя «повивальной бабкой», а нас — «крестниками». Выпустил в свет первые книги более десятка молодых писателей, от Муссы Батчаева до Владимира Бутенко.

«Самый лютей враг художественной литературы — это трусливый редактор», — говорил он.

1966 — Ставропольское книжное издательство тиражом сорок тысяч экземпляров печатает рассказ «Поля, полные перепелов» с великолепными иллюстрациями Евгения Биценко. Шумный успех рассказа связан не только с явным ростом мастерства и таланта (а рост очевиден, если сравнивать «Поля, полные перепелов» со «Взлётной полосой»), но и с эстетическим кредо автора: «Я никогда не видел природу как нечто существующее отдельно от меня и никогда ею не любовался. Я жил и живу как её часть, на мой наивный взгляд — неотъемлемая».

Трижды на протяжении тридцати лет пытался я получить автограф на чудо-книгу. «Где ж ты раздобыл её? — радовался Колесников. — У меня как раз нет ни одного экземпляра». Отыскав книгу в четвёртый раз, я отогнул скрепки, вытащил и оставил дома тетрадку с текстом. А когда он попытался опять объегорить меня, с ехидным недоумением спросил: «На кой ляд сдалась тебе обложка? Внутри, кроме титульных листов, ничего нет».

Убедившись в правоте моих слов, весело расхохотался, ибо любил нестандартные решения, и написал на обратной стороне обложки: «Коле Сахвадзе с давней и неизбывной симпатией».

1967 — наша самая первая встреча на семинаре молодых писателей края в Пятигорске, куда он прибыл как представитель

издательства, а я как участник. Запомнился устный рассказ о его бабушке, которая в ответ на шалости и проделки, выламывала хворостину и говорила: «Ну, Витя, нашивай лубок на жопу».

1968 — по итогам семинара выходит изумительный сборник молодых ставропольских поэтов «Первое свидание» (редактор В. Колесников, художник В. Додэ). Эта книга пронизана такой радостью жизни, таким светом и талантом, что я нередко достаю её с полки, чтобы вспомнить то состояние молодости, в котором все мы пребывали тогда.

В 70-х в Ставрополе публикуют несколько коллективных прозаических сборников: «Последний день августа», «Три лёгких удара в дверь». Подлинным украшением каждого из них становятся рассказы В. Колесникова. Их охотно печатают в альманахе «Ставрополье», в столичном еженедельнике «Литературная Россия».

1978 — на книжных прилавках края появляется книга «Одинокие птицы», посвящённая светлой памяти Виктора Бабиченко — друга и поэта. В «Ставропольской правде» Георгий Шумаров печатает свои раздумья о ней: «У Виктора Колесникова, едва не ставшего в юности профессиональным звероводом, цепкий взгляд натуралиста... Большинство его рассказов прописаны до акварельной чистоты и лёгкости».

Осенью Колесникова принимают в Союз писателей СССР. Событие с праздничным размахом отмечено в кафе на улице Пушкина в кругу ставропольских поэтов и прозаиков.

1980 — редколлегия альманаха «Ставрополье» запоздало, спустя два года, поздравляет в третьем номере со вступлением в Союз писателей СССР и предлагает читателям рассказ «Сосны под снегом».

Если бы мне довелось составлять антологию лучших рассказов XX века, то наряду с рассказами Юрия Казакова, Виктора Лихоносова, Сергея Довлатова, - я бы обязательно напечатал в ней «Поля, полные перепелов» и «Сосны под снегом». Это шедевры русской новеллистики. И мне непонятно, почему автор не включил «Сосны под снегом» ни в одну из двух последующих книг. А спросить теперь не у кого.

1982 — к 45-летию краевой писательской организации выпускают сборник «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи

к портрету)». Шесть очерков написаны Вадимом Белоусовым, среди них — «Кем же населён мир?» о Викторе Колесникове:

«Если ему подворачивается хотя бы один слушатель, он тут же начинает что-то рассказывать. Рассказчик он неутомимый и неистощимый. Его монологи могут длиться часами. Правда переплетается с вымыслом, анекдоты с подлинными жизненными историями.

Однажды мне довелось увидеть, как Виктор в кругу друзей читал только что законченный рассказ. Рукопись лежала перед ним на столе, но он ни разу не заглянул в неё. А рассказ был большой. И тут я понял, что его «байки» — это проверка, шлифовка ещё не написанного рассказа на слушателе».

1983 — выходит четвёртая книга «Лазорики». Она стала итоговой в жизни писателя. Ничего нового он больше не напишет и не издаст.

80-е — начало 90-х — самые тяжёлые для страны годы оказались для Колесникова наиболее беззаботными и благополучными в плане житейском. Он прожил их с Катей, женщиной его возраста или немного постарше, которую называл «мать». Полная, большегрудая, хозяйственная, она окружила сожителя небывалой заботой и вниманием. У него даже появился обширный респектабельный живот, и теперь их встречи с Александром Мосинцевым начинались с такого ритуала.

— Колесников — писатель выдающийся, — говорил, приближаясь, Мосинцев и округлым жестом показывал перед собой несуществующее пузо.

— Мосинцев — поэт блестящий, — не оставался в долгу Колесников и, серией поглаживаний по своей голове, изображал лысину друга.

Виктор и Катерина, подобно старосветским помещикам Товстогубам, прожили в заботе друг о друге около двенадцати лет, а потом Катя умерла, и всё вернулось на круги своя.

1998 — по итогам празднования 60-летия писательской организации появляется огромный том альманаха № 1 «Литературный Ставрополь». В нём под названием «Перед охотой — не бриться...» опубликован сокращённый вариант рассказа «Испорченная охота».

1999 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» выходят «Поля, полные перепелов». В книге три рассказа: кроме вынесенного в заголовок, - «Линда» и навязшая в зубах «Испорченная охота». Ну почему было не внести сюда классические по выразительности и лиризму «Сосны под снегом»?!

Последние годы занимал пост литературного консультанта краевой писательской организации. В будние дни сидел за письменным столом в приёмной Союза писателей и охотно привечал посетителей. Был здоров, весел, разговорчив.

Для меня остаётся глубокой тайной его непонятный, скорый и неожиданный уход 4 июня 2004 года...

Щедро одарённый от природы, он не смог полностью выполнить своего духовного предназначения, но филигранная тонкость его пера навсегда вырезала имя Виктора Сергеевича Колесникова на скрижалях ставропольской культуры, рядом с именами Бибика, Губина, Екимцева...

Кстати, как-то мы с ним обсуждали новую книгу Екимцева, и я процитировал строки Вильгельма Кюхельбекера:

Тяжка судьба поэтов всех племён,
Тяжеле всех Господь казнит Россию.

Колесников мгновенно, с обострившимся взглядом, подержал тему:

— Верно, старик. Вот и Некрасов о том же, помнишь?

Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое...

**Котовская
Раиса Николаевна
1951 – 2007**

Родилась в канун рождества Христова — 6 января 1951-го (теперь кажется, что в самой дате содержится таинственное предначертание). Произошло это в семье потомственного железнодорожника в городе Бельцы Молдавской ССР.

Вскоре после рождения Раи, отца перевели в Минеральные Воды. Этот город стал главным в её жизни и творчестве.

Я здесь себе построила жильё.
Сюда я с полдороги возвращалась.
Здесь детство неразумное моё
Когда-то, как ребёнок, затерялось.

1964 — опубликовано первое стихотворение «Фиалка» на страницах минераловодской городской газеты «Коммунист». Редакцию подкупил ясный свежий голос и природный профессионализм юного дарования.

Те же чувства испытает Игорь Романов, получив по почте тоненькую школьную тетрадку, и немедленно опубликует четыре стихотворения в альманахе «Ставрополье» № 1 за 1967 год с фотографией красивой девчушки с траурной лентой в руках до плеч.

1968 — в книге стихов молодых ставропольских поэтов «Первое свидание» напечатано 18 стихотворений минераловодской школьницы, и они не затерялись на страницах сильного по качеству сборника. Были на равных со студенческими стихами Светланы Заикиной, Ларисы Прайсман, Светланы Скаргиной, Наталии Филиповой.

После восьмого класса дневной школы пошла работать строителем; поступила в вечернюю школу молодёжи, которую окончила в 1970-ом.

Работала проводницей в поездах дальнего следования, са-
пожником, санитаркой, чертёжницей. Жизнь не баловала её,
но несмотря на все трудности и неустройства, главным занят-
ем оставалась поэзия.

И какая поэзия!

Кажется, ну что особенного в рассказе о том, как мать ран-
ним утром посыпает золой лёд на дороге, чтобы обезопасить
дочь-школьницу. Но как изящно добивается Котовская поист-
ине космического обобщения:

Мама до света вставала,
Выбегала за порог
И золою посыпала
Скользкий утренний ледок.

Шла с ведёрком по метели
С бугорка на бугорок...
Что ты, мама, в самом деле?
Ведь до школы путь далёк!

Ты б до самой школы, сжалась,
Тропку выстлала золой,
Если б люди не смеялись
Над тобой и надо мной!..

Далеко, как будто с вышки,
Вижу: в белой полумгле
Мама в стареньком пальтишке
На заснеженной земле.

Мама стелет, стелет, стелет,
Посыпает на ледок...
Что ты, мама, в самом деле,
Погляди, как путь далёк.

1975 — поступила на заочное отделение Литературного ин-
ститута им. Горького. Преподаватели и руководители семи-

наров этого института сразу предупреждали студентов, что не смогут добавить таланта или научить писать, но образование по части всемирной литературы мы получим сносное...

Раису Котовскую, которая брала в библиотеке под честное слово словарь Даля и переписывала его в толстую тетрадь, — это устраивало.

1978 — участие в зональном семинаре молодых литераторов Центра и Юга России в Пензе. Именно её творчество признали здесь наиболее интересным, а рукопись стихов рекомендовали к изданию в Москве.

1979 — в Ставропольском книжном издательстве выходит первый авторский сборник «Отцовский дом» — крошечный по объёму (30 стр.), но выверенный и сильный по поэтическому воздействию. Однако, в дальнейшем Котовская не станет вспоминать о нём. Начнёт отсчёт своих книг от сборника «Станция формирования», который выйдет в том же, 1979-ом, в московском издательстве «Современник».

1981 — вручение диплома об окончании Литинститута; участие в 7-ом Всесоюзном совещании молодых писателей. Большая подборка стихов опубликована в журнале «Литературная учёба».

«Чем привлекают стихи Котовской? - вопрошал московский критик Александр Михайлов и отвечал себе так: - Прежде всего достоверностью, правдой пережитого. Я имею в виду не просто жизненный опыт, а его поэтическое претворение».

1982 — выход в Ставрополе книги «Ночной дождь»; переезд в краевой центр. Здесь писатели доверили ей пост ответственного секретаря альманаха «Ставрополье».

1983 — вступление в Союз писателей СССР.

1985 — в Ставропольском книжном издательстве тиражом в 2000 экземпляров издаётся книга стихов «Уроки пения».

В годы перестройки, которую интуитивно не принимала и побаивалась, стала руководить литературным объединением «Современник» при Ставропольском краевом комитете ВЛКСМ.

Многие литераторы края, ныне члены Союза писателей России, прошли школу Котовской. Помогала от всего сердца, не жалея времени и сил на возвращение поэтических соперников, на отделку чужих стихов.

Но тех несчастных, согласно пророку Исайе, кто путал правое и левое, чёрное и белое, могла припечатать убийственной эпиграммой:

Друг наш Женя Бородин
Всюду ходит не один:
Гад у Жени за душой
С детства водится большой.

1989 — ещё одна книга выходит в московском издательстве «Современник» под названием «Переменная облачность».

1992 — в Ставрополе издана «Снеговица».

В начале 90-х, когда Россия провалилась в «чёрную дыру» так называемой демократии и одичалого капитализма, уверовала в православие. Эта на редкость целомудренная женщина в душе всегда была христианкой, но сейчас она обратилась к вере истово, с каким-то беспощадным самоотречением:

Сорок лет по чаще да болотине
Мира, утонувшего во зле,
Я искала родину на родине,
Свет - во мгле, и Небо - на земле.

И нашла всё это, как ни странно я, -
Истинное место для житья...
Вот она - земля обетованная —
Церковь православная моя!

1997 — ставропольское издательство «ЮРКИТ» печатает книгу стихов «Лирика».

1998 — вместе с мужем Николаем Ляшенко подготовила и представила на суд читателей уникальную книгу «Судьба», посвящённую формированию личности и творчеству колоритного пролетарского писателя А.П. Библика. Завершает сборник статья Райсы Котовской «За что боролись...» Содержание революционного романа «К широкой дороге» рассматривается в статье с позиции Евангелия. Можно соглашаться или не согла-

шаться с мнением Р. Котовской, но невозможно игнорировать эту христиански-грамотную работу.

1999 — в феврале посетила посёлок энергетиков Солнечно-дольск, чтобы проведать Николая Ляшенко, который в тот год возглавил работу над юбилейным томом о Ставропольской ГРЭС. Мне в качестве подарка привезла сборник «Лирика» и книгу о Бибике, где были и мои воспоминания о встрече с ним.

2001 — публикует сборник публицистики «Россия граничит с небом...» Эта брошюра в 47 страниц весомее многих томов. Судите сами:

«Русская трагедия нынешнего века стала результатом утраты нравственно-религиозной осмысленности бытия.

Мы стоим на развалинах наших святынь. Повсюду — скверна и мусор, повсюду написаны богохульные ругательства.

Что будем делать, дорогие мои?»

И она глубоко и искренне пытается помочь нам, неразумным детям лукавой демократии, вернуться к традиционным истокам православной духовности.

О том же и стихи последних лет:

В России - пост. А за окном
Лишь полночь - звуки битвы.
Стреляют в небо... А оно
Открыто для молитвы.

Крича безумно и хмельно
Туда, где звёзды светят,
Стреляют в небо... И оно
Когда-нибудь ответит!

2004 — в Москве выходит книга стихов «Судный день», которая сразу выдвигается в крае на Губернаторскую премию и — получает её.

Не знаю, когда именно поставили ей страшный диагноз: рак лёгких, - но болела и уходила из жизни Раиса Николаевна с беспредельным мужеством.

2005 — 26 ноября в Ставрополе в центре повышения ква-

лификации для учителей проходило писательское собрание. Выступление Котовской (а она не могла уже говорить громко) о соблазнах, о духе наживы и меркантильности в литературе заглушал шум разговоров. Поймав минуту относительной тишины, обратилась к коллегам с просьбой:

— Понимаю, вам есть о чём поговорить между собой. Но я чувствую, что выступаю перед вами в последний раз. Дайте сказать. Это моё прощание с вами.

И ведь даже тогда полной тишины так и не наступило. А уж совсем изумерски вели себя наследники Гиппократы, которые вместо сильнодействующих лекарств выписывали утасоющей в невыносимых муках женщине малоэффективные препараты. О, не хотел бы я умирать так!

2007 — 21 января Котовская скончалась. Некролог в «Ставропольской правде» подписали губернатор и члены краевого правительства, высказав «творцу, ушедшему в мир иной, наше земное сердечное слово благодарности».

«Ах, медлительные люди!
Вы немножко опоздали».
(Дмитрий Кедрин).

Однажды я ехал в автобусе «Ставрополь — Моздок» через Мин-Воды. И уже почти на выезде увидел, как к остановке городского автобуса подошла и остановилась Раиса Котовская. На душе вдруг стало до того тепло и радостно, что даже сладкие мурашки побежали по телу.

Такова была сила её присутствия на этой земле!

Коштоян
Людвиг Людвигович
1936 - 2017

*Защемлённая совесть России,
Иноземец, чужой человек,
Что тебе эти беды чужие,
Этот гиблый пространства разбег?*

*Что тебе? Посмотрел и в сторонку.
Почему же, на гибель спеша,
В ледовитую эту воронку,
Погружаясь, уходит душа...*
Фазиль Искандер

Людвиг (по-армянски Лутвиг) Коштоян родился 7 июня 1936 года в селе Шиштапа (Большие Сепасары) Армянской ССР.

Его прадед, участник Первой мировой войны, вернулся с фронта полным Георгиевским кавалером.

Отец будущего писателя, молодой колхозник-тракторист, был насмерть задавлен перевернувшимся на склоне горы трактором за месяц до рождения сына.

После Великой Отечественной войны мать привезла подростка в Ставрополь.

Чтобы освоить русский язык и говорить без акцента Юра (так стали звать Лутвига в России) пристрастился к чтению книг. Его усердие принесло ошеломляющие результаты: через восемь месяцев после приезда научился говорить без акцента.

– О, если б ты знал, с какой силой я хотел в то время стать русским! – вспоминал он с азартной мечтательностью. – Думал, ещё чуть-чуть постараюсь и буду как все... Не понимал, глупец черномазый, что внешность-предательница всегда выдаст меня, её-то не спрячешь! – И вздыхая, трогал смуглое носатое лицо под природной шапкой буйных неприглаженных кудрей, чёрных до сизой фиолетовости.

Учился Коштоян в Ставропольском электротехникуме связи. Образование незаконченное среднетехническое. Работал

радиотехником, электротехником, механиком по холодильному оборудованию.

Меня познакомил с ним Вадим Куропаткин. Наши встречи в ту увлекательную пору литературного младенчества носили регулярный характер. Мы часами бродили в лесных угодьях парка Победы, тогда ещё неухоженных, и всегда Людвиг катил рядом с собой неразлучный велосипед, на руле которого колыхался школьный портфель с инструментом.

– Если тебе надумают ставить памятник, — уверенно предсказал я однажды, — то на постаменте рядом с тобой обязательно будет бронзовый велосипед.

Он лишь восторженно хохотнул в ответ.

Когда наши разговоры начинали возвращаться к уже перетёртым темам, Людвиг с преувеличенной почтительностью подводил меня к троллейбусной остановке: «Всё, бродяга, мне пора на вызов!» — и, оседлав железного коня, пропал до следующего непредвиденного раза.

Наши первые с ним рассказы опубликованы в 1976 году под одной обложкой — в коллективном сборнике «Последний день августа». Во вступительном слове лаконично отмечено, что «Коштоян в своих новеллах идёт от фольклора. Поиски начинающего литератора чрезвычайно интересны, и новеллы привлекают самобытностью, оригинальностью, глубиной мысли и характеров».

Подробный анализ включённых в сборник рассказов проделал критик Анатолий Чураков в статье «Конец августа — начало зрелости»:

«Как и ради чего творит художник? В чём отличительные черты подлинного искусства? Почему в мире много зла? Дать свои ответы на такие «вечные» вопросы отваживается Л. Коштоян в небольшом рассказе «Гибель художника».

Пока Мануг жил и работал, следуя своему художническому долгу, с его мольберта сходили картины, в которых выражалась боль и тревога художника-гражданина за судьбы своей маленькой, но великой по стойкости родины. Вот одна из таких картин: «На лань охотились турок, византиец и перс. От раненой лани тянулся кровавый след, похожий на очертания Армении».

Но картины никто не хотел покупать. И стоило Манугу под

давлением житейских невзгод написать одну картину по заказу именитого князя, как уже его кисти «покорными псами лизали все краски подряд».

Мануг изменил главной заповеди искусства: «Дар даётся немногим... но для всех». И искусство жестоко отомстило ему за эту измену» (Альманах «Ставрополье» №2, 1977, с. 75).

Вот ведь как мощно и по-гусарски красиво обозначил своё присутствие в литературе края сорокалетний Людвиг Людвигович!

1978 – альманах «Ставрополье» № 3 в рубрике «Навстречу семинару молодых писателей» напечатал подборку произведений участников литературной группы при газете «Молодой ленинец»: стихи Анатолия Маслова и Вадима Куропаткина, безупречный рассказ Нины Чечулиной «Пауза», новую легенду Людвиг Коштояна «Кровники» – историю Юсупа и Зулы, чеченских Ромео и Джульетты. Армяне – народ православный, но при чтении легенды меня не покидала уверенность, что «Кровники» написаны мусульманином. Это высший пилотаж истинного писателя.

1979 – в альманахе «Ставрополье» № 3 опубликована повесть «Приглашение в Шиштапу», – яркий запоминающийся подступ к будущей саге «Слово о любви».

В 1983 году у меня вышел первый авторский сборник «Калейдоскоп». Через год Ставропольское книжное издательство таким же десятитысячным тиражом выпустило «Слово о любви» Л. Коштояна: «О горцах – любящих Горы, теряющих Горы, возвращающихся к ним, моё слово. О Горы – любовь и боль моя, горб и защита земли моей...»

На дарственном экземпляре автор выдал почти песенный текст:

«Люблю тебя, Грузия, люблю как сын,
и Николая Сахвадзе, как сына твоего, люблю.
Пусть цветут твои сады, танцуют твои дети,
пусть Николай Сахвадзе воспевает их.
30.XII. - 1984 г.»

Прочитав «Слово о любви», я отослал автору 19 февраля 1985 года обширное письмо, в котором, в частности, отмечал следующее:

«Основные достоинства повести видятся мне в показе той трагической раздвоенности, которая настигает героя. Воспитанный на стыке двух культур, впитавший в себя с одинаковой силой ценности обоих народов, он изначально обречён на духовные муки.

И именно в этой повести я впервые сталкиваюсь с подобной проблемой. До сих пор ни один советский писатель не касался её в таком ракурсе. Я лично не знаю более сильной трагедии. Ты первым заговорил об этом, и жаль, если критика обойдёт проблему молчанием».

Но Коштоян уже потерял интерес к опубликованной книге. Его увлёл новый замысел, и какой! – жизнеописание Гомера. Как тут не вспомнить С. Эйзенштейна, который долгое время вынашивал планы экранизации «Капитала» Карла Маркса. Правда в отличие от кинорежиссёра, Коштоян реализовал замысел. Гордый собой, принёс рукопись повести «Догадки о прошлом» в редакцию альманаха «Ставрополье».

– Хорошая повесть, Юра, – похвалил Сергей Бойко, ответственный секретарь альманаха. – Но её надо сократить, ведь альманах не печатает крупные произведения. А вот куски из неё с удовольствием опубликуем.

– Черновой вариант, Серёжа, состоял из семисот страниц, -- усмехнулся Коштоян. – После беспощадного вычёркивания осталось сто двадцать. И мне бесконечно дорога теперь каждая страница. Если ты не можешь опубликовать повесть полностью, лучше не публиковать её совсем.

Горько вздохнул и забрал рукопись...

Он сможет издать «Догадки о прошлом» с посвящением «Моим детям, Нине и Давиду» – лишь двадцать лет спустя, тиражом 222 экземпляра. На одном из них напишет: «Романтику Сахвадзе от пьяницы Коштояна». Но горьким пьяницей Коштоян никогда не был. Гораздо больший романтик, чем я, он привычно гипертрофировал всё вокруг.

В 2002 году в краевом центре была опубликована вторая книга Л. Коштояна «Отречение». Основу книги составили очерки о замечательных ставропольских художниках – Петре Семёновиче Горбане и Евгении Владимировиче Саврасове. Ранее материал о них Л. Коштоян довольно неуклюже внедрил в «Слово о любви». Эта часть повести выглядела инородным

вкраплением, разрушающим единство текста, о чём я тут же сообщил ему в письме. Опубликованные отдельно от повести, очерки производят более сильное впечатление. Любопытным также показался очерк «Мгновения души» о Татьяне Третьяковой-Сухановой, враче-художнице-поэте, председателе Ставропольского отделения Союза российских писателей.

В 2003 году членом этого Союза стал Л. Коштоян. Его художественная сила и мастерство не вызывали у коллег ни малейшего сомнения. Он не единожды являлся одним из руководителей на семинарах молодых литераторов, проводимых краевым отделением Союза российских писателей.

2009 – Ставропольское книжное издательство «Мысль» выпускает третью книгу Л. Коштояна «Воспитание родителей». Она состоит из монологов отца, матери, сына, дважды (главы 4 и 16) берёт слово сообразительная теща из Армавира. Перед нами педагогический шедевр, написанный с южным темпераментом, иронической усмешкой, тонким знанием детской и взрослой психологии: «У нас семья построена на демократических началах – как скажет мама, так и будет. Папа при ней больше хмурится и молчит. А после её ухода демократия переходит в руки папы. С возвращением домой мамы власть вновь переходит к ней настолько, насколько сумеет накричать. Мне в их уютном царстве была отведена роль младшего брата» («Воспитание родителей». Ст.: «Мысль», 2009, с. 22).

2010 год писатель Людвиг Коштоян отметит уже упоминавшейся книгой «Догадки о прошлом». Кроме повести о Гомере он включил в неё все написанные им ранее легенды.

Четыре книги, изданные при жизни Л. Коштояна, открывают читателю мудрый, глубокий, простодушный и чарующий Космос, в котором естественно и непринуждённо пребывает самобытнейший автор Ставропольского края.

Последний раз мы общались с ним, как в давние брежневские времена, весной 2013 года и не могли не затронуть тему так называемого «застоя». Коштоян достал из громоздкого книжного шкафа томик стихов кубанского поэта Николая Зиновьева «Призрак оптимизма», купленный им по случаю в Армавире, и прочитал вслух стихотворение «1972 год»:

Мне всего двенадцать лет.
Горя я ещё не видел.
Дымом первых сигарет
Пропитался новый свитер.
На экране Фантомас
С комиссаром бьётся лихо.
Там стреляют, а у нас тихо.
Не до этого, мы строим
Тыщи фабрик и дворцов.
Назовёт потом «застоем»
Это кучка подлецов.
На уроках я скучаю
И гляжу воронам вслед.
Мне всего двенадцать лет.
Счастья я не замечаю.

В эту встречу Людвиг Коштоян подарил сразу три изданные им книги. На одной из них написал: «Философствующему лирику от безбожника, тончайшему прозаику Николаю Сахвадзе от грубияна и матерщинника Юрия Коштояна».

На прощание Людвиг Людвигович извлёк из книжного шкафа трёхтомник «Грузинская проза», выпущенный в Москве в 1955 году:

– Прими, Нико джан, тебе он нужнее. Здесь собраны произведения многострадальной Грузии с далёкого пятого века до начала двадцатого. Живая энциклопедия жизни народа на протяжении пятнадцати столетий. Чего стоит книга басен и притч «Мудрость вымысла» Сулхан-Саба Орбелиани или горестная и гневная повесть-исповедь Уиараго «Мамлюк».

– Мне, право, неловко, – сказал я. – Уж слишком дорогой подарок.

Но он настоял на своём, хотя рядом находилась жена Ася и сверлила мужа неодобрительным взглядом. Эта коренастая нервная женщина подарила ему любимого сына.

Давид Коштоян стал умелым художником и в 1991 году оформил мою вторую книгу «Его последний вечер». На обложке изобразил огромные часы без стрелок, вделанные в древние

камни крепостной стены: символ-пророчество предстоящего распада СССР и жуткого безвременья 90-х.

Смерть Вадима Куропаткина и отъезд Александра Поповского в Германию породили у Людвиг Коштояна чувство тотального одиночества. Источником жизни оставалось творчество.

«Ставропольский хронограф на 2016 год» объявил любителям словесности о 80-летию ставропольского писателя Людвиг Людвиговича Коштояна. Ни Куропаткин, ни Поповский такой чести ни разу не достаивались.

22 апреля 2017 года в Литературном центре проходило общее собрание членов краевого Литфонда. Увидев у окна Галину Туз, я поздоровался и приземлился на соседний стул.

– Ты в курсе, что несколько дней назад умер Коштоян? – первое, о чём спросила она.

Я задохнулся и на какое-то время оцепенел.

– Нет, не в курсе, – не сразу выдавил из себя.

– Знаешь, я была абсолютно уверена, что народу на похороны придёт немного, и мне следует присутствовать там, – торопливо шепчет Галина; на её грустное, красивое в печали лицо струится сквозь узкий просвет в кремовых шторах сияние апрельского полдня. – Но людей пришло много. Целое море людское! В основном старушки... Он ведь был какой? Бесплатно ремонтировал им телефоны, телевизоры, холодильники, швейные машины. Вот все они и пришли проводить в последний путь своего ангела... А писателей я не видела. Не было там ни одного писателя, – неодобрительно произносит она.

Я слушаю Галину Туз и никак не могу поверить, что никогда больше не услышу на улицах Ставрополя знакомое громогласное приветствие. «Хайль сдохнет Гитлер! Гамарджоба, брат! Как же я рад видеть тебя...» И седой курчавый романтик, похожий на свирепого пожилого негра, никогда больше не кинется в мои распахнутые объятия, на ходу смахивая с увлажнившихся глаз предательские слёзы.

*На снимке: члены регионального отделения
Союза российских писателей в День края — 20 мая 2006 г.
В первом ряду (крайний слева) Людвиг Коштоян.*

Кравченко Виктор Николаевич

В декабре 2014 года в Пятигорске состоялась презентация книги «Имена...» Едва я вернулся домой в Солнечнодольск, как в квартире раздался телефонный звонок. Взяв трубку, услышал негромкий, монотонно-доведительный голос Николая Ляшенко, прозаика из села Константиновское:

— Николай, просматривал нашу антологию, прочитал в ней рассказ Карпова «Прости, Мотя». Знаешь, я теперь Карпова ещё больше зауважал... Сейчас о чём пишут? Глянцевая жизнь, путаны, красивые сиси-писи, а тут Мотя — некрасивая, толстая: «Папаньку убили, Андрюшку с Никитой... Мать больная совсем, одна осталась. Отпусти меня...» То есть отымей, трахни, может забеременею. Я плакал, когда читал, у меня ж мать два с половиной года на фронте была... Отца убили. А она родила меня 1 января 1945 года. И вот я думаю сейчас: сколько ж нас было таких детей, зачатых в военном лихолетье? И, веришь, никак не могу успокоиться!

Холодной осенью 1941 года, закончив в родном Тбилиси курсы телефонистов, девятнадцатилетняя София Кравченко ушла на фронт добровольцем. Через три года, на территории Польши, познакомилась с гвардии лейтенантом Николаем Павленко, артиллеристом. Войну заканчивала в Германии на коммутаторе при штабе 1-го Белорусского фронта.

1945 — в мае вернулась в Тбилиси по беременности. 12 ноября родила сына, которому не довелось сохранить в памяти облик матери: София Павловна умерла в январе 1949 года и похоронена на Петропавловском кладбище грузинской столицы.

У отца в г. Сумы (Украина) была другая семья. Воспитывать мальчика пришлось бабушке — Домне Митрофановне Кравченко.

Четыре класса Виктор отучился в средней школе № 3 города Тбилиси. Чем запомнились эти годы?

Занятия в шахматном кружке при республиканском Дворце пионеров, посещение ТЮЗа (театра юного зрителя) на проспекте Плеханова, поездки в горы на каникулах: в изумительный по красоте Боржоми-Бакурианский район, в хвойные леса Цагвери, к мрачным руинам крепости Сурами.

Вот когда зародилась у подростка любовь к могучим живописным горам Кавказа!

1956 — после XX съезда КПСС на набережную в Тбилиси вышли двадцать тысяч горожан, возмущённых дискредитацией И.В. Сталина. Это были фронтовики и студенты. При разгоне стихийной демонстрации погибли двести человек. Раздутые тела убитых выносило Курой аж в Азербайджан.

Бабушка Домна, напуганная трагическими событиями, и понимая, что у неё нет ни сил, ни возможности дать внуку соответствующее образование, определила одиннадцатилетнего Виктора в Кавказское Краснознамённое суворовское офицерское училище в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Все офицеры-воспитатели данного заведения являлись кадровыми военными, прошедшими войну.

«Жизнь в училище была интересной и насыщенной: спортивные площадки, кружки, огневая подготовка в тире, футбол, гандбол. Осенью суворовцы ходили на восхождение, год от года усложняя маршрут. А курсанты батальона (вот почему офицерское училище) поднимались даже на Казбек – 5047 м; это выше самой высокой точки Альп – Монблана. Все мы получили удостоверение и значок «Альпинист СССР I степени».

Не забывали в нашем заведении и бальные танцы: фокстрот, вальс. Но нас интересовали модные твист и шейк. По субботам в Ворошиловском зале устраивали вечер танцев, играл духовой оркестр музыкального взвода. Приходили девочки, приглашённые из города. В воскресенье увольнительные до вечера, а местных отпускали в субботу с ночёвкой. Приятные воспоминания» («Автобиография», рукопись).

1961 — начал писать короткие заметки о жизни училища для «Социалистической Осети» и газеты Северо-Кавказско-

го военного округа «Ленинское знамя» (Ростов-на-Дону). На полученные гонорары, в полтора-два рубля, покупал халву, лимонад, конфеты. По законам суворовского братства делился сладостями с друзьями.

1962 — в марте был послан в Ростов, в редакцию окружной газеты, на совещание молодых корреспондентов. Ах, эта забываемая, бессонная от волнения ночь в венгерском автобусе «Икарус», воспетый Шолоховым казачий Дон, большой незнакомый город и упоительное ощущение собственной взрослости.

Но тут подоспел Карибский кризис: американцы установили в Турции крылатые ракеты «Юпитер» с ядерными боеголовками. До Москвы эти ракеты могли долететь за двенадцать минут. В ответ разъярённый Н.С. Хрущёв пообещал «запустить им ежа в штаны». Мир, как никогда шатко, балансировал на грани ядерной войны.

В старших классах суворовского училища к трём-четырёх урокам английского языка в неделю добавили столько же военного перевода, чтобы будущие офицеры могли качественно провести допрос военнопленного армии США. Рапорты преподавателям и обращения к офицерам-воспитателям подавались дежурными по классам исключительно по-английски. Это позволило многим курсантам получить в дальнейшем удостоверение военного переводчика.

В. Кравченко, закончив училище, поступил в Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Практику проходил на Мизурской обогатительной фабрике. Но исподволь его влекло к языкам, к литературе, к историческому краеведению, поэтому, проучившись в СКГМИ три семестра, летом 1965 года стал студентом Пятигорского государственного института иностранных языков.

Параллельно учился на курсах экскурсоводов при экскурсионном бюро. Водил группы по лермонтовским местам Пятигорска, подрабатывал экскурсоводом в Домике Лермонтова. Был в добрых отношениях с директором Домика-музея Павлом Евдокимовичем Селегеем, создателем обширного «Путеводителя по государственному музею-заповеднику М.Ю. Лермонтова», включающему абсолютно все места пребывания поэта на Кавказских Минеральных Водах.

«Это было время открытий, - вспоминает В. Кравченко. - С тех пор не покидает стремление узнать как можно больше о людях, оставивших свой след в истории Ставрополья и России» («Ставропольские губернские ведомости» от 30 декабря 2015).

1970 — получил долгожданный диплом и вместе с супругой Зоей Леонидовной, выпускницей того же института, переехал в Невинномысск.

На химкомбинате «Азот» строился новый цех по производству аммиака. Среди специалистов было много иностранцев, и Кравченко, работая инженером-переводчиком, помогал нашим строителям, монтажникам и наладчикам решать производственные вопросы с японцами, итальянцами, немцами, американцами.

1971 — родилась дочь София, названная в честь матери отца. Жили в семейном общежитии, позже получили двухкомнатную квартиру.

1973 — иностранцы закончили обговоренную контрактом работу и разъехались по домам. Жить в режиме спокойной, навсегда установившейся жизни было совсем не в характере Виктора, и его опять потянуло в экскурсоводы. Восемь лет проработал в Ставропольском бюро путешествий и экскурсий. Архыз, Домбай, Нальчик, Приэльбрусье, Чегемские водопады...

1978 — родилась вторая дочь Олеся. В Тбилиси скончалась бабушка Домна. Её тело предали земле на Петропавловском кладбище, рядом с могилой дочери. Годы возил группы экскурсовод Кравченко в родной Тбилиси, не подозревая, что вскоре милые сердцу могилки переместятся, не трогаясь с места, на территорию чужого государства.

1987 — семья Кравченко переезжает в Ставрополь. Глава семьи принят гидом-переводчиком в Бюро международного молодёжного туризма «Спутник» для работы с польскими группами.

1994-95 — переводчик турфирмы в Дубаи (Арабские эмираты).

Последние двенадцать лет трудовой деятельности — старший научный сотрудник Ставропольского краеведческого музея им. Г. Прозрителева и Г. Праве. Месяцами проводил время в архивах, музеях, библиотеках Москвы, неутомимо переписывая от руки нужные документы, так как ветхие бумаги XIX века не разрешали копировать на ксероксе.

В начале нового века стали сказываться результаты. В Ставрополе одна за другой появляются книги писателя-краеведа. Все они изданы на собственные средства. Поддержки не было ни от кого: ни от руководства города, ни от министерства края.

2001 – под названием «Ни разу счастьем я не был упоён...» выходит книга об известном в первой половине XIX века поэте Владимире Игнатьевиче Соколовском. Он умер 17 октября 1839 года, тридцати лет от роду. Похоронен в Ставрополе на Варваринском кладбище. Могила не сохранилась.

2002 – книга «Всюду он был любим: о декабристе Кривцове». Через год – ещё одна книга о пребывании декабристов на Кавказе «Шипы для изгнанников» (2003).

2004 – в Москве Лермонтовской комиссией В. Кравченко награждён юбилейной медалью к 190-летию поэта за книгу-исследование «М.Ю. Лермонтов в Ставрополе» (1-е издание); всего издавалась трижды.

2005 – выходят в свет «Кавказские были».

2006 – В. Кравченко принят в Союз писателей России.

Два издания выдержала книга «Коста, сын Леуана» (2007, 2008) о судьбе основоположника осетинской литературы К. Хетагурова (1859-1906). К 150-летию со дня рождения «Леонардо да Винчи осетинского народа» (выражение А. Фадеева) Кавказская Академия в Москве наградила В. Кравченко медалью.

В последующие годы увидели свет новые работы неутомимого писателя-краеведа: «Мы странствовали с ним в горах Востока...» (2009), «Сумерки над Парижем» (2011), «Братья Пушкины на Кавказе» (2013), «Не видать мне снегов родины» (2016) – заключительная часть трилогии о декабристах.

Весьма точные, на мой взгляд, слова о В. Кравченко нашла журналистка Наталья Быкова:

«Писатель-исследователь по натуре, автор глубоко погружён в излагаемый текст, даже и не текст, а саму описываемую эпоху. Он сам порой о себе говорит с лёгкой иронией: «Я живу в XIX веке!» И это правда. Живёт всем сердцем и давно уже стал своего рода связующим звеном между такими разными столетиями отечественной истории» («Ставропольская правда» от 17 июня 2016).

«Каждая книга Виктора Кравченко – это всегда открытие», – справедливо отметила на одной из встреч с писателем профессор Северо-Кавказского федерального университета Татьяна Карповна Чёрная.

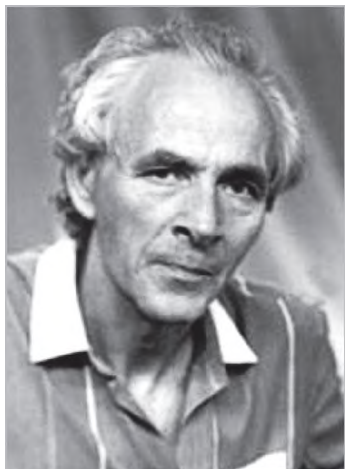
2017 – в начале лета появилась новая книга В. Кравченко «Русский зять Грузии». К ней писатель шел, можно сказать, с детства. Он ведь вырос в Тбилиси на улице Сололакской, неподалеку от дома, где жил когда-то Грибоедов. Книга «Русский зять Грузии» посвящена пребыванию поэта-дипломата на Кавказе: Ставрополь, Моздок, Владикавказ, крепость Грозная, Тифлис. Это редкий уникальный материал, собранный, исследованный и обработанный мастером своего дела.

2018 – по итогам предыдущего года книга «Русский зять Грузии» отмечена губернаторской премией. А неугомонный труженник В. Кравченко предъявил на суд читателей очередную серьезную работу: «Литературный Колумб Кавказа» – о двух поездках А. С. Пушкина по Кавказу в 1820 и 1829 годах. Поэт действительно стал литературным первооткрывателем региона для России, и это наглядно отразил в своей работе В. Кравченко.

2019 – вышла новая книга писателя-краеведа о Вильгельме Кюхельбекере.

Группа ставропольских писателей у Домика-музея М. Ю. Лермонтова. Крайний справа – В. Кравченко. Пятигорск. Декабрь, 2014 г.

Кудинов
Владимир Васильевич
1938-1990

*Говорите то, о чём молчите.
На какой жизненной черте
Душу откровенью научите,
Научите сердце чистоте.*

Познакомился с автором сих строк осенью 1975 года, когда принёс в редакцию газеты «Ставропольская правда» рукопись рассказа. Владимир Васильевич зарегистрировал рукопись, при мне прочитал её, а 12 октября — опубликовал. Позже не раз встречались на торжествах в семье писателя Евгения Карпова, в Ставропольском книжном издательстве.

Родился будущий поэт 31 марта 1938 года в небольшом провинциальном городке Котельниково Сталинградской (ныне Волгоградской) области. Первые запомнившиеся впечатления детства связаны с нескончаемым грохотом движения бронированных колонн вермахта, ринувшихся летом 1942 года через Котельниково в район Сталинграда. Как у большинства детей войны, у мальчика рано пробудилось чувство сопричастности к судьбе Родины, а позже — ко всему славянскому миру.

Сойти с ума от синей грусти
И от пронзительной любви,
Которую назвали Русью,
Славяне — родичи мои.

В крутом житейском океане,
Славянским духом окрылён,
Я вас приветствую, славяне,
Былых и будущих времён.

В 1956 году, получив аттестат зрелости в железнодорожной школе № 5, поехал знакомиться со страной: Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, Поволжье. В шахтёрской клети спускался в забой добывать уголь, матросом на судне бороздил Японское и Охотское моря. В свободное от вахт время писал заметки, очерки об окружающих его людях, сочинял пророческие стихи.

Поэты долго не живут,
Поэтам некогда жить долго.
К России страсть, как будто жгут,
Им перехватывает горло.

Они у жизни не в гостях
И роль себе не выбирают:
То в поле хлеб, как стих, растят,
То палубы сердито драют.

Всё написанное им при первой же возможности относил в местные газеты. Материалы публиковали, просили приносить ещё, приглашали к более тесному сотрудничеству.

На исходе 1960-х, после десятилетия странствий, попал в Ставрополь, полюбил его и обрёл здесь надёжный причал.

1968 — подборка стихов в альманахе «Ставрополье» № 4 стала началом плодотворной литературной деятельности поэта В. Кудинова на высоком краевом уровне. Поначалу он работал в редакции газеты «Молодой ленинец», заочно окончил пединститут, перешёл в «Ставропольскую правду».

Мягкий, глубоко интеллигентный человек, он был просто-душен и доверчив как ребёнок, и легко попадал впросак.

В Ставрополе началось строительство Юго-Западного микрорайона. Заведующий отделом Юрий Христинин поручил Кудинову написать отчёт об открытии стелы «45-я параллель» в новом микрорайоне. Два часа лазил Кудинов по разбитым колеям, среди строительного мусора и грязи. Вконец измучившись, позвонил на работу из вагончика прораба: «Здесь не знают ни про какую стелу». — «Ничего удивительного, Володя. С первым апреля тебя! Возвращайся в редакцию».

Большая ложь на маленькой планете
Мои цветы затаптывает в грязь.

Так мог сказать Маленький принц, обитатель астероида В-612.

В работе В. Кудинов был добросовестен, строг и непреклонен. Как говорит тот же Ю. Христинин: «Его преданность делу подчас походила на какое-то самоотречение». Я лично убедился в этом, когда у меня в «Ставрополке» выходил рассказ «Погожие дни в горах». Герой рассказа возвращается из заповедника до мест цивилизации в фургоне почтовой машины.

— Это невозможно в принципе! — сказал Кудинов. Достал из пыльного, забитого печатным хламом шкафа солидный фолиант и показал закон, запрещающий подобные действия.

И хотя в реальности именно мне пришлось ехать от Загада-на до Курджиново в фургоне почтовой машины, в газете этот факт был Кудиновым вымаран, что, впрочем, никак не поколебало наших приятельских отношений.

1978 — подборка стихов В. Кудинова напечатана в знаменитом всесоюзном журнале «Дружба народов» № 7. Здесь регулярно печатались живые классики многонациональной советской литературы: Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Исхак Машбаш, Чабуа Амирэджиби...

1979 — за серию очерков «о воспитании советской молодёжи в духе верности делу отцов-хлеборобов» стал лауреатом премии им. Германа Лопатина.

В 1980 году у сорокадвухлетнего В. Кудинова выходит «Зал ожидания», первая книга поэта. А 6 февраля 1981 года рецензией «Первый экзамен» откликнулся в «Ставропольской правде» на поэтический сборник друга Александр Екимцев. В то время это было правилом: на каждую новую книгу обязательно появлялась в прессе чья-нибудь рецензия — либо профессионального критика, либо коллеги по перу.

1982 — В. Кудинов в компании с В. Ащеуловым и В. Грязевым подготовил и издал сборник стихов и рассказов «Будем знакомы». Его авторы — участники семинара творческой молодёжи: студент Литинститута Владимир Петров, директор сельского дома культуры Валентина Нарыжная, следователь

прокуратуры Тамара Сухорукова, врач-стоматолог Владимир Бутенко. Семинары краевой творческой молодёжи проходили через два-три года, и после каждого из них выходили коллективные сборники: «Первое свидание», «Последний день августа», «Станция отправления», «Всходы», «Будем знакомы», «Земное ядро», «Проталинка».

Давно нет этих животворных семинаров. Никто не собирает молодёжь, никто не интересуется её творчеством.

— Как? — воскликнет патриот-всезнайка. — А межрегиональный форум «Белая акация», после которого всегда выходит сборник поэзии и прозы под тем же названием?

Начнем с того, что авторы этих сборников состоявшиеся люди пенсионного возраста, члены различных творческих союзов. Там вы не найдете ни одного автора в возрасте тридцати лет. Зато обязательно встретите тех же самых людей, которые были когда-то и впрямь молодые, а сегодня сплошь пенсионеры: Владимир Петров, Валентина Нарыжная, Тамара Сухорукова, Владимир Бутенко. Впрочем, не мне говорить на эту тему, ведь и я вхожу в число авторов сборника «Будем знакомы»... Далеко нам, ох как далеко до бескорыстного Кудинова.

Меня всегда удивляло его стеснительное отношение к собственной поэзии. Он совсем не спешил с публикациями своих произведений. Не так часто появлялись они в текущей периодике, но всегда обращали на себя внимание.

1984 — выход в свет второго сборника В. Кудинова «Перекрёстки». Вступительную статью к нему написал известный русский поэт Михаил Дудин. Тот самый, что, озоруя, оставил о себе легендарное четверостишие:

Михаил Александрович Шолохов
Для простого читателя труден.
А поэтому пишет для олухов
Михаил Александрович Дудин.

Но в написанном им предисловии «Вкус рябиновых ягод» дан толковый анализ творчества В. Кудинова, попутно выявлено кредо ставропольского поэта: «Верю в негромкое мужество».

Вспоминая этот период, писатель-фантаст Игорь Пидоренко, в то время младший редактор краевого книжного издательства, пишет:

«Маститые поэты открывали дверь в кабинет директора издательства ногой, требовали тиражей и гонораров. А если что-то было не по их нраву, срывались на визг, топали ногами и тут же бежали строчить жалобы в крайком партии. Да и у немаститых гонору хватало. Литература ведь довольно склочное занятие...

Володя Кудинов не был маститым. И никогда не требовал издания своих творений. Он просто приносил рукопись, тихо улыбался и ждал. Ждал, когда снизойдут, выделят место в плане, издадут. Ну, а если не издавали, конечно, огорчался. Но без истерик и скандалов. Просто шёл и писал новые стихи. А потом опять приносил свою рукопись. Даже сам работая в издательстве, он никогда не использовал этого, чтобы «протолкнуть свою книжку» («Ставропольская правда, 6 апреля 2002).

В отдел поэзии книжного издательства он перешёл из газеты после двух инфарктов.

Глянешь завтра: а жизнь отзвучала,
Отлетела кленовым листом.
Ничего не бывает сначала,
Ничего не бывает потом.

Последняя изданная при жизни книга лирики вышла за три года до смерти — в 1987 году. Сборник «Позвольте мне предсказывать погоду» открывается такими строчками:

Зачем стихи?
Зачем опять
Измученные дни?

Но что-то же должно стоять
Меж горем и людьми.

Он даже не сомневается в том, что поэзия способна помочь людям априори: приглушить их страдания, наполнить смыслом заурядность буден.

6 августа 1990 года его забрал у нас третий инфаркт.

На следующий день «Ставропольская правда» напечатала «Соболезнование краевой писательской организации, правления Союза журналистов, редакции газеты «Ставропольская правда», укрупнённого книжного издательства по поводу смерти литератора Владимира Васильевича Кудинова». Никогда никого не провожали и не оплакивали так дружно.

Похоронили его на ставропольском городском кладбище, у дороги, как просил о том. Рядом с могилой посадили рябину — любимое дерево поэта.

1999 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» выходит четвёртый сборник В. Кудинова «Вкус рябиновых ягод». Напевные, мастерски отточенные стихи легко ложатся на музыку, поэтому их использовали в своём творчестве многие известные в крае композиторы: И. Еремеев, Н. Зинченко, А. Злобин, В. Кушнарёв, В. Чернявский, Александр Маслов.

Поэт не успел стать членом Союза писателей СССР. Но его авторитет среди коллег и литературных критиков так велик, а художественный дар столь очевиден, что Людмила Егорова сочла возможным посвятить Кудинову в «Истории литературы Ставрополя. XX век» десять с половиной страниц. Далеко не ко всем поэтам края отнеслась она с такой восхитительной щедростью.

2014 — семья поэта подготовила и издала сборник стихов поэта В. Кудинова «Свет рябиновой ветки» с предисловием М. Дудина «Слово о поэте».

2018 — Ставропольская краевая библиотека им. Лермонтова выпускает библиографический указатель литературы «Писатели Ставрополя», выпуск 1. В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне он посвящён в основном детям войны: лишь пять писателей из девятнадцати, включённых в указатель, были в годы войны солдатами. Ныне всех их уже нет с нами: кто ушёл из жизни недавно, как В. Звягинцев и Е. Карпов, а кто давно, как В. Бабиченко и В. Кудинов. И хотя последние двое не были членами Союза писателей, ибо трагически рано оборвался их жизненный путь, тем не менее присутствие этих поэтов в обществе профессионалов абсолютно оправдано.

Я не пользуюсь мобильником, компьютером, интернетом. Интернет, на мой взгляд, величайший в мире невежда. В связи с этим мои друзья по перу вынуждены общаться со мной по старинке: путём почтовой переписки. На днях почта России доставила мне письмо из Пятигорска, и я с разрешения автора, Александра Мосиенко, включаю его в этот очерк как эпилог.

«Коля, дружочек, здравствуй!

Ты — молодец, что продолжаешь писать биографии писателей края. В своём письме упоминаешь Владимира Кудинова. Я очень сожалею, что не сохранил, а может, ещё и цел (в домашнем архиве) сборник его стихов, подаренный мне в одну памятную ночь 1990 года.

В тот весенний день мы с моим (ныне покойным) другом Леонидом Епанешниковым приехали в Ставрополь по издательским делам и заночевали в гостинице «Кавказ».

Вечером к нам пришёл Виктор Колесников и Володя Кудинов. Он хотел получить (и тут же получил) рекомендацию от Епанешникова для вступления в Союз писателей СССР.

Часов в 12 Колесников ушёл домой (так долго мы беседовали «за чашкой чая»), а Кудинов остался с нами ночевать. Примерно около часа ночи Леонид «сварился» и заснул, а мы с Володей продолжали беседовать, спорить, читать друг другу свои стихи.

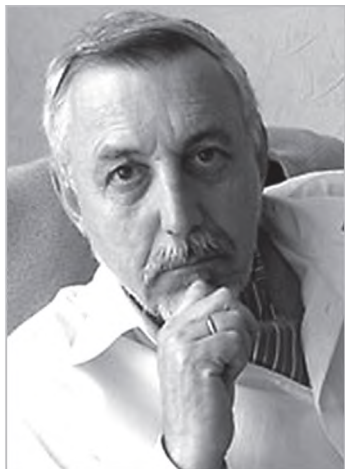
Я запомнил образность, лаконичность, а главное — лиричность всего, что он читал, что позже, уже дома, я увидел в сборнике. О, это было не «чтиво», а наслаждение.

К сожалению, я не могу привести сейчас ни одной строчки, но хорошо помню, как тонко, точно изображал минувшую войну и любовь... Если у тебя в руках его сборник, ты сам видишь это.

Успехов тебе, дорогой друг, во всех начинаниях.

Будь здоров. И удачлив. Твой Александр Мосиенко.

16 августа 2019 г. , Пятигорск».

Кустов Виктор Николаевич

«Моё детство прошло в маленьком городке Смоленской губернии, знавшем поляков, французов, финнов, евреев, немцев, большевиков, безутешно пьющем и матерящемся. Здесь, спустя шесть лет после Второй мировой, я появился на свет, рос возле Западной Двины — Даугавы...» («Игра», эссе не для всех).

Он родился 9 июня 1951 года в городе Велиж.

Главной отличительной чертой Виктора от его одноклассников была неуёмная страсть к чтению. Библиотека находилась на другом берегу Двины. Зимой, вернувшись из школы, подросток по льду переходил реку и до закрытия сидел в читальном зале, потому что «Королеву Марго», «Наследника из Калькутты», «Кортик», «Каллисто» и десятки других книг, не включённых в школьную программу, домой выдавать отказывались.

Закончил в Велиже семь классов, переехал с родителями в Красноярский край, в посёлок Снежногорск, на строительство самой северной тогда Хантайской ГЭС.

1969 — поступил в Иркутский политехнический институт на геологоразведочный факультет. За время учёбы опубликовал в многотиражке института множество материалов: зарисовки, интервью, очерки, рассказы. На факультете пришли к выводу, что настоящего геолога из него не выйдет, хотя учился он хорошо, а вот писатель, возможно, и получится.

1974 — защитив диплом, Виктор остаётся работать корреспондентом в штате многотиражки «За кадры» Иркутского политеха. «Одно из поворотных событий в моей жизни,» — скажет он о зигзаге смены профессии горного инженера на журналиста.

Спустя время назначен зав.отделом промышленности и строительства Саяногорской городской газеты «Огни Саян».

1978 — переходит в краевую молодёжную газету «Красноярский комсомолец».

1980 — в сентябре переезжает с женой и дочкой на Ставрополье. Становится корреспондентом газеты «Молодой ленинец» по Карачаево-Черкесской автономной области, входящей в советское время в состав Ставропольского края. Руководит местным литературным объединением в Черкесске.

1981 — участвует в краевом совещании молодых литераторов. Сатирическую повесть В. Кустова «Сказание о цилиндре» руководитель семинара прозаиков В. Дятлов рекомендует альманаху «Ставрополье». Но осторожный К. Чёрный, главный редактор альманаха, советует редакционной коллегии воздержаться от публикации.

1983 — переходит в газету «Ленинское знамя» (Черкесск).

1984 — в мае приглашён на VIII Всесоюзное совещание молодых писателей, оказавшееся последним подобным совещанием в СССР.

1987 — по итогам упомянутого мероприятия издательство «Молодая гвардия» выпускает в свет первую книжку В. Кустова «Пять дней в сентябре». Не припомню другого ставропольского писателя, который начал бы свой поход в литературу с книги, изданной в столице. Руководитель семинара В. Тельпугов, вспоминая в предисловии события трёхлетней давности, так характеризует Кустова:

«Он произвёл на всех хорошее впечатление и своими прозаическими опытами и своей активной заинтересованностью при обсуждении рукописей товарищей. Проза его обрадовала обращённостью к современности, к современникам, к их заботам и нуждам, к людям активной гражданской позиции».

1988 — в Ставропольском книжном издательстве выходит коллективный сборник «Не пройди стороной ». В нём повести писателей, внёсших в дальнейшем заметный вклад в литературный процесс края: «Всплеск» Н. Ляшенко, «Такая война ...» А. Поповского, «Повторение аксиом» В. Кустова.

В следующем году появляется первый значительный сборник В. Кустова «Охота в Путоранах». Учёный-филолог Л. Егорова посвящает заглавной повести десяток страниц в книге-исследова-

нии «История литературы Ставрополя XX век.» Это неоспоримый знак качества, поставленный органом надзора на изделие.

1992 год завершает советский период творчества В. Кустова публикацией романа-фантазии «Давай полетим». Роман написан в соавторстве с журналистом А. Лавлинским.

1993 — переезжает в Ставрополь.

«В 1990-е годы Кустов отошёл от художественного творчества: занимался издательскими делами, но накопление впечатлений и их осмысление шло интенсивно,» — отмечает Л. Егорова в своей «Истории...». В эти годы Кустов сумел открыть газету и издательство. За подробностями отсылаю читателя к четвёртой книге повествования «Провинциалы» под названием «Неестественный отбор» (журнал «Южная звезда» № 2 и № 3, 2011).

Южно-Русское коммерческое издательское товарищество: «ЮРКИТ» — стало проводником подлинной культуры и истинных ценностей в жизни края. Уникальный сборник «Судьба» с материалами о писателе А. П. Бибике, юбилейный том документально-художественных очерков «Ставропольская ГРЭС — 25 лет», ряд книг избыльненского автора Тимофея Шелухина — это лишь малая, но блестяще выполненная часть работы издательства в начале пути.

Появление сборника «Игра» (2000) и внушительного в полтысячи страниц тома «Ни белых, ни красных» (2002) — стало внезапным и ярким доказательством того, что писатель Кустов никуда не делся. Жив курилка!

2001 — в конце года выходит первый номер порождённого В. Кустовым литературно-художественного журнала «Южная звезда».

В трёх первых номерах напечатан блистательный роман Анатолия Лысенко «Быстрые волки». С тех пор этот роман не переиздавался. То же самое можно сказать о выдающихся произведениях Евгения Карпова «Гога и Магога» и «Всё было, как было». Безусловно, относятся к этому почётному ряду повести отбывшего в Германию Александра Поповского «Груз 001, или гекатомба 227» и «В стране сарлыков».

2009 — в Новопавловске тиражом тысяча экземпляров опубликована антология «Современные писатели Ставрополя». Наталья Быкова, журналист краевой газеты, пишет рецензию на неё.

Нас в первую очередь интересует мнение рецензента о Кустове:

«Интересно раскрывается в Антологии Виктор Кустов, начав с того, как с радостной иронией (однако ж не без затаённой гордости) представляет себя: «директорствую и главредаторствую в журнале «Южная звезда». Многие знают и отдадут должное этой сфере его труда (попробуйте-ка выпускать регулярно «толстый» литературный журнал!), но здесь уважаемый редактор — в одном ряду со всеми отдаёт себя на суд читателю. Два небольших рассказа «Этот мир» и «Милая особенность» порадовали хорошим стилем, явственно ощущаемой атмосферой добра и мудрости, и даже некоторая нарочитость сюжетных поворотов не помеха основной задаче: рассмотреть Человека. Собственно, это всегда главная цель писательского дела, при всём разнообразии жанров, стилей, сюжетов и прочее» («Ставропольская правда», 10 июля 2009).

Для более полного раскрытия В. Кустова приведём из его автобиографии в антологии «Современные писатели Ставрополя» два коротких абзаца:

«Люблю рыбалку и хожу на охоту, в связи с наличием подружейной собаки (английский сеттер). Отдавал предпочтение в свое время путешествиям (занимался горным туризмом), поэтому неплохо знаю географию страны.

Жена — Кустова Людмила Петровна, директор издательства «ЮРКИТ». Дочь Анна. Есть внучка. Есть двоюродные сёстры и братья. Кто далеко, кто близко».

Журнал, взлелеянный и выпестованный В. Кустовым, показал эволюцию своего создателя, регулярно публикуя на страницах эпическое полотно в пяти книгах «Провинциалы», главное детище писателя.

16 октября 2014 года в краевой научной библиотеке им. Лермонтова состоялась презентация «Провинциалов», в ней участвовали писатели, журналисты, учёные, преподаватели вузов и студенты. Прозвучало лестное для автора высказывание, что обсуждаемое произведение соответствует уровню других эпических полотен русской литературы. Более того! Это единственное художественное произведение в Российской Федерации, которое с искусным мастерством и тщатель-

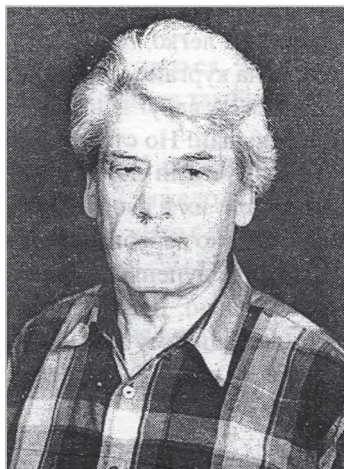
ным отбором освоенного материала отобразило полувековую жизнь державы с 1960 года по 2010-й.

2015 — «Провинциалы» удостоены губернаторской премии им. Андрея Губина. А сам Кустов вдруг знакомит нас с новой гранью своего кипучего дарования: в издательстве «ЮРКИТ» выходит книга «Пьесы», — шесть драматических сочинений; одно из них, «Время шутов» — победитель международного конкурса «Литературный Олимп» с вручением автору медали им. А.С. Грибоедова.

Виктор Кустов, член Союза писателей России с 2002 года, один из самых работоспособных и издаваемых литераторов Ставрополя. Много и неутомимо работает в жанре публицистики, осмысливая новое, не всегда понятное время кардинальной смены формации: «Непраздное слово» (2007), «Хроники эпохи перемен» (2013), «Русский манифест» (2018), «Диктатура времени» (2019).

*Три поколения писателей (слева направо):
Иван Аксёнов, Олег Воропаев, Виктор Кустов.
г. Ессентуки, 29 августа 2005 г.*

Логвинов
Виктор Александрович
1938 — 2009

*Ветер, поле, я да Русь
В мире небывалом.
Не сдаёшься? — Не сдаюсь
Никаким шакалам.
Николай Глазков*

Он родился в небольшом уютном селении Юца Предгорного района Ставропольского края в семье скотника и доярки из колхоза «Пролетарская воля». Случилось это в понедельник, 17 октября 1938 года.

До начала Великой Отечественной войны рос, окружённый неизменной заботой родителей и вниманием двух старших братьев. Война с драматической неожиданностью поменяла мирный уклад семьи.

Готовый мир взвалить на спину,
Трудился батя на износ.
В любой момент он сердце б вынул
За мать, за нас и за колхоз.
Но мир заохал и заохал,
Запламенела тишина.
Бедой ударила с размаху
В сердца
проклятая война.

22 августа 1941 года отец начал боевой путь в составе 53-й кавалерийской дивизии. Дивизия входила в состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса полковника Л.М. Доватора. О легендарном рейде казаков в тыл врага на Смоленщине писала советская и мировая пресса. Доватору присвоили звание генерал-майора и наградили орденом Ленина.

Старший брат защищал перевалы Главного Кавказского хребта. Здесь осенью 1942 года успешное наступление немецко-фашистских войск захлебнулось и увязло в нашей обороне, навсегда утратив оптимизм в плане порабощения Закавказья.

Несмотря на то, что в годы войны Виктор Логвинов был ребёнком, позже он напишет немало стихов, посвящённых военному времени.

Шиповник цвёл на косогоре.
Мы провожали в путь отца.
А за отцом – и брата вскоре,
Ещё зелёного юнца.
Наш двор стоит на старом месте
И помнит много о былом.
А мать, вздыхая, ждёт известий
У старых снимков над столом.

1946 — 1 сентября пошёл в первый класс Юцкой средней школы. В старших классах стал главным редактором школьной стенгазеты. Писал, как признавался в автобиографии, графоманские произведения... А многие ли из нас, коллеги, начинали по-другому?

1956 — получил аттестат о среднем образовании и по традиции вместе с классом встретил рассвет на берегах рек Юцы и Джуцы. В стихотворении «День зари» описал это эпохальное событие:

Мы выпускной гуляли гулко
Под брызги танго и вина.
За нами вслед по переулкам
Шаталась пьяная луна.

А наши скромные подружки,
Покинув строгий интернат,
Цвели на дружеской пирушке
И пили тёплый лимонад.

Мы пели песни, танцевали,
Совсем не думая о том,
Чем встретит завтра на вокзале
Нас жизнь — конфетой иль кнутом.

1957 — в 19 лет призван райвоенкоматом в пограничные войска.

Нас принимал отряд без шума.
Тревожной тьмой дышала ночь.
Мы на границе! В Кара-Кумах!
Три года здесь песок толочь.
Настроив ушки на макушке,
Сливаться с красками лощин.
И каждый звук держать на мушке,
Щекой лаская карабин.

1960 — перед демобилизацией отличник боевой и политической подготовки получил предложение, от которого не смог отказаться, и был направлен с заставы в военное погранучилище.

Он был уже на третьем курсе, когда вышло Постановление Совета Министров СССР «О сокращении личного состава в Вооружённых Силах страны». Много людских судеб сломало это Постановление, не стал исключением и Виктор Логвинов: он тоже попал под сокращение.

Своё несогласие по поводу абсурдного решения Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущёва поэт отразил в стихотворении, которое послужило причиной возникновения уголовного дела. Логвинов был арестован. Состоялась репетиция советской юстиции перед более масштабным «процессом Синявского и Даниэля»: уголовный суд над художественной литературой.

Сварганил «оду» о Никите...
И вместо сказочных призов,
Финал читал не в общепите,
А в доме отдыха СИЗО.

Судья был холоден и краток –
Сам адвокат и прокурор.
Он, будто нож между лопаток,
Всадил в меня свой приговор.

И повезли, стуча, колёса
В тайгу столыпинский вагон.
А под колёсами вопросы –
За перегонном перегон.

Где рядовому в жизни место?
Кто даст его? Кто отберёт?
Вопрос довольно интересный,
Давно волнующий народ.

Забывтый присным комсомолом
И профсоюзом в час беды,
Я вспоминал любовь и школу,
И пограничных троп следы.

В чаду «купе» гудело ульем
Над злым решением судьи.
И сердце, как большая пуля,
Стуча, царапалось в груди.

Отбыв в лагере назначенный судом срок, В. Логвинов направлен на поселение на Дальний Восток. Здесь во все времена требовались рабочие руки, и, чтобы обеспечить себе пропитание, Виктор устроился матросом на рыболовецкое судно. Одетый вместе с другими промысловиками в яркую оранжевую робу, «дёргал» сети в Охотском море во время пугины.

Я ухожу в солёное пространство.
Рыдают чайки, над волной паря.
За вечный плач, за цвет непостоянства
Я полюбил суровые моря.

1973 — вернулся наконец на Кавминводы, к жене и сыну. Оформился водителем в автотранспортное предприятие. Посещал литобъединение при «Пятигорской правде», которым с 1950 по 1975 годы руководила Наталья Владимировна Капиева.

1976 — в апреле принял участие в третьем семинаре-совещании творческой молодёжи края в Ставрополе, где я впервые увидел его. Руководителем поэтического семинара был И.В. Кашпуров. Благодаря А.Ф. Мосинцеву, всегдашнему покровителю земляков-кавминводцев, познакомился с Екимцевым, Дятловым, Виктором Колесниковым.

1978 — стал членом литературной студии «Молодость» при краевом телевидении, которую возглавил завершивший свои скитания А.Ф. Мосинцев.

1982 — в краевом центре выходит аккуратный коллективный томик поэзии и прозы «Будем знакомы». «Свой творческий почерк есть и у шофёра Виктора Логвинова из Пятигорска, чьи произведения тут представлены», — говорится в аннотации.

1983 — Ставропольское книжное издательство выпускает в свет первый поэтический сборник В. Логвинова «Корни родников». Это был звёздный час его творческой биографии: первая книга, первый приличный гонорар, ликующая радость семьи и собственная уверенность в дальнейшем успехе и стабильности.

Как бы не так!

«После этого издательство с завидным радушием ставило мои опусы в план, но дело не двигалось», — отметит он в автобиографии.

В отличие от большинства окружающих, В. Логвинов встретил затеянную земляком-рэнегатом перестройку с сомнениями и недоверием. Судьба поэта-каторжанина, с детства намертво связанная с судьбой Родины, не сулила ни ему, ни ей ничего хорошего от этих перемен.

Горбачёва сменил лукавый, беспринципный политик-пьяница, который пресмыкался перед партнёрами с Запада, как и его предшественник. Под новый 1995 год, не осознавая последствий своего шага, начал Первую чеченскую. Да и как было не начать, если министр обороны РФ Павел Грачёв уверял, что легко возьмёт Грозный одним парашютно-десантным полком. Дорого обошлось нам это «шапкозакидательство».

На русских кладбищах хоронят
В Чечне убитых пацанов.
Убитый чести не уронит,
Чиnam не скажет «тёплых» слов.

Чины загнали в мясорубку
Чужих детей, а не родных:
Своим сподручнее под юбкой
Вести «войну» в краях чужих.

В Чечне — предательская бойня
И беспредельщины разгул.
Зато Москва чудит спокойно
На презентациях «акул».

Чумных бандитов преподносят
Как правоверных удальцов...
О, где ты, дедушка Иосиф?
Ермолов где, в конце концов? —

взывает В. Логвинов в стихотворении «Беспредельщина».

Именно в этот период познакомилась с самобытным поэтом Галина Александровна Шевченко, писательница из Пятигорска, создавшая критико-биографический очерк «Грехи и раны Виктора Логвинова». Приведу выдержки из этого единственного исследования, ибо мне опереться больше не на что: я не нашёл никаких упоминаний о В. Логвинове в мемуарах И. Аксёнова, книгах А. Мосиенко или других писателей курортного региона.

Итак: «Я впервые встретила с Виктором Александровичем в середине 1990-х годов на заседании Ассоциации Независимых писателей КМВ, в полуподвальном помещении общежития Пятигорского фармацевтического института на площади Ленина.

Он пришёл с руководителем Ассоциации А.Ф. Мосинцевым. Был прилично одет, хорошо пострижен, но в сильном подпитии. Плюнулся на свободный стул позади меня и держался очень развязно.

Председательствовавший на заседании Мосинцев несколько раз деликатно просил Виктора уgomониться. Безрезультатно.

И тогда я резко повернулась к Логвинову, чтобы дать хулигану суровую отповедь. Наши взгляды встретились.

Какую же отчаянную боль увидела я в глазах взлохмаченного седеющего мужчины!

Он съёжился от моего разъярённого взгляда, а я вдруг перевела дыхание и тихо попросила дать мне посмотреть его рукопись, которую он нервно мял в руках. Пока я читала, с жадностью перелистывая страницу за страницей, он, опершись на спинку моего стула, тихо посапывал за моей спиной...

Наконец Александр Фёдорович коротко представил Виктора Логвинова и попросил его прочитать новые стихи. К моему удивлению Виктор легко поднялся, держался молодцом, читал стихи наизусть чётко, взволновано, но с надрывом.

Гони, душа, бессмертную туфту,
Как гонят в Думе тюльку депутаты.
Не лучше ль съесть лягушку на спирту,
Чем слушать их анальные дебаты.

Для них народ – тупой, безрогий скот,
Мечтающий о водке и дубине.
Все блага и меды – лишь для господ,
Согласно убеждениям гордыни.

Гони, гони, душа, разбойный стих,
Как гонят хуторяне самогонку.
Я выплачу свой траурный триптих
И в водку брошу сердце как «лимонку».

Пойдут непопулярные круги
От съеденного вшами интеллекта,
Останутся тупые сапоги
Непонятого Родиной субъекта.

После той нашей первой, памятной для меня встречи, один за другим выходили его поэтические сборники в типографии города Новопавловск - «Разлад» (1998), «Выхожу на обгон»

(1998), «Эхо сердца» (1998), «МуХи творчества» (1999), «Грехи и раны» (2000), «Плакида» (2002).

Поэтические сборники «Пытки ада», «Истязание правом», «Здравствуй, папа», «Смех голопупых» мне найти не удалось, как и единственную книжку его прозы.

Каждый раз, вручая мне свою очередную книжечку с автографом, он смущённо улыбался и спешил откланяться. Так и не довелось нам ни разу поговорить по душам.

После бандитского нападения пассажиров на него в такси, Логвинов после лечения уволился из таксопарка и работал шофёром в редакции газеты «Кавказский край», где я иногда бывала. Случайно узнала от редактора о трагической гибели жены Логвинова и высказала Виктору оптимистическое пожелание устроить личную жизнь. Он улыбнулся печально.

Не верю, а всё-таки знаю
Негромкую силу любви –
Крикливая и показная
Недолго владеет людьми.

По небу звезда покатилась
Горючей слезой неземной.
В душе что-то долго светилось,
Пугая меня новизной.

После первого инфаркта – пожизненная нерабочая группа инвалидности. Наши жизненные стёжки-дорожки с ним более не пересекались» («Золотой середине верна...», Пятигорск, 2013. с. 191 - 207).

В 2002 году поэт был принят нами в Союз писателей России. Меня это искренне порадовало. «Я не могу без слёз читать Ваши рассказы», — писал Константин Паустовский молодому Юрию Казакову. Те же чувства охватывали меня при чтении горьких и насмешливых стихов поэта-гражданина В. Логвинова, в которых субъективное состояние автора на деле воплощало состояние души населения России.

Своею шкурой и глазами
Я познавал в чём жизни соль:
Тайга — закон, медведь — хозяин,
А гражданин — великий ноль.

И вот теперь в стране свободной
От всех моралей и преград,
Живу, как в той тайге холодной,
И свету белому не рад.

«Как бы умереть, не кокетничая?» — всерьёз тревожился незадолго до смерти ленинградский писатель Юрий Герман. У ставропольского поэта Виктора Логвинова такой проблемы не возникло: забытый всеми, он умер на 71-ом году жизни, в начале 2009 года в селе Юца, где и похоронен.

Его трепетное отношение к литературе, которую он боготворил, сомневаясь при этом в собственной значимости, сыграло с ним злую шутку.

В своё время друзья-таксисты понятия не имели, что он пишет стихи. Похоже, немногие знали об этом и в его родном селе, ибо никто не сообщил о смерти поэта в писательскую организацию.

Правда, отсутствие информации сохранило для нас драгоценную автобиографию и подборку из десяти стихов В. Логвинова в антологии «Современные писатели Ставрополя», выпущенной в свет летом 2009 года. Сборник включал в себя лишь произведения живых на тот момент авторов.

Горько читать в уже цитированном нами материале Галины Шевченко, что «ни в центральной библиотеке села Юца, ни в школе, которую когда-то окончил Виктор Логвинов, о нём слыхом не слыхивали!»

Увы, не каждому достойному поэту суждена посмертная слава Андрея Бахтинова.

Рассказ о мужественной и трагической судьбе моего современника завершу стихотворением «Плакида» из одноимённого сборника Виктора Александровича Логвинова:

...Воителей похоронили —
Лежат по всей земле войска.
А честь и доблесть отменили,
Верней — пустили с молотка.

На сходке смачно порешили
Растить предательство в миру,
И чёрный бизнес сгношили
На ельциноидном пиру.

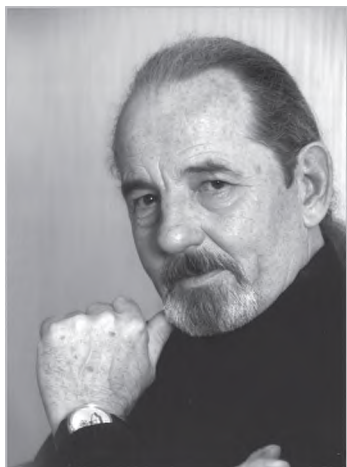
И цены чёрные погнали,
И нищетой забили рот,
И в смрадных водах искупали
От «счастья» чокнутый народ.

Творцы разбоя и разлада,
Хватая сласти за бугром,
Всё, что для русской пользы надо,
От старых истин до детсада,
кромсают телетопором.

Уймите тусклые пристрастья
Весьма сомнительной цены.
Добро, забота и согласие —
России-матушке нужны.

«Сегодня всю правду о нашей жизни первыми сказали провинциальные поэты, — умно подметила Светлана Солодских как раз в дни ухода Логвинова, — и это, если хотите, — культурное чудо. Они опередили время, и всё, что сказали, уже сбывается и ещё сбудется, как рано или поздно сбывается на Руси правда».

И я силён не только статью рослой,
А верой в правду, в Русь и в голытьбу.

Ляшенко
Николай Петрович
1945 – 2019

Родился в понедельник, 1 января 1945 — в селе Подгорном Воронежской области.

В миниатюре «Запахи из детства» вспоминает себя «шестилетним русоволосым мальчиком. Босым, с цыпками на ногах. В трусиках, сшитых из старой дедовой гимнастерки. В маечке, совсем выцветшей, когда-то синей, с рубиновыми пятнами от раздавленных за пазухой вишен».

В этой миниатюре потрясающе тонко выписано, как через общение с природой и труд хлебороба ребенок в обездоленном послевоенном мире впервые постигает чувство Родины, которое будет жить в нём всю жизнь.

Осенью 1952 — пошёл в первый класс в селе Подгорном.

Дальнейшая учёба проходила в самых разных уголках Советского Союза. В поселке Краснореченске далёкого Приморского края. В лесной деревушке Бобровка на реке Чулым в Томской области.

Однажды из-за страстной тяги к охоте, заблудился и четверо суток бродил по тайге. День сменялся ночью, ночь — днём; но волевой мальчишка выстоял и обрел опыт выживания, который не раз ещё пригодится ему в будущем.

Седьмой класс закончил в родном Подгорном, а аттестат зрелости получил в районном центре Калач Воронежской области.

С 15-ти лет жил самостоятельно. Днём учился в школе, вечером грузил и разгружал вагонетки с кирпичом-сырцом на местном кирпичном заводе.

Быстро же понадобился ему таёжный опыт выживания!

Тяжелый монотонный труд укреплял желание продолжить свое образование. Но прежде Николай решил заработать двухгодичный стаж на производстве, который давал преимущество при поступлении в ВУЗ.

1962 — после окончания школы уехал в Брянск, устроился рабочим бурового агрегата. Через год оказался в Камышине уже в качестве бетонщика.

1964 — стал студентом политехнического института в Саратове. Учился на строительном факультете. Каждое лето обязательно работал в студенческом стройотряде.

1969 — получил диплом.

С 1969 по 1972 — в системе Министерства обороны на строительстве военных объектов в Подмоскovie, на Украине, в Казахстане. Там и заработал хроническую болезнь суставов.

1973 — переехал в Ставрополь.

Работал на руководящих должностях в строительном-монтажных и проектных организациях. Жизнь складывалась как нельзя лучше - успешная и благополучная.

И вдруг, неожиданно для друзей и близких, Николай, которому было уже за тридцать, бросил хорошо оплачиваемую работу и стал сторожем вневедомственной охраны.

Ларчик открывался просто: возникло жгучее, неодолимое желание «остановить мгновение», запечатлеть окружающую жизнь. Должность сторожа давала много свободного времени, и большинство опубликованных впоследствии рассказов написаны в вагончике сторожа.

Долгое время не осмеливался показать написанное профессионалам. Случайно рукопись его рассказов попала в руки поэта И.С. Романова. Чутье не подвело Игоря Степановича, который будучи ответственным секретарём альманаха «Ставрополье», открыл немало литературных талантов. Высокую оценку работам Ляшенко дал другой известный в крае писатель - прозаик Евгений Карпов.

Это ободрило молодого сочинителя и придало ему, наконец, необходимую уверенность. Появились первые публикации в краевых газетах, налажилось сотрудничество с краевым радио.

Следующий шаг — публикации в альманахе «Ставрополье» и в журнале «Дон». Ростовский журнал выводил своих авторов на всесоюзную орбиту. Так в смутное время перестройки Николай Ляшенко становится писателем-профессионалом.

1988 — выходит первая книга «Здесь их судьба».

1990 — издана вторая книга «Камерный концерт».

1992 — принят в члены Союза писателей России.

Был уполномоченным Ставропольского краевого отделения Литфонда, главным редактором газеты «Литературный Юг России».

1998 — в свет выходит книга «Судьба» о пролетарском писателе А.П. Бибике - совместный труд Николая Ляшенко и Раисы Котовской. В конце года, спасаясь от позорного безденежья, рванул в поселок энергетиков Солнечнодольск, чтобы возглавить авторский коллектив, работающий над книгой о Ставропольской ГРЭС. Это был один из самых разумных шагов в его писательской судьбе.

1999 — благодаря невероятным усилиям Ляшенко, который оказался не только хорошим прозаиком, но и мощным организатором, выходит юбилейный том «Ставропольская ГРЭС — 25 лет», созданный в рекордно-короткие сроки.

А в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» издан небольшой сборник рассказов «Приснилась первая любовь».

2003 — перенёс инсульт, сделавший его инвалидом второй группы. В журнале «Южная звезда» опубликован роман «Пробуждение чувств» (книга первая), о событиях 1916 года, крайне скудно освещённых в нашей литературе.

2009 — журнал «Южная звезда» продолжил публикацию исторического полотна теперь уже под названием «Русское солнце». К глубокому сожалению, главное произведение писателя, в силу сложившихся в России конкретных исторических условий, не имело того общественного резонанса, на какое могло бы рассчитывать при иных обстоятельствах.

2014 — выпустил с помощью друзей книгу «Крест», повесть о событиях Великой Отечественной войны на Украине, написанную настолько художественно, таким незаёмным и неповторимым стилем, что ей тут же была присуждена Губернаторская премия имени А.Т. Губина за 2014 год.

Вместе с ним лауреатами премии этого года стали Виктор Кустов и Сергей Рыбалко.

Живет в селе Константиновском Петровского района. Бога-

тый жизненный опыт писателя, публициста, редактора позволяет ему видеть глубинные течения происходящих событий, с размахом лепить человеческие характеры.

Жаль только встречи читателя с произведениями Николая Ляшенко происходят крайне редко. Но это общая современная беда для большинства литераторов Ставрополя.

И ведь чем талантливее человек, тем он беспомощней в этой цветущей капиталистической жизни России.

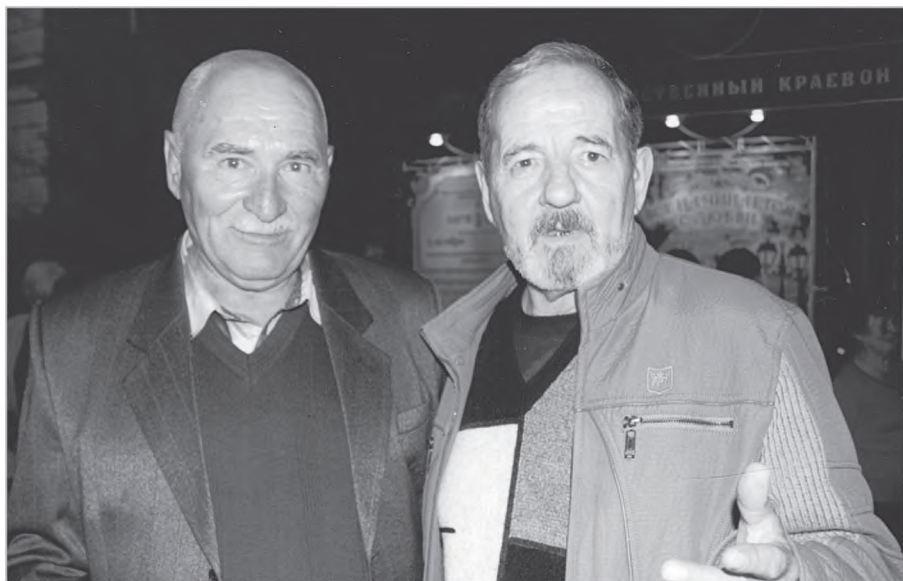

*Форум творческих союзов (слева направо):
поэт Анатолий Маслов,
прозаики Николай Ляшенко и Николай Сахвадзе
в ресторане гостиницы «Интурист».
г. Ставрополь, 3 ноября 2014 г.*

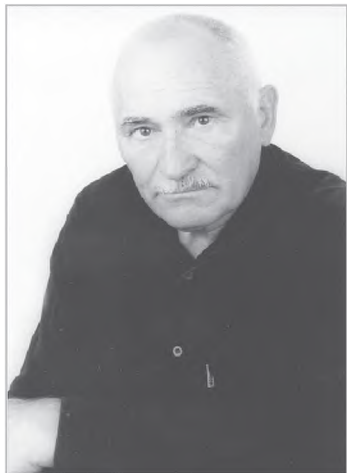
2018 — Министерство культуры края проплатило выпуск однотомника Н. Ляшенко «Русское солнце». Одноимённый роман писателя такое же эпохальное событие в культурной жизни края, каким стало полвека назад появление романа «Молоко волчицы» А. Губина.

17 октября 2019 года Николай Петрович Ляшенко умер после очередного инсульта в селе Константиновском. Похоронен на местном кладбище. Лишь один писатель проводил его до последнего приюта — Валентина Дмитриченко. Низкий поклон ей от всех тех, кому сообщили о смерти друга уже после погребения.

Он ушёл не до конца оценённый нами. Хочется верить, что в памяти грядущих поколений писатель Николай Ляшенко обретёт наконец-то справедливую репутацию.

*Два прозаика от Бога (слева направо):
Владимир Маляров и Николай Ляшенко.
г. Ставрополь, осень 2016 г.*

Маляров Владимир Константинович

Родился 26 апреля 1946-го — на хуторе Ивановском Саратовской области. Первый класс отучился в хуторской начальной школе. А потом отца, Константина Андреевича, потянуло на родину, и в 1954-м он перевозит семью в большое ставропольское село Казгулак, что в Туркменском районе.

Здесь Володя окончил Казгулакскую среднюю школу № 13. «Рос в колхозной семье и к труду взрослых был приучен с малолетства. Летом многие одноклассники ехали в пионерский лагерь или отправлялись куда-нибудь к родственникам на каникулы. Меня отец на всё лето определял к отаре овец, табуну лошадей или на колхозный полевой стан.

Как показало время, прикосновение с детства к нелёгкому труду помогало преодолевать в жизни не только физические трудности, но и душевные боли. Уверен, что в жизни каждого человека рано или поздно встретится и то, и другое».

Познавательным окном в мир, который лежал за пределами села и его окрестностей, стало неуёмное чтение книг: «Читал всегда, везде, и помногу... Из книг мне довелось узнать о море и, никогда не видя, полюбить его».

1963 — под влиянием произведений Жюль Верна, Станюковича, А.С. Грина, Новикова-Прибоя поехал в Астрахань, поступил в годичную мореходную школу.

1964 — окончив «мореходку», стал матросом-рулевым в Каспийском пароходстве.

1965 — призван в ряды Советской Армии. В декабре направлен командованием в Киевскую 97-ю военно-морскую школу.

1966 — для дальнейшего прохождения службы прибыл на Балтику в качестве радиометриста-навигатора на кораблях ОСНАЗ. Не раз выходил в дальние походы в Северную Атлантику. Освоил смежную специальность по радиоперехвату вну-

триэскадренной связи кораблей противника.

Будни группы обнаружения на корабле дальнего дозора «Гюйс» будут до деталей и тонкостей описаны в остросюжетно-патриотической повести «Поиск».

1970 — демобилизовался в Астрахани. «Рыбачил на Нижней Волге, ходил на рыбоморозильнике промышлять кильку на юг Каспия».

1972 — женившись на северянке, переехал в Архангельскую область. «Влекло посмотреть на суровую природу, а главное познакомиться с простыми и сильными людьми, чей труд связан с почти ежедневным преодолением собственных слабостей». Так в Пинежском леспромхозе появился новый сплавщик леса.

В беседе с Еленой Ивановой по поводу своего 60-летия (газета «Родина» от 27 апреля 2006 г.), сравнивая на прихотливом житейском уровне 70-е прошлого века с днём сегодняшним, совершенно естественно выходит в раздумьях на уровень государственный (подобное прозрение — самая приметная и типичная особенность художественного мира Малярова):

«То ж мы для себя лес рубили, для страны своей. Следом за нами лесничества новые роци посадили. А нынче, как посмотришь какой-нибудь сюжет по телевидению, сердце кровью обливается: хищнически вырубает всё подряд и за бесценок, а то и даром, по-воровски, за границу отправляют... А я ещё и в цехе на бумажно-целлюлозном комбинате работал, бумагу резал. Думаю, на все свои книги нарезал с лихвой».

Именно в «северный» период написаны первые рассказы и посланы на творческий конкурс в Литературный институт им. Горького.

1974 — поступил; стал студентом-заочником первого курса.

1975 — приглашают на работу в газету «Пинежская правда». Полёты на «аннушках», суровая целомудренность природы, общение с исконно русскими людьми, хранителями народного говора - всё это молодой писатель жадно впитывал в себя. На всю жизнь памятна встреча с Фёдором Абрамовым, к которому прибыл в деревню Веркола взять интервью по поводу присуждения Государственной премии СССР за трилогию «Пряслины».

1976 — без сожаления, робости и сомнений простился с «немерянными северными просторами» и переехал вместе с семьей по месту жительства родителей в Ставропольский край:

«Когда что-то стало из моих писаний получаться «похожее на правду», вдруг как-то интуитивно понял, что надо мне возвращаться на землю отцов».

Работал чабаном в совхозе, продолжал учиться в Литинституте. Много писал и о севере, и о юге. Но, как признаётся сам: «Очень скоро понял, что без литературной среды писателя из меня не получится».

1978 — познакомился с Евгением Карповым. С его помощью перебрался в краевой центр.

Помню, Вадим Куропаткин и я навестили в те дни Евгения Васильевича. Известный писатель с загадочной улыбкой сунул в руки каждому из нас по тоненькой рукописи: «Читайте, друзья. Мне любопытно узнать ваше мнение», — и скрылся на кухне. Читали с Вадимом в полном молчании, потом так же безмолвно обменялись рукописями, опять читали. «Ну и как, други мои?» — появился в кухонном фартуке Карпов. Анализ Куропаткина был профессиональным, в нём присутствовали замечания. Карпов повернулся ко мне: «А ты, Николай?» — «Животом пишет», — только и смог завистливо выдать я.

На работу Владимира Малярова приняли в Ставропольское книжное издательство редактором художественной литературы. Закрепили за ним рукописи рассказов «Любовь моя, любовь» Виктора Яроша и «Среди людей» Владимира Кожевникова.

«Какой-то чабан будет учить нас, уже выпустивших по книге, как нужно писать?!» — обомлели невинномыссы. Решили дождаться редактора (в прошлом, напомним, не только чабана, но и физически мощного сплавщика леса) после работы. Нахальная попытка закончилась дружеским замирением за пельменной стойкой Верхнего рынка. А Лариса Ивановна Хохлова, главный редактор отдела художественной литературы, с облегчением узрела кому можно подсовывать рукописи проблемных авторов.

1980 — на прилавках книжных магазинов появляется первая книга — сборник рассказов и повестей «Не посторонние мне люди» (Ставрополь). Талант писателя был столь очевиден, что местные литературные «генералы» тех лет предпочитали его замалчивать, как это было когда-то с Губиным.

1981 — закончил Литературный институт. В московском из-

дательстве «Современник» выходит в свет второй сборник — «Перекрёстки».

В эти годы Маляров занят строительством собственного дома в Шпаковке: «На гонорар от первой изданной книги стены поставил. Вышла в свет вторая — крышу накрыл. Я книгам всё лучшее отдавал, а книги вот так мне помогали жить».

1984 — принят в Союз писателей СССР.

1985 — публикация в краевом издательстве книги «Хлопоты».

1988 — выход четвёртого сборника «Время выбора».

На рубеже 90-х возглавил Ставропольское краевое отделение Союза писателей. «К счастью, это продлилось недолго», — с облегчением отмечает в автобиографии. Большой писатель — не всегда успешный администратор. Вот и место Малярова было в родном шпаковском доме, за письменным столом, а не в чиновничьем кабинете.

Распад Советского Союза породил у большинства писателей испуг, растерянность, тоску, но только не у Малярова. Он выдаёт на-гора первоклассную прозу с глубоким проникновением в характеры героев, в суть происходящих в стране событий: повесть «Горечь лукового поля» (журнал «Южная звезда» №4, 2006) и роман «Пожелай им благо, Господи» (Ставрополь: «ЮРКИТ», 1996).

1999 — на Ставрополье учредили Губернаторскую премию им. А. Губина. Первым лауреатом стал Владимир Константинович Маляров за роман «Пожелай им благо, Господи».

2001 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» вышла небольшая книга «Мне юность машет издалёка», состоящая из двух коротких повестей: «Поиск» и «Путина».

2003 — журнал «Южная звезда» № 2 публикует повесть о нелёгкой борьбе пограничников с рыбной мафией на Каспии — «Бег «Джейрана».

2006 - в четвёртом номере «Южной звезды» напечатана уже упомянутая «Горечь лукового поля» — одно из лучших произведений писателя. «Ход истории, — считает Маляров, — литература изменить не может. Но она может изменить умонастроение людей, дать им в жизни нравственный ориентир».

2008 — в двух первых номерах альманаха «Литературное

Ставрополье» печатается повесть «Недорубы».

«Недоруб — это родовая фамилия фермера. У него предок, прапрадед, был настоящий русский богатырь, землепашец. А как начиналась какая-нибудь военная кампания, его забирали в пешую рать. Весь был порубленный, исколотый в сражениях на поле брани. Отсюда и кличка, ставшая фамилией, — Недоруб. Персонаж не вымышленный, в самом деле был такой человек в нашем селе. Несмотря на свою судьбу суровую, всё выдюжил и долго жил. И повесть моя — о том, как хозяйствуют ныне на земле потомки того богатыря. Они тоже не лыком шиты, но время им досталось не лучше прежнего».

2009 — в Новопавловске опубликована антология «Современные писатели Ставрополья», где авторы предваряют произведения своими биографиями. Обстоятельно, на радость будущим историкам, рассказывает о себе Маляров:

«Работаю в региональной газете пограничных войск «На рубежах Родины» и хоть иногда, но встречаюсь со своими читателями воинами-пограничниками на заставах и кораблях.

Женат. Жена Малярова Любовь Васильевна «терпит» меня вот уже тридцать с лишком лет. Сын Евгений далёк от литературы, но с творческим подходом работает строителем. К счастью, жива мама Прасковья Захаровна, отдавшая колхозным работам полвека жизни. Живы-здоровы два младших брата Александр и Федор. А ещё имею двух внуков и внучку.

Окончил работу над романом «Роковые декабри».

2010 — отрывки из «Роковых декаблей» публикуются в третьем и четвертом номерах альманаха «Литературное Ставрополье».

«Это о первой чеченской войне 94-96 годов, которая началась в декабре. В декабре и Советская власть образовалась, породив Чечено-Ингушскую республику, и в Афганистан наши войска вошли в декабре. Отсюда такое название...»

2011 — Министерство культуры Ставропольского края к 65-летию мастера прозы выпускает однотомник «Недорубы: избранное» (620 с.) с глубоким комплексным предисловием Татьяны Карповны Чёрной.

2015 — подготовил новую книгу повестей и рассказов «Чаша бытия». Обратился ко мне с просьбой «на предмет вступительного слова».

«С превеликим удовольствием», — обрадовался я и, обмирая от мощи материала, вывел название предисловия:

«Чародей из Михайловска».

Но когда книга вышла из печати, и я получил экземпляр из рук автора, то моё вступительное слово называлось совсем простенько: «Предисловие». Кто бы сомневался! Ведь чем талантливее человек, тем он скромнее и проще, а чем он несостоятельнее — тем больше в нём апломба и сомнения.

*Презентация книги «Имена».
Слева направо: Сергей Рыбалко,
Светлана и Василий Звягинцевы, Владимир Бутенко,
Николай Сахвадзе, Иван Аксёнов.
г. Пятигорск, 13 декабря 2014 г.*

Марьинский
Валентин Данилович
1924 — 1972

Ума не приложу, по какой необъяснимой причине в указателе литературы «Писатели Ставрополья» (Ст., 1974) отсутствует биография Валентина Марьинского. Он был принят в Союз писателей СССР в 1958 году вместе с прозаиками И. Чумаком, М. Усовым, очеркистом Б. Речиным, поэтами В. Гнеушевым, И. Кашпуровым. Об этом сообщает в передовице «Литература и жизнь» С. Бабаевский (альманах «Ставрополье» № 18, 1958, с. 5).

Лишь в 1982 году очерк В. Фёдорова «Он любил песенное Ставрополье» вернёт отважного поэта-фронтовика в состав краевого писательского корпуса, как его неотъемлемую часть.

В начале октября 1777 года две роты солдат Кабардинского полка, часть казаков Волжского полка заложили на реке Куре крепость Марьинскую в честь святой Марии. Был среди тех первопоселенцев и предок нашего героя: рослый, жилистый, чубатый казак Растеряев, участник пугачёвского восстания.

Полтора века спустя, 28 февраля 1924 года, в станице Марьинской Аполлонского (ныне Кировского) района Ставропольского края родился Валентин Растеряев. Впоследствии, став поэтом, он позаимствует псевдоним у своей станицы.

Отец его, терский казак Данила Растеряев учительствовал в станичной школе. Должность в те времена приметная.

Отец мой скромн и нешумен
Был с первых до последних дней:
Родился, рос, женился, умер
В станице Марьинской своей.

В той самой, где и я родился,
В той самой, где и я женился,
Где в школу бегал босиком...

В годы ученичества у Валентина было три увлечения, в которых он преуспел: литература, математика, музыка. Все они в той или иной мере помогут утвердиться ему во взрослой жизни.

В 1942-ом, когда немецкие танковые и моторизованные армады ринулись на Северный Кавказ, Валентин как раз окончил школу и добровольцем ушёл на фронт. Первый приказ, который ему зачитали перед строем, был приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина №227 от 28 июля 1942 года: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования».

Юноша участвовал в ожесточённых сражениях за Северный Кавказ. Был дважды серьёзно ранен. В полевом госпитале начал писать стихи. Приведу строки из стихотворения о фронтовой гитаре:

Она была лицом другая,
Невидная, недорогая
И не блистала модным лаком,
А просто шла со мной в атаку.

После второго ранения Марьинский попал в Красноармейский ансамбль песни и пляски. Там писал не только тексты, но и музыку к ним.

Демобилизовавшись, вернулся на Ставрополье, экстерном сдал экзамены на физико-математическое отделение учительского института. Непродолжительное время работал, как и отец, сельским учителем.

1947 — стихотворение «Последняя туча» в «Ставропольском альманахе» № 2 — это первая публикация молодого поэта.

1948 — поступил в Ленинградский университет, откуда по ходатайству И.Я. Егорова, ответсекретаря Ставропольского отделения Союза писателей РСФСР, переведён в Москву, в Литературный институт им. Горького. «Ставропольский альманах» № 3 публикует подборку «Стихи о Москве».

1952 — краевое книжное издательство выпускает в свет первую, во многом ученическую книгу стихов В. Марьинского «Мы – за мир!»

1953 — получив диплом Литинститута, становится сотрудником газеты «Ставропольская правда». С подачи Ильи Чумака (а два писателя-фронтовика не могли не подружиться) занялся переводами стихов ногайцев Суюна Капаева и Фазиля Абдулжалилова, черкесов Алима Ханфенова и Мухадина Ахметова. Карачаевцев, как вы понимаете, в Черкесской области тогда не было. Переводы появятся в газетах «Ставропольская правда» и «Молодой ленинец» (Ставрополь), «Социалистическая Осетия» (Орджоникидзе), «Ленинское знамя» (Черкесск).

1954 — в краевом центре выходит новый сборник В. Марьинского «Сердце поёт». Рецензию на вторую книгу поэта написал учёный-литературовед, член Союза писателей СССР Андрей Васильевич Попов (1900 - 1966) и опубликовал её в «Ставропольской правде» 14 сентября 1954 года под тем же названием — «Сердце поёт».

Стихи В. Марьинского действительно напевны и мелодичны. На это обращает наше внимание доктор филологических наук, профессор Л.П. Егорова в фундаментальной «Истории литературы Ставрополья. XX век» (Ст., 2012, с. 298):

«Ещё в 1950-е годы на каждом концерте звучали песни В. Марьинского «Тополёк», «Не пришли с войны», «Котелок». Их охотно публиковали и центральные издания: «Огонёк», «Советская Россия». Интересно, что «Песня о курганах» Марьинского была положена на музыку самим поэтом».

Солдат, видно, пьяным от радости был,
Когда он с победой домой уходил.
Приладил он ловко шинель и винтовку,
А юность в окопе забыл...

1957 — в альманахе «Ставрополье» № 17 выходит подборка стихов В. Марьинского «Летят над миром песни», посвящённая 40-летию Великого Октября.

Какие открытые, ясные дали!..
Я буду навеки судьбе благодарен,
Что выпало счастье родиться на свете
На этой земле и под небом вот этим.

7 декабря в Большом кремлёвском дворце открылся первый учредительный съезд писателей РСФСР. Делегацию от Ставропольского края возглавил ответственный секретарь краевой писательской организации С. Бабаевский. Его сопровождали литературный критик Н. Капиева, поэты А. Исаков, В. Марьинский.

1958 — в связи с тем, что Семёну Бабаевскому предложили стать заместителем главного редактора журнала «Октябрь», на пост руководителя Союза писателей Ставрополья был избран Валентин Марьинский. В мае состоялся краевой семинар молодых писателей. С докладом о творчестве молодёжи выступил В. Марьинский.

В Ставропольском книжном издательстве выходит третий сборник его стихов — «Любовь и ненависть».

1959 — через полтора года Карп Григорьевич Чёрный сменил на посту руководителя краевой писательской организации Валентина Даниловича. Мне, к сожалению, неизвестны причины столь стремительной замены.

1960 — выпущен четвёртый сборник стихов поэта «Признание». Двадцатилетний студент Валерий Гейдеко (1940 - 1979) в статье «Размышления над раскрытой книгой» с похвалой отозвался о сборнике: «Если до этого мне казалось, что стихи о Родине, партии, героизме излишне риторичны и даже несколько голословны, то теперь, взглянув на них глазами Марьинского-лирика, я изменил своё мнение. Стихи Марьинского действительно патриотичны (а мы или не любим, или просто стараемся избегать громких слов), но высокое наполнение стихов, гражданственность никогда не подменяется в них описательностью и декларативностью, рифмовкой высоких слов» (Альманах «Ставрополье» №24, 1960, с.58).

1961 — в июне состоялось собрание писателей края. На нём к достижениям последних лет отнесли в числе других и книги В. Марьинского.

1962 — третьего января газета «Литература и жизнь» (Москва) напечатала балладу В. Марьинского «Не пришедший с войны». На редакцию газеты обрушился небывалый шквал писем от читателей.

«Мне и моей семье это стихотворение так понравилось, что мы читали его несколько раз, — пишет, например, Дмитрий Андреевич Попов из Куйбышева (ныне Самара). — Женщины, слушая эти стихи, плакали... Прошло полмесяца, и странно, это стихотворение не забывалось, как многие другие... Разыскал старый номер газеты, и мы снова, всей семьёй, читаем и перечитываем вслух стихи В. Марьинского о неизвестном лейтенанте, командире роты, так и не пришедшем с войны... Память о не пришедших с войны должна жить вечно».

Баллада В. Марьинского входит вместе со стихотворением «Враги сожгли родную хату...» М. Исаковского в десятку непревзойдённых шедевров, посвящённых Великой Отечественной войне.

Не пришедший с войны

Баллада

Командиру роты,
фамилия которого неизвестна

За стеною, который не ведая год,
Человек, не вернувшийся с фронта, живёт.
За высокой кирпичной больничной стеной
Слышен крик по ночам: «В наступленье! За мной!»
«Не робейте, ребята! Ребята, вперёд!» —
Слышен крик вот уже восемнадцатый год.

Спит земля... Людям видятся добрые сны.
Но не спит человек, не пришедший с войны.
Говорят доктора, наклонившись над ним:
«Трудный случай, наверное, неизлечим».
Задыхаясь в бреду, восемнадцатый год
Командир в наступление роту зовёт...

А на стенке часы безмятежно стучат.
А солдаты давно дома с жёнами спят.
Все окопы высокой травой заросли.
Тишина. Только пение птичье вдали.
Лишь за этой стеной, за тяжёлой стеной,
Бьётся, мечется голос: «За Родину, в бой!»

Лишь один человек, только ночь настаёт,
Тянет руку вперёд – в наступленье зовёт.
Он с тревогой глядит на спокойных врачей.
Он не в силах фамилии вспомнить своей.
Где он жил? Где он рос? Где родные его? —
Неизвестно в больнице о нём ничего.

Белой веткой в окошко стучится весна, —
И не знает она, что такое война.
И не ведает, как за Кубанью-рекой
В рукопашную шёл лейтенант молодой;
Как безжалостный штык перед грудью возник,
Как из сердца безумия вырвался крик.

Из палаты в палату всю ночь до утра
Коридорами длинными ходит сестра.
Там поправит постель, там прикроет окно.
Про себя помечтает: «Сходить бы в кино».
Капель в склянку нальет, и в положенный час
Лейтенанту больному лекарство подаст.

А на стенке часы – всё стучат и стучат.
А в окне – кружат звёзды, как стайка девчат.
И гудят поезда, и цветут города.
И, как птицы, летят над землёю года.
Может быть, у того лейтенанта жена
Где-нибудь на Кубани тоскует одна.

Может быть, до сих пор в чудо верит и ждёт
И, вздыхая, под вечер стоит у ворот.

Только он не придёт никогда, никогда:
Он в атаку идёт, он берёт города.
«Не робейте, ребята! Ребята, вперёд!» —
Он кричит по ночам восемнадцатый год.

Он не помнит ни мать, ни жену, ни отца —
Снятся пули ему, да осколки свинца,
Да внезапные вспышки в тревожных ночах,
Да могилы друзей в чужедальних полях...
Бесперывно — уже восемнадцатый год! —
Человек в наступление роту ведёт.

Восемнадцатый год всё идёт он вперёд.
Всё идёт он вперёд, и назад — не придёт.

1963 — издательство «Советская Россия» (Москва) публикует новую книгу В. Марьинского «Тревожные облака». Предисловие к ней написал поэт-фронтовик Николай Рыленков (1909 - 1969):

«Есть в искусстве старое золотое правило, обязующее судить о художнике по самым лучшим его творениям... О людях Великой Отечественной войны создано немало волнующих произведений, и тут уже трудно чем-нибудь удивить. Баллада В. Марьинского не только не удивляет, а и потрясает. Как всякое подлинно поэтическое произведение, балладу невозможно передать словами... Имя Валентина Марьинского хорошо известно на Северном Кавказе».

Через четыре года после первой публикации, в 1966 году, автор баллады получает письмо от Константина Симонова:

«Когда я заново прочёл Вашу балладу, у меня снова мороз подрал по коже, как тогда, когда я читал её первый раз несколько лет назад, и снова вслух захотелось читать её первому попавшемуся человеку... Повторяю, Ваша баллада произвела на меня, когда я прочёл её впервые, и производит сейчас самое сильное впечатление. Мне вообще кажется, что это одно из самых сильных стихотворений о войне, которое мне довелось читать после войны в нашей поэзии».

1960-е годы оказались наиболее продуктивными в творческой карьере В. Марьинского. Он в полную силу раскрылся как поэт в сборниках «Доброта» и «Ступени», приобрёл всеобщую известность как журналист. Работал в журнале ЦК КПСС «Агитатор», где вёл сатирический раздел «По душам поговорим — Троекуров Никодим!». Рождённый им язвительный персонаж полюбился читательской аудитории. Являлся спецкором газет «Правда» и «Советская Россия».

Многие актуальные материалы посвящены Ставрополью. Не единожды В. Марьинский приезжал сюда при первой возможности. Жители Кировского района вспоминали, с какой гордостью, будто боевую награду, носил он на лацкане пиджака юбилейный значок колхоза «Коммунистический маяк».

Последний изданный им сборник «Век стали и нежности» (1972) взял в руки уже тяжело больной. Успел прочитать в «Красной звезде» благожелательную рецензию на книгу, прежде чем война дотянулась до него. И мы понимаем вдруг, что «Не пришедший с войны» — это реквием по всем тем, кто умирал от полученных ран уже в мирное время.

В. Марьинский умер 10 октября 1972 года. Похоронить себя завещал на родном станичном кладбище, рядом с могилой отца. Его желание было выполнено. Станичники провожали земляка всем миром, усыпая осенними цветами его последний путь. Над могилой поэта казаки-фронтовики дали залп из охотничьих ружей.

Он ушёл от нас трагически рано, в 48 лет, не успев осуществить многие замыслы. Об этом в книге «Творчество» поведал его друг В. Фёдоров:

«...мечтал написать волшебную повесть для детей и посвятить её своему младшему сыну Шурику, которому всю её передал устно. А вот записать не успел. Не успел он создать и роман о Ставрополье, замысел которого вынашивал долгие годы. Не успел написать многих задуманных песен и лирических стихов. Но успел оставить волнующее «Завещание» в стихах».

Вот оно:

Буквы покривились, падают направо,
Машинистка снова их не поняла.
Как беглец, спешу я... Смерть! Рукой костлявой
Ты неоднократно за сердце брала.

Ах, мои потомки, вы глядите в оба
И цветам не дайте рано отцвести.
Всё, что пел до гроба, то хочу за гробом
Надписью к могиле собственной нести.

Слово... С этим словом мы в бои ходили,
Падали в атаках и вставали вновь.
Золотыми буквами на моей могиле
Напишите слово краткое: «Любовь».

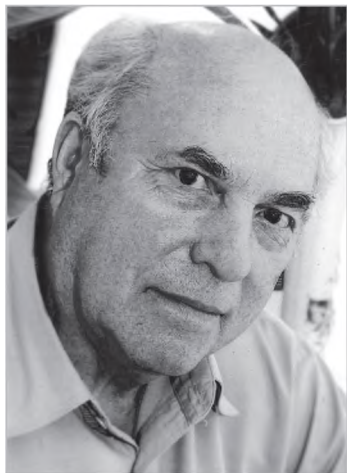
1974 — краевое издательство выпускает книгу «Лирика». «Это достойные страницы ставропольской поэзии», — скажет Л. Егорова о посмертно изданном сборнике В. Марьинского.

1982 — к 45-летию Ставропольской писательской организации выходит книга «Творчество». Сюда включён замечательный очерк-воспоминание В. Фёдорова «Он любил песенное Ставрополье».

В 1999 году серию «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» открыла книжечка стихов В. Марьинского «За вёрстами — новые вёрсты». И больше с тех пор его книги ни разу не переиздавались.

В станице Марьинской на доме, где родился и жил Валентин Данилович, установлена мемориальная доска.

Вот дом мой родной...
Вот знакомые белые камни,
с которых я прыгал,
играя мальцом у ручья.
Станица моя,
ты хорошие крылья дала мне.
Спасибо тебе,
золотая станица моя.

Мосиенко Александр Алексеевич

Он родился 12 декабря 1935 года в станции Зольской Аполлонского (ныне Кировского) района Ставропольского края.

Ранее здесь же, на берегу Золки, появились на свет его родители: отец, Алексей Александрович – в 1905-ом; мать, Елена Кузминична – в 1911 году. Молодость их пришлось на время коллективизации и образования колхоза «Имени политотдела». Отец стал в нём кладовщиком, мать – рядовой труженицей.

Детей в семье было трое: Николай 1930 года рождения, Александр – 1935-го, Нина – 1939-го.

Через два месяца после начала войны отец умер от заражения крови, поранившись на работе. За колхозной кладовой, кроме цистерны с керосином и комплектов спецодежды, числилось большое количество продовольствия: зерно, мука, масло, мёд, гречка, соя, кукуруза, мясо. Всё это требовалось переправить в глубокий тыл, и отцу выдали трёхмесячную бронь.

25 августа 1941 года, когда помытый и обряженный во всё чистое родитель лежал, вытянувшись на выскобленном столе, ему принесли повестку на фронт.

Священник отпевал его, размахивал кадиллом.

На панихиду люди шли и шли.

И мама неутешно голосила,

А тут отцу на фронт повестку принесли.

Осёкся военком: «Отвоевался Лёша...»

И со двора поспешно зашагал.

Осталась мама с непомерной ношей –

Тремя детьми, что мал-от-мала мал...

В 1944-ом Елену Кузминичну за один килограмм протравленной пшеницы, который наскребла в пустой сеялке, осудили на пять лет.

Дети остались на попечение двух тётушек, сестёр покойного отца, у которых в хозяйстве было три курицы-несушки да подслеповатый кот. Образы этих лучезарных, исконно русских женщин увековечит любимый ими племянник Шурик в беспощадной и завораживающей повести «Тётя Нюра Большая и тётя Нюра Маленькая».

Амнистия по случаю Дня Победы вернёт горемычную мать к голодным детям.

1954 – Александр окончил среднюю школу, призван на военную службу. Направлен в город Брест, расположенный на границе Белоруссии и Польши.

В армии охотно участвует в выпуске стенгазет, регулярно публикует стихи и заметки в дивизионной многотиражке «Советский воин» и в газете Белорусского военного округа «Во славу Родины». Стихотворение «О солдатской выручке» заняло первое место на конкурсе округа, а сам автор был послан делегатом на XIX съезд ЛКСМ Белоруссии.

В 1956 году на экраны страны вышел фильм «Бессмертный гарнизон» о защитниках Брестской крепости. Летом 1941 года они стояли здесь насмерть, сковывая значительные силы врага и оказывая сопротивление намного дольше по времени, чем иные европейские государства.

В фильме в роли статистов довелось сняться А. Мосиенко с однополчанами. Они изображали как наших, так и немецких солдат. Денег им за это не платили, зато после окончания съёмки каждый раз кормили отменным обедом.

Я был приятно удивлён, когда узнал, что Александр Алексеевич до сих пор поддерживает связь с музеем «Брестская крепость – Крепость-Герой». В феврале 2017 года он получил благодарственное письмо оттуда.

1957 – отслужив три года в Советской Армии, поступил в Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков.

«Я начал учиться в замечательном вузе. С не менее замечательными педагогами, большая часть которых приехала из блокадного Ленинграда, да так и осталась здесь навсегда. Мне было

у кого учиться...» («Наброски к автобиографии», рукопись).

Студент Мосиенко – один из создателей многотиражной газеты «Учитель», которая стала выходить три раза в месяц тысячным тиражом. Он отдавал любимому изданию столько времени и сил, что фактически стал заместителем редактора. Вышло несколько номеров за его подписью – «И.о. редактора».

«В 1961 году мы пережили драматический этап, который через полгода закончился для нас закрытием газеты. Равно как и для всех многотиражек города и самой «Пятигорской правды». Именно в ней был опубликован акростих «ХРУЩЁВ БАНДИТ». Автора нашли лишь три года спустя. И то не сами чекисты – его «сдала» жена, над которой он постоянно измывался... Зато мы все, пишущие стихи, прошли через чистку «мужчин в серых костюмах». А Коля Саркисов, автор текста Гимна института, даже три месяца отбыл в кутузке» («Наброски к автобиографии», рукопись).

В те годы Александр серьёзно занимался спортом, был членом сборных команд института, города, края. Его рекорд города Пятигорска в беге на 1500 метров, установленный в 1960 году, не побит до сих пор.

1963 – завершил учёбу в институте, приобрёл специальность «учителя русского языка, литературы и немецкого языка». На последней встрече с выпускниками ректор пожелал молодым педагогам успешной творческой работы и попросил их самих высказать собственные пожелания.

— Если будет возможность, восстановить газету, — сказал выпускник Мосиенко, — я бы хотел её возглавить.

А пока ему пришлось стать директором восьмилетней школы в посёлке Ага-Батыр Курского района.

1966 – через три года получил из института письмо: «Вы высказали желание возглавить газету «Учитель» после её восстановления. Теперь такая возможность есть. Приезжайте для переговоров».

Так Александр Алексеевич стал главным редактором «Учителя» и проработал им полвека. В 1972 году газета получила в Праге диплом МОЖ (Международной организации журналистов) за участие в конкурсе «Мир Вьетнаму», а на международ-

ном конкурсе в Москве – диплом лауреата «Газета года – 95». Хотя самая дорогая награда – звание «Заслуженный работник культуры России» – была впереди (2005).

В 70-80-е годы прошлого века А. Мосиенко стал известен в крае как талантливый журналист-профессионал, опубликовавший в краевых СМИ более полутора тысяч злободневных публикаций. Недаром его включили в состав делегатов от Ставропольской журналистской организации на Первый учредительный съезд Союза журналистов России в 1990 году.

Будучи страстным альпинистом, прошёл все перевалы Центрального и Западного Кавказа, где в 1942 году шли упорные, ожесточённые бои с 49-м горно-стрелковым корпусом генерала Конрада. Принимал участие в сооружении мемориального комплекса в посёлке Пхия, посвящённого бойцам 25-го погранполка, и в установлении мемориальных досок на перевалах Аллаштраху, Цегеркер, Санчаро. Имеет значок «Альпинист СССР», которым дорожит и гордится. До недавнего времени каждое лето проводил отпуск в горах.

Осенью приступал к чтению лекций, посвящённых журналистике, в родном институте и параллельно вёл мастер-класс в средней школе № 6 города Пятигорска.

Четыре его воспитанника – лауреаты премии им. Германа Лопатина, десятки других работают в краевых и центральных изданиях. Ещё четверо стали членами Союза писателей России.

1995 – в год своего 60-летия А. Мосиенко подытожил пройденный путь: первое стихотворение написал в 1948 году, первое выступление в прессе состоялось 8 сентября 1954 года в газете «Комсомольская правда». В 1969-ом стал членом Союза журналистов СССР. Его публицистические и поэтические работы печатались в газетах «Правда», «Учительская газета», «Голос родины», в журналах «Дон», «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент», альманахе «Ставрополье».

«За годы учёбы и затем работы редактором у меня было множество встреч с интереснейшими людьми. Не один год состоял в длительной переписке с народным писателем Белоруссии Янкой Брылем. Дружил с блестящим поэтом детства Леонидом Епанешниковым, редкостным поэтом Александром

Мосинцевым (наша связь с ним тянулась с ещё студенческих лет, когда мы с ним выступали перед рабочими «Пятигорск-сельмаша»); с выдающимся журналистом-книжником Александром Иваненко, нежным прозаиком Иваном Аксёновым, неистовым писателем из Вологды Олегом Ларионовым. Все они вместе взятые сделали меня таким, каков я есть сегодня» («Наброски к автобиографии», рукопись).

Блестящим дебютом Мосиенко-писателя стали сразу два поэтических сборника, изданных с интервалом в несколько месяцев: «Кто за рулём» с предисловием Владимира Гнеушева и «Сентябрьская сирень».

К моему окошку осень подкатила.
На душе неладно – молодость прошла.
До чего же быстро так засентябрило.
До чего же быстро налетела мгла.

«... он никогда не пишет того, что принесёт человеку незаслуженную им боль, - характеризует друга В. Гнеушев. - Если и необходимо сказать правду в глаза, то он сделает это иными средствами, поэтическими, которые никогда не бьют, а отрезвляют. И потому я от души желаю ему доброго пути в литературе».

1997 – в издательстве МИЛ, созданном Мосинцевым, Иваненко, Лукашевичем, вышел сборник повестей и рассказов «Базальт», который сразу вывел автора в число ведущих ставропольских прозаиков. Первым это мнение подспудно высказал дважды профессор Дмитрий Савченко в статье «Зло – дитя непротивления»:

«Читая Мосиенко, как бы входяшь в круг очевидцев и даже участников тех, на первый взгляд, обыденных событий, где каждый действует по своей системе выживания.

Невольно задаёшь себе вопрос: «А почему, имея всё – и богатства земли, и силу национального духа, и зная, как надо жить, мы всё-таки прозябаем?» И чувствуешь, как буквально сжимает виски мысль о традиционной безграничности власти в России и удручающей ничтожности результатов её деятельности» («Ставропольские губернские ведомости» от 27 января 1999 года).

В 1997 году А. Мосиенко стал членом Союза писателей России. С этого времени он участвует во многих писательских мероприятиях. Их неустанно организует деятельный Иван Белосов, всегда оплачивая иногородним писателям проезд и даже отыскивая у спонсоров какие-то гроши на вспоможение.

— Да, на эту тысячу, друзья, можно купить немного, всего лишь килограмм селёдки, - потрясая купюрой, обращался к собранию Виктор Ярош. - Но меня греет и поддерживает мысль, что хоть кто-то думает обо мне в это бандитское время подлого, воровского передела моей страны. Спасибо за человеческое отношение к писателям, Иван Емельянович!

Вот на таком собрании, услышав в минуты отдыха, как я декламирую стихотворение Бориса Корнилова «Качка на Каспийском море», Мосиенко подошёл, взволнованно потряс мне руку и вложил в неё сборник «Базальт»: «Николаю Сахвадзе – писателю и артисту с пожеланием новых и новых книг. Искренне Александр Мосиенко. I.X.97». Ночью в гостинице я начал читать книгу и до утра не мог оторваться от неё.

1999 – в Пятигорске напечатана отдельным изданием пьеса А. Мосиенко «Сны Горбачёва». Фантастическая трагикомедия, написанная по мотивам исследования философа-марксиста Каньити Куроды, с реалистичной дерзостью показывает провинциальную супружескую чету, вознесённую на самый верх власти, и то, как эти иуды, предав собственный народ, пустили под откос супердержаву.

«Сны Горбачёва» – это уже пятая пьеса в творчестве А. Мосиенко. Ранее им были написаны «Следопыты», «Трясина», «Медальон», «Карьера Кочкина». К сожалению, ни одна из пьес так и не дошла до сцены. Книги «Кто за рулём» и «Сны Горбачёва» переведены на японский язык.

Новый век удачно начался для талантливового и трудолюбивого автора в плане выхода новых книг: «Букет признаний» и «Свадебный подарок» (2001), «Мои рубаи» (2002), «Я думаю, о вас» (2003), «Мой Лермонтов» (2004).

2005 – в Москве на шикарновй мелованновй бумаге отпечатан том избранновй лирики «Душа болит...», а дома, в издательстве МИЛ – «Проза жизни». За книгу «Проза жизни» А. Мосиенко

удостоен в 2006 году Губернаторской премии им. Андрея Губина.

2006 – издательство МИЛ выпускает нарядный, светло-фиолетовый том литературной критики «К поэзии и прозе прикасаясь», и вновь автор получает заслуженную награду: становится лауреатом премии им. Германа Лопатина.

2008 – появляется уникальная книга «Неукротимая река времени» (тысяча рубаи). Открывается она знаменитым и наиболее цитируемым четверостишием А. Мосиенко:

Я не Хайям, не Навои,
Но сочиняю рубаи –
Стихи восточные слегка,
По сути – русские, мои.

Приведу ещё одно четверостишие в подтверждение прозвучавшего вывода:

Кругом голодные, босые...
Богатство всё в руках ворья.
Опустошённая Россия
Превращена в объект сырья.

Такие вот получаются у него рубаи-репортажи на темы сегодняшнего дня.

2009 – том прозы «Вашиими молитвами!..» В него вошли пятнадцать рассказов, две повести и горькая до горючих слёз пьеса-трагедия из эпохи недавних чеченских войн «Корзина с головой». Матери продают по частям тело зарезанного сына...

2010 год отметился сразу двумя книгами: стихотворной (плюс очерки) «Горят цветы у обелисков» и сборником драматических произведений «Сегодня Каин отдыхает».

2011 – момент наивысшего творческого торжества А. Мосиенко: Пятигорский государственный лингвистический университет издаёт собрание сочинений писателя в трёх томах.

2013 – появляется очаровательный «Одуванчик-обдуванчик» с живыми и пленительными рисунками А. Иваненко.

Я хотела стать поэтом:
До чего ж занятно это.
Села – и напишется,
Что душою слышится.

Сколько раз садилась,
Но не получилось,
Говоря по совести –
Ни стиха, ни повести.

С этой поучительной, полной настоящего драматизма историей полезно ознакомиться и взрослым, поднаторевшим в ремесле пиитам и беллетристам.

В 2014-ом Александр Мосиенко получил из рук народного артиста России Николая Бурляева Диплом V Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» за рассказы и повести, опубликованные во втором томе собрания сочинений.

2015 – в издательстве МИЛ выходит «Избранное» (500 с.) с предисловием талантливого в разных жанрах Александра Иваненко:

«С выходом этой книги, многие узнают Александра Мосиенко и как художника. Проводя летние отпуска в горах Большого Кавказа, он не расстаётся с этюдником. Из его акварельных работ уже можно составить выставку.

Поэтический дар Александра Мосиенко – от Бога. Его творчество – это творчество сострадающего человека, с отчётливым взглядом на мир».

2017 – опубликован солидный том под названием «Поговори со мною, брат», - почти полувековая переписка А. Мосиенко со старшим братом Николаем, оказавшим на него серьёзное творческое влияние. Книга эта – слепок ушедшей эпохи во всей её красе и неоднозначности.

Осталось сообщить вам, что «Наброски к автобиографии», написанные писателем по моей просьбе, завершает информационный постскрипtum:

«P.S. Женат. Стаж женатого человека – 52 года. Имел двух детей – дочь и сына. К моему несчастью, сын в возрасте 37 лет после продолжительной болезни ушёл из жизни. Дочь пода-

рила двух внуков. Им сейчас 25 и 27 лет. Живут и работают самостоятельно.

23 февраля 2017 года, Пятигорск

ПИСЬМО

Коля, здравствуй! Задание своё выполнил. Насколько оно вписывается в твой замысел, суди сам. Всего тебе доброго и, конечно же, успехов творческих. Пиши, звони. С приветом Александр Алексеевич.

*И друг без друга нам
Не обойтись никак –
Приговорённым к слову».*

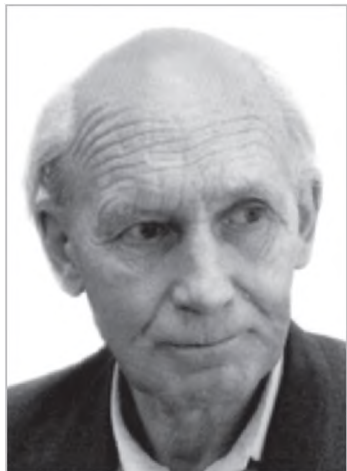

Встреча ставропольских писателей в Доме-музее Алябьева.

На первом плане (слева направо):

А. Мосиенко, А. Иваненко, Н. Сахвадзе.

Пятигорск, 2011 г.

**Мосинцев
Александр Фёдорович**
1938 – 2010

Если бы, окончив Литинститут, он остался в Москве, то ещё неизвестно, чей поэтический статус был бы сегодня выше — Александра Мосинцева или Юрия Кузнецова.

Родился Саша 1 июня 1938 года на Ставрополье. В селе Китаевском Новоселицкого района.

Я рождён в понизовом краю хуторов,
Где сады, будто слухи, темны и туманны,
Где у самой черты пустырей и дворов
Перепёлочный бой да густые бурьяны.

Азиатская вязь ивняковых плетней,
И в разводах акаций - белёные хаты.
Боже мой, боже мой, что я знаю о ней,
О земле, на которой родился когда-то?

«В нашей крестьянской семье высоко ценили грамотность, умение читать и писать, понимать написанное. Правда, собственных книг в доме не имелось, кроме «Библии» и «Тараса Бульбы». Но всё же оказалось их достаточно, чтобы обучить меня навыкам чтения. К нему подстрекал дед Семён, сам большой книгочей и знаток Писания».

1945 — 1 сентября дед Семён торжественно отвёл внука в сельскую школу. «Примерно с четвёртого класса начал баловаться стихами, хотя их, кроме близких товарищей, никому не показывал».

1952 — родители развелись, и мать, Анастасия Тихоновна, с четырнадцатилетним Сашей переехала в Пятигорск, который с тех пор он справедливо считает второй родиной.

1955 — закончил 11-ю мужскую школу в Пятигорске. Поступил

в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в горный техникум.

В молодёжной газете Северной Осетии состоялась первая публикация юношеских стихов. На каникулах зайдёт с тетрадкой в «Пятигорскую правду»: «Горячо благодарен Н.В. Капиевой, по-матерински принявшей мои далеко не совершенные поэтические опыты». В то время Наталья Владимировна (член Союза писателей СССР с 1946 года) руководила литературным объединением на Кавминводах при «Пятигорской правде».

1958 — после окончания техникума работал горным мастером в Тырнаузе (Кабардино-Балкария), учеником столяра на машиностроительном заводе в Пятигорске.

1959 — уехал в Сибирь, в Красноярский край, где начал простым бурильщиком, позже стал главным мастером бурового и бульдозерного участков Сорского молибденового комбината в Хакасии.

В начале 60-х призван в армию. Служил в г. Грозном (Чечено-Ингушетия).

1966 — поступил на очное отделение Литературного института им. Горького, в семинар Н.Н. Сидоренко. Жил в общежитии; общался там с Борисом Примеровым, Юрием Кузнецовым, Николаем Рубцовым.

1972 — в краевом центре выходит первая книга стихов, рукопись которой автор озаглавил «Присуха».

«Однако... мои старшие товарищи название предложили изменить. Дескать не стоит заострять внимание на стихотворении, посвященном гулящей замужней женщине. Это, мол, станет способствовать подрыву нравственных устоев подрастающего поколения. Разумеется, я возражал, но что стоил мой голос студента против признанных краевых авторитетов - поэтов и издателей тех лет? Сборник вышел под названием «Заречьё».»

Получил диплом, в коем решением Государственной экзаменационной комиссии присвоена квалификация литературного работника.

«Закончив учёбу, приехал по направлению Союза писателей в Ставрополь на должность ответсекретаря альманаха «Ставрополье».»

1973 — издательство «Современник» в популярной серии «Первая книга в столице» выпускает сборник «Пора новолуния».

Вникая в истины простые,
Мне понимать без ворожбы:
Судьба моя — в судьбе России,
А без России — нет судьбы.

«Хочется отметить, — пишет во вступительном слове Евг. Осетров, — что автору часто удаётся сплавить лирическую стихию с гражданственными мотивами, героя — с невыдуманной действительностью. «Пора новолуния» — не проба пера, а настоящая книга стихов. Уверен, что она найдёт добрый отзвук в сердце читателя».

1974 — принят в члены Союза писателей СССР.

1975 — моё знакомство с поэтом, случившееся 23-го мая. Под стандартным пожеланием на книге «Пора новолуния»: «Николаю Сахвадзе на добрую память. С уважением А. Мосинцев», — стоит именно эта дата.

Наши встречи с ним были случайны и нерегулярны, и происходили либо на квартире общего друга В. Колесникова, либо в Союзе писателей, а последние годы — в Пятигорске, где, бывало, останавливался у него. Он умел легко и тонко проникать в суть прочитанного, поэтому я невероятно дорожил его мнением. А его искромётные выступления на писательских собраниях напоминали артистические этюды мастера.

1977 — в Ставропольском книжном издательстве выходит «Просторная осень». В её составе «Слободка», посвящённая В. Колесникову, «На станции» - Вл. Гнеушеву... Сорок перво-классных стихотворений!

1978 — вернулся (теперь уже окончательно) в Пятигорск. Возглавил литературную студию «Молодость» при краевом телевидении. Студия объединила начинающих литераторов городов Кавказских Минеральных Вод.

1981 — «Современник» публикует новый сборник стихов «Арбузный мёд».

1982 — в книге «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)» о поэте рассказывает Вадим Белоусов. Он отмечает талант, мастерство, неизменный интерес к жизни предков. Заканчивает материал историей, которая характеризует Мосинцева как педагога, способного выявить у подопечных скрытые творческие возможности:

«В то время он руководил литературной группой при редакции газеты «Молодой ленинец». В числе участников этого объединения был Семён Ефимович Ванетик, инженер-конструктор, человек по возрасту уже зрелый, но по литературному стажу относящийся к «молодым поэтам». Он писал средние по художественному уровню лирические стихи. Трудно сказать, что заставило Александра Мосинцева однажды заметить:

— Семён Ефимович, а почему бы вам не попробовать сделать литературную пародию?

Возможно, что-то в самих стихах навело на такую мысль, возможно выступления Ванетика при обсуждении творчества других членов группы позволяли разглядеть в нём дарование сатирика. Словом, совет был высказан и привёл Семёна Ефимовича в изумление: «Почему вдруг пародии?» Но, как человек основательный и весьма требовательный к себе, он решил попробовать. Результаты «проб» читатели неоднократно могли видеть не только в местной периодике, но и в журналах «Москва», «Крокодил», в еженедельнике «Литературная Россия» и других столичных изданиях. А в 1980 году в Ставрополе вышел первый сборник пародий и эпиграмм Семёна Ванетика «Озорные линзы».

1984 — в краевом центре публикуется пятый по счёту поэтический сборник Мосинцева «Сентябрьское утро».

90-е — работает в газете «Кавказский край», где печатает публицистические статьи, посвященные процессам, происходящим в стране. Во всех материалах хорошо просматривается бойцовский характер автора.

«Россия всегда жила надеждами на будущее. И вот дождалась. В конце 80-х как от предвестия будущих потрясений, от взрыва на Чернобыльской АЭС содрогнулась вся планета. А потом за несколько лет талантливые архитекторы перестройки с успехом развалили мощнейшее государство и погребли под обломками все социальные завоевания граждан. Только преступники, ненавидящие свой народ, могли реализовать кощунственную мысль о спешном создании класса богатых в ущерб нищенствующим, в число которых, в первую очередь, попали люди старшего поколения, ставшие пенсионерами. Появился слой новых властителей жизни».

1994 — вместе с Александром Иваненко, другом и соратником, принимает в редакции газеты «Кавказский край» А.И. Солженицына с супругой.

1996 — выходит сборник «У света на краю», а в книге А. Губина «Светское воспитание» - статья «Памяти Андрея Губина». В статье Мосинцев отмечает одолевающий ставропольских писателей «комплекс Сальери», по которому ремесленник недоуволен присутствием гения и готов отравить последнего.

К слову сказать, от этого комплекса доставалось и самому Мосинцеву. Я был свидетелем того, как один поэт в Пятигорске обратился к Александру Фёдоровичу со словами: «Скажи, вождь...» А закончил беседу истерическим выкриком: «Что ты из себя мэтра корчишь? Ты такой же поэт как и я! Ничем не отличаешься...»

А он отличался.

Он был живым воплощением искусства, сравнимым со стихией, и долгое время лишь грустно и милосердно улыбался в ответ на такие выпады. Но настал момент, когда его терпение кончилось:

Вот так живём, свой круг избрав
Среди подонков и шалав.

Будучи поэтом-мыслителем, Мосинцев в этом же стихотворении делает анализ истоков повседневной людской подлости, дисгармонии отношений, и приходит к выводу, что это результат грандиозной ломки общественного уклада:

В стране, где в пору волком выть,
Сегодня балом правит выть и новое ворьё.
Свобода вылилась в тщету
И развратила красоту -
Не отыскать основ.

Меж тем, в Кремле дудит в дуду,
Суля нам пышки на меду,
Орава паханов.
Наш мир, ослепший от забав,
Как в дни Иосифа кровав
И лжив, как в дни его.

Мы вместо вольности и прав
Хрен получили для приправ.
И больше ничего.

Со смертью Мосинцева поэзия курортного региона станет на порядок ниже. Но не будем забегать вперёд...

2000 — в серии «Библиотека писателей Ставрополья для школьников» выходит сборник «Присуха». Так поэт мечтал назвать когда-то самую первую книгу.

«Теперь, оглядываясь назад, думаю, напрасно я не проявил должной принципиальности. Дело-то в стихотворении касалось не гулящей женщины, а вообще женщины и любви к ней, а вместе с тем, я писал о привязанности к родной земле и природе, приверженности к обычаям, которые вошли в плоть и кровь моих земляков. Поэтому, поправляя ошибку молодости, я и назвал сборник, адресованный школьникам старшего возраста «Присуха». Уверен, что подрывает их нравственность вовсе не поэзия, в том числе и моя, а равнодушные государства к молодёжным проблемам, которое мы наблюдаем сегодня. В сущности, реформаторы, стремясь в короткий срок обогатить кучку нуворишей, бросили молодёжь, как котят, на произвол судьбы: отбивается охота учиться, создаются материальные препоны для получения специальности и образования, и в то же самое время ребят, едва получивших аттестат зрелости и принявших воинскую присягу, бросают в самое пекло межнациональных конфликтов против головорезов, получивших профессиональную подготовку в международных лагерях террористов. Такая политика устлана трупами».

В начале нового века Мосинцев становится председателем Независимой ассоциации писателей Кавминвод.

2003 — опубликован небольшой поэтический сборник «Переулок Пятый».

Словно снег на голову
В пламени заката:
Улица Ермолова,
Переулок Пятый.

Там, как ягода — ничья
На сутреве хвастала
Безоглядная твоя
Молодость лупастая.

2004 — становится лауреатом Губернаторской премии им. А.Т. Губина. На Всероссийском Лермонтовском празднике, посвященном 190-летию великого поэта, министр культуры Российской Федерации А.С. Соколов вручил Мосинцеву премию и знак лауреата Международного фонда М.Ю. Лермонтова.

2005 — альманах «Литературное Ставрополье» № 2 печатает статью Клары Штайн и Дениса Петренко «Провинциальные мотивы: штрихи к творческому портрету поэта Александра Мосинцева». В краевой прессе немало писалось о Мосинцеве и его стихах, но именно в этой работе вырисовывается образ глубокого вдохновенного певца (лирика и патриота), каким и был на деле Александр Фёдорович.

На семинаре писателей Москвы и Ставрополья получил юбилейную медаль Международного сообщества писательских союзов.

2009 — в издательстве МИЛ выходит последний поэтический сборник, подготовленный самим Мосинцевым — «Чаша цикуты». В нём стихи, написанные на рубеже тысячелетий: «Двадцатый век», «Недоумки хоронят царя...», «Двойник», «Сучата».

А всё ж в каком самозабвенье
Жульё толкует между тем
О всепрощенье, о терпенье,
О понимании проблем.

Они к величию креста
Нахрапом прут - напропалую,
Чтоб всё продать: и мать родную,
И воскрешённого Христа.

2010 — 6 мая Мосинцев в бессознательном состоянии обнаружен на пороге своего увитого виноградом дома на улице Краснослободской. Никто не знает, сколько времени проле-

жал он на деревянных ступеньках, отполированных подошвами местных и иногородних литераторов.

7 мая членам Союза писателей края сообщили по телефону из Литературного центра о смерти Александра Фёдоровича.

8 мая его похоронили на новом Хорошеевском кладбище г. Пятигорска. Осталось обширное наследие замечательного мастера слова, которое ждёт, надеюсь, вдумчивых исследователей и честных издателей.

Стоят (слева направо): Р. Котовская, Н. Ляшенко, М. Гавриш, П. Бибик, Н. Бондаренко, В. Бедина, А. Мосинцев. Сидят: В. Шевченко, С. Рыбалко, А. Иваненко, Ю. Кондратенко. г. Пятигорск

Орловский
Борис Александрович
1896 — 1959

Более полувека назад в Литературный институт им. Горького поступил молодой сибирский поэт Павел Мертвецов. Он писал стихи под псевдонимом Майский. Другой наш сокурсник, кумыкский прозаик Мустафа Гусейнов откровенно недоумевал: — У него замечательная русская фамилия: Мертвецов. А он взял и поменял её на еврейский псевдоним

Майский. Не понимаю...

Настоящая фамилия Бориса Орловского — Черепов. А та, под которой он жил, приглянулась его родителям, «лицам свободных профессий»: отцу-режиссёру и матери-актрисе. Ребёнок у творческой четы родился 23 февраля 1896 года во время гастролей в Ставрополе. Так расположились звёзды.

Семья ещё долго гастролировала с театральной труппой по городам Российской империи, прежде чем решила осесть в Севастополе.

В 1904 году, в разгар сражений русско-японской войны, мать отвела восьмилетнего Борю в двухэтажную мужскую гимназию на углу Херсонесского спуска.

«Как запомнился первый гимназический день!.. На мне тёмно-серая форма, того цвета, что называли тогда «маренго», только что от портного, и запах от форменной пары шёл какой-то особый, портновский. Светлые, совсем серебряные пуговицы... Прежде чем надеть курточку, я смотрелся поочерёдно в каждую пуговицу и видел в них свою счастливую физиономию, расплывшуюся как блин» («Искры с «Очакова»». Ст., 1960, с.3).

Окончив севастопольскую гимназию, уехал в Москву. Поступил в Высшее техническое училище. Смерть отца помешала закончить его. Нужда заставила начать самостоятельную жизнь. Работал токарем, слесарем, чертёжником.

В 1918 году вернулся в Севастополь. Освоил профессию котельщика в порту, получая по гривеннику с заклёпки.

В ноябре 1920-го остатки разгромленной армии генерала Врангеля погрузились на корабли и отбыли от севастопольского причала в Константинополь:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы всё мимо... мимо...
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
(Николай Туроверов).

1921 — Б. Орловский вместе с артелью водолазов, такелажников, слесарей принимает участие в подъёме затонувших в Чёрном море кораблей «Мария» и «Сметливый». Избран членом рабочкома металлистов.

1924 — кубанская газета «Красное знамя» печатает первые очерки Б. Орловского. Давняя, неодолимая тяга к слову, литературе, творчеству надолго приковала его к журналистике.

1933 — переезжает в Пятигорск. Становится спецкором газеты «Социалистическое земледелие» по Северо-Кавказскому краю; позже являлся сотрудником «Пятигорской правды» и «Орджоникидзевской правды». Вот заголовки некоторых его статей: «Сады южного Ставрополя», «Встреча призывников с участниками гражданской войны», «Женщины колхозной деревни», «Школьные спектакли в селе Александровском», «В эстонском колхозе «Эдази»» (Курсавский район).

1937 — отдельное издание Севкрайиздатом книги очерков «Мастерство чабана» (Пятигорск) о быте и секретах профессии чабанов-стахановцев. Первая книга писателя.

В годы Великой Отечественной войны военный корреспондент Б. Орловский стал членом ВКП(б). После окончания войны в качестве специального корреспондента сотрудничал в «Совхозной газете».

1945 — в Ставропольском краевом издательстве вышла вторая книга Б. Орловского «Колхозу XXV лет» о сельхозартели

«Коммунистический маяк». Первый материал об этом хозяйстве был написан им ещё до войны и опубликован 10 сентября 1940 года в газете «Орджоникидзевская правда».

Работа в «Совхозной газете» уводила лёгкого на подъём журналиста в самые дальние глухие углы Ставропольского края. В годы четвёртой пятилетки (1946 - 1950) он воочию наблюдал послевоенный подъём сельского хозяйства, непосильный труд и страдания измученных войной крестьян. Через несколько лет накопленный материал получит лишь частичное художественное воплощение в его творчестве.

1950 — краевое книжное издательство выпускает повесть «Утро победы» (Ст., 228 с., с ил.). В этом издательстве выйдут все последующие книги Бориса Орловского.

В 1954-ом книга очерков «Степи вольные. Записки корреспондента».

В 1956-ом повесть для юношества «Стальной кит» о нелёгкой, но увлекательной работе по подъёму затонувших судов в Чёрном море. О том, как стальная мощь линкора «Императрица Елизавета» (броня, боеприпасы, пушки-трёхдюймовки) пригодилась для создания двух бронепоездов, экипажи которых сформировали из рабочих подъёмной партии и под звуки «Интернационала» отправили на гражданскую войну. И долго ещё провожающие видели над отчищенными кем-то буквами «Императрица Елизавета» грозную непримиримую надпись: «Нет пощады врагам Советов!»

1957 — принят в Союз писателей СССР.

1958 — в альманахе «Ставрополье» № 18 напечатаны эпиграммы А. Лядова с дружескими шаржами И. Харсекина. На одном из рисунков изображён кит с фонтанчиком; на спине кита капитанский мостик; за штурвалом в морском кителе и фуражке с крабом твёрдо стоит Б. Орловский. Ниже — текст:

Ваш кит стальной
Поплыл в просторы.
Взял верный курс —
Навстречу дню,
И КРИТОбои-гарпунёры
Не прошибут его броню.

Возможно, это был выпад в сторону профессора Ставропольского пединститута Андрея Васильевича Попова, который 10 мая 1957 года опубликовал в «Ставропольской правде» статью под названием «Больше требовательности». Толковую рецензию на повесть Орловского напечатал в «Молодом ленинце» 7 апреля 1957 года недавно демобилизованный из рядов Советской Армии гвардии капитан Владимир Дятлов.

1959 — 21 февраля известный в крае писатель Борис Орловский скончался после тяжёлой болезни. За два дня до своего 63-летия.

22 февраля некрологи в «Ставропольской правде», «Молодом ленинце» и «Пятигорской правде» вышли с упоминанием его подлинной фамилии: Борис Александрович Черепов-Орловский. Похоронили его недалеко от места первоначального погребения М.Ю. Лермонтова.

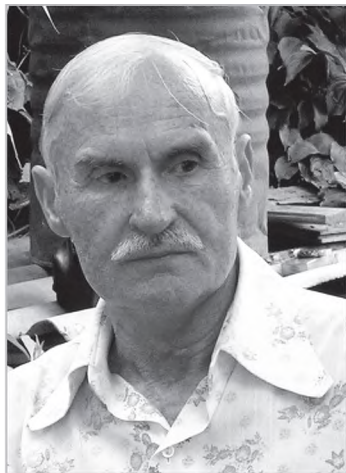
1960 — тиражом пятнадцать тысяч экземпляров выходит последняя подготовленная автором к печати повесть для детей среднего возраста «Искры с «Очакова»» (Ставрополь). В её основу легли севастопольские впечатления детства, окрашенные мягким непринуждённым юмором. Писатель Орловский считал эту повесть первой частью задуманной им трилогии. Он надеялся рассказать о своих современниках, участниках трёх революций. Преждевременная смерть помешала осуществить масштабный замысел.

1966 — юбилейный для Б. Орловского год прошёл без упоминаний о его юбилее. Зря искал я и усердно перечитывал годовой комплект альманаха «Ставрополье», там ни разу даже не вспомнили о 70-летию писателя.

«Тяжело видеть полное равнодушие к могилам отцов и дедов. А между тем у нас на Руси это явление повсеместное», — писал в 1915 году Григорий Николаевич Прозрителев (1848 — 1933), один из создателей краеведческого музея в Ставрополе. Он словно бы предвидел и свою, непростую посмертную судьбу.

2014 — в антологии «ИМЕНА в истории ставропольской краевой писательской организации» напечатана краткая биография Б. Орловского и небольшая глава из повести «Стальной кит» (Пятигорск, с. 105 — 108).

С тех пор его имя нигде больше мне не встречалось.

**Павлов
Анатолий Филиппович
1937 - 2014**

*Две трети жизни прожил... Небеса
прозренья даровали мне в награду,
и понял я, не надо как писать,
теперь узнать осталось — как же надо.*

Родина автора этих ироничных строк — ставропольское село Серафимовское Бурлацкого (ныне Арзгирского) района. Здесь 11 сентября 1937 года Анатолий появился на свет в семье колхозного агронома и сельской учительницы.

В возрасте пяти лет пережил немецкую оккупацию. Многие годы спустя напишет стихотворение «Моя азбука», в нём вспомнит самое сильное и гнетущее впечатление военного детства: казнь земляка-подпольщика, повешенного фашистами на сельской площади.

**Очень рано и не в том порядке
Азбуку я начал изучать.**

Когда родители решили переехать в село Архангельское Будённовского района, то Анатолия со старшим братом Виктором отправили к деду — Ивану Яковлевичу Фомину. Дед жил в краевом центре на улице Ясеновской, недалеко от дома, где родился и вырос писатель Илья Сургучёв.

Особый интерес проявил Анатолий к библиотеке деда. На полках стояли дореволюционные собрания сочинений П.И. Мельникова-Печерского, Френсиса Брет-Гарта, Редьярда Киплинга, И.А. Бунина... Усердное чтение книг стало для любознательного подростка повседневной необходимостью. Впоследствии он не раз поражал воображение окружающих объёмом знаний.

1954 — окончил среднюю школу №8 города Ставрополя, поступил на историческое отделение историко-филологическо-

го факультета Ставропольского пединститута. В сентябре студентов-первокурсников отправили в Благодарненский район на уборку кукурузы.

Откроем книгу воспоминаний Ивана Аксёнова:

«В первый же день работы на соседнем со мною рядке оказался Толя Павлов... Не помню, кто из нас заговорил первый – я или Толя, но вскоре я обнаружил, что общаться с ним мне интересно. Выяснилось, что он очень начитан, причём любим мы одних и тех же писателей. Позже обнаружилось, что оба пишем стихи. Теперь мы уже намеренно становились рядом и вели нескончаемые разговоры о книгах, кинофильмах, художниках. К концу нашей работы в колхозе мы стали друзьями...» («Лоскутное одеяло», Новопавловск, 2006. с.109, 110).

Атмосфера пединститута тех лет была пропитана невероятной любовью к литературе, к художественному творчеству. А. Павлов, И. Аксёнов вместе с несколькими друзьями стали выпускать рукописный журнал «Старый циник». Ими был написан роман «Бекцелиада, или Гибель Ухлисского университета» об ушедшем на покой пирате Бене Бекцеле, вложившем награбленные сокровища в дело образования подрастающего поколения. А о чём ещё могли писать будущие педагоги?

«Закончив роман, – вспоминает учёный-филолог Л.П. Егорова, – авторы принялись за пародию на советский детектив, которую назвали «Конец рыжего незнакомца». И всё это время Павлов писал стихи» («История литературы Ставрополя. XX век». Ст., 2012, с. 378).

1959 – в июне А. Павлов получил диплом и направление в Хасавюртовский район Дагестана. Здесь стал учительствовать в ауле Узун-Отар, неподалёку от Хасавюрта.

Обратимся к тексту, написанному по моей просьбе И. Аксёновым:

«Ни электричества, ни асфальта в ауле не было. В маленькой холодной каморке, где жил Анатолий Павлов, помещались только узкая кровать, небольшой столик и табурет. Подоконник был завален книгами. Читать, проверять тетради и писать поурочные планы приходилось при тусклом свете керосиновой лампы. Кинопередвижка в аул приезжала редко. Накопив денег, Анатолий купил радиоприёмник, работавший на

батареях. Музыка скрашивала ему скучную жизнь в глухом, далёком от культурных центров местечке.

Работая в Дагестане, он не забывал о друзьях, вёл с ними большую переписку, присылал новые стихи, забавные истории из жизни аула.

В 1961 году Анатолий женился на учительнице Нине Григорьевне Соленковой, преподававшей в школе аула биологию и химию. А осенью того же года его призвали на военную службу. Жена Нина переехала в Ставрополь. Там в 1962 году родилась дочь Ира...» («Биография Анатолия Павлова», рукопись).

Итак, в ноябре 1961 года 24-летний преподаватель направлен в Оренбургскую школу связи.

1962 — 12 июля сдал экзамены на классность, но сержантом не стал: всю школу отправили в срочную командировку. В командировке Павлов ведёт дневник, который в дальнейшем переработает в книгу воспоминаний «Рубашки в клеточку» («Южная звезда» № 4, 2012). Это история пребывания советских войск на острове Куба во время Карибского кризиса. Кстати сказать, слово «Куба» советские люди расшифровывали тогда так: «Коммунизм У Берегов Америки».

Кроме солдатского дневника А. Павлова, я использовал очерк о генерале армии Иссе Александровиче Плиеве из книги Урусбиа Батырова «Гордость Осетии» (М., «Мегапир», 2005), чтобы воспроизвести здесь хронику тех событий.

За два месяца на остров скрытно переправили более 40 тысяч человек личного состава с вооружением (42 ракетных установки с дальностью действия ракет от 2,5 до 4,5 тысяч километров), техникой, боеприпасами, продовольствием и стройматериалами. Ракетные установки тайно перевозились по ночам с берега океана к местам расположения в глубине острова. Одна группа вовремя не управилась и проезжала через кубинский город уже в первой половине дня. На улицах не было ни души, город словно вымер. «Что случилось с людьми?» — забеспокоился советский офицер. «Фидель приказал всем спать», — ответил сопровождающий.

Командующим группировкой, по предложению Н.С. Хрущёва, назначили дважды Героя Советского Союза И.А. Плиева

с весьма широкими полномочиями: вплоть до использования тактических ракет с ядерной боеголовкой.

Согласно секретному плану «Анадырь», разработанному Генеральным штабом, 10 июля 1962 года группа во главе с И. Плиевым вылетела на Кубу первым техническим рейсом самолёта Ту-144 под видом специалистов сельского хозяйства.

Анатолий Павлов достиг берегов Кубы на теплоходе «Латвия» 5 сентября 1962 года. Местом постоянного пребывания стал город Камагуэй, административный центр одноимённой провинции, один из основных районов страны по выращиванию сахарного тростника.

«Чёрной субботой» называют американцы 27 октября: мир в этот день висел на волоске. 28 октября, благодаря договоренности Советского правительства с президентом США Дж. Кеннеди, напряжение стало понижаться.

Закончился Карибский кризис 20 ноября 1962 года, после того как Дж. Кеннеди объявил о снятии блокады. Советские ракеты к тому времени с Кубы вывезли. На острове оставили воинское соединение, которое могло бы помочь кубинцам в овладении боевой советской техникой. В число военнослужащих элитного соединения вошёл Анатолий Павлов, который готовил из кубинских солдат связистов.

Год и девять месяцев пробыл он вдали от Родины, но и здесь продолжал заниматься литературным творчеством: вёл дневник, писал рассказы, сочинял стихи. 1 ноября 1963 года написал «Письмо с Кубы»:

Сюда б на год министра обороны,
Чтобы он смог понять наверняка,
Какая здесь, в раю вечнозелёном,
Зелёная и вечная тоска.

У вас зима, а здесь цветёт как в мае,
Тут на красу не поспешил Бог,
Но всю её охотно я сменяю
На ставропольский пасмурный денёк.

1964 — 15 июня стихотворец-интернационалист в последний раз окинул взглядом берег острова с палубы теплохода «Грузия» и с облегчением произнёс: «Adios, Cuba!»

Во время плавания солдаты узнали, что именно на этом теплоходе перевезли на родину казаков-некрасовцев в сентябре 1962 года. В Стамбуле их погрузилось на судно 999 человек, а в Новороссийске высадились тысяча; у одной семьи на корабле родился сын.

29 июня «Грузия» причалила в товарном порту Ленинграда. Здесь боец Павлов завершил кубинский дневник: «Говорят, что сегодня за ночь нас рассчитают, а там и по домам. Значит, на этой неделе смогу быть дома».

Долгожданная встреча в начале июля — один из самых радостных моментов в жизни супругов. Проблемы начались позже, вместе с поиском работы. Ежегодно пединститут выпускал более сотни преподавателей, большинство старалось осесть в краевом центре. Выбирать особо не приходилось. Анатолий Филиппович стал преподавать русский язык, литературу и историю в вечерней сменной школе закрытого типа при Ставропольской исправительно-трудовой колонии.

Чтобы понять, какая она, работа в местах лишения свободы, достаточно взглянуть на распорядок дня учителя: уроки начинаются в восемь утра и продолжаются до двенадцати, затем — с восемнадцати до двадцати одного часа. Выкроить время для занятий литературным творчеством было ох как непросто. Сочинять приходилось ночами в маленькой кухне.

Несмотря на очевидные трудности, А. Павлов создал литературную студию для тех заключённых, кто увлекался поэзией. Их стихи печатались в еженедельной многотиражке закрытого типа «Производственник». Газета начала издаваться с января 1980 года при политической части исправительно-трудовой колонии. Газету категорически запрещалось выносить за пределы подразделений.

Я не знаю, публиковалось ли в «Производственнике» стихотворение А. Павлова «Чайка над Ставрополем», но считаю необходимым процитировать здесь две строфы из него:

В колодце тюрьмы, за колючкой запретки,
Под вышкой, где дремлет сверхсрочник-солдат,
Стоят два парнишки, птенцы-малолетки,
Два зека, и в небо на чайку глядят.

И смотрят подростки, как птицы из клетки,
И каждому видится синий простор...
Эх, чайка! Ах, мама! Ох, я, малолетка!
Зачем же вы так, гражданин прокурор?..

В 1989 году альманах «Ставрополье» № 5 опубликовал мою «Повесть о несостоявшемся художнике». Знакомясь с другими материалами номера, обнаружил в разделе «Фантастика» рассказ «Тогда тебя звали Мария» Анатолия Павлова. Это была философская притча о жизни, о смерти, о любви и бессмертии. Автор заинтересовал меня, и с тех пор я не пропускал ничего из опубликованного под этим именем в краевых газетах, в альманахе «Литературный Кисловодск», в ежеквартальном журнале «Лира Кавказа».

1993 — в Новопавловске выходит первая книга А. Павлова «Голубая свирель». В ней собраны стихи 1960 — 1980-х годов.

1997 — смерть дочери Ирины, врача-педиатра, породила скорбные, щемящие душу строки:

Голос внучки тоненько дрожит,
а лицо краснеет густо-густо:
— Дедушка, дедулечка, скажи,
отчего опять такой ты грустный?

Я молчу, не разжимая губ,
только глажу этот тёплый лучик...
Я сказал бы, только не могу:
в горле ком стоит ежом колючим...

Девочек осталось двое. К их судьбе Анатолий Филиппович и Нина Григорьевна, учителя-профессионалы со стажем, проявили нежное и заботливое внимание, принимали самое ак-

тивное участие в их воспитании. Старшая Алёна стала, как и мать, врачом-педиатром, младшая Диана после окончания Северо-Кавказского федерального университета – психологом.

Личное горе семьи Павловых пришлось на тяжкие годы страданий всего российского народа. Бездарный, самонадеянный министр обороны Павел Грачёв и президент-пьяница Борис Ельцин с непостижимой безответственностью развязали первую чеченскую войну. Анатолий Павлов отозвался на трагические события стихотворением «Грозный»:

Здесь мысль одна: дожить до завтра.
Здесь и зимой грохочет «Град».
Здесь танк с восторгом динозавра
Крушит, утюжит детский сад.

Торчат среди развалин трубы,
Холодные, как глаз хамсы,
И разложившиеся трупы,
Рыча, догладывают псы.

Погибнуть в двадцать – неприятно,
И всё ж нелепее вдвойне —
В России, дома – в непонятной,
Но страшной, как война, войне.

2004 — в Новопавловске выходит второй сборник А. Павлова «Долгая память», посвящённый памяти дочери Ирины. В книгу вошли избранные стихотворения и рассказы.

Рассказы написаны рукой мастера, — как фантастические, так и биографические: «Проездом в Ставрополе» о поэте Лермонтове, «Бессонный разум» о пребывании Льва Толстого в Пятигорске. Особняком стоит «Недочитанная рукопись». В ней параллельно с описанием дня ареста Лаврентия Бери предлагается прожить последний день древнеримского императора Гая. Писатель умело и увлекательно рисует картину перерождения правителя в злодея, исследует роль тиранов в истории цивилизации.

2006 — в журнале «Лира Кавказа» № 9-10 Анатолий Павлов продолжает биографический цикл о великих людях искусства рассказом «Жаба в кармане» о Петре Ильиче Чайковском.

2011 — пережил инсульт, вышел на пенсию. Трудовой стаж А. Павлова составил столетия.

2012 — учёный-филолог Л.П. Егорова выпускает в свет «Историю литературы Ставрополя. XX век». В ней между очерками об Иване Аксёнове и Николае Сахвадзе вклинился профессиональный «разбор полётов» первого поэтического сборника А. Павлова «Голубая свирель»: «В отличие от многих поэтов, черпавших вдохновение в странствиях по Кавказу с его экзотической природой, Павлов-поэт прошёл мимо дагестанских впечатлений. Его поэтический мир — мир ставшего навсегда родным Ставрополя, такой узнаваемый, например, в стихотворении «Хорошо идти по городу». Узнаваемы «и сильный день зимы гнилой», и упоминание о бульваре, и зазывные хриплые голоса женщин: «Три букетика цветов!». Павлов проявляет как будто нарочитое внимание к унылой неприкрашенной повседневности» (с.379).

Попасть в фундаментальный труд Л. Егоровой — честь для любого ставропольского писателя! Ведь даже не каждый лауреат Губернаторской премии по литературе удостоился внимания исследователя: Александр Мосиенко из Пятигорска не упомянут ни разу, Николай Ляшенко из села Константиновское — один раз в общем списке, в связи с публикациями альманаха «Ставрополье» (с.350).

13 декабря 2014 года в Пятигорск на презентацию внушительного тома «ИМЕНА в истории ставропольской краевой писательской организации» съехались многие ныне здравствующие герои книги «ИМЕНА». Во второй половине дня у Ивана Аксёнова зазвонил мобильник. Писатель поднёс трубку к уху и на глазах переменялся в лице.

— Что? Что случилось, Иван Михайлович? — заволновались сразу несколько человек.

— Я осиротел только что, — прошептал Аксёнов. — Умер Толя Павлов... Больше, чем брат для меня.

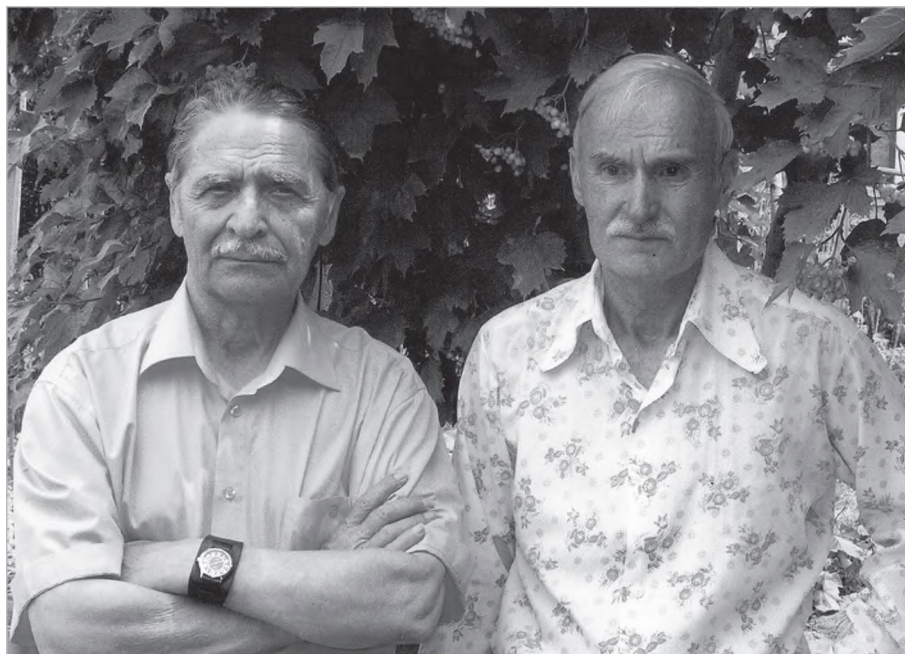
Ученики Павлова приехали на похороны учителя со всех концов Ставропольского края. Бывшие зеки не скрывали слёз у разверстой могилы.

Анатолий Филиппович Павлов успел напечатать немного произведений. Но это настоящая литература.

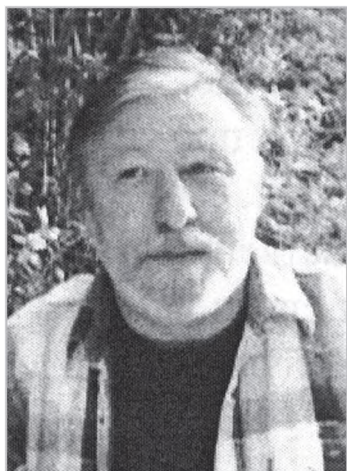
Неизданными остались в его архиве многие стихи, рассказы, историческая драма «Хроника двора Ирода Великого». Смерть помешала закончить последнюю главу повести об Иоанне Крестителе «Пепельный свет луны».

Прочтём ли мы когда-нибудь эти произведения?

Думаю, вряд ли.

*На снимке (слева направо):
писатели Иван Аксенов и Анатолий Павлов.
г. Новопавловск, 2009 г.*

Пидоренко Игорь Викторович

Родился 17 июня 1953 года в Ставрополе в семье военного офицера. Шесть лет жил с родителями в Германской Демократической Республике. Чужой язык освоил так, что когда с матерью выходил в Германии на улицу, прохожие с удивлением спрашивали: «Почему ты, немецкий мальчик, с русской женщиной ходишь?»

Главной страстью подростка было чтение. «Когда чудесным случаем в руки попадала по-настоящему хорошая книга, всё, прощай ночь, под одеяло да с фонариком, чтобы родители думали, что сплю», – вспоминал Игорь Викторович на XXV краевом фестивале фантастики им. В.Д. Звягинцева (2019).

В 1970 году получил аттестат зрелости в школе № 12 города Ставрополя и до призыва в Советскую Армию работал на обувной фабрике.

Служил в песках Туркмении.

1974 — демобилизовавшись, поступил в Пятигорский институт иностранных языков на факультет испанского языка.

1979 — получил диплом, в котором решением Государственной экзаменационной комиссии ему присвоена специальность преподавателя испанского и английского языков.

Работал переводчиком у кубинцев, командированных на химкомбинат, мечтал перейти в туристическое бюро. Был инженером-патентоведом в конструкторском бюро, техническим переводчиком на заводе автоприцепов в Ставрополе.

«Не знаю, как сейчас, но тогда весь состав ИТР махал кувалдами на конвейере – прицепы собирал. Потому что об этом клеевом заводе, не успев его ещё как следует построить, уже доложились «наверх»: мол, ура, сделали раньше срока! А «сверху» – на! – получите план! И как его, непомерный план, выполнять, когда завод ещё достраивать и доводить до ума чёрт знает сколько

времени нужно? А энтузиазм на что, трудовой порыв? Так что вместе с рабочими и зэками прицепы собирали всякие там инженеры да проектировщики. Причём последние обычно в ночные смены, согреваясь у костров, которые тут же в цеху горели.

Вот тогда я и написал первый свой рассказ «Все вещи мира» (Журнал «Южная звезда» №4, 2004, с.54).

16 февраля 1980 года рассказ напечатан в газете «Молодой ленинец»; занял первое место на краевом конкурсе. Номер газеты попался на глаза Аркадию Стругацкому и произвёл на него столь сильное впечатление, что мэтр пристроил «Все вещи мира» в сборник научной фантастики издательства «Знание», выпуск 27 (М.: 1983, с. 140-144).

С 1982 по 1984 год И. Пидоренко служит военным переводчиком в Анголе. Здесь шла гражданская война, в ней из чувства так называемого «интернационального долга» принимали участие Куба и Советский Союз. Мало было нам мясорубки в Афганистане, понадобилось нести свет ленинских идей ещё и в джунгли Африки.

Как писал абазинский поэт и прозаик Калимурза Джегутанов в альманахе «Ставрополье» №1 за 1960 год (перевод Владимира Максимова, будущего диссидента):

Если повстанцу, идущему в бой,
В Гвиане, Малайе, Кении
Сказать не сможешь: – Я с тобой!
Скажи вместо этого: – Ленин!
Тогда как лучшего друга тебя
Примут в семье солдатской,
Дадут винтовку, поверят, любя,
И руку пожмут по-братски.

Но молодой писатель И. Пидоренко и в Африке исполнял своё предназначение. Рассказы и повести писал в землянке в ученических тетрадках при свете керосиновой лампы.

«Когда я ещё с пишущей машинкой был не в ладах, писать приходилось от руки. Причём шариковой ручкой не получалось: мысль идёт так быстро, не успеваешь всё записать. Для

скорости я работал цанговым карандашом – его затачивать не нужно: кнопочку нажимаешь, и грифель «выползает». А сейчас, конечно, только компьютер» (Журнал «Наш» №1, 2007, с.46).

Завершив двухлетнее африканское «сафари», по приглашению собрата-фантаста Евгения Панаско стал младшим редактором художественной литературы в Ставропольском книжном издательстве.

В сентябре 1987 года Игорь Пидоренко и Василий Звягинцев поехали за свой счёт в Краснодарский край. Здесь, в Новомихайловке, на берегу Чёрного моря проходил первый в истории СССР конвент любителей фантастики.

«Времена стояли мрачные, – вспоминает Игорь Викторович, – у руля находился «минеральный секретарь», и борьба с алкоголем велась серьёзная. А на турбазе, где проходил «Новокон», совершенно свободно торговал пивной ларёк! И вот стоим мы с Василием, грустим за одинокими кружками пива (с финансами было туговато), тут подходят какие-то парни, тоже, видимо, участники конвента и спрашивают: «Ребята, вы откуда». «Из Ставрополя», – отвечаем мы. «Там у вас такой Пидоренко есть, он «Все вещи мира» написал». «Ну, я это», – говорю. И в мгновение ока наш столик оказывается заставлен кружками пива и тарелками с шашлыком: «Ешьте, пейте ребята! Вы молодцы!» Такая вот слава» (Альманах «Литературное Ставрополье» № 4, 2016, с. 312 - 313).

В 1988 году краевое издательство впервые выпустило сборник фантастических произведений ставропольских авторов «Десант из прошлого». Открывает книгу подборка рассказов Игоря Пидоренко. Двадцать лет спустя он расскажет о тех мытарствах, которые довелось испытать ему вместе с Евгением Панаско, прежде чем они сумели «пробить» в печать легендарную книгу (смотри газету «Ставропольская правда» от 6 января 2009 года). Пятнадцать тысяч экземпляров «Десанта из прошлого» тут же стали библиографической редкостью.

1989 – выходит первый авторский сборник фантастических повестей и рассказов И. Пидоренко «Мухобой» (Ставрополь). Автор редактировал в те дни рукопись моей книги «Его последний вечер» и подарил мне экземпляр «Мухобоя» с дружелюбной надписью: «Николаю Сахвадзе – с искренни-

ми надеждами на дальнейшее сотрудничество. – 20.04.1990».

Нашим далеко идущим планам не суждено было сбыться. Виной тому гидра перестройки, о которой народ высказался прицельной очередью слов: «Перестройка – перестрелка – перебранка – передел».

1990 – активное участие И. Пидоренко в работе Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ) подарило ему возможность выпустить в свет вторую книгу – «Две недели зимних четвергов» в издательстве «Молодая гвардия» (Москва).

А вот сотрудничество с кинематографом не срослось. В Минске, на Белорусском телевидении, собирались делать мультфильм по рассказу И. Пидоренко, на Одесской киностудии планировали запустить полнометражный фильм. Крушение Советского Союза поставило крест на этих планах.

В дни смены формации и власти редактор-фантаст переходит из Ставропольского книжного издательства в издательство «Кавказский край», открытое предприимчивым Анатолием Яковлевичем Лысенко (1937 - 1998), создателем значительных (и не только по объёму) исторических романов; ныне его творчество изучают историки и филологи. Недостаток сведений о его жизни мешает мне включить биографию этого поистине уникального писателя в данный словарь-справочник.

1993 — в издательстве «Кавказский край» опубликована самая главная, на мой взгляд, книга И. Пидоренко «Все вещи мира». Она вобрала в себя всю созданную им на тот момент «фантастику с человеческим лицом».

Однажды в разговоре со мной Игорь Викторович буднично отметил, что тираж его произведений превысил два миллиона экземпляров. Если учесть полтора десятка коллективных сборников, изданных в Москве в серии «Школа Ефремова» и «Румбы фантастики», то, думаю, так оно и есть.

Ему довелось встречаться и расположить к себе писателей, ставших при жизни классиками научно-фантастического жанра. Это Аркадий Стругацкий, Север Гансовский, Кир Булычѳ.

В 1994 году Игорь Пидоренко принят в Союз писателей России одновременно с Василием Звягинцевым.

После того, как издательство «Кавказский край», в связи со

смертью А. Лысенко в декабре 1998 года, прекратило своё существование, перешёл в редакцию газеты «Ставропольская правда». Когда неожиданно для всех умер писатель и публицист Вадим Белоусов, стал вместо него ведущим «Литературной гостиной». Старался держать творческую планку рубрики на том же высоком уровне, на какой вывел её талантливый предшественник.

Выпустил книги «Небо под потолком» (1998), «Степные волки» (2000), «Сейвер» (2003), «Подземелье зла» (2005).

С 2003 года занимается исключительно литературным трудом.

«Мне работается и думается лучше всего не ночью, а с утра. Вот встал, прогулялся с собакой, накормил попугая, позавтракал, после этого сажусь за компьютер и работаю с утра до обеда. В день у меня получается пять страниц. Это довольно много.

Своих героев я помещаю в современную эпоху, потому что в ней живу и лучше остальных эпох знаю её. Я не хочу лезть в историю просто чтобы не врать, не передёргивать факты» (Журнал «Наш» №1, 2007, с.46 - 47).

2004 — в журнале «Южная звезда» № 4 выходят увлекательные воспоминания И. Пидоренко о писателях А. Стругацком и К. Булычёве: «Не хочется забывать этих людей. Весёлых, добрых, талантливых, отзывчивых. Огромных. Я сам человек не очень маленьких габаритов. Но всё же несколько терялся, встречаясь с ними. Может быть, тому причиной и моё бесконечное уважение к ним, к их творчеству» (с. 53).

2005 — возобновилось издание краевого альманаха под названием «Литературное Ставрополье». Пост ответственного секретаря альманаха занял И. Пидоренко.

Союз писателей России отметил творчество талантливого фантаста литературной премией им. Александра Фадеева.

2006 — в «Литературном Ставрополье» №1 - 2 напечатан отрывок из романа «Сорок дней». Автор делится мыслями о новой книге в интервью «Никогда не изобретать велосипед»:

«Я не люблю придумывать про космос, про то, как кто-то куда-то полетел и что-то открыл. Важнее всего человек и его жизнь. Роман «40 дней», над которым работаю сейчас, о том, как в последний момент человек попал на самолёт и этот самолёт разбился. Он остаётся единственным выжившим. И оказы-

вается, что не просто так ему повезло: его «оставили» в живых для того, чтобы он доделал земные дела тех, кто погиб» (Журнал «Наш» №1, 2007, с. 46).

На публикацию отрывка отозвалась Татьяна Карповна Чёрная в большой обзорной статье «Новый альманах»:

«...иронико-фантастическое повествование с философским подтекстом о значении жизни и смерти и о личной ответственности каждого отдельного человека за всех. Замысел глубокий, и форма для него выбрана оригинальная. Повествование движется легко, естественно, каждое описанное событие заставляет ожидать следующего, характеры живые, натуральные, много юмора, за которым тут же возникают серьёзные вопросы. В то же время ощущается наличие тонкой грани, которую нельзя перейти, чтобы не впасть в прямолинейную дидактику, в расхожую символику, способную очень легко перейти в безвкусицу» (Альманах «Литературное Ставрополье» №1, 2008, с.187).

В настоящее время И. Пидоренко работает в авантюрном жанре. Двухлетнее пребывание в Африке позволило ему через четверть века создать ряд качественных боевиков о действиях нашего спецназа в Анголе и других странах:

- «Приказ есть приказ» (2006),
- «Приказы не обсуждаются» (2007),
- «Без приказа» (2010),
- «Приказ: дойти до Амазонки» (2012),
- «Приказа не будет» (2013),
- «Последний приказ» (2015).

Дебютный роман этой серии получил в 2007 году Губернаторскую премию им. Андрея Губина.

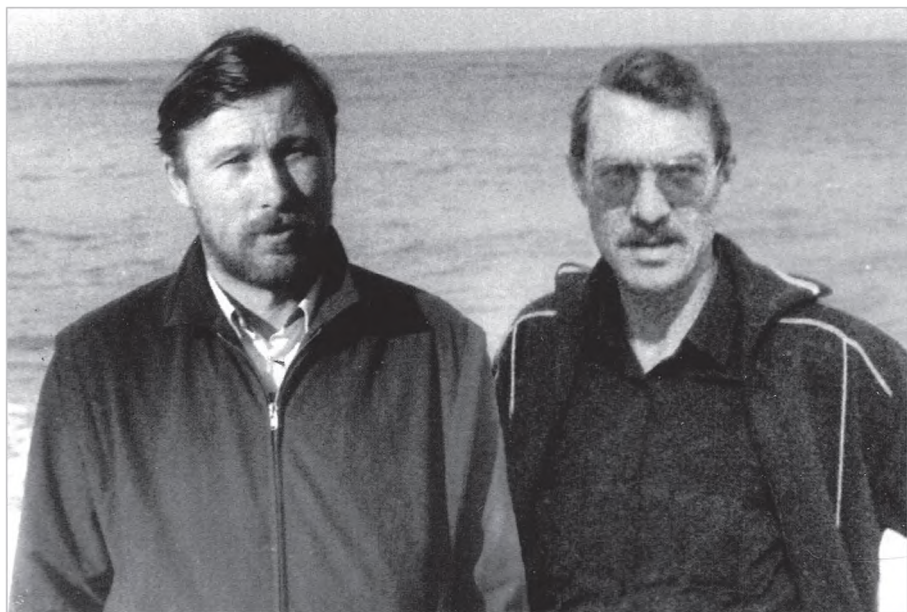
2015 – награждён Всероссийской премией «Во славу Отечества».

2018 – в ноябре в Литературном центре прошла презентация книги И. Пидоренко «Степные волки». Как пишет журналистка Валентина Лезвина, «книга, на мой взгляд, собрала в себе лучшее и из фантастики, и из боевиков. Славная вышла книга, право слово» («Ставропольская правда», 30 ноября 2018). Эта работа писателя получила Губернаторскую премию им. Андрея Губина за 2018 год.

После смерти Евгения Панаско и Василия Звягинцева, единственным в крае фантастом-профессионалом остаётся Игорь

Пидоренко. Последние годы произведения писателя выходят под псевдонимом Игорь Берег. Автор сумел добиться признания сначала под своей фамилией, а затем прославился на всю страну уже под псевдонимом.

Это смог бы далеко не каждый писатель России и даже мира. Мне на память приходит лишь французский писатель Ромен Гари (1914 - 1980), единственный в мире дважды лауреат Гонкуровской премии, которую по уставу Французской академии писатель может получить раз в жизни. Мистификатор получил её под разными фамилиями: Ромен Гари и Эмиль Ажар.

*Игорь Пидоренко и Василий Звягинцев —
участники Первого конвента любителей фантастики
в Новомихайловске. Сентябрь 1987 г.*

Романов
Игорь Степанович
1927 – 2009

13 марта 1927-го — родился в городе Ейске, расположенном на берегу Азовского моря. Город основан в 1848-ом, но в XIV веке на его месте находилась крупная генуэзская колония Бальзамиха.

1933 — «Шести лет родители навсегда, к сожалению, увезли меня из Ейска, поскольку отца зачислили в тот самый «отряд» двадцатипятилетиячников, что был брошен большевиками на подъём сельского хозяйства. Мы осели на какое-то время в крохотной деревушке Левады у притока Дона, неподалёку от города Миллерово, затем оказались в Новочеркасске...»

1936 — начинаются кровавые судебные процессы над старыми ленинцами. Основное внимание уделяется Зиновьеву, Каменеву и их окружению, но одновременно по всей стране брошено в тюрьмы немало простых коммунистов. Взяли и Степана Лукича Романова.

«И мы с матерью стали вдруг «родственниками врага народа». Позже я так и не смог добиться от отца: за что его арестовали, как ему удалось (повезло!) выбраться из застенков НКВД, и что он почти за четыре года заточения пережил?..»

Мать с сыном переезжают к родне в Кабардино-Балкарию.

Нальчик, город крохотный
У кавказских круч, —
Детству вечный памятник,
Света тёплый луч.

Не остынут в памяти эти времена —
Годы предвоенные. И сама война.

1942 — немецкие войска оккупировали город. По свидетельству Романова, ему даже довелось попартизанить с друзьями в Нальчике и его окрестностях - «немного по-пацанячьи, хотя рисковали по-взрослому».

1944 — в октябре призван в ряды Советской Армии. На крутых серпантинах перевалов Степанавана в Армении его в спешном порядке обучают водить грузовик в горных условиях.

1945 — в составе Шестого отдельного автополка, приданного конно-механизированной группе генерала И.А. Плиева, отправлен на войну с Японией. Перевалив к середине августа Большой Хинган, стал перевозить грузы и раненых по разбитым дорогам. Иногда, чтобы спастись в пустыне от налётов японской авиации, приходилось на привале закапываться «заподлицо» в раскалённый песок Маньчжурии вместе с боевой машиной.

Сотрясали шар земной моторы.

Гарь пороховую ветер нёс.

Мир подлунный,

Точно поезд скорый,

В грохоте

срывался

под откос...

Второе сентября, день окончания Второй мировой войны, когда в Токийской бухте на палубе линкора «Миссури» был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии, встретил близ берегов Жёлтого моря под городом Чифын. Впереди у гвардии рядового Романова — семилетняя служба в Монголии и Забайкалье.

1951 — после демобилизации вернулся в Нальчик. Вечерами учился в школе рабочей молодёжи, днём осваивал специальность лепщика-строителя.

1953 — получив аттестат, поехал в Ставрополь. Был зачислен студентом филологического факультета Ставропольского государственного пединститута.

1954 — первая публикация в газете «Молодой ленинец» от 24 октября — басня «О руководстве».

1958 — в Ставропольском книжном издательстве выходит первый сборник сатирических стихов «Корень зла». На волне подъёма и ожидания перемен после XX съезда КПСС становится членом коммунистической партии. Получив диплом с отличием, уезжает в Элисту. Работает в газете «Советская Калмыкия».

1960 — в Калмыкиздате под названием «Встречи» публикуется второй сборник стихотворений.

В начале 60-х возвращается в теперь уже навсегда родной Ставрополь, в газету «Молодой ленинец» — заведовать отделом пропаганды.

1962 — по настоянию и уговорам Михаила Васильевича Усова стал ответственным секретарём альманаха «Ставрополье», и за десять лет работы на этом посту содействовал появлению нового литературного поколения. Факт совершенно уникальный, сравнимый с чудом!

Виктор Бабиченко, Мусса Батчаев, Светлана Заикина, Вадим Куропаткин — можно было бы назвать ещё немало фамилий, но добрый десяток из них теперь и так у всех на слуху.

Вот что пишет в книге «Творчество» Вадим Белоусов, однокашник по институту, ставший также известным сатириком, правда в прозе:

«Он не только восхищался, не только критиковал и советовал, он активно способствовал публикации понравившихся ему произведений. Яростно боролся за них, если случалось разойтись во мнении с другими членами редколлегии, шёл на конфликты, на обострение отношений нередко из-за одного единственного стихотворения.

Чуткое внимание к начинающим авторам характерно для Романова: он проявлял его и когда руководил литгруппой в редакции газеты «Молодой ленинец». Словом, он следует своему собственному призыву, высказанному в одном из лирических стихотворений:

Направь шаги Тропою Доброты,
И радость помоги найти кому-то...»

Эти годы весьма плодотворны и для самого Романова. Один за другим в Ставрополе выходят сборники басен, стихов, парол-

дий: «Практический вывод» (1963), «Открытый вопрос» (1965), «Чужая беда» (1967), «Обидный намёк» (1969), «Услуга» (1972).

Не могу удержаться от озвучивания эпитафии из подаренного мне автором сборника «Чужая беда»:

С т и л я г е (от собратьев)

Хилял по авеню чувак немыслимый.
Пил клёво кальвадос,
Железно бацал рок — ...
Такой биток скопытился от твиста,
А сколько бы ещё хилять он мог!

До сих пор недоумеваю: откуда так хорошо знал и умело использовал сорокалетний автор жаргон молодёжи тех лет, на котором она общалась между собой?

1973 — получил билет члена Союза писателей СССР. Перешёл в Ставропольское книжное издательство редактором массово-политической литературы, выпустил документальную книгу «Наступление (репортаж с передовой)» — итог поездок на строительство Большого Ставропольского канала.

1977 — в краевом издательстве тиражом пятнадцать тысяч экземпляров напечатана «Суматошная карусель», включающая в себя юморески, басни, миниатюры, литературные пародии. Писались эти пародии остроумно и легко, без оглядки на авторитеты. Но ни Екимцев, ни Дятлов на автора не обижались. Они вполне могли бы повторить вслед за Маршаком фразу, сказанную им Архангельскому: «Портретироваться у такого мастера — большая честь!»

1979 — выходит книга лирики «Белое утро» (Ставрополь). Читатели неожиданно открывают для себя глубокого оригинального поэта, которому стал тесен кафтан сатирика.

Кричат перепела в степи,
Зовут:
«Пойдём к полям прохладным...»

Ах, как зовут! А ты корпи
Над рифмой, будь она неладна.

Послать бы к дьяволу дела
Да — в степь до самого рассвета!
Но ведь поют перепела,
И грех не рассказать про это...

1982 — в уже упомянутом мною сборнике «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)» Вадим Белоусов назовёт книгу «Тропою доброты» нетипичной для Романова и предложит читателю ущербный прищур в сторону поэта: «Оставим пока в стороне лирику и публицистику и перелистаем страницы его сатирических книг».

Это лишний раз доказывает, как сильны в нас стереотипы, — ведь о лирике Романова разговор на этом закончится, так и не успев начаться.

Зато для самого Игоря Степановича лирика станет главенствующей, судя по книгам, которые печатаются в последующие годы: «Чистые следы», «Душа нараспашку», «Поздние холода», «Секрет долголетия».

1989 — в альманахе «Ставрополье» № 1 под рубрикой «Трибуна перестройки» публикует архиреволюционную статью «Вверх по ступеням падения». О неблагоприятных событиях в краевой писательской организации, о подлых закулисных интригах, вседозволенности, безнаказанности руководства и их угодников. Протестуя против перечисленных безобразий, переходит с В.Ащеуловым и Г. Шумаровым из Союза писателей СССР в Союз российских писателей, к ним примыкают В. Белоусов и В. Куропаткин.

1996 — в издательстве «Кавказский край» выходит изданный за свой счёт «Круговорот», в котором собрал к предстоящему 70-летию всё самое значительное, что было создано им.

1999 — в серии «Библиотека писателей Ставрополья для школьников» напечатана «Круглая поляна», позволяющая юному читателю хотя бы в общих чертах познакомиться с многогранным творчеством российского поэта.

2005 — из Союза российских писателей возвращается в Союз писателей России. Вокруг нет почти никого из тех, с кем был знаком ещё в 60-е годы прошлого века, поэтому наша встреча на одном из мероприятий была трогательной для нас обоих. Он вытащил из пакета тоненькую «Круглую поляну», аккуратно обёрнутую в чистую белую бумагу, и размашисто написал крупными буквами: «Коленьке Сахвадзе — от души и с извинениями, что это не то, что хотелось бы тебе подарить, — И. Романов. 26.11.05».

2007 — в альманахе «Литературное Ставрополье» № 1 поэта Елены Иванова, одна из тех, кого он некогда заметил и поддержал, печатает к 80-летию наставника статью «След, уходящий в беспредельность», а в еженедельнике «Ставропольские губернские ведомости» № 9 — очерк «По жизни со штыком и лирой»:

«Игорь Степанович прежде всего великий труженик с огромной степенью самодисциплины. Человек железной воли, ещё смолоду отказавшийся от вредных привычек. Он не позволяет себе ничего, что шло бы в ущерб его литературному труду и времени, которое он умеет ценить как время жизни.

Поэт же из него получился в итоге неординарным, о нём не скажешь, что таких много».

Да, я неправильно живу:
Скворечник нажил, но не дачу.
И верю сказке наяву.
И дружбу выгодную трачу.

Смешно — люблю свою жену,
Не пью напитков крепче чая.
Неинтересно я живу,
И сам того не замечая.

2009 — журналистка Наталья Быкова в «Ставропольской правде» от 10 июля, обозревая и исследуя антологию «Современные писатели Ставрополья», написала по-человечески тепло и сердечно:

«А как задевает финальными словами короткая исповедь мудрого Игоря Романова: «Работа над строчками пока ещё продолжается...» Ох, непросты вы, люди творческие, то вы обидчивы, как малые дети, то прямо-таки мистически всевидящи, глубоки и проницательны».

Возможно, это последние добрые слова, которые он успел прочитать о себе.

22 ноября на 83-м году жизни Игорь Степанович покинул нас. Его всегда волновали драматические вопросы бытия :

Как сложен мир, и всё же — как он прост:
Рождение и смерть — две крайних точки.
И посредине всех времён вопрос:
Кто или Что всего и вся источник?

Его отпевали в часовне при больнице. Он лежал в просторном гробу и, похоже, получил ответы на свои вопросы. В толпе бродил Вадим Чернов и показывал всем только что вышедший у него том под названием «День мой - век мой». Я смотрел на застывшее в непостижимом покое красивое мужественное лицо старого солдата и вспоминал строчки его отточенных стихов:

Уходят всё-таки поэты,
Не разглядев удел во мгле,
Оставив песню недопетой,
Восславив Разум на Земле.

Их приручали, и — травили,
Грозя владыческим перстом.
Они всегда опасны были
В своём прозрении святом.

И, если жизнь планету кружит,
Пускай — щедра и высока
Поэту памятником служит
Людская память
На века.

2010 — через год, 21 ноября, в краевом Литературном центре прошла презентация двухтомника «Избранные произведения».

Благодаря жене Елене Николаевне, которая бережно сохраняет архив мужа, редактору Елене Ивановой, любовно подготовившей двухтомник, ректору СГУ профессору Владимиру Шаповалову, поддержавшему издание книг бывшего выпускника, — мы имеем самое значительное на сегодняшний день собрание лирических, пророческих, философских стихотворений и поэм Игоря Романова.

Жизнь обесценена сегодня
До абсолютного нуля;
По воле, может быть, Господней
Всё неуютнее Земля,
Всё ближе
 бездна
 преисподней.

2012 — в апреле на доме, где жил И.С. Романов установлена мемориальная доска.

Слева направо: поэт-фронтовик Игорь Романов, Андрей Губин, Георгий Шумаров. г. Ставрополь, 1973 г.

Сахвадзе Николай Николаевич

О себе.

Родился в понедельник, 27 февраля 1950 года в семье военного лётчика, участника Великой Отечественной войны, и почтовой служащей.

Место рождения — уютный провинциальный г. Моздок, который к тому времени указом Президиума Верховного Совета СССР отсоединили от Ставропольского края и вместе со всеми прилегающими колхозами включили в состав Северной Осетии (1944).

Детство осталось в памяти увлекательным и беззаботным. Чего стоили походы за ландышами в городской лес или к взорванному мосту и бетонным дотам. А ночные, полные ужаса и тайн прогулки на заброшенное Ильинское кладбище с его мрачными склепами, большими каменными и ажурными железными крестами.

В Зеленстрое на сборе яблок и груш заработал первые в своей жизни три рубля, купил книжку про Древнюю Русь и написал на развороте обложки:

Эта книга куплена мною

На деньги, полученные в Зеленстрое!

Читать научился рано, ещё до школы был записан в библиотеку. А лет с десяти пришла потребность в творчестве: хотелось уже не просто читать, но и самому «изваять» что-то для чтения.

1966 — в январе закончил первую часть романа «Правитель Карибского моря». В то время в Моздоке жил писатель Евгений Васильевич Карпов. Пришёл к нему с двумя толстыми общими тетрадами. Карпов объяснил подражательность и вторичность моего романа; посоветовал обратиться к современности. Внял: стал писать повесть о школьниках «Натюрморт любви», кото-

рая подобно талисману не раз выручит меня в дальнейшем.

1967 — получил аттестат зрелости в первой школе. Попал на незабываемый семинар молодых писателей в Пятигорске. Устроился рабочим сцены в Ставропольский драмтеатр им. Лермонтова. С тех пор литература и физический труд рука об руку сопровождают меня.

1968 — в начале марта первая публикация: новелла «Утопление» в газете «Молодой ленинец», главной кузнице литературных кадров края. В киоске «Союзпечать» на Верхнем рынке купил шесть экземпляров газеты и шёл по весеннему, с барханами тающего грязного снега Ставрополю, жадно вдыхая не аромат проснувшейся природы, а вредную свинцовую вонь типографской краски.

Из-за проблем с жильём вернулся в Моздок.

В августе, в дни когда советские танки вошли в Прагу, поступил в Литературный институт им. Горького. Творческий семинар вёл Николай Борисович Томашевский, сын известного учёного-пушкиниста. Время от времени руководитель семинара ездил в Италию читать лекции об итальянской литературе на итальянском языке.

1970 — написал повесть-антиутопию «Переулок» о цивилизации зашедшей в тупик. Томашевский повесть осторожно одобрил и посоветовал никому больше её не показывать. На последней странице рукописи составил список писателей, с творчеством которых мне следовало ознакомиться. Первым стоял Соколов-Микитов.

1975 — в апреле получил диплом. Сокурсники звали на работу в Рязань, Тюмень, туркменский город Чарджоу, но я выбрал посёлок Солнечнодольск. Он строился в ставропольской степи вместе с самой мощной на Северном Кавказе электростанцией. Оформился на Ставропольскую ГРЭС слесарем химцеха.

1978 — участие в зональном семинаре молодых литераторов Центра и Юга России в Пензе. Вместе со мной, прозаиком-одиночкой, делегируют двух наиболее перспективных поэтесс края: Раису Котовскую и Ларису Прайсман.

1980 — прошёл творческий конкурс во ВГИК в мастерскую А. Алова и В. Наумова. В столицу прилетел из Ставрополя на

следующий день после закрытия Олимпиады. Москва выглядела непривычно пустой, по улицам парами ходили нарядные милиционеры. На время Олимпиады их доставили сюда со всех концов Советского Союза. Алов лежал в больнице, собеседование проводил Владимир Наумов. Режиссёры работали над фильмом «Тегеран - 43», и вопросы касались терроризма. Собеседование прошел успешно (75 человек из ста на нём отсеялись). Я срезался на следующих испытаниях, и, как теперь понимаю, шансов на поступление у меня было немного. На курс кинорежиссёров следовало принять 12 студентов, но пять человек из Афганистана уже зачислили без экзаменов.

1981 — полгода трудился в многотиражке «Рабочее слово» на заводе автоприцепов в Ставрополе и около месяца — на краевом радио. Быстро понял, что журналистика нивелирует мой стиль, и с чувством невероятного облегчения вернулся в рабочую среду.

1983 — краевое книжное издательство выпустило первую книгу рассказов «Калейдоскоп» тиражом десять тысяч экземпляров. Я не мог налюбоваться ею. Мне казалось, что стоило жить хотя бы ради этого короткого мгновения.

1989 — треть номера альманаха «Ставрополье» № 5 занимает «Повесть о несостоявшемся художнике». Это моя дипломная работа, которую 14 лет назад положительно оценил Михаил Павлович Ерёмин, профессор, автор книги «Пушкин-публицист».

1991 — Ставропольское книжное издательство публикует вторую книгу «Его последний вечер». Поэт Александр Екимцев, который за четверть века так и не научился выговаривать мою фамилию, объяснил с насмешливой грустью: «Повезло тебе, Сафадзе. Это, наверное, последняя книга в крае, которую печатают за счёт государства». Так оно и вышло: в дальнейшем приходилось издаваться исключительно за свои деньги.

1992 — принят в Союз писателей СССР. Так написано на членском билете. Большинство населения страны до конца не осознаёт и не верит, что Советского Союза, от имени которого мне вручают писательский билет, уже не существует.

1998 — издательство «ЮРКИТ» выпускает книгу «Судьба: Сборник о писателе А.П. Бибике». Раздел «Писатель в воспоминаниях современников» открывается моим материалом «В гостях у Бибика».

В том же «ЮРКИТе» выходит ещё одна книга - «Земля избыльная: Творчество поэтов и прозаиков Изобильненского района». Я вспомнил о ней в связи с автобиографией, в которой мне удалось впервые сформулировать жизненное кредо:

«Литература не дала мне ни славы, ни денег. Но я не считаю, что потратил время зря. Процесс создания книги сам по себе настолько увлекателен, настолько возвышает в этот момент человека и уводит в такие сияющие высоты и такие зияющие пропасти его собственной души, что мне остаётся только благодарить судьбу за то, что она подарила мне трудное, ни с чем несравнимое счастье литературного творчества».

1999 — активное участие в работе над юбилейным томом «Ставропольская ГРЭС — 25 лет». Книгу публикует издательство «ЮРКИТ». Некоторые знакомые перестают здороваться со мной, потому что не нашли в этой книге своих фамилий.

2000 — в Ставрополе, чтобы было что дарить редким поклонникам, издан небольшой сборник избранной прозы «Сад осьминогов».

2003 — выходит четвёртая книга прозы «Натюрморт любви».

Из журнала «Южная звезда» звонит издатель Виктор Кустов, просит разрешения на публикацию антиутопии «Переулок». До этого повесть ходила по рукам в списках. Её публикуют во втором номере журнала.

2004 — рассказом «Бодрящий воздух Грузии» в разделе «Мемуары» открывается третий номер «Южной звезды». Приведу мнение Светланы Солодских, уникального журналиста, критика, мыслителя:

«...Так хочется понять «загадку Сахвадзе». А она у него, несомненно, есть. В одной из его лучших новелл «Бодрящий воздух Грузии» во время остановки автобуса, нисходящего словно в ад по «серпантину», какая-то девчушка с отчаянной дерзостью прыгает на узкой дорожке. «Восторг над бездной» — читаю у автора и невольно восхищаюсь — какой точный образ молодости!»

2005 — возобновляется издание краевого альманаха-мученика под названием «Литературное Ставрополье». Во второй номер включены миниатюры «Вещи». Они публикуются впервые, хотя написаны давно, доброе слово о них сказал при встрече в Пятигорске А. Мосинцев.

2007 — в журнале «Южная звезда» № 2 почти всё пространство занимают воспоминания Е.В. Карпова и мой роман «Период полураспада».

«Первое, что лично мне довелось прочитать у Николая Сахвадзе, — пишет в «Ставропольской правде» в рубрике «Писатель и эпоха» несравненная Светлана Солодских, — роман «Период полураспада (молодой человек в эпоху Брежнева)». Само название показалось настолько интригующе-политическим, что подумалось: вот ведь одна фраза — и всё сказано! Но произошло открытие другого рода. Выяснилось, что герои романа переходят из книги в книгу и место действий Моздок из скромной географической точки превращается в центр Вселенной. Ну совсем как у американского писателя Фолкнера, несуществующая земля величиной с «почтовую марку» становится знаменитой Йокнапатофой — выдуманной родиной для выдуманных героев. Николай Николаевич Моздок не «сочинял» и с Фолкнера не списывал — по законам высшей литературной математики ничего бы у него не получилось. Зато в романе действуют законы «обратной перспективы». То, что казалось уже забытым, автор приблизил — и всё ожило, обрело смысл, мы узнали самих себя неискушёнными, молодыми! Однако роман обращён не столько в прошлое, сколько в будущее. Ведь если герои «полураспада» ещё не знают, что их ждёт впереди, то теперь, когда всё действительно распалось, мы не знаем, что с этим делать, кто и почему виноват — лидеры, вожди, цели, идеи? Позиция автора на этот счёт негромкая, как и вообще всё совестливое, и, может быть, ещё не пришло время его по-настоящему понять: «Если интеллигенция в чем-то неправа, то виноват я, человек из народа...»

2010 — к 60-летию в типографии г. Новопавловска выходит однотомник «Избранное» в оформлении разносторонне талантливому писателю И.М. Аксёнову.

— Книга получилась глубокая, подлинная. Читается с интересом, — убеждённо заявил Иван Михайлович. — Выдвигаю на губернаторскую премию!

Я последовал совету опытного Аксёнова и вошёл в число семи номинантов. Премий в области литературы было две, но

комиссия экспертов проголосовала за одну.

В июле губернатор Валерий Гаевский вручил мне диплом лауреата в Ставропольском краевом музее изобразительных искусств.

2012 — опубликовано первое издание биографического словаря «Ставропольские писатели» (Ст.: типография ООО «Борцов». — 108 с.). Книга состоит из двадцати биографий плюс шесть очерков в разделе «Силуэты современников». На публикацию словаря откликнулась журналистка Наталья Быкова; статья называется «Ближний круг друзей-товарищей» («Ставропольская правда», 6 июля 2012):

«Передо мной довольно необычное издание: книгу под названием «Ставропольские писатели» подготовил и выпустил по своей инициативе собственными скромными финансовыми силами прозаик из Солнечнодольска Николай Сахвадзе. Два года назад мы чествовали его в связи с присуждением губернаторской премии в области литературы. А теперь он сам решил провести чествование земляков-литераторов в связи с отмечаемым 75-летием краевой писательской организации.

Сколько ярких имен напомнил нам Николай Сахвадзе своей, ей-богу, подвижнической книгой».

2015 — выходит второе, дополненное издание биографического словаря-справочника.

2018 — сборник «Любопытные истории» включает тринадцать новых биографий. Особый предмет моей профессиональной гордости — это биографии Андрея Бахтинова и Ефросинии Керсновской. Этим писателей никто никогда не включал в число краевых литераторов. Я восполнил этот пробел.

2020 — к своему 70-летию подготовил окончательный вариант книги «Ставропольские писатели». А не кажется ли вам, что именно эта книга может стать главным итогом прожитой жизни?

На берегу Терека (слева направо): Николай Сахвадзе, Евгений Карпов, жена Карпова — Раиса Ивановна, их сын Лева. г. Моздок. Август 1966 г.

Николай Сахвадзе — дежурный слесарь топливно-транспортного цеха Ставропольской ГРЭС. Март 2011 г.

**Твалчрелидзе
Антон Иванович**
1854 – 1930

*Твали – по-грузински глаз.
Фамилия «глазастый» как нельзя
кстати соответствует цепкой
наблюдательности неутомимого
инспектора-энтузиаста.*

Родился 22 (10 по старому стилю) января 1854 года в небольшом горном селе Цахи Рачинского уезда Кутаисской губернии. Это красивейший уголок Западной Грузии, расположенный в верхнем течении реки Риони, на склонах Малого Кавказа.

Его отец Иоане после окончания духовной семинарии был послан сюда исполнять должность священнослужителя. Первоначальное образование (в него входила грузинская грамота и святое писание) маленький Антони получил дома, под руководством отца, вместе с горластой оравой крестьянских ребятшек. Он вполне мог отнести к себе высказывание поэта Акакия Церетели (1840 - 1915): «Если во мне сохранилось что-либо доброе и хорошее, то главным образом благодаря тому, что я рос... вместе с детьми крестьян».

1876 — окончил с серебряной медалью Александровский учительский институт в Тифлисе и направлен в безуездный город Моздок учителем городского трёхклассного училища.

В Моздоке молодой педагог впервые взялся за перо, публикуя в газете «Терские ведомости» материалы об учебных заведениях и общественной жизни города. Здесь в лице юной терской казачки Прасковьи Тимофеевны Астаховой, уроженки станицы Луковской, обрёл семейное счастье.

Венчали суженых в деревянной пятиглавой церкви, построенной в Луковской в 1864 году в честь Архистратига Михаила. Тестем оказался знаменитый среди станичников и моздокчан войсковой старшина Тимофей Варламович Астахов.

Любопытнейшие сведения об этом героическом человеке собрал Вениамин Вениаминович Госданкер (1925 - 2018), заслуженный работник культуры РФ, возглавлявший несколько десятилетий Ставропольский краеведческий музей. Вот выдержка из его статьи «Русские интеллигенты с грузинской фамилией»:

«Терский казак из станицы Луковской Тимофей Варламович Астахов – уникальный человек. В 16 лет он пошёл служить в армию, в 17 – сопровождал великого князя Михаила Николаевича в поездке по Кавказу, потом участвовал в штурме Гуниба, в пленении Шамиля. Пришлось сопровождать будущего императора Александра II в поездке по Германии. Тимофей Астахов был тогда в расцвете сил, ловкости, на спор переплывал Дунай (спорил, разумеется, сам будущий император, а исполнял-то Тимофей).

В апогее удали и ратных подвигов участвовал в освобождении Болгарии под водительством генерала Скобелева. При штурме Плевны Тимофей Астахов был тяжело ранен, пришлось ампутировать руку.

«Наблюдая ход моей болезни, – вспоминал он, – доложили государю, что нет оснований предполагать, что я выздоровею...» А он выздоровел и прожил 80 с лишним лет. Действительно из крепких русских людей был полковник императорского конвоя, в котором служил 18 лет до ухода в отставку.

Его зять Антон Иванович Твалчрелидзе преуспел не только в области народного просвещения. Человек деятельный, он помогал тестю в строительстве прекрасного архитектурного комплекса, известного ныне, как «Усадьба Твалчрелидзе» в Кисловодске» («Ставропольская правда», 16 января 2004).

1880 – 26 июля в «Терских ведомостях» №31 выходит репортаж А. Твалчрелидзе «Из Моздока», а уже в августе автора переводят в станицу Баталпашинскую (ныне город Черкесск) на более высокую должность учителя-инспектора трёхклассного училища.

1881 – во время службы начинает регулярно посылать заметки «Из Баталпашинска» в газету «Кавказ». Его интересует не только просвещение региона, но и этнография.

1883 – награждён орденом святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом «за отличное усердие и особые труды по должности». Становится коллежским асессором.

1886 — в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» публикуется статистико-экономический очерк о колониях меннонитов. Так называли в губернии представителей протестантской секты.

1887 — производят в надворные советники — чин, соответствующий подполковнику. Назначают инспектором народных училищ Ставропольской губернии.

Последующие двадцать лет проводит на колёсах: в извозчичьей пролётке, бричке, тарантасе. В зной, ливень, метель и распутицу изъездит вдоль и поперёк просторы губернии, инспектируя церковно-приходские училища, школы грамотности, училища Министерства Народного Просвещения, вникая в условия жизни педагогов: барышень, прошедших курс в Ставропольском епархиальном (или каком ином) училище; местных диаконов, окончивших курс в учительской семинарии; учителей-самоучек, у которых, кроме домашнего образования, другого багажа знаний не было. Все они, как могли, кто охотно и заинтересовано, а кто из чувства подобострастия, помогали инспектору в его работе над очерками об их сёлах, хуторах, отсёлках и колониях.

В предисловии к уже готовой рукописи Твалчрелидзе так объясняет поставленную себе задачу: «Хотел дать читателю подробный путеводитель по губернии и справочную книгу, отвечающую на многие вопросы их сельской жизни». А завершит короткое предисловие словами благодарности: «Считаю своим долгом выразить глубокую признательность гг. учителям, учительницам и законоучителям училищ Ставропольской губернии, а также гг. врачам и земским начальникам, оказавшим мне содействие в деле собирания материала для составления настоящей книги».

1897 — решающий год в жизни инспектора народных училищ: в типографии М.Н. Корицкого, что на Николаевском проспекте, напечатана книга «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях» сочинителя А. Твалчрелидзе. В этом капитальном труде содержатся подробные сведения о 142-х населённых пунктах, в их числе заштатный город Святого Креста

(ныне Будённовск), а также отдельные очерки о Трухменском и Ачикулакском приставствах, территориях кочующих «инородцев» (туркмен и ногайцев), входивших в состав губернии.

«Структура очерков о селениях однотипна, — исследует литературную технику справочника Елена Громова, сотрудник Государственного архива Ставропольского края. — Прежде всего указывалось местонахождение населённого пункта, приводилась короткая историческая справка, затем шли сведения о жителях, их составе, вероисповедании, роде занятий, промыслах, торговле, состоянии образования, здравоохранения, государственных учреждениях, самоуправлении, путях сообщения. Такая схема позволяла автору гибко отражать ту или иную специфику населённого пункта.

Когда познакомишься с этой работой, то видишь, какой титанический труд был вложен Твалчрелидзе в своё детище.

Книга была тепло встречена ставропольской общественностью, став достоянием учебных заведений и библиотек. Особую ценность она имела для педагогов, которые использовали её для расширения знаний учащихся о малой родине» («Ставропольские губернские ведомости», 21 января 2009).

К началу XX века, благодаря активной деятельности Антона Ивановича, в губернии открыли 119 новых школ. Наибольшее внимание он уделял тем сёлам, где школ не было вообще. Так в селе Юца, основанном в 1885 году баптистами, открыли на исходе XIX века православную церковно-приходскую школу.

1902 — сохранился отчёт инспектора народных училищ, члена губернского статистического комитета А. Твалчрелидзе, в котором он сообщает, что за отчётный год «проехал 2364 версты, посетил 53 села». Добросовестный инспектор неоднократно награждался орденами: святой Анны 2-й и 3-й степеней, святого Станислава 2-й степени.

1904 — получил орден святого равноапостольного князя Владимира «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности». Сия награда, стоящая по старшинству орденов сразу за Андреем Первозванным, давала право на потомственное дворянство.

1907 — из-за болезни вышел в отставку в чине статского со-

ветника, переехал в Кисловодск. Скучая по любимому делу, стал председателем попечительского совета кисловодской гимназии.

В. Госданкер в уже цитированном нами материале утверждает, что А. Твалчрелидзе был в числе основателей всемирно известного Ботанического сада. Этот сад, неподалёку от приморского города Батуми, создал выдающийся русский ботаник и географ Андрей Николаевич Краснов в 1912 году. Таким образом мы можем довольно точно определить время возвращения в Грузию А. Твалчрелидзе с семьёй: женой, двумя сыновьями и дочкой Ниной.

Оба сына главным делом жизни считали науку, но прославился в ней лишь старший из них – Александр Антонович Твалчрелидзе. Он один из основателей грузинской школы минералогии и петрографии (изучение горных пород, их состава, условий залегания). Общался с великим учёным-энциклопедистом и мыслителем В.И. Вернадским, дружил с его лучшим учеником, крупнейшим минералогом и геохимиком А.Е. Ферманом. Их опережающие время идеи получили своё развитие и отражение во многих трудах Александра Антоновича, действительного члена Академии наук Грузинской ССР

1930 — год смерти А.И. Твалчрелидзе. Похоронили его в семнадцати километрах от Батуми, на старом семейном кладбище в местечке Цихисдзири, что означает «подошва крепости». Рядом с его могилой покоятся жена Прасковья Тимофеевна и их младший сын Евгений.

В последние годы жизни Антон Иванович занимался разведением чайных и цитрусовых культур. На письменном столе покойного осталась неоконченная рукопись, в которой он вёл поэтапную запись своих исследований и наблюдений. Этот труд был с профессиональным научным интересом изучен грузинскими ботаниками, работающими над проблемами субтропического растениеводства. Открытия А. Твалчрелидзе опробовали и внедрили в цитрусовых совхозах Аджарии.

Как странно и загадочно решилась судьба этого грузина! Он родился и умер на родине, а между этими датами тридцать пять лет жизни в чужом краю, когда он исполнил главное своё предназначение: написал книгу «Ставропольская губерния».

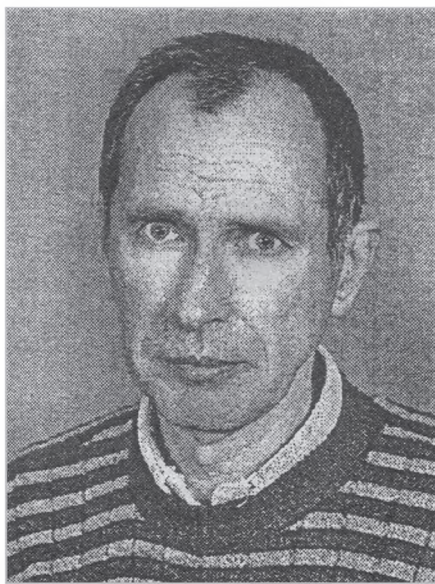
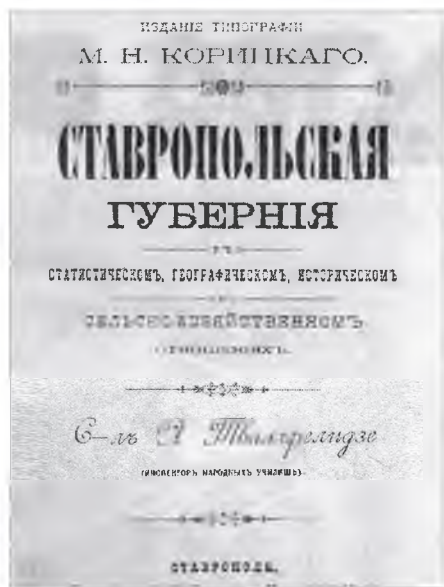
Одного не могу понять: почему это творение, послужившее

мощным импульсом к развитию ставропольского краеведения и далёкое от идеологических баталий, ни разу не перепечатали в те годы, когда никто не помышлял ещё о распаде Советского Союза.

1991 — издательство «Кавказская библиотека», ничего не меняя, переиздало труд А. Твалчрелидзе методом репринта. Эксперимент удался! Десять тысяч тиража на полках не задержались, став тут же библиографической редкостью.

В завершение скажем несколько слов о человеке, который воскресил для нас дивный раритет.

Это писатель-фантаст Евгений Викторович Панаско (1946 - 2003). Он родился в Тбилиси. По окончании факультета журналистики в Ленинградском государственном университете имени А.А. Жданова работал во многих газетах краевого центра. Будучи в числе инициаторов и основателей одного из первых в стране негосударственных издательств — «Кавказская библиотека», вернул из векового забвения десятки нужных краю книг, и среди них «Ставропольская губерния» Антона Ивановича Твалчрелидзе.

Евгений Викторович Панаско и возрождённая им книга.

Усов
Михаил Васильевич
1905 – 1990

Родился 21 ноября 1905-го — в городе-крепости Георгиевске, названном так в честь святого Георгия Победоносца, в семье рабочего-каменщика, где в постоянной нищете воспитывались четырнадцать детей.

С детства ходил с отцом по округе и клал печи. Земляки о печах отзывались похвально: «и теплы, и ласковы».

— Кто ладно строит — дорогого стоит, — учил отец.

Подростком встретил в родном Георгиевске революцию.

«С пятнадцати лет я выполнял такие комсомольские поручения, как вооружённое патрулирование по ночным улицам, охрана предприятий, советских учреждений и пассажирских поездов. Было это в зиму 1920 — 1921. Помню, очень мёрзлы: одёжонка у нас была не по сезону. Даровой чай с сахарином, что давали в караульном помещении, казался несравнимым ни с чем. К нему еще выдавался хлеб — красноармейский паёк».

В 20-х годах сменил немало профессий. Был учеником осмотрщика вагонов на железнодорожной станции, переписчиком 10-й дистанции пути, старшим политруком милиции, преподавателем истории в средней школе, где когда-то учился сам.

Рано пристрастился к написанию заметок, репортажей, очерков. Их печатали газеты «Терек» (Пятигорск), «Советский пахарь» (Ростов-Дон) и другие.

«Писал не по заданию, а по велению сердца, — отмечал впоследствии М. Усов. — От юнкоровской заметки я стал постепенно переходить к художественным произведениям, которые печатались в журналах «Лава», «На подъёме», «Путь рабселькора» - это были мои первые рассказы, стихи и зарисовки».

Стихи оказались не без таланта, хотя и чувствовалось в них пристрастие автора к имажинизму (когда неживому придают признаки живого):

...Заклубилась опара грозы.
Скоро молнии ломкий прут
Зазвенел у сухой лозы.
Ошалела пыль и в бег
Разогналась шустрым просёлком...
Прогорела рубашка небес,
Соловьями ливень защёлкал.

Способного и трудолюбивого литератора приняли в члены Терской Ассоциации Пролетарских писателей. Включили в состав редакционной коллегии первой коллективной книги художественных произведений «Пятигорье», изданной в Пятигорске в 1927-ом.

1929 — вступил в партию. Активно участвовал в коллективизации сельского хозяйства. Был начальником агитколонны. Одиннадцать лет преподавал в школах историю и обществоведение. Занятия литературой надолго отошли на второй план.

1941 — с началом Великой Отечественной войны пошёл в действующую армию. Принимал участие в обороне Крыма, познал горечь отступления.

Осенью 1942 — в составе Закавказского фронта громил немцев под Владикавказом.

Форсировал Днепр, освобождал Украину и Молдавию. Воевал в Болгарии, Румынии, Югославии. Входил с войсками в Белград и Софию. Брал штурмом Будапешт и Вену.

Награжден орденом Красной Звезды и пятью боевыми медалями.

После войны был главным редактором Ставропольского краевого комитета радиовещания, корреспондентом центральной газеты «Сельское хозяйство».

1952 — в Ставрополе издана первая книга: «Рассказы о птицах».

1958 — выходит вторая книга рассказов «Погляди вокруг». Принят в члены Союза писателей СССР.

Работая в разных жанрах, издал два десятка книг. О комсомольской юности («Жили ребята в Георгиевске»), о солдатских дорогах и буднях войны («Длинные ружья»), о тружениках села («Горячие степи»), о природе и птицах, населяющих Ставрополье («Журавлиный день», «Степные пригравки»).

Есть в его творческом багаже даже незатейливые рассказы о В.И. Ленине («Прогулка на велосипеде»).

1965 — участвовал в Москве в семинаре писателей историко-революционной темы; наряду с такими общепризнанными аксакалами этого жанра, как Алексей Югов, Степан Злобин, Дмитрий Петров (Бирюк).

1975 — стал заслуженным работником культуры РСФСР. Награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, и справедливо гордился этим.

Просматривая номера альманаха «Ставрополье» за 60-е, 70-е, 80-е годы XX века, я обнаружил, что не менее тридцати лет Усов неизменно состоял в редколлегии альманаха и из года в год поддерживал перспективных дебютантов: Александра Екимцева, Вадима Чернова, Виктора Колесникова...

Мне запомнилась такая картина: в Союзе писателей на проспекте Маркса, на одном этаже со «Ставропольской правдой», круглыми днями колготится народ — спорят о новинках в толстых журналах, взахлёб читают стихи, планируют поездки по краю... И всегда в уголке тесной комнаты, деликатно заняв краешек стола, корпит над присланными рукописями невысокий скромный человек в недорогом светло-сером костюме, с открытым крестьянским лицом и негромким, застуженным с войны голосом. Это был Михаил Васильевич Усов, похожий скорее на сельского бухгалтера, чем на известного писателя.

В 80-х годах прошлого века кисловодский поэт Станислав Подольский дважды побывал вместе с Усовым в Доме творчества «Коктебель»; написал очерк «Чистая душа» о старшем друге:

«Доброжелательный, много переживший, способный на какой-то тихий, еле уловимый юмор, знавший настоящую цену и смысл жизни, Мих. Вас. неприметно, но явно влиял на окружающих, наполнял пространство общения каким-то особенным духом, чувством значимости существования.

Его память хранила бездну интересной, часто неожиданной информации. Например, однажды, как обычно к слову, он заметил мельком испытующе поглядывая на меня:

— Мишу Горбачёва я хорошо знаю: одно время он работал в отделе крайкома, который я тогда возглавлял, инструктором.

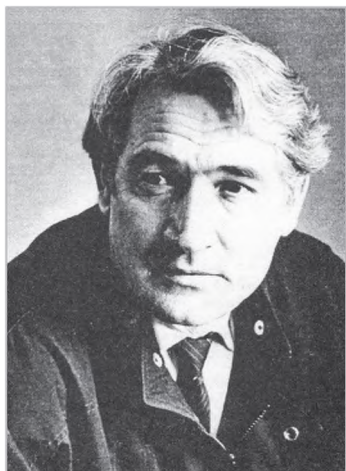
Неплохой, старательный работник. Но его уровень — райкомовский, в крайнем случае, краевой. Но вот громадная, тяжкая Россия, тем более Советский Союз ему не по плечу: не удержать ему. А ведь он идет на самый верх.

Разговор этот происходил в 1985 году, если память мне не изменяет. Тогда всё еще казалось стабильным, не было краха огромного государства. А сколько ещё глубоких и точных наблюдений, пониманий унёс писатель с собой, так и не написав своей главной «Книги Жизни!» («Литературное Ставрополье № 4, 2015, с. 175).

Жанр, в котором наиболее преуспел М. Усов — это описание Родины. Название жанру придумала Светлана Солодских, объединив ради этого две вещи: «любовь к родной земле и любовь к родному языку. Ужасно признаться, — продолжает она, — но в нынешней, так называемой «актуальной» литературе я ни того, ни другого не нахожу. Описание Родины из нашей словесности исчезло. А когда исчезает описание какого-либо предмета, тогда из нашего сознания начинает устраняться и сам предмет». («Ставропольская правда, 28 декабря 2010).

1990 — умер писатель 19 ноября в Георгиевске, не дожив двух дней до своего 85-летия.

Угас, когда основы мироздания, созданные его поколением, рушились на глазах. И уже ничего нельзя было сделать. И сама жизнь безвозвратно теряла для таких порядочных людей как Усов — смысл и значение.

**Ходарев
Витислав Васильевич**
1939 – 2013

*Есть у нас две верные звезды:
свобода и вера.
Коль будем их держаться,
не пропадём. Выведут.
**Игнат Некрасов,
атаман (1710)***

19 сентября 1939 года в станице Зольской Аполлонского (ныне Кировского) района родился герой нашего очерка. Его отец, увлекающийся на досуге историей Древней Руси, нарёк сына Витиславом в честь предводителя славян-бодричей, деда Рюрика. Отец был милиционером, мать – нянечкой в больнице. Через год отца в приказном порядке перевели в станицу Лысогорскую соседнего Георгиевского района. Здесь прошли детство и юность будущего поэта.

Здравствуй, речка в тиши,
Здравствуй, берег родной!
Лысогорье моё, хорошо мне с тобой!
Возле Лысой горы вновь сады расцвели,
В них о прошлом поют золотые шмели.

После окончания «ремеслухи», так учащиеся называли между собой горнопромышленное училище, восемнадцатилетний Витислав стал проходчиком и забойщиком на шахте «Станичная» в городе Северодонецке (Донбасс). Побывал под обвалом. О товарищах по забою писал с энергичным восхищением:

Та братия шахтёрская в трудах
Меня растила в том подземном мире,
Где держится земля не на китах,
А на сосновых крепях из Сибири.

В те годы в газете «Комсомолец Донбасса» часто печатали стихи молодого шахтёрского поэта Николая Анциферова (1930 - 1964), и Витислав твёрдо решил для себя, что тоже станет настоящим поэтом, когда увидел как беспшашно, по-свойски, балагурия и насмешничая, рассказывает о тяжёлой шахтёрской доле признанный певец Донбасса:

Я работаю, как вельможа,
Я работаю только лёжа.
Не найти работёнки краше,
Не для каждого эта честь.
Это только в забое нашем:
Только лёжа – ни встать, ни сесть.

В 1958-м Витислав призван в ряды Советской Армии. Служил в ракетных войсках. В часы солдатского досуга продолжал сочинять стихи, писал информационные заметки и очерковые зарисовки в дивизионную газету «На страже Родины».

1961 — демобилизовавшись, пришёл в редакцию районной газеты «Ленинская правда» в Георгиевске. Показал армейские публикации и подборку только что сделанных им рукописных материалов из жизни Лысогорской. После стажировки взят в штат разъездным корреспондентом. Это была хорошая школа журналистского мастерства и литературной грамоты.

1965 — уехал в пустыню Каракумы на строительство оросительного канала. Год спустя перешёл в МВД Туркменской ССР помощником капитана противопожарного корабля «Отважный» на Каспии.

В альманахе «Ставрополье» № 1, 1966, напечатаны два стихотворения — «России», «Богомазы». Вместе с Ходаревым в номере альманаха дебютировали Вениамин Ащеулов и Мусса Батчаев.

1969 — возвращается в Ставропольский край, в город Зеленокумск. Создал здесь литературное объединение «Раздолье» при районной газете «Путь Ленина». Через три года о зеленокумском литобъединении, которым руководит В. Ходарев, рассказала своим читателям «Ставропольская правда».

1974—краевое книжное издательство выпускает в свет первую книжку стихов В. Ходарева «Горсть снега».

1976 — зачислен в отделение пожарной охраны УВД Ставропольского крайисполкома. Заочно поступил на юридический факультет Кубанского государственного университета и надолго связал дальнейшую жизнь с работой в органах МВД.

1983 — опубликована вторая книга стихов В. Ходарева «Звезда в окне».

Доктор филологических наук, профессор В.М. Головкин в предисловии к книге избранного «Земной поклон» приводит любопытные сведения о поэте:

«Уже будучи подполковником внутренней службы, он создал уникальный музей истории милиции Ставропольского края, собрал более трёх тысяч экспонатов для этого музея, руководил им четыре с лишним года.

На основе собранных исторических материалов поэт написал книги «При исполнении служебного долга», «Грани огня», поэму «Станица», песню «Воспоминание», посвящённую подвигам милицейских горнострелковых отрядов, защищавших во время Великой Отечественной войны перевалы Кавказа».

1989 — к пятидесятилетию Витислава Васильевича выходит книга «Отчина»; закончена историко-драматическая поэма «Казачий круг». Приоритеты милиционера-подполковника сместились от деятельности советской милиции в сторону возрождения терского казачества.

Впервые В. Ходарев и В. Ярош заговорили на эту животрепещущую для степного края тему на творческих встречах с отдыхающими в санаториях Пятигорска. Ночью В. Ходарев в санатории с говорящим названием «Дон» написал стихотворение «Казачество».

Говорили мне: брось чудачество
Вспоминать, что былём поросло.
Ну какое теперь казачество?
Всё пропало и всё ушло.
Отскакали своё буланы,
В степь с уздечкою не пойдёшь.
И стальные клинки булатные
Лишь в музеях теперь найдёшь.
Так ли это?..

Всей своей дальнейшей деятельностью поэт восстанавливает родовую пуповину с казачьим племенем, убедительно доказывает неверующим и сомневающимся, что «осталось, живёт казачество! Вечна наша казачья кровь!»

Помню, в какой восторг привёл меня невыдуманый исторический анекдот конца XVIII века, рассказанный Витиславом Васильевичем в краевом Союзе писателей: «Когда у Екатерины II послы некой европейской державы спросили: «Каковы границы Российской империи?» – государыня дала ответ, не задумываясь:

— Они заканчиваются на острие казацкой шашки!»

1990 — в журнале крайкома КПСС «Коммунист и политика» № 11 появляется остропублицистическая статья В. Ходарева «Возродим казачество!»

28 сентября состоялся I-й Большой круг казаков Ставрополя. На нём образован Ставропольский краевой Союз казаков, объединивший всех казачьих потомков края. В память о событии на Крепостной горе города Ставрополя установили мемориальную плиту. На плите выбиты слова из стихотворения В. Ходарева:

Память о казачестве бессмертна,
Подвиги казачества в сердцах.

В 1994 году Ставрополь посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. 14 августа он благословил «Духовный гимн казачества», сочинённый терским казаком Витиславом Ходаревым, положенный на музыку кубанским казаком Владимиром Чернявским. Гимн утверждён правлением Кавказского линейного казачества и рекомендован для исполнения во всех казачьих подразделениях Юга России.

Слава Богу, что мы казаки.
Вот молитва казачья святая.
Наши сотни и наши полки
С нею крепнут от края до края...
...Слава Богу, что мы казаки.

1997 — появление сборника «Станичные суеверия» знакомит читателя с результатами долгого, кропотливого труда В. Хода-

рева в области поиска-сбора старинных казачьих поверий. Уникальную книгу отметили премией им. С. Бабаевского. Общественный совет краевой научной библиотеки им. Лермонтова признал её самой занимательной и красивой книгой года.

1998 — публикация сборника «Слеза на ветру». В нём переводы стихов 26-и поэтов Болгарии. Они принесли В. Ходареву литературную премию Николы Фурнаджиева и статус почётного члена Пазарджикской писательской организации Союза писателей Болгарии.

С 1998 по 2002 год В. Ходарев — руководитель краевой писательской организации. В пору его четырехлетнего правления налажен выпуск серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников». Серия приобщила молодежь к литературе края в её историческом развитии. Вышло 42 книги. Но были там и труднообъяснимые для меня публикации.

Каким боком относится к Ставрополю живущий в Перми поэт Игорь Тюленев? Оказывается, в далёких 50-х годах XX века, будучи ребёнком, он провёл два или три года у бабушки по линии матери в селе Солдато-Александровском. Почему такая мелочь оказалась для Ходарева достаточным поводом, чтобы приветить «иногороднего»? Ведь гораздо более справедливо и патриотично было бы напечатать в этом выпуске рассказы безвременно погибшей терской казачки Светланы Заикиной. «Клади душу за своего!» — древнее и поучительное предписание казачьих общин.

У самого Ходарева в «Библиотеке писателей Ставрополя для школьников» вышла книга «Казачья любовь» (1999). В ней две поэмы: «Казачья любовь» и «Казачьи сны». Вместе с ранее изданным «Казачьим кругом» поэмы составили масштабный поэтический триптих из жизни терского казачества.

2000 — публикация книги «Терские протоки» в Москве; отмечена премией им. К. Симонова с вручением автору золотой медали. Поддерживая творческие связи с Карачаево-Черкессией, перевёл 15 стихотворений ногайского поэта Суюна Капаева.

2004 — книга «Вера, Надежда, Любовь», выпущенная краевым издательством, является дополненным переизданием книг «Терские протоки» и «Станичные суеверия». Удостоена Губернаторской премии им. А. Губина.

2007 — работает над духовным повествованием «Житие епископа Игнатия Брянчанинова». 8 октября творение о святителе благословил Феофан, епископ Ставропольский и Владикавказский:

«Спаси, Господи, люди твоя.

Благословляется к изданию сие поэтическое приношение замечательного писателя Витислава Ходарева великому духовному столпу Православия епископу Игнатию Брянчанинову».

2008 — в сентябре посетил Южную Осетию с гуманитарным грузом помощи от ставропольских казаков. Развалины Цхинвала и рассказы жителей, переживших войну 08.08.08, породили несколько стихотворений: «В Цхинвале», «Танцы в Цхинвале», «Боль».

Две тысячи погибших... Сколько бед!
Тебя бы в царство мёртвых в день опальный.
Тебя бы, пришлый чёрный Президент!
Порочный сын всей Грузии печальной.

Хотя не обошлось без казуса... Я имею в виду стихотворение «Птичий зов»:

Вдруг долетела до ушей
Простая песня птахи.
В посёлке я Тамарашейн,
Где обитают страхи.

Здесь нет жильцов. Ни одного.
Здесь каждый дом разрушен.
Следы, следы, следы врагов
Да птичий зов на груше.

Дело в том, что село Тамарашени являлось местом проживания грузинских и грузино-осетинских семей. Вот что пишет 8 августа 2018 года журналист Дмитрий Стешин в газете «Комсомольская правда»:

«Тамарашени спалили осетины, «чтобы разрубить застарелый узел войны» – так мне в августе 2008-го сказал спикер осетинского парламента. Тогда мне показалось это сильным, жёстким, решительным поступком, а теперь – не знаю. Я много раз был в Южной Осетии после войны – полноценная жизнь туда так и не вернулась. Я слышал и такое: «Это была большая ошибка – выгнать грузин». Вот только поздно уже».

2010 — 29 ноября В. Ходарев участвует в литературно-патриотической встрече девяти писателей Ставрополья со студентами Ставропольского госуниверситета – «Россия в сердце не случайна». Студенты, интересуясь делами казачества, облепили поэта, как мошкара – фонарь.

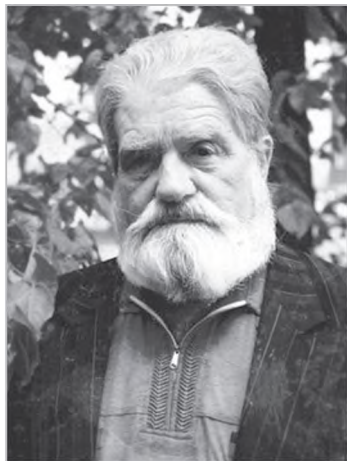
2012 — благодаря Министерству культуры Ставропольского края, в свет выходит последняя книга В. Ходарева «Земной поклон» (616 с.), включившая в себя большинство созданных им произведений: стихи, поэмы, переводы, статьи начального периода возрождения казачества.

Январским днём 2013 года я стоял на остановке общественного транспорта по улице Булкина, рядом с Министерством культуры края, и терпеливо ждал маршрутное такси до автостанции № 2, что на проспекте Кулакова, по соседству с притихшим, будто нежилым заводом автоприцепов.

Очередная, ненужная мне маршрутка автоматически открыла дверь. Напротив, лицом ко мне, понуро сидел исхудавший постаревший Ходарев. Я машинально раскланялся с ним. Он оживился, стал что-то, торопясь, говорить с непонятной для меня озабоченностью.

Что мешало запрыгнуть в маршрутку и проехать с ним несколько остановок? Но ведь даже мысль такая тогда не пришла на ум.

Он умер 6 октября 2013 года, завещая похоронить себя в станице Лысогорской. Его с почестями похоронили в Ставрополе.

Чернов
Вадим Сергеевич
1934 - 2011

*Хочу сказать только одно:
Вадим Чернов принадлежит
к настоящим русским писателям,
знакомство с творчеством
которых — это глоток чистой воды
из родников нашей литературы.
Родников, которых год от года
становится меньше...*

Владимир Губарев (Москва),
«Деловой вторник» от 29 июня 2011 года.

Именно с ним у меня возникли самые сложные и непредсказуемые отношения. Десять лет мы не здоровались и в упор не замечали друг друга.

В воспоминаниях В. Бутенко о Чернове мимоходом упомянуто, как на семинаре молодых литераторов Вадим с сарказмом разбирает мои рассказы:

— Коля, брось ты заниматься этой «хэмингуёвиной». Пиши проще, по-русски. А то у тебя диалоги на полстраницы...

И хотя это высказывание до неприличия напоминает эпизод из «Мемуаров» В. Чернова, а именно: «Главный редактор журнала «Октябрь» Всеволод Кочетов хорошо ко мне относился, печатал меня, но, прочитав рукопись моего первого романа «Свирепый марсианский бог», язвительно сказал: «Это не роман, Вадим. И вообще, хочу тебе дать совет: брось заниматься хэмингуёвиной», - позволю себе в связи с этим несколько замечаний.

Во-первых, не пойму, что плохого в диалогах на полстраницы. Ведь особый шик писателя — это выстроить фабулу и характеры героев исключительно на диалоге, не используя авторский текст. Сам Вадим успешно пользовался таким приёмом как в романе «Свирепый марсианский бог», так и в повести «Сто пятая жизнь Акбара».

Во-вторых, мы с Вадимом на тот момент всё ещё не общались. А в периоды, обрамляющие наше десятилетнее без-

молвие, он, как большинство ставропольских писателей, называл меня исключительно по фамилии, вспоминая моё имя лишь в автографах на подаренных мне книгах.

В-третьих, я был тогда в семинаре В. Дятлова.

Удивляться же тут нечему: шлейф легенд и мистификаций сопровождал Вадима всю жизнь. Иногда он сам творил их вокруг себя.

В 1965 году в альманахе «Ставрополье» № 1 вышла фантастическая повесть В. Чернова «Судьба близнецов». Ознакомившись с ней, А. Поповский и В. Белоусов, бывшие однокашники Вадима по пединституту, встретились с автором:

— Ты что творишь, Вадим? Это ж чистой воды плагиат... Возьми книгу Олеши «Ни дня без строчки», там детально изложена вся рассказанная тобой история.

— Всё правильно, — не моргнув глазом, согласился Вадим. — Именно Юрий Карлович и подарил мне этот сюжет со словами: «Я почти убеждён, Вадим, что только ты и сможешь написать эту историю как надо...»

Он родился 30 августа 1934 года в городе Армавире. В свидетельстве о рождении, а потом и в паспорте записан Владиславом. Когда начал печататься, взял себе другое имя и стал Вадимом.

Мать, Евдокия Никандровна Жданова, была родом из большой зажиточной станицы Каменнобродская Изобильненского района. Отец, Сергей Михайлович Чернов, - семиреченский казак. В конце 30-х увёз семью в Киргизию, на берега Иссык-Куля. С началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт.

1942 — древний, полуслепой прадед Иван, казак из конвоя генерала- путешественника Н.М. Пржевальского (1839 - 1888), отвёл внука в школу.

1943 — смерть прадеда. Осенью Евдокия Никандровна решает вернуться с сыновьями Владькой и Лёвущкой на родину. По холодным барханам пустыни, через завывающий штормами Каспий добрались в январе 1944-го до Ставрополя.

«В мае 1945 года закончилась война. Мой отец в Берлине был ранен, лежал в госпитале и вернулся к нам инвалидом. Половина лица у него была синей, в голове — десятки мелких

осколков. Он стал неуравновешенным, бил мать, уезжал от нас в Киргизию даже после того, как родилась Светлана, моя младшая сестрёнка» («Мемуары. Утро»). Не здесь ли истоки взбалмошного, неуживчивого характера самого Вадима?

1947 — осенью на Сенгилеевском озере тринадцатилетний Владька познакомился с группой заядлых удильщиков: Иваном Егоровым, Карпом Чёрным, Ильёй Чумаком. Они приезжали сюда каждую неделю на машине «Ставропольской правды» или пединститута; Сенгилей называли Сарматским морем, себя — сарматами, а Владьку, с лёгкой руки К. Чёрного, окрестили сарматёнком.

События тех лет В. Чернов описал в повести «Вода всё помнит», вмонтировав в неё некоторые главы из давней, единожды опубликованной («Ставропольский альманах», I, 1946) повести И. Егорова «Море Сарматское».

1952 — закончил среднюю школу № 3. Хотел поступить в военное училище — не прошёл медкомиссию. Поехал в Новочеркасск на геолого-разведочный факультет политехнического института — не прошёл по конкурсу.

Вернулся в Ставрополь. Устроился лаборантом во ВНИИ овцеводства и козоводства.

1953 — в августе сдал экзамены в Ставропольский пединститут, стал студентом историко-филологического факультета.

1958 — по окончании института принят в газету «Молодой ленинец».

Первую книгу под названием «В коммунистических бригадах мы к коммунизму держим путь» (прямо конспект какой-то, а не название брошюрки в 60 страниц!) написал в 1959 году в соавторстве с журналистами А. Звягинцевым и Н. Копаневым.

В качестве поощрения за проделанную работу крайком комсомола направил Вадима на отделение журналистики Центральной комсомольской школы. Практику проходил в «Комсомольской правде». Здесь сошёлся с Ярославом Головановым, Владимиром Губаревым, Дмитрием Биленкиным. Соперничая с этой троицей, стал пробовать себя в жанре фантастики.

Вернувшись на Ставрополье, трудился в Левокумской районной газете. Затем слесарем на заводе «Электроавтоматика», где организовал велосипедную секцию и с энтузиазмом тренировал её.

1963 – изданы очерковые книги «День, который начинается» и «Стартовая площадка», посвящённые коллективу завода «Электроавтоматика». По этим книгам и по рекомендациям Леонида Соболева, Михаила Усова, Карпа Чёрного принят в Союз писателей СССР. Но долго ещё придётся Вадиму доказывать окружающим и себе, что он заслуженно получил членский билет писательской организации в 29 лет.

Вадим Чернов вступал в Союз писателей вместе с Александром Солженицыным и имел неосторожность подарить самому известному на тот момент в СССР писателю свои очерковые книжечки.

Спустя сутки автор мозаики «День, который начинается» услышал от автора повести «Один день Ивана Денисовича» оценку своего творчества:

— Возможно, вы и вправду мастер социалистического реализма, да только с литературой всё это не имеет ничего общего.

Какой сокрушительный удар по самолюбию молодого амбициозного человека!

Тем не менее последствия инцидента благотворны. Оскорблённый Вадим сел и заново переписал «Сто пятую жизнь Акбара». Если сравнить последующие издания повести с первоначальным вариантом, опубликованным в 1963 году в альманахе «Ставрополье» № 2, то разница очевидна уже с первого абзаца. Журналист на наших глазах перерождается в писателя.

Одновременно с работой над повестью пишет роман «Свирепый марсианский бог». В 1966 году оба произведения вышли в Ставрополе под одной обложкой, с гениально-инопланетными иллюстрациями Евгения Биценко, небывалым для края тиражом – сто тысяч экземпляров.

В Москве, в издательстве «Молодая гвардия» повесть «Сто пятая жизнь Акбара» опубликована под названием «Тигр в алой майке». Я акцентирую здесь своё и ваше внимание, потому что в некоторых изучаемых мною материалах их позиционируют как самостоятельные произведения: «А занятия велосипедным спортом подсказали сюжеты повестей «Сто пятая жизнь Акбара» и «Тигр в алой майке» («Ставропольская правда» от 30 августа 2013).

1967 – в разгар семинара молодых писателей В. Чернов примчался в Пятигорск на гоночном мотоцикле «Симсон». Здесь я впервые увидел его – коренастого атлета в чёрной кожаной куртке и крагах, с отливающей медью бородой. Он подписывал купленную в газетном киоске книгу калужанину Владимиру Кобликову, обаятельному любимцу К. Паустовского. Их почтительно обступили другие участники семинара.

В. Кобликов, сын калужского художника, выросший в окружении красок, похвалил яркую, бросающуюся в глаза обложку: изгиб жёлтого шоссе с синими обочинами.

— А ведь мне пришлось останавливать процесс печатания книги, — усмехнулся Вадим. - Я потребовал у издательства усилить цвет обложки.

— Зато фамилию автора на фоне шоссе видно плохо, - заметил Кобликов.

— Когда получу Нобелевскую премию, - басовито, на полном серьёзе пообещал Вадим, - вообще перестану писать на обложке своё имя и даже названия книг. Прочтут: «Алый купол и глаза Ихтиандра – только это успел запомнить Димка, когда ревущее чудище прыгнуло на него из лесной чащи», - и сразу поймут: это ж Чернов!

Среди мероприятий, запланированных на семинаре, было не только посещение ресторана «Замок коварства и любви» в окрестностях Кисловодска, но и поездка в Мин-Воды к девяностолетнему А.П. Бибику, пролетарскому классику советской литературы.

Алексей Павлович сидел в осеннем уютном дворе на стареньком венском стуле. Стул стоял на бетоне. На коленях Бибика лежал клетчатый плед. Мы широким полукругом выстроились напротив писателя.

Во время беседы Бибик покачнулся и стал опрокидываться назад. Все мы странно оцепенели... Нет, оказывается не все! Вадим сделал стремительный, как посверк, рывок и удержал старика от падения.

Я до сих пор испытываю жгучий стыд за себя и восхищаюсь Черновым, который своей немислимой реакцией подарил Бибику ещё девять лет жизни.

1968 — триумфальное восхождение В. Чернова на Эверест советской литературы дало сбой. Утром 21 августа прозвучало Сообщение ТАСС о вводе войск в Чехословакию. Началась кампания по организации писем в поддержку вторжения.

Вадим исхитрился не поставить свой автограф под текстом такого письма. Незадолго до «Пражской весны» он узнал, что якобы его книгу перевели на чешский и словацкий языки, и планировал поехать в Прагу, чтобы вернуться домой на «Татре», купленной на гонорар. Он считал, что трусливый «одобрям-с» может поссорить его с чехословацкими издателями, и отказался ставить подпись.

— Ох, боюсь, Вадим, строптивость эта выйдет для тебя боком, — отечески предостерегал Карп Чёрный.

И оказался прав. Впереди были изнурительные разборки на парткомиссиях, обследование главврачом психбольницы на предмет выявления у писателя Вадима Чернова вялотекущей пшизофрении.

Краевой психиатрической больницей № 1 с 1928 по 1969 год руководил Адольф Яковлевич Доршт — профессор, доктор медицинских наук, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды и боевых медалей.

— Более нормального и любознательного человека, чем Вадим Чернов, я не встречал, — категорически заявил А. Доршт после общения с вынужденным пациентом.

1969 — в середине апреля состоялось очередное отчётно-выборное собрание ставропольских писателей, на котором пост ответсекретаря вернулся от Е. Карпова к К. Чёрному.

Я встретил В. Чернова на лестнице между этажами. Поздоровался. Вадим сумрачно кивнул в ответ, поднялся на несколько ступенек и вдруг окликнул меня:

— Слушай, Сахвадзе, почему ты обращаешься ко мне на «ты»? Я гораздо старше тебя, я — член Союза писателей, опубликовал десяток книг... Ты, по сравнению со мной — никто! А позволяешь себе такое амикошонство. Прекращай это!

Я молча выслушал его и, ничего не ответив, пошёл дальше.

Разница в возрасте между мной и Вадимом была такая же, как между Вадимом и Карповым. Но если называть Карпова «Женей» и обращаться к нему на «ты» он считал естествен-

ным, то моё зеркальное поведение по отношению к нему самому приводило Чернова в негодование.

Так началась наша молчаливая неприязнь друг к другу длиною в десятилетие.

1970 — партийные проработки настолько достали В. Чернова, члена КПСС с 1964 года, что он завербовался разнорабочим на Дальний Восток. Плавал на краболовной флотилии «Евгений Никишин» сначала грузчиком на верхней палубе, потом приёмщиком крабов.

«Когда я вернулся в Ставрополь, поехал в горы, в Загедан, где у нас в те годы была писательская дача... В Загедане при свете керосиновой лампы я за двадцать пять ночей написал «Оранжевый день» («Мемуары. Полдень»).

1971 — публикация повести «Оранжевый день» в альманахе «Ставрополье» № 1. Со свойственной ему смелостью и упорством приступает к фантастическому роману «Космические парадоксы» о ловцах таинственных цветов-онибу в глубинах Вселенной.

1972 — в альманахе «Ставрополье» № 2 выходит первая часть фантастического романа. Это была ужасная ошибка В. Чернова, которую он не мог предвидеть.

Уже был заключён договор с краевым издательством на публикацию «Космических парадоксов», получен аванс. Всё шло отлично, пока 16 августа в «Молодом ленинце» не появилась разгромная статья Ирины Пироговой «Несостоявшиеся парадоксы». Кто бы помнил сейчас ехидную рецензентку спектаклей нашего драмтеатра, если бы не её кошмарная статья?

Там есть одно-единственное пронизательное замечание: «Плавают от галактики к галактике истребители таинственных онибу, очень смахивающие на милых сердцу автора краболовов». Выводы же И. Пироговой убийственны: «вульгарные меркантильные отношения на уровне пиратского полубака... элементарное идеологическое невежество... никак не прощительное советскому литератору незнание основных положений марксизма-ленинизма».

Представляю, как перепугалась осторожная молодящаяся миляшка с ласковым лисьим лицом Лариса Ивановна Хохлова, главный редактор отдела художественной литературы. Теперь

о публикации романа не могло быть и речи. Для погашения аванса Л. Хохлова предложила Вадиму сделать перевод повести «Аул Тегенокой» черкеса Абдулаха Охтова (1909—1971).

«Деваться было некуда. Взятся, перевёл... - пишет В. Чернов и не может удержаться от горького вопроса: - И вот что мне интересно знать в конце жизни: сколько миллионов нервных клеток я сжёг в своей голове, доводя до ума, читая, редактируя чужие, часто никчемные рукописи?» («Мемуары. В зените дня»).

1973 – повесть «Оранжевый день» напечатана в журнале «Дальний Восток» № 3 (Хабаровск).

1974 – отдельной книжкой «Оранжевый день» выходит в Ставрополе. Затем появляется в литературно-художественном сборнике «Океан», который стотысячным тиражом издала «Детская литература», бывший Детгиз. За три года общий тираж повести достиг двухсот тысяч.

Публицистические очерки о людях села сделали В. Чернова лауреатом краевой журналистской премии имени Германа Лопатина.

Но чего стоят все эти радости по сравнению с постигшим его горем?

В январе покончил с собой младший брат Лев (1937-1974), лётчик-истребитель, уволенный в запас в связи с сокращением армии. «Подробности сообщать мне слишком тяжело, и не знаю, когда кончатся находящие на меня по сей день странные затмения, во время которых я становлюсь будто ненормальный и начинаю кричать, звать брата Лёву во сне или даже наяву» («Мемуары. Утро»).

Во второй половине 70-х В. Чернов поступил на Высшие литературные курсы при Литинституте. Семинар вёл известный русский писатель, лауреат Государственных премий Владимир Алексеевич Солоухин.

1979 – закончил Высшие литературные курсы, вернулся в Ставрополь. Здесь проходили очередные перевыборы руководителя краевой писательской организации.

Тихий, аморфный, всегда подавленный чем-то Сергей Степанович Дроздов (1918 - 2004), автор посредственной диалогии «Свершение», посвящённой подготовке партией большевиков

Октябрьского переворота, просил освободить его от должности.

Вадим подошёл ко мне и, как ни в чём не бывало, словно не было между нами никаких разногласий, дружелюбно сказал:

— Можешь называть меня на «ты». Пора уже нам, молодым, самим управлять краевой организацией, а то от этих старпёров толку мало.

Стало ясно, что Чернов метит на пост ответсекретаря. Но ведь я не был членом Союза писателей и при всём желании не мог оказать ему помощь. Сам он считал иначе:

«Ивана Кашпурова подпирали всегда верный «шефу» Ян Бернгард, портной из Минеральных Вод, оказавшийся не у дел Евгений Карпов и группа молодых, которым он покровительствовал: Сахвадзе, Поповский, Маляров...» («Мемуары. В зените дня»).

Крайком партии поддержал кандидатуру И. Кашпурова, и он восемь лет руководил писательской организацией.

1981 — в Москве, в издательстве «Современник» тиражом пятьдесят тысяч экземпляров напечатан сборник повестей В. Чернова «Королевский краб».

1982 — к 45-летию краевой писательской организации появилась не раз упомянутая здесь книга «Творчество». Очерк «Возвращение долга» написал А. Поповский. Заголовок связан с последним изданием В. Чернова:

«И «Оранжевый день» и «Королевский краб» — это возвращение долга океану за богатство впечатлений, полученных во время плавания в краболовном флоте».

1985 — при всей своей внешней суровости, он трепетно заботился о тех, к кому испытывал дружеские чувства. Валерий Недавний, творческий воспитанник В. Чернова, вспоминает в очерке «Последний из могикан»:

«Бывая у своего наставника, я был невольным свидетелем его общения с коллегами и друзьями.

— Понимаешь, сейчас звонил в пенсионный фонд, - встретил он меня возмущённо. - Васе Грязеву установили пенсию наравне с дворничихой. Его сосед полковник, даже не участник войны, получает пенсию в два раза больше. Неужели писатель не заслужил?» («Свеча между ладонями», Ст., 2015).

И он написал в газету пронзительную до озноба статью «Не

дай бог дожить до старости». Пенсию В. Грязеву пересчитали.

1987 – в буклете «Писатели Ставрополья», выпущенном к 50-летию краевой писательской организации, В. Чернов с гордостью напомнил всем, что он «известен читателям и как переводчик повестей основоположника черкесской литературы Абдулаха Охтова «Аул Тегенокой», «Млечный путь», которые издавались в Черкесске и в Москве».

В этих поэтически-изящных переводах он превзошёл в мастерстве самого себя и вполне оправданно на склоне лет включил повесть «Аул Тегенокой» в первый том избранных сочинений.

Попутно В. Чернов принял деятельное участие в низвержении И. Кашпурова с поста ответсекретаря краевой писательской организации. Новым руководителем стал Г. Шумаров.

1990 – Ставропольское книжное издательство выпускает странную книгу-перевёртыш: с одной стороны – повесть А. Поповского «Предел допуска» с другой – «Золотой клевер на зелёном поле» В. Чернова. Заветные рукописи этих книг пролежали не одно десятилетие в письменных столах своих демиургов.

«Думается, что роман «Золотой клевер на зелёном поле» – лучшее и самое значительное произведение Вадима Чернова, – уверенно заявляет Людмила Егорова, главный знаток и исследователь творчества писателя. – Этот удивительный роман, несмотря на перегруженность горско-кавказской линией, дарит читателю подлинное эстетическое наслаждение, ещё раз подтверждая, что в литературу Ставрополья в 1960-е гг. пришёл настоящий талант» («День мой – век мой», т. 2, Ст., 2011).

На полке моей библиотеки стоит жгуче-синий том книги-перевёртыша. С одной стороны на развороте написано: «Николаю Сахвадзе, дружески. 25.X.90г. А. Поповский», на развороте другой – «Николаю Сахвадзе, товарищу по перу с надеждой, что скоро и он даст мне автограф на своей книге. Один из авторов сего, - Вадим Чернов. Октябрь 1990 г.»

Он – участник последнего съезда Союза писателей СССР.

«Съезд проходил в начале лета в старом Доме кино, напротив Центрального дома литераторов. Был он бурным и закончился расколом среди писателей. Я оказался среди тех, кто покинул съезд, потому что примыкал к демократам, был членом

ассоциации «Апрель», которая затем стала ядром Союза российских писателей» («День мой – век мой», т. 2, Ст., 2011).

1992 – избран председателем регионального отделения Союза российских писателей. Но краевая власть не собиралась выделять этой организации бюджетные деньги, и через год В. Чернов оставил пост по собственной инициативе со словами: «Я не обладаю даром работать даром». Его сменил В. Ащеулов.

К своему 60-летию Вадим Сергеевич подготовил солидный том из наиболее значительных произведений, созданных им на протяжении жизни. Но издать эту книгу ему удастся лишь через пятнадцать лет.

В середине 90-х Вадим Чернов – один из инициаторов возрождения казачества в крае. Редактировал газету «Ставропольский казачий вестник», преподавал в Воскресной школе Андреевского кафедрального собора. Художник Евгений Биценко написал роскошный портрет В. Чернова в казачьей форме.

1997 – в марте к митрополиту Гедеоу пришли атаманы Юга России. Владыка благословил их и сказал: «Казачья дружба – это совесть ваша. Слушайте его и помогайте ему. И это будет благо».

Вместе с тем благочестивый потомственный казак Чернов опасался брехливой поросли ряженых, которые думали в первую очередь о себе, о своих коммерческих интересах, а не о былой славе казачества.

Он категорически отказался от представления на орден «Дружба народов», ибо не хотел получать награду из рук вечно пьяного президента-скомороха Бориса Ельцина.

На рубеже веков появились существенные проблемы со здоровьем. А после перелома ноги в гололёд 2006 года, В. Чернов, закованный в гипс, передвигался долгое время на костылях.

Родственники и знакомые уважительно отмечают, что писатель-профессионал до последних дней работал над рукописями. Характерной особенностью заключительных произведений стало использование выдержек из сочинений других авторов. Я уже упоминал о повести «Вода помнит всё» с главами из «Моря Сарматского» И. Егорова. Добавлю сюда небольшую повесть «Старая Русса Достоевского», куда с незначительными купюрами вошёл рассказ-шедевр А. Губина о Достоевском из книги

«Афина Паллада». В четвёртой части мемуаров «Вечер, или Путь к Богу» вниманию читателей предлагается печатный с гакком лист из «Записок православного христианина» Е. Карпова.

Написал ряд важных воспоминаний о тех, кто вместе с ним создавал во второй половине XX века ставропольскую литературу. Это Андрей Губин и Александр Мосинцев, Георгий Шумаров и Владимир Гнеушев, Евгений Карпов и Александр Екимцев.

2009 — в год 75-летия выходит долгожданный том избранных сочинений «День мой – век мой». Презентацию книги в краевой библиотеке им. Лермонтова вёл сам автор. На приобретённом мной экземпляре начертил красивым, отчётливо-жемчужным почерком: «Коле Сахвадзе, собрату по перу, ученику Жени Карпова – на память».

Свой последний привет послал мне 7 августа 2010 года через «Ставропольскую правду» в статье «Литература – штучный товар», речь в ней шла о семи номинантах, претендующих на квоту из двух литературных премий. Но комиссия сочла возможным присудить лишь одну премию.

«Чудеса, да и только! - восклицает Чернов. - Есть две литературные премии имени Андрея Губина, и претендентов было много, а дали только одному – и справедливо! - Николаю Сахвадзе. Почему?

Полноценных, настоящих художественных произведений у нас в крае — поверьте мне, старику, – в год появляется немного. Роман, повесть, рассказ, поэма – товар штучный, и их авторы во все времена ценились на вес золота».

2011 — год начался с резкого ухудшения здоровья. За короткий период В. Чернов перенёс четыре тяжелейшие операции. Могучий некогда организм не успевал восстанавливаться и изнемогал от боли. Но, по словам сестры, её брат «до последнего хорохорился, храбрился, хотя я чувствовала, что и тело, и душа его страдают, как никогда в жизни».

Смерть пришла на исходе дня. Третьего августа...

Мы с ним вроде бы и не были друзьями, но меня долго не оставляло ощущение утраты дорогого, незаменимого, очень близкого мне человека. Грустно становилось при мысли, что Вадим никогда уже не узнает о моих чувствах.

Некролог подписали министр культуры края и десять писателей. Губернатор постеснялся отметить в этом списке, зато искренне скорбела многотысячная армия почитателей таланта В. Чернова – от Москвы до Находки и Хабаровска, где давно уже считали его своим.

В конце года вышел второй том избранных сочинений под той же шапкой «День мой – век мой (продолжение)». В нём впервые увидел свет злополучный роман «Космические парадоксы», а также «Старая Русса Достоевского» и захватывающая повесть о Вольфе Мессинге «Люди жаждут чуда».

Так началась посмертная жизнь писателя Вадима Чернова.

2013 – 12 сентября состоялось открытие мемориальной доски на доме № 3 по улице Шпаковской, где В. Чернов вместе с сыном Львом прожил последние четырнадцать лет.

2015 – журналистка Светлана Бережная, младшая сестра писателя, издала книгу «Свеча между ладонями». Это сборник воспоминаний о Вадиме Чернове, живые свидетельства его современников. Название сборника удачно выхвачено из размышлений писателя: «Иногда мне кажется, что я свеча между ладоней... моих родных, друзей, всех, кто любил (а за что?) меня. Спасибо им!»

На гранитном надгробии его последнего приюта выбиты такие строки:

Когда настанет день забвенья
И разорвутся жизни звенья
И не захочет сам Творец
Остановить времён течение,
В лицо Небесному Царю
Скажу такое многократно:
«Что жизнь мне дал – благодарю.
Вдвойне – за то, что взял её обратно».

Жил-был когда-то сочинитель Вадим Чернов, который знаменит тем, что никогда не сходил с дистанции и воспитывал такую же заразительную стойкость у своих читателей.

Грех нашему племени забывать об этом!

Чумак
Илья Васильевич
1912 - 1967

Однажды утром мы с Виктором Колесниковым спускались по бульвару главной улицы краевого центра – от Комсомольской горки в сторону «Пассажа». Не доходя кинотеатра «Октябрь», он вдруг остановился со словами:

— Лет десять назад я шёл здесь с Ильёй Чумаком. На этом месте он ухватил меня за локоть и, указывая на те кусты справа, сказал: «Глянь, глянь, сколько их в зарослях спряталось... Пошли быстрее отсюда, пока они не увидели меня».

— И что это было? - спросил я.

— Думаю, это связано с его службой в СМЕРШе. Что ещё могло повлиять на человека так сильно?

— Можно я использую этот эпизод?

— Дарю. Мне он не пригодился.

И мы, задумчиво погрузнев, в молчании продолжили свой путь к торговому центру «Пассаж».

Илья Васильевич Чумак (настоящая фамилия Чумаков, писал также под псевдонимами Ал. Кривцов, В. Ярцев, И. Клён) – родился 2 августа 1912 года в семье украинских переселенцев, осевших в Старой Полтавке. На момент рождения Ильи село принадлежало Саратовской губернии, ныне относится к Волгоградской области.

В годы гражданской войны подросток при живых родителях стал беспризорником. Его, как и тысячи сверстников, погнал с родных мест разразившийся в Поволжье голод.

Немало пришлось помыкаться ему в трудкоммунах Орла, Ростова-на-Дону, Краснодара, прежде чем попал в Куряж – детскую трудовую колонию, во главе которой стоял знаменитый советский педагог и писатель Антон Семёнович Макаренко (1888 — 1939).

В цикле «Куряжанские новеллы» И. Чумак рассказывает о своём пребывании здесь, о встречах А.М. Горького с воспитанниками колонии, которая носила его имя.

Мне запомнился страшный, убедительной силы рассказ «Ночью» о том, как к Горькому хотел пройти среди ночи старик-оборванец: «Не уйду, пока не увижу Максими́ча. Ведь мы с ним сорок лет не виделись», - а охраняющие флигель воспитанники спустили на него цепных колони́йских псов:

«Собаки рванулись на крыльцо и с воем набросились на старика. Ключья его одежды полетели во все стороны. Порывисто хрипя и ругаясь, он скатился по ступеням на землю, отбиваясь, кинулся бежать. Он бежал, а собаки, как вихрь, кружились вокруг него, наполняя пречёрную ночь озлобленным воем. Вой удалялся всё дальше и дальше в балку, из балки в лес, из леса в другую балку и вскоре совсем затих...»

В юности Илья работал на нефтяных промыслах в Грозном. Его первая публикация состоялась в газете «Голос вышек».

1931 – в номерах ростовского журнала «На подъёме» напечатано стихотворение «Буровая 30-14» в № 6 и рассказ «Пять метров» в № 11.

1934 – начинает работать в редакции газеты «Молодой ленинец», которая располагалась в то время в Пятигорске. К журналистике он приобщился ещё в колонии.

Через год в состав редакции вошёл новый сотрудник – Эффенди Капиев. Он был всего лишь на три года старше, но Илья сразу и безоговорочно признал талант и мастерство новичка. Вскоре Эффенди стал ближайшим другом и наставником Ильи. Именно он открыл Чумаку прозу эмигранта И.А. Бунина.

До 1937 года, когда Эффенди получит квартиру в Пятигорске, а Илья переедет вместе с редакцией «Молодого ленинца» в Ворошиловск (Ставрополь), - обе семьи жили в Эссентуках в соседних комнатухах на улице Гоголя, в доме № 3.

«В коридоре бушевал быт, - вспоминала Наталья Капиева. — Ревели примусы, чадили керосинки, шумели дети: Чумакова Раечка, которую отец воспитывал строго, и наша Кира. Это, впрочем, никому не мешало. Утром мы уезжали на работу. Ночами Эффенди и Илья садились за свои рукописи. Эффенди тогда заканчивал «Резьбу по камню», Илья обдумывал «Анто-

новские яблоки». Он приносил Эффенди свои свеженаписанные страницы, приходил услышать мнение».

Третьим неразлучным другом в компании Э. Капиева и И. Чумака стал сверстник Эффенди журналист Александр Иванович Колосков, родом из Георгиевска, впоследствии он напишет ценные воспоминания о именитых друзьях, отметит принципиальность и честность обоих:

«В начале 1936 года в редакции «Молодого ленинца» стало известно, что один из сотрудников в командировках ведёт себя неприлично с точки зрения журналистской этики: бывая в колхозах, запасается маслом, мукой и т.п. Илья Чумак, узнав об этом, вскипел гневом:

— Да что же это он, здесь, что ли, мало ему! Нарочно попрошусь в командировку вместе с ним, и, если он при мне станет делать заготовки, клянусь, вымажу его маслом и вывалю в муке!» («Творчество». Ст., 1982).

Очевидно, в колхозе продукты можно было приобрести дешевле, по себестоимости, – вот бережливый сотрудник редакции и использовал эту возможность. Но продолжу цитирование материала А. Колоскова «Памяти Ильи Чумака» из книги «Творчество»:

«Здесь мне хочется рассказать об отношении к Илье Чумаку Эффенди Капиева. Сам человек щедрой души, готовый в любой момент прийти на помощь товарищу, он видел и ценил эти качества и в Илье. В сохранившихся у меня письмах Эффенди Капиев много раз поминает Чумака и всегда дружественно и доброжелательно.

В письме от 6 декабря 1940 года Эффенди Капиев, выражая своё отрицательное отношение к тому самому литератору, которого Чумак некогда собирался вымазать маслом и вывалить в муке, писал: «Между нами говоря, это кулачок, я не люблю его расчётливость и петушиную ограниченность, а самое главное, у него нет чистоты душевной... Вот Чумака люблю, да жаль, он далёк». (Тот, кто назван в письме «кулачком», жил, как и сам Капиев, в Пятигорске, а Илья Чумак – в Ставрополе, именно в этом смысле говорится в письме о «далёкости»).

Мне захотелось узнать имя этого «расчётливого кулачка с петушиной ограниченностью», и я занялся поисками. После переезда «Молодого ленинца» в краевой центр, здесь, в Пятигорске, вместе с Эффенди остался Семён Бабаевский. Неужели он?

Нужна была неоспоримая деталь, которая бы убрала сомнения. И я отыскал её!

17 мая 2014 года газета «Ставропольская правда» опубликовала материал В. Мостового «Эпизоды из жизни «Ставрополки». Здесь я обнаружил любопытные сведения о сверхбережливости С. Бабаевского:

«Нигде и ни у кого больше не приходилось видеть такого микроскопического почерка, как у Семёна Бабаевского. «Подвальная» статья умещалась у него на половине обычного листа, а «Кавалера», говорят, он втиснул в обычную школьную 12-страничную тетрадь. Это не от экономии, а от совсем другой черты характера человека. Трижды Семён Петрович удостоивался Сталинской премии. На одну из них на проспекте Кирова в Пятигорске был построен местный Дворец пионеров и школьников, деньги на сооружение которого крайком КПСС буквально выклянчил у писателя.

Как-то на Пятигорском ипподроме встретил Бабаевский сотрудницу редакции Любовь Стругач. День был жарким, и она спросила у сослуживца: «Может по мороженому, Семён Петрович?» - «Конечно», - ответил тот. Стругач протянула лотошнице 30 копеек и попросила: «Два, пожалуйста!» - «Ну что вы, Любочка», - отклонил он руку попугачицы, достал 15 копеек и купил... одну палочку эскимо. Ошеломлённая и готовая провалиться от стыда за своего «кавалера», Стругач снова протянула продавщице 30 копеек и буквально прохрипела: «Два, пожалуйста!»

Теперь, когда я угомонил свой интерес к «расчётливому кулачку», вернёмся к Чумаку.

1941 — в апрельскую книжку московского литературно-художественного журнала «Красная новь» вошли три рассказа писателя: «Гость», «Весна», «Отец».

4 июля, на тринадцатый день нападения Германии на Советский Союз, И. Чумак ушёл на фронт к безмерной зависти освобождённого по болезни от военной службы Э. Капиева, с которым будут держать по возможности постоянную, письменную связь.

Вот одно из первых писем:

«Привет, дорогой Эффенди?

Пишу тебе из Москвы во время пути. Едем. Ночь под 12-е про-

вели в Москве, в эшелоне, наблюдали налёт фашистских бомбардировщиков и, так сказать, впервые понюхали порошу. Настроение было бодрое. Чувствовал себя совершенно спокойно.

Дорогой Эффенди! Просьба у меня к тебе: если не вернусь, сделай так, чтоб книжонка моя всё же вышла в свет. Где буду находиться, не знаю, но когда приеду, сообщу тебе адрес, а ты напишешь мне письмо. Я хочу получить от тебя хоть пару строк.

Ну, пока. Жму руки. Привет Наташе...

Илья. – 12 августа 1941 года».

На фронте И. Чумак назначен старшим уполномоченным отдела контрразведки 34-й армии Северо-Западного фронта: «Я находился в боевых порядках полка, который отбивал в день по двенадцать атак. Нелегко было быть бойцом, но мне было тяжелее в тысячу раз, ибо я отвечал за весь полк, за весь участок обороны».

В 1943 году капитан-контрразведчик получил очередь в ногу разрывными пулями «дум-дум». Оперировавший его хирург медсанбата высыпал на ладонь Чумака горсть осколков: «Живи, капитан...» Но извлечь из тела все осколки не удалось. Писатель до конца жизни мучился болями в ноге.

Около полугода пролежал в госпитале. «Я жив, радуюсь успехам наших войск, - писал он другу Эффенди. - По-прежнему лежу в госпитале, долечиваю раны. Хожу на костылях.

Нога, как чурбан. Правда, кости как будто срослись, но при ходьбе приходится приседать и морщиться.

Думаю, скоро уехать отсюда. Хватит. Удирать думаю туда же, на Северо-Западный фронт. В строевую хотя уже и не гоюсь, но работёнка найдётся для меня там и хромого.

Где ты сейчас? Встретимся ли когда-нибудь? Пиши мне, дорогой, я буду ждать от тебя весточки, как самую большую радость.

Целую и обнимаю тебя. Илья.

Мой адрес: г. Сарапул на Каме, Удмуртской АССР, часть 83, палата 1/23».

Но воевать мужественному капитану больше не пришлось, что явилось для него сильным психологическим ударом. Вместо Действующей армии вернулся в Ставрополь, к довоенной профессии журналиста.

В июне 1943-го, накануне возвращения И. Чумака, редакция

«Ставропольской правды» объявила литературный конкурс на лучший рассказ, очерк, поэму, стихотворение, народное сказание на тему, связанную с событиями войны.

Победителям обещали денежные премии: первая – 2000, вторая – 1500, третья – 800 рублей.

Рассказ И. Чумака «Мать» занял первое место.

Но вместе с премией кандидат в члены ВКП (б), кавалер ордена Красной Звезды, получил выговор. Незатейливый, задушевный рассказ объявили политически вредным из-за того, что в нём сказано о посещении старушской церкви. И.о. редактору газеты П.Н. Омилянчуку, члену жюри конкурса, подписавшему газетный номер, поставили публикацию рассказа, как тогда выражались, «на вид».

К счастью, известный московский публицист и сатирик Давид Заславский похвалил рассказ. Трусливые радетели-хамелеоны ставропольской литературы тут же сменили тон. «История начинает приобретать комедийный характер, - усмехается Чумак в письме к Эффенди, - и кое-кто уже начинает утверждать совсем обратное тому, что утверждал раньше».

Как-то группа журналистов затеяла спор в прокуренном коридоре «Ставрополки» на тему, кто имеет право состоять в Союзе писателей и называться писателем.

— Литературе нужны лишь первоклассные таланты, — заверял один из спорщиков. — А у нас развелось чересчур много средних и слабеньких писателей.

— Да погоди ты! — возразил другой. — Вспомни крылатое выражение Чехова: «В литературе маленькие чины так же необходимы, как и в армии».

— А вот это верно! — воскликнул Илья Чумак, до сих пор лишь краем уха слушавший спор. - Попробуй воевать одни генералы. Или, скажем, солдаты, рядовые без генералов. И те и другие нужны. Правильно сказал Антон Павлович! Спасибо ему.

Чумак, который стоял у истоков зарождения краевой писательской организации, никогда не считал себя большим писателем, но интуитивно чувствовал, что завоёванное им положение в литературе края прочно и заслуженно. Вот почему его так обрадовали слова Чехова.

В конце декабря 1943 года Эффенди приехал на несколько дней в Ставрополь. Ночевал то у Чумака, то у Колоскова, который был редактором его будущей книги «Поэт».

Новый год встречали в семье Чумака. В тот вечер Илья, от природы неплохой рисовальщик, с азартом и удовольствием сделал окончательный вариант обложки книги «Поэт» под наблюдением Эффенди и Колоскова.

В полночь из чёрной тарелки репродуктора раздалось покашливание и знакомый всем дребезжащий голос М.И. Калинина: — С новым 1944-м годом, товарищи!

27 января Эффенди не стало. Это была страшная, невосполнимая утрата. Опечаленного Чумака не радовал даже выход собственной книги-первенца «Атака».

Продолжая работать разъездным корреспондентом «Ставропольской правды», он выпускает новые книги: «В начале мая» (1946), «Буруны» (1947), «Степная легенда» (1948), «Марьины колодцы» (1951).

В начале 50-х состоялся первый на Ставрополье семинар молодых литераторов. В то время в крае была единая с Черкесской областью писательская организация. Суюн Капаев, молодой ногайский учитель из аула Эркин-Юрт, попал в руки И. Чумака.

«Разговор был у нас долгий, — вспоминает С. Капаев, ныне народный писатель Карачаево-Черкесской Республики. - Я, как всякий молодой литератор, считал своё детище совершенством и тайно в душе надеялся услышать о всех достоинствах своего рассказа. Но Илья Васильевич начал сразу с недостатков. Он цитировал мои предложения, задавал вопросы, я не находил ответа на многое, и в конце концов он меня убедил, что мой рассказ беспомощный. Я, было, совсем разуверился в себе. Тогда Илья Васильевич принял за достоинства рассказа. Постепенно вселил в меня веру в себя и подсказал, в каких направлениях может развиваться сюжет моего рассказа. Я был очень благодарен этой встрече. Такой конкретный, деловой разговор о своём произведении я слышал впервые» («Литературный Ставрополь. Альманах № 1». Ст., 1998).

И. Чумак стал кунаком С. Капаева. Перевёл на русский язык несколько его рассказов и две повести: «Тёплый ветер» и «Бекболат».

Осенью 1955-го навестил аул своего подопечного. Суюн Капаев стал редактором «районки» и пожаловался наставнику, что газета занимает почти всё его время в ущерб творчеству.

— Нет, кунак, - не согласился Илья Васильевич, — ты ещё молод, работай в газете, она даёт литератору жизненный опыт, набивает руку. Так что это тебе школа.

В 1957 году И. Чумак выпускает сборник рассказов «Главный ориентир», в 1958 – «На Чёрных землях»; принят в члены Союза писателей СССР.

1961 – одновременно выходят в свет книга очерков «Парень с широкого поля» и сборник новелл «Доваторцы» - героическая мозаика войны и быта конногвардейцев.

1962 – в Красноярске напечатана книжечка И. Чумака «Золотое руно». В ней два очерка: «Счастье трудной дороги» и «Большой поиск». Судя по всему, автор побывал в Восточной Сибири по командировке от какого-то печатного органа, незадолго до перекрытия Енисея, когда готовился к заполнению исполинский котлован. Здесь же, в Дивногорске, приступил к работе над очерком «Покорись, Енисей!»

В трёх номерах «Ставропольской правды»: 1 мая, 5 мая, 30 августа — в рубрике «Ставропольцы на великих стройках коммунизма» рассказал о земляках, встреченных им на строительстве Красноярской ГЭС.

1963 – Ставропольское книжное издательство публикует самое заметное прижизненное издание «Прапор. Избранное» с предисловием Л. Орудиной. И хотя факт публикации солидного однотомника – есть признание заслуг широко известного в крае писателя, в его жизни не всё шло гладко.

1964 – 6 августа в Ставрополе умерла писательница Валентина Туренская, жена Петра Мелибева. Ей был 51 год. Когда выносили гроб с телом, к нему стал рваться критик М. Маслов:

— Дайте я понесу, товарищи! Давайте я понесу!

— Хватит! - насмешливо и громко сказал Чумак. - Ты и так её всю жизнь поносил.

Вот за это его не любили: за сопротивляемость, за иронию, за независимость суждений. Тем более что общение с ним становилось, по мнению Натальи Капиевой, порою нелёгким:

«Обострилась присущая ему и прежде мнительность. Его могла на несколько дней вывести из душевного равновесия чья-то случайно брошенная необдуманная фраза. В безобидной шутке мог почудиться злой намёк...

Никогда не забуду, как поразила меня его вдруг высказанная обида на Эффенди. В капиевских дневниках военных лет Илья нашёл какой-то эпизод, который рассказал, оказывается, он. И вот: «Почему Эффенди не сослался, что он это от меня услышал? Это же моя тема!»

Обида была тем непонятней, что Илья знал: записи Капиев вёл только для себя, заносил в блокнот всё, что казалось ему того достойным, и обнародовать записные книжки «как таковые» не собирался. (Увидели они свет уже после его кончины). Я слушала и дивилась: «И это всегда щедрый, на всё поделчивый Илья?!» А он, потупившись, молча теребил чуб (была у него такая привычка), видимо, сам удивлённый или озадаченный тем, как сказало такое?

Внешне грубоватый, он был добр, чуток и, в сущности, очень раним» («Ильюша», альманах «Ставрополье», № 4, 1981).

1964 — вышла небольшая, в шестьдесят страниц, но крайне важная для автора «Живая россыпь».

1966 — на книжных прилавках появился сборник рассказов «По волчьим следам». Он мог бы украсить популярную тогда серию «Библиотечка военных приключений», как это случилось с повестью Хаджи-Мурата Мугуева «Кукла госпожи Барк», но, похоже, наш автор стеснялся посылать свои рукописи в Москву.

Летом И. Чумак готовит дополненное издание «Живой россыпи», в два раза больше предыдущего. 8 августа рукопись сдана в набор.

У меня есть возможность познакомить вас с текстом нового письма, которое И. Чумак отослал С. Капаеву:

«Дорогой и милый мой друг Суюн!

С новым годом тебя! Чтоб ты вовек был здоров и счастлив. Пусть новый год принесёт больших удач тебе и твоей семье.

Суюн, видимо, нам надо повстречаться хоть раз так, как надо. Чтоб в разговоре застать рассвет.

Обнимаю тебя, мой кунак.

И. Чумак. - 27.12.1966.»

Каким глубоким безысходным одиночеством веет на нас из этого коротенького письма!

1967 – 31 марта Вадим Чернов навестил Илью Чумака. Задлые рыболовы-любители, они познакомились двадцать лет назад на Сенгилеевском озере, и с тех пор поддерживали знакомство, несмотря на разницу в возрасте.

— Здравствуй, брат, писать хорошо очень трудно! - Илья Васильевич припомнил знаменитое приветствие «Серапионовых братьев». - В этом я убедился, прочитав книжку Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». Я дарю её тебе. Учись у него так стискивать, сжимать текст, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно.

— Вы один из моих учителей, Илья Васильевич! - с восторгом и благодарностью воскликнул Вадим, принимая драгоценный подарок. Это было первое на русском языке издание гениальных воспоминаний классика.

Есть что-то мистическое в том, что последней прочитанной книгой стала для И. Чумака книга писателя, который застрелился. Ровно через неделю после визита Вадима, 7 апреля 1967 года Илья Васильевич Чумак сделал то же самое.

«Война, последствия долго мучившего его ранения и прочие тягостные житейские обстоятельства, с войной связанные, видимо, уж очень огрузили его душу», — печально резюмировала Наталья Кашиева.

К середине осени создали Комиссию по литературному наследию И.В. Чумака. Её возглавил руководитель краевой писательской организации Е.В. Карпов. В тот день он вернулся домой явно не в духе.

— Что случилось, Женя? — забеспокоилась супруга.

— Веришь, Рая, ничего — ни одного листка, ни одной строчки. Ничего не нашли.

— Значит, он решил, что так будет лучше, — рассудительно утешила мужа Раиса Ивановна...

В стране под названием «СССР» каждый юбилей И. Чумака отмечался изданием его книги.

1972 — к шестидесятилетию критик Ефим Кабаченко и старший сын писателя Владимир Чумаков составили и выпустили «Марьины колодцы».

1982 — к семидесятилетию был издан сборник «Трое за Манычем».

Эта традиция исчезла вместе с Советским Союзом. В новой России о писателе Чумаке побеспокоились лишь однажды, когда Литературный фонд осуществил на стыке веков издание брошюр в серии «Библиотека писателей Ставрополья для школьников». Вышла книжечка И. Чумака «В плотных тучах закат» (1999. - 48 с.) с предисловием Александра Колоскова, написанным в 1972 году, и биографическими данными, собранными младшим сыном Петром Чумаковым.

2012 — немногие вспомнили о писателе И. Чумаке в дни его столетия. Отмечу газету «Казачье Ставрополье» № 6. Она напечатала подборку материалов: фото молодого Чумака 1946 года, статью В. Ходарева «Яркая жизнь литературного пахаря», биографический очерк П. Чумакова, рассказ юбиляра «Другого выхода не было». В нём эскадрон казаков, чтобы поспеть к началу наступления дивизии, переходит трясину по спинам своих коней.

«— А где же кони? - спросил генерал, взглянув на сёдла. - Где кони ваши?»

Казаки молча опустили головы.

— Нет у нас больше коней, - сказал наконец Загоруйко, хмуро оглядывая своё забрызганное грязью седло. — Мы расстались с ними... расстались, гвардии генерал-майор, навсегда, - с нашими послушными и безропотными боевыми друзьями. Навсегда...»

Это честная добротная проза требовательного к себе труженика пера! Я вместе с друзьями горжусь, что на Ставрополье жил и работал этот мужественный писатель, никогда не крививший душой.

**Шелухин
Тимофей Семёнович**

*Вся проза Шелухина –
это удивительная летопись
нелёгкой судьбы великих
тружеников села,
стараниями коих в общем-то
и жива Россия.
Анатолий Маслов*

В сентябре 1975 года я познакомился в один и тот же день с двумя незнакомыми мне до этого ставропольскими писателями. Оба великодушно оставили автографы на своих книгах:

1. «Торопится солнце к человеку», очерки (Ст., 1972): «Николаю Сахвадзе в память о литературном празднике на стройке и наших беседах о сложностях познания жизни. Т. Шелухин. – 04.09.75 г. – пос. Солнечнодольск».

2. «Берег туманов», повесть (Ст., 1973): «Коле, в память о начале нашего знакомства, с надеждой, что знакомство станет дружбой. В. Дятлов. – 4 сентября 1975 г.»

Увидев в моих руках книжечку коллеги, В. Дятлов, отдавший несколько лет работе редактора в краевом издательстве, с сожалением, будто оправдываясь, произнёс:

— Тимофей — талантливый автор, у него есть собственный слог, мудрый и рассудительный, который мы, редакторы, бесцеремонно приглаживаем, лишая его прозу индивидуальности. Нельзя этого делать. Никак нельзя... — И, виновато улыбнувшись, протянул мне «Берег туманов».

Таким образом недюжинный талант Шелухина был признан сразу и безоговорочно. Я не знаю в крае ни одного писателя, который бы высказал сомнения по поводу его природного дара. Даже скандально известные своими публикациями в «Литературной газете» и краевом альманахе Фридрих Сидоренко и Вадим Куропаткин, попившие немало крови у неко-

торых ставропольских авторов, пеняли Т. Шелухину лишь на нереалистичность встречи героини Евдокии Крюковой со Сталиным в повести «Белокониха».

Сам Шелухин считает себя учеником Семёна Бабаевского: «Сложно мне, да и кому-либо другому из литераторов ставить себя рядом с ним. Вряд ли вы найдёте более яркую и непричуждённую прозу, чем у него».

Нет ничего проще! Убеждён, что проза самого Шелухина глубже и интереснее слога Бабаевского. Но, опасаясь обвинений в неблагодарности, Т. Шелухин не решился занять нишу предшественника, которая могла принадлежать ему по праву.

1927 — родился 6 марта в станице Баклановской, которая была поначалу хутором станицы Новотроицкой Лабинского отдела Армавирского округа Кубанской области. Ныне обе станицы относятся к Изобильненскому району Ставропольского края.

1931 — в детской памяти навсегда сохранилось гнетущее воспоминание со скользким непонятным тогда словом «комсоводцы» (комитет содействия коллективизации). Эти опричники наводили страх на всю станицу. Они входили в чужой двор, как к себе домой, и тонкими железными штырями протыкали землю за базом, мазаный глиной пол в хате. Не найдя спрятанного зерна, свели со двора Шелухиных корову-кормилицу.

1933 — в разгар страшного голода умирают от недоедания малолетний брат Савелий и бабушка Анна Михайловна.

«Мне запомнилось каждодневное появление на нашей улице (с характерным заунывным скрипом) мажары с впряжёнными в неё двумя клячами, на которых свозили умерших в прошедшую ночь на станичное кладбище. Лишь один человек на нашей улице не пользовался услугами транспорта, выделенного стансоветом. Это, собой ещё при силе, Яков Булдыгин. Тот, как говорится, на своём горбу перенёс на кладбище в крапивном мешке всех семерых детей...» (Эта цитата и все последующие из книги «Записки станичника», Ст.: «ЮРКИТ», 2007).

В тот приснопамятный год в Баклановской погибло от голода 642 человека, то есть каждый второй житель станицы.

А ежегодник 1935 года «Сельское хозяйство СССР» (М. 1936, с. 222), никого не боясь и ничуть не стесняясь, приводит такие сведения: «В 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна». И едва ли не за каждым центнером загубленная человеческая жизнь.

1935 – с восьми лет, как принято было в то время, пошёл в школу.

1939 – колхозные активисты под горький плач старых казачек и угрюмое безмолвие казаков-колхозников разрушили в станице храм.

1941 – 22 июня «на хуторе Передовом, где мы жили в самые предвоенные годы, мальчишки радовались известию о начале войны и бегали на станционный перрон, где была слышна раздававшаяся из радиоприёмника речь министра иностранных дел Вячеслава Молотова, и от охватившего нас восторга кричали:

— Ну, теперь наглым фашистам придёт полный каюк!

И первые ополченцы, явившись на сборный пункт, который скоро образовался в клубе Егорлыкской машинно-тракторной станции в непосредственной близости к железнодорожному вокзалу, так же, как и мы, хуторские мальчишки, чему-то радовались...»

У Тимофея, как у большинства пишущих, рано пробудился интерес к сочинительству. Своё первое четверостишие сложил в четвёртом классе. Особое литературное рвение проявил в начале войны. Не раз отсылал в «Пионерскую правду» бойкие патристические стихи, в которых клял коварных фашистов, и получал из осаждаемой врагами Москвы официальные ответы на бланке газеты, подписанные секретарём ЦК комсомола Зоей Тумановой.

Прочитав книгу «Следы кочевников», взялся за прозу: место действия – Узбекистан, герои – Жарым, Кизбай и Азар. Не без смущения попросил бежавшего от немцев из Бессарабии еврея-словесника ознакомиться с его творением. Возвращая рукопись, учитель сказал:

— Ты, создавая повесть, хотя повестью её ещё рано называть, пошёл от прочитанного. Настоящая литература создаётся от собственного восприятия жизни.

Тимофей совет запомнил.

1942 – окончил Баклановскую семилетнюю школу. «Был на оккупированной немцами территории с августа 1942 года по

январь 1943 года на хуторе Передовом и вместе со всеми работал в сельской общине бычатником».

1943 – после двухмесячных курсов в Григорополисской школе крайзо (краевой земельный отдел), ещё не понимая толком принципа работы двигателя внутреннего сгорания, встал за штурвал комбайна «Коммунар» и повёл счёт намолотам хлеба.

1944 – вместе со своими сверстниками прошёл курс молодого бойца на военных сборах в станице Новотроицкой под надзором ревностного служаки лейтенанта Ильи Новозженко, твердившего на каждом занятии: «Вот попомните, сиз-голуби, я из вас дурь выбью!»

– Не приди к нам на выручку наши союзники, – рассуждает Тимофей Семёнович, – открывшие второй фронт и оттянувшие к себе двадцать немецких дивизий, тем самым ускорив разгром Германии, советским полководцам не хватило бы не только нашего призыва, но и последующих за нами призывов. Двадцать седьмому году, на котором был остановлен беспрецедентный счёт потерь россиян, в самом деле повезло.

1945 – 9 мая, после короткого митинга на МТС, комбайнёры разошлись подготавливать к уборке урожая закреплённую за ними технику: «Все мы тогда думали о том, что мало чего сулит окончание войны. Что жизнь такая, к которой мы попривыкли, будет продолжаться долго. Снова будут старые комбайны со своими частыми поломками. И не будет одежды. И не будет выходных дней. И отпусков также не будет. И всегда будем мечтать о тепле и хлебе».

1947 – Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об усилении борьбы с мелкими хищениями хлеба». Он был направлен в первую очередь против тех, кто выполнял на колхозных полях всю работу. Против женщин и подростков.

За несколько лет под жестокий указ подпало около миллиона селян. Десятки тысяч горемычных крестьянок, всю войну кормивших фронт, очутились на лесоповалах Коми АССР и Сибири. Другие десятки тысяч пригодились на открывшихся стройках коммунизма на Волге и за Полярным кругом.

Страшно подумать, но ведь мы могли ничего не знать об «узниках сорок седьмого года», если бы не подвижник Шелухин.

1950 — с подачи замполита МТС Владимира Коваля молодой комбайнёр-передовик вступает в ряды ВКП (б): партия переименует себя в КПСС лишь на XIX съезде в октябре 1952-го. Коммунист Шелухин дисциплинировано пробудет в ней до самого упразднения партии в 1991 году.

1951 — избирают вторым секретарём райкома ВЛКСМ. Комсомольский актив, по согласованию с Егорлыкской МТС, поручает Тимофею беспризорный комбайн «Сталинец» на время трудового отпуска, который совпал со сроком жатвы.

За двадцать пять рабочих дней Т. Шелухин намолотил более восьми тысяч центнеров зерна. Это позволяло претендовать на звание Героя Социалистического Труда. Послали соответствующие бумаги в Москву.

Оттуда ответили отказом в связи с тем, что участвующий в уборке урожая Тимофей Шелухин является не профессиональным комбайнёром, а секретарём райкома комсомола, о чём он сам написал в анкете, приложенной к наградному листу... Обидно, да?

1952 — среднее образование наверстал в вечерней школе рабочей молодёжи в станице Новотроицкой. Поступил в Ставропольский пединститут на заочное отделение.

1955 — женитьба на казачке Марии Дмитриевне, сельской учительнице. Они прожили в мире и согласии шестьдесят лет. Вырастили двух сыновей и дочь. Все дети, похвалился родитель в 1992 году, «остались на земле: дочь Алёна работает колхозным бухгалтером, сыновья Андрей и Аркадий недавно получили «вольную» - вышли из колхоза и собираются стать фермерами».

1957 — впервые, как участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, побывал в Москве. Для всех участников организовали обязательное посещение Мавзолея.

«В нём лежали совсем разные люди: один в штатском чёрном костюме, другой — в военном мундире. Один был ещё свеж и в теле, другой же поблек до яркой желтизны и здорово усох — говорят, выболел очень. Это верно — когда человек долго болеет, то очень сдаёт. На Мавзолее одинаковыми буквами были написаны слова «ЛЕНИН — СТАЛИН». За последним была популярность отнюдь не малая. Это имя было «освяще-

но» столькими жертвами, что никто в мире с ним и в самом деле не мог сравниться».

1958 — получил диплом учителя русского языка и литературы. Дебютировал в Изобильненской районной газете «Колхозный путь» большим документальным очерком «Орлята», переработанным позже в художественную повесть «Зарево в ночи». Публикация в газете стала началом плодотворного пути писателя.

В конце 1959 года состоялось слияние хозяйств, которое породило крупнейший колхоз-гигант. Его земли раскинулись от Каменнобродских плавней до Медвежьего, превратившегося за два года до этих событий из села Молотовское в Красногвардейское.

Исполнилась заветная мечта Т. Шелухина о собственном печатном органе: при колхозе «Путь Ленина» стала еженедельно выходить газета «Знамя труда» тиражом в две с половиной тысячи экземпляров.

1963 — очерки, которые регулярно публиковал в многотиражке, составили первую книгу писателя «Люди моего колхоза». Союз журналистов СССР отметил это издание премией.

1967 — в Ставропольском книжном издательстве выходит «Зарево в ночи» - повесть-реквием, посвящённая юным подпольщикам хутора Весёлого - Илье Иванову и Григорию Дулину. Схваченные гестапо, они живыми были закопаны в землю на восточной окраине Изобильного.

1971 — 19 декабря, в день зимнего Николы, семья Шелухина справила новоселье. Их дом стал знаменит в округе, благодаря застеклённому чердаку, где был оборудован писательский кабинет с балконом, откуда открывался вид на егорлыкскую пойму.

Издание книг у Шелухина начинает обретать постоянство: «Торопится солнце к человеку» (1972), «Конец Андреева детства» (1975).

1977 — публикация повести «Пророк в своём Отечестве» под нейтрально-географическим названием «Там, где Лебяжьи острова». В ней автор в образе парторга колхоза вывел себя.

Закончил работу над романом «Отцово родство», отвёз рукопись в краевое издательство. Приступил к работе над новым романом — «Прощённый день».

1978 — восемнадцать лет проработал Т. Шелухин бессменным редактором колхозной газеты «Знамя труда», нередко совмещая ра-

боту журналиста с постом секретаря парткома, пока гигантское хозяйство не поделили на несколько частей, и станица Баклановская вновь вернула своему хозяйству прежнее имя – «Красный Октябрь».

1981 — в Ставропольском книжном издательстве «Отцово родство» печатают в урезанном виде и под другим названием: «Отчая земля». Роман превратился в повесть, которая, по мнению Т. Шелухина, «доведена до полного истощения авторского текста, а также самого языка».

1982 — весной вместе с В. Ярошем, А. Коротиним, В. Кожевниковым принят в члены Союза писателей СССР.

До ухода на свободный творческий труд работает в Бюро пропаганды краевой писательской организации. Сопровождает С. Бабаевского в его последней поездке по Ставропольскому краю. Это турне описано в документальной повести «Три дороги к Шумскому».

Мне запомнился незатейливый, почти анекдотический случай тех лет. Тимофей Семёнович полюбил декламировать четверостишие поэта М. А. Дудина:

Здравствуй, Вася Росляков,
Что ты сделал для веков?
Ни хрена векам не сделал,
Прославлял большевиков.

Однажды поэт А. Екимцев, выслушав в очередной раз изрядно поднадоевшее четверостишие, вдруг обратился к приятелю с такими словами:

Ну а сам-то, Тимофей,
Что ты сделал для людей?
Ни хрена людям не сделал,
Славил свет больших идей! —

чем привёл Тимофея Семёновича в сильное смущение. А вот сообразительный Росляков в своё время не растерялся и отреагировал на стихи Дудина в мгновение ока:

— Мишка Дудин умишком скуден!

Однако продолжим...

1986 – в Ставрополе выходит «Белокониha», вершина литературного мастерства Т. Шелухина.

1987 – пик творческой славы писателя: издательство «Современник» (Москва) переиздаёт «Белокониху» тиражом пятьдесят тысяч экземпляров. В книгу включена также повесть «Отчая земля».

Первые годы перестройки и гласности насторожили Т. Шелухина. В Дни российской литературы в крае он с опаской свидетельствует, что «мало было торжеств или попросту радости: довлела печаль о чём-то всеми нами утраченном, ощущалась тревога и неуверенность в завтрашнем дне». Однако, разобравшись какие колоссальные возможности сулит новое время певцу председательского корпуса для издания книг, он сменит страх на милость и встретит дифирамбами уродливый капиталистический строй новой России.

1992 – роман «Отцово родство» публикуется в том виде, в каком был до правки бдительных редакторов. Выпуск книги оплатил Передовой элеватор. Как говорится: любой каприз за ваши деньги.

1995 – благодаря финансовой поддержке фермерского хозяйства «Казачье», увидел свет роман «Прощённый день» в одном томе с «Белоконихой». Но читатели, по словам автора, советуют печатать их порознь:

«При выходе романа «Прощённый день» отдельной книгой его главный герой Никита Ивакин, кулацкий отпрыск, за всю жизнь натерпевшийся от коммунистов и не веривший их бредовым прогнозам о скором наступлении светлого будущего, как бы размежуеться с главным героем повести «Белокониha» – Донюхой Крюковой, напротив, уверовавшей в коммунизм и всеми силами стремившейся к нему».

Оба этих характера, столь различных по своей сути, выписаны с очевидной достоверностью.

А почему?

С детских лет воспитывалась у пострелёнка Тимохи двойственность сознания. Отправляясь в школу, он извлекал из дупла старой абрикосины алый галстук пионера, ибо таил от родителей причастность к этой организации, а в дупло прятал нагретый на груди нательный крестик. Вернувшись из школы,

проделывал ту же процедуру в обратном порядке: холодный крестик — на шею, пионерский галстук — в душло.

1997 — к двухсотлетию станицы Новотроицкой выходит книга проверенных временем очерков «Люди моего юрта». Её герои, извещает аннотация, «это те, кто живёт и работает по совести при любой власти, какой бы она ни была. И сам автор, Тимофей Шелухин, один из них, свой — среди своих. Поэтому и названа им так эта книга».

1998 — опубликован сборник «Второй фронт». В нём две повести: впервые напечатанная «Падалица» и привычная «Белокониha». Талантливая книга о тружениках тыла принесла Т. Шелухину звание лауреата краевой премии им. Семёна Бабаевского. Сам автор назовёт её в «Календаре погоды» за 2009 год — «моей лучшей книгой».

В ноябре прозаик Н. Ляшенко вместе с несколькими изобильненскими авторами приступил к созданию ряда очерков о Ставропольской ГРЭС и людях, которые связали с ней судьбу. Соответствующее предложение было сделано Т. Шелухину, но он легкомысленно отмахнулся от него: я — хуторской крестьянин, и далёк от производственных тем.

А зря! Коллектив авторов и без него справился с задачей: книга имела успех. Но участие в юбилейном проекте опытного Шелухина расширило бы рамки его писательской известности, а заодно принесло бы дополнительные баллы изданию «Ставропольская ГРЭС — 25 лет».

С этого времени книги Т. Шелухина выходят непрерывным конвейером: «По обе стороны дороги» (1999) , «Прощёный день» (2000) , «От Кубани до Чограя» (2001) , «Жизнь на ничейной земле» (2002) ...

Стоп! Чуть не проскочил мимо важного события: художественно-публицистические очерки «От Кубани до Чограя» с подзаголовком «Рассказы о председателях уходящего века» получили литературную премию губернатора. В тот год премия ещё не обрела славное имя А.Т. Губина.

Во вступительном слове «От автора» по-крестьянски сметливый Шелухин «кидает леща» губернатору: «Поражает устремлённость к хлеборобскому делу губернатора Александра

Черногорова, а его ежесезонное появление – отнюдь не прихоть и не забава для уже подматеревшего хозяина края».

Я тоже помню кавалерийские наскоки губернатора на колосящиеся поля края в период уборки урожая. И до сих пор спрашиваю себя: много ли поработаешь с малолетним сыном на площадке комбайна и в окружении оравы газетчиков и тележурналистов, довольных тем, что их взяли на показушные смотрины?!

Желание по-пустому покрасоваться перед народом присуще и более высоким чиновникам.

«Когда я включаю телевизор и вижу в новостях, как президент и премьер, будучи на Ставрополье, по очереди катаются на зерноуборочном комбайне, меня охватывает жуткая тоска: когда же, наконец, кто-нибудь вникнет в наши проблемы и поможет решить их,» — безответно взывает журналист-фермер Иван Шульга. («Хозяин на земле». Ст.: «Блиц-Инфо», 2013, с. 216).

А теперь продолжим счёт книгам Т. Шелухина: «Как стать государем» (2004), «О чём звонит колокол» (2005), «Февральские окна» (2006), «Три дороги к Шумскому» и «Записки станичника» (2007).

Обратите внимание, Т. Шелухин начинает выпускать уже не по одной, а по две книги в год. Вот и 2009-й отмечен двойней.

Книгой «Бабье царство», в которой, разумеется, есть «Белокониha» плюс «Варькина любовь» (печаталась ранее под названием «Там, где Лебязьи острова») и завершает сборник «Календарь погоды», дневниковые записи 2008 и 2009 годов.

Вторая книга называется «Одиссея Андрея Чурикова». И хотя уже в названии Чуриков как бы отнесён к мифологическим персонажам, — это самая слабая и беспомощная книга в багаже писателя.

Обычно наш брат горько сетует на издание самой первой книги: мол, надо было подождать и выпустить более зрелое сочинение, — Шелухин умудрился проявить непростительную оплошность в 82 года, о чём ему во всеуслышание не преминул указать на районном торжестве в киноконцертном зале «Факел» его погодок Иван Лаврентьевич Блохин, самобытный поэт из станицы Староизобильная:

— Нельзя пресмыкаться перед сильными мира сего, Тимофей Семёнович! Даже если это генеральный директор Изобильненского сахарного завода. Невозможно и стыдно читать то, что вы написали.

Побагровевший Шелухин оставил без ответа ядовитую реплику Блохина. Но не хотел бы я быть в тот момент на месте писателя-рекордсмена: «Одиссея Андрея Чурикова» - 24-я по счёту книга Т. Шелухина.

Меня озадачил эпиграф из Н.А. Некрасова:

Да! Были личности!.. Не пропадёт народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудрёными путями Бог ведёт
Тебя, многострадальная Россия!
Попробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколение два-три человека!

Помилуйте, такой эпиграф можно отнести к биографии президента Путина или писателя Солженицына, но никак не к жизнеописанию деятеля районного масштаба.

Однако вернёмся к библиографии книг Т. Шелухина: «Зеленокумские встречи» (2011), «Прощённый день» (2012), «От Кубани до Чограя» (2012) - 2-е, дополненное издание, куда слово в слово войдёт «Одиссея Андрея Чурикова», хорошо хоть без эпиграфа.

2014 — выходит в свет роман «Отец и сын», который до этого публиковался под названием «Отчая земля» (1981, 1987) и «Отцово родство» (1992, 2002).

2015 — в книге «Зарево в ночи» собраны две ранние повести Т. Шелухина: заявленная в заглавии и «Конец Андреева детства», к ним автор присовокупил небольшую повестушку «Последний прокос», написанную в марте 2002 года.

Я с благоговейной радостью приветствую огромную библиотеку книг, которую сумел издать одинокий «приусадебный писатель» Тимофей Шелухин. Такая задача должна стоять перед каждым ныне живущим писателем, потому что смерть в условиях современной России подводит жирную черту не только под нашу жизнь, но и под наше творчество.

2017 — 6 марта Тимофея Семёновича Шелухина чествовали в краеведческом музее города Изобильного. Сам писатель хотел

отметить своё 90-летие в Доме культуры родной Баклановки: то-то было б разговоров среди станичников, — на год хватило бы. Но районное начальство поступило так, как было удобно им.

*На снимке (слева направо):
Владимир Кожевников, Николай Сахвадзе,
Тимофей Шелухин.
г. Ставрополь, 2011 г.*

Шилин
Георгий Иванович
1896 – 1938

Родился 14 ноября 1896 года в городе Георгиевске в большой семье рабочего-железнодорожника, происходившего из крепостных крестьян.

У Жоры было три сестры и три брата. Мать от частых родов и непосильных трудов рано покинула этот мир. Отец как мог содержал семью. И хотя замена шпал на перегоне оплачивалась неплохо, еды в доме не всегда было вдоволь. «Сами пасутся, сами заворачиваются», – говорили про детей путейца соседи.

Георгий рано понял, что ему следует самому бороться за существование. Во время учёбы в Георгиевском городском училище в свободные дни подрабатывал в цеху кирпичного завода, задыхаясь от удушающего сухого жара. Тяжёлая работа лишь укрепляла в нём жажду «выйти в люди», попасть в иную, озарённую смыслом жизнь.

«По выходу из училища, – вспоминал Шилин, – служил то в магазинах, то в конторах на должностях помощника продавца, конторщика».

1914 – интерес к литературе, желание стать писателем привели Шилина во Владикавказ. Устроившись рассыльным в редакцию газеты «Терек», впервые опробовал здесь перо в жанре стихов, очерков и даже рассказов (рассказ «Клюев»).

Талантливого юношу поддержал Сергей Миронович Киров, организатор революционного движения на Северном Кавказе. Он помог Шилину стать профессиональным журналистом, рекомендовал в газету «Терек» в качестве корреспондента.

19 июля (1 августа) 1914-го Германия объявила войну России, а затем Англии и Франции. Началась Первая мировая война.

1915 – Шилина мобилизуют в армию, отправляют стрелком в Ахалцихский запасный полк на грузино-турецкую границу.

1916 – перебрасывают на германский фронт в составе пулемётного полка; участвует в боях.

1917 – после февральской революции послан в Иркутск, в школу прапорщиков. Летом, по выходе из неё, произведён в прапорщики.

Отправлен в запасный полк в родной Георгиевск.

1918 – издаёт первый и единственный сборник стихов «Красное знамя» (Георгиевск). Становится редактором «Известий Георгиевского Совета», заведует городским отделом искусств. Вступает в партию большевиков.

С начала 1920-х продолжает активную журналистскую деятельность. Сотрудник газет «Трудовой Батуми», «Бакинский рабочий». Был разъездным корреспондентом в газетах «Известия», «Ленинградская правда». Это позволило ему изучить жизнь жителей Закавказья и Северного Кавказа в годы новой экономической политики.

1926 – печатает заметки «На водах» о курорте Железноводск, рассказ «Пылкое сердце». Начинает собирать материал о георгиевском лепрозории. О том, как это случилось, как возник вдруг замысел романа, поведал литературовед Александр Дымшиц: «Приехав на время в родной Георгиевск, писатель захотел повидаться с одним из друзей детства. Но на старом месте он его не нашёл и вскоре узнал, что тот заразился проказой и находится в лепрозории. Тогда Георгий Шилин отправился в лепрозорий, которым ведал доктор Гюберт, разыскал старого друга на «больном дворе» и несколько дней прожил среди прокажённых. Он и впоследствии не раз посещал лепрозорий, работая над очерками, составившими первую часть его будущего романа. Последующие наблюдения над прокажёнными и над развитием борьбы с проказой Г. Шилин вёл уже после переезда в Ленинград, в лепрозории “Крутые ручьи”».

1928 – переезжает на постоянное местожительство в Ленинград, работает в «Красной газете». Однако не порывает связи с родными местами, Георгиевском и Пятигорском.

«Женитьба на бакинке и борьба за раскрепощение женщины обусловили глубокое знакомство с жизнью и бытом советского Востока, воплотившиеся в форме путевых очерков и наблюдений, что обусловило своеобразие содержания и стиля

рассказов Шилина, собранных в книге «Страшная Арват», – пишет учёный-филолог Людмила Егорова в «Истории литературы Ставрополья. XX век».

Добавлю, что Шилин первым из советских писателей поднял тему быта национальных окраин страны в новых условиях. Через несколько лет эту золотonosную жилу ринутся осваивать десятки писателей, в их числе Андрей Платонов, Михаил Лоскутов, Николай Тихонов, Владимир Луговской.

1929 – в начале года в издательстве «Прибой» (Ленинград) выходит сборник рассказов «Страшная Арват». Шилин посылает его на суд А.М. Горькому и в мае получает ответ со столь дельными советами, что их нелишне знать любому литератору:

«Вы написали неплохие рассказы; недостаток их в том, что Вы, именно, рассказываете слишком от СЕБЯ, но слабо показываете, – изображаете, – ваших героев и окружающую их жизнь. Вы, как будто, пишете доклады или корреспонденции в беллетристической форме. Это – ещё не искусство.

Искусство начинается там, где читатель, забывая об авторе, видит и слышит людей, которых автор показывает ему. Если Вы намерены признать литературную работу главным делом Вашей жизни, Вам следует попытаться усвоить те приёмы работы, ту способность образно изображать, которой обладают наши и западные мастера литературы» (Письмо от 13 мая 1929 г.)

1930 – в Ленинграде выходит книга первая романа «Прокажённые» в издательстве «Пролетарская литература». Она рассказывает о жизни лепрозория и его обитателей на территории Ставропольского края. «Г. Шилин был единственным советским писателем, так глубоко проникшим в жизнь и быт прокажённых, в область борьбы с чудовищной и «загадочной» болезнью» (А. Дымшиц). За короткий срок книга выдержала четыре издания. Шилин, приняв во внимание советы Горького, обрёл несомненный художественный дар и в полной мере показал его в этом романе.

1931 – издательство писателей в Ленинграде публикует сборник повестей «Главный инженер», куда кроме заглавной, входят «Камо» и «Поединок». В этом же году повесть «Камо», о дерзких подвигах легендарного большевика Тер-Петросяна,

вышла отдельным десятитысячным тиражом в Госиздате. Она была переведена на армянский, узбекский, удмуртский, украинский и польский языки.

1932 – на страницах ленинградского литературного альманаха «Зелёный фронт» появляются главы из романа «Лыжный рейд». В нём описан поход воинов-ленинградцев, предпринятый для освобождения Карелии от белогвардейцев. Опубликованные главы стали основой романа «Ревонтулет» («Северное сияние» в переводе с финского на русский).

1934 – 1 июля А.М. Горький, как председатель правления советских писателей, собственноручно подписал членский билет № 2443 и вручил его Шилину, который, подобно многим молодым советским писателям, вышел из «широкого горьковского рукава» – выражение Леонида Леонова.

Государственное издательство художественной литературы публикует роман «Ревонтулет» (Ленинград).

1935 – в издательстве «Советский писатель» выходит книга вторая романа «Прокажённые», дополненная материалами по Ленинградской области.

1936 – 20 октября Шилин арестован и осуждён на десять лет лишения свободы. В обвинительном заявлении инкриминировали следующее: «ставил своей задачей свержение Советской власти и восстановление в СССР капиталистического строя». Срок свой отбывал в Ухтпечлаге НКВД в Коми АССР на земляных работах.

1938 – не знаю, кому он перешёл дорогу, чем не понравился начальству, но, уже отбывая наказание, был осуждён вторично как инициатор организации в лагере контрреволюционной группы, ставившей своей целью подготовку вооружённого восстания. Постановлением тройки НКВД по Архангельской области от 21 декабря Георгий Шилин был приговорён к расстрелу.

29 декабря 1938 года приговор привели в исполнение.

Прошли годы... В 1956-м, вскоре после XX съезда КПСС, решением Верховного суда СССР Шилин был полностью реабилитирован. Но как писатель оставался в забвении.

Вспомнили о нём через три года. Не в Ставрополе или Ленинграде, что было бы объяснимо, а в одной из союзных республик, где Георгию Шилину довелось работать в 20-х годах.

1959 – издательство «Заря Востока» в Тбилиси публикует полный вариант романа «Прокажённые» с предисловием Александра Дымшица. «Прочсть книгу, что встретиться с другом», – гласит грузинская поговорка, и, наверное, кто-то из бывших коллег-журналистов приложил немало усилий, чтобы организовать эту встречу.

Так Грузия вернула из небытия «серьёзный и честный труд» писателя в обитаемое пространство советской литературы.

1961 – роман «Прокажённые» переиздаёт Ленинградское отделение издательства «Советский писатель». К 65-летию со дня рождения Георгия Шилина «Календарь памятных дат по Ставропольскому краю на 1961 год», предтеча краеведческого ежегодника «Ставропольский хронограф», напомнил своим читателям о талантливом земляке.

1965 – после Грузии и Ленинграда на переиздание «Прокажённых» в количестве ста тысяч экземпляров решается краевое книжное издательство в Ставрополе.

1966 – ошеломляющий успех романа, заказы и заявки из других регионов вынуждают Ставропольское книжное издательство повторить тираж «Прокажённых». На волне успеха издают повесть «Камо» с иллюстрациями.

Усердным биографом Шилина становится литературовед Ефим Кабаченко. В альманахе «Ставрополье» и газете «Ставропольская правда» 60-х я отыскал немало материалов.

1981 – в Георгиевске в связи с 85-летием со дня рождения писателя на доме по улице Луначарского открыта мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1896 году родился и жил до 1922 года наш земляк, писатель Шилин Георгий Иванович. 1896 – 1941 гг.»

Долгое время 1941 год ошибочно считался последним годом жизни писателя. В начале XXI века работники Георгиевского филиала Ставропольского краеведческого музея в результате долгих поисков нашли и обнародовали новые сведения. Все они доведены до вас в этой работе.

Ширяев
Борис Николаевич
1889 – 1959

*Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины
давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж?
Отчизны не познал.*
К. Батюшков
«Судьба Одиссея» (1814)

Потомственный дворянин. Родился 27 октября 1889 года в Москве. С юных лет неоднократно посещал Ставрополь, где жили его родственники, и навсегда полюбил этот южный, утопающий в зелени город.

Закончил филологический факультет Московского Императорского университета, продолжил обучение в Германии. Вернувшись, читал лекции о русской литературе в родном университете до начала Первой мировой войны.

В чине поручика Черниговского гусарского полка храбро сражался на фронте. Литературу не бросил: регулярно посылал информацию в газеты и журналы для разделов «Хроника», «На полях сражений». В начале 1917 года выпустил маленький сборник стихов. На фронте находился до полного его развала.

Летом 1917 года уже в звании штабс-капитана, переодетый в солдатскую шинель, отправился в Петроград, где 25 августа примкнул к конному корпусу генерала Лавра Георгиевича Корнилова (1870 - 1918). Ширяеву, как и другим сподвижникам восставшего генерала, импонировала идея создания твёрдой и сильной власти, способной остановить развал армии и государства. Но корниловский мятеж был подавлен.

В январе 1918 года попытался уйти в Финляндию. На границе был схвачен и приговорён к расстрелу. За несколько часов до исполнения приговора сумел бежать.

С трудом пробрался в Новочеркасск, записался в Добровольческую армию. Участвовал в знаменитом «ледяном по-

ходе» генерала Корнилова. Картину данного исторического момента блестяще воспроизвёл в стихах выдающийся поэт казачьего зарубежья Николай Николаевич Туроверов (1899 - 1972), в то время офицер Атаманского полка, участник сражений на Дону, Северном Кавказе, позже в Крыму:

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла,
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.

Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее – Корнилов,
В метелях идущий на смерть.

Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сутроба,
Победу и гибель в бою.

Тоску безысходного гона,
Тревогу в морозных ночах
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.

Мы отдали всё, что имели,
Тебе – восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной – за Россию – поход.

После поражения белой армии Б. Ширяев остался в Ставрополе. Работал учителем литературы в школе, читал лекции в знаменитом в те годы «Самообразовательном кружке».

В 1922 году на Ширяева вышла ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Он попытался укрыться в Москве, но вскоре был в столице арестован и вторично приговорён к расстрелу. Расстрел

заменяли десятью годами соловецкого лагеря.

В Бутырской тюрьме сидел в камере с художником Михаилом Васильевичем Нестеровым, автором картин «Видение отрока Варфоломея», «Великий постриг», «Пустынник», «Дмитрий убиенный». В день получения приговора художник напутствовал писателя словами утешения:

— Не бойтесь Соловков. Там Христос близко.

Пребывание Б. Ширяева в лагере, повседневная жизнь узников и их не всегда адекватных охранников получили правдивое воплощение в «Неугасимой лампаде», созданной четверть века спустя на берегу голубого Неаполитанского залива. Воспоминания писателя предвосхитили «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, жаль только, что читатель познакомился с этими книгами не в исторической последовательности их появления.

«В 20-е годы, — отмечает краевед Герман Беликов, — для некоторых заключённых ворота Соловков ещё распахивались, что прекратилось с начала 30-х. Вышел на «свободу» и Борис Николаевич, хотя цинга вырвала все его зубы, а каторжная жизнь прирастила к любому наркотику, пусть то смолы соловецких елей или травы знойных пустынь Средней Азии, куда он был выслан на поселение. Но он продолжал бороться за жизнь ради того, чтобы люди узнали правду о самом первом ленинском концлагере в некогда Новом Афоне земли русской» («Ставропольские губернские ведомости», 14 мая 2002).

В малолюдном древнем кишлаке в пустыне Каракумы Б. Ширяев прожил до середины 30-х годов. Здесь им были написаны отдельные главы «Неугасимой лампы», которые он, опасаясь обыска, прятал в металлическую коробку и зарывал в песок между кустами саксаула.

В 1936 году ему разрешили поселиться в Ставрополе (за год до этого переименованном в Ворошиловск). Работал преподавателем в пединституте, читал курс лекций по истории русской литературы, вёл семинары по творчеству Л. Толстого, И. Тургенева. Популярность Б. Ширяева среди молодёжи была столь велика, что некоторые из студентов старались скрытно предупредить его во время перерыва о внеочередной проверке райкома комсомола или спецотдела НКВД. Писатель упоминает о таких случаях в тридцатой главе «Неугасимой лампы».

22 июня 1941 года началась война Германии с СССР. На протяжении полутора лет горечь военных неудач, потерь и поражений значительно превышала число наших побед.

3 августа 1942 года немецкие войска вошли в брошенный на произвол судьбы Ворошиловск и сразу вернули ему историческое имя Ставрополь. Б. Ширяев занял пост главного редактора ежедневной оккупационной газеты, её первый номер вышел 7 августа. Газета поначалу называлась «Русская правда», потом «Ставропольское слово» и наконец – «Утро Кавказа». Являясь по убеждениям монархистом, Ширяев с этого времени стал с гордостью носить значок участника «ледяного похода»: терновый венок, пронзённый мечом.

Я воздержусь от оценки действий потомственного русского дворянина, сошлюсь лучше на компетентное мнение Людмилы Петровны Егоровой:

«О таком поступке мне, человеку помнящему оккупацию и эту газету, писать трудно. Но, как говорится, «умом» я понимаю, что «своя» правда была и у Ширяева, искавшего возможность выступить в печати со словами обличения сталинского режима» («История литературы Ставрополя. XX век». Ст., 2012, с.90).

Герман Беликов, перечислив поимённо сотрудников газеты «Утро Кавказа», даёт им такую оценку:

«Да, все они предали Отечество в тот страшный час испытаний, хотя, как поётся в песне – «своя страна их пнула сапожиком» гораздо раньше» («Ставропольские губернские ведомости», 17 декабря 1997).

В другом номере этого издания краевед пишет ещё более развёрнуто и эмоционально:

«Борис Николаевич Ширяев как литератор, как педагог и как редактор сумел привлечь к изданию газеты широкий круг людей разных профессий, разного уровня образования, разных возрастов, которых, однако, объединяло одно – ненависть к сталинскому режиму и любовь к своей поруганной Родине. Большинство этих людей, как и сам редакторский коллектив газеты, видел в немецкой армии поработителей своей Родины, а в репрессивных органах – гестапо и абвере, уничтоживших в городе всё еврейское население, душевнобольных и многих

истинных патриотов своего Отечества – не просто палачей, а преемников ЧК-ОГПУ-НКВД» («Ставропольские губернские ведомости», 21 мая 2002).

21 января 1943 года Ставрополь был освобождён. За девять дней до освобождения Указ Президиума Верховного Совета СССР подтвердил правильность возвращения городу его исторического наименования оккупантами.

Ширияев с женой, в прошлом студенткой Ставропольского пединститута, и сыном покидают краевой центр вместе с немцами. Их следы отмечены в Симферополе. Оттуда путь семьи проследовал в Германию, затем через Югославию – в спасительную для них Италию.

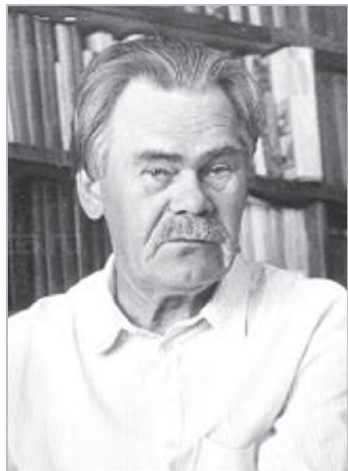
В 1945 году, после пребывания в так называемом дипийском лагере для перемещённых лиц и советских эмигрантов, они обосновались в курортном городке Сан-Ремо. Здесь Б. Ширияев написал ряд книг: «Ди-Пи в Италии» (вышла по-русски в Буэнос-Айресе в 1952), «Я — человек русский» и «Светильники Русской Земли» (1953), «Неугасимая лампада» опубликована новым, возникшим после войны издательством им. Чехова в Нью-Йорке (1954), «К проблемам интеллигенции в СССР» (1955), «Религиозные мотивы в русской поэзии» (1962, посмертно).

Он с полным на то основанием благодарил свою нелёгкую судьбу. И ведь было за что: «В грохоте войны, вихре смерти, новых потоках крови и слёз мне выпал единственный из миллиона жребий: я смог рассказать о пережитом».

Скончался Борис Николаевич Ширияев 17 апреля 1959 года в Сан-Ремо, где и похоронен. На далёкой советской родине, если и вспоминали о нём, то исключительно как «о мерзавце, фашистском наймите, кокаинисте и алкоголике».

В 1991-м издательство «Столица» в Москве тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров репринтно воспроизвело нью-йоркское издание 1954 года. Россия наконец-то смогла прочесть выдающееся творение Бориса Ширияева о крестном пути соловецких мучеников.

Его послал бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.
(Николай Некрасов).

Шумаров
Георгий Михайлович
1932 – 2010

Родился 15 мая 1932 — в селе Маис Пензенской области. Отец — армейский политработник, и первые воспоминания мальчугана связаны с бесконечными переездами. Десятилетку прошёл в девяти школах.

1942 — в алтайском селе Быстрый Исток, куда был эвакуирован, написал первое стихотворение. Отнёс в школьную стенгазету. Стихи не приняли. «Помню, я сильно страдал, но надо переболеть этим, чтобы обрести иммунитет; с тех пор к издательским и редакционным отказам относился довольно спокойно».

После пятого класса учился в Монголии, в городе Чойбалсан, откуда отец пошел на войну с Японией. Семья вернулась в Маис.

Восьмой класс заканчивал в городе Евпатория. Напротив от мужской школы (обучение стало отдельным) располагалась первая женская. Однажды приметит там Лилю Орловскую, свою будущую жену, и полюбит на всю жизнь.

1950 — мечтал о Литературном или юридическом институте, но по просьбе больной матери, у которой на плечах было двое младших сыновей (отец служил в Германии, приезжал только в отпуск), — остался в Крыму. Поступил в Крымский медицинский институт им. И.В. Сталина. «До сих пор поражаюсь стихийной правильности своего выбора».

1953 — из Германии вернулся отец. Это позволило после третьего курса перевестись на четвёртый в Ленинград, где училась в строительном институте Лиля Орловская.

1954 — обрёл пишущего друга: из Казани на пятый курс перевёлся Василий Аксёнов. «Когда мы в студенческую пору мыкались по хозяйкам, Вася потрясал меня изумительной разборчивостью: он вёл переговоры по найму комнаты только в том случае, если в квартире был телефон. Мне, недавне-

му деревенскому лапотнику, и в голову это не приходило».

Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт им. академика И.П. Павлова. С дипломом приехал в город Орёл, где взяли врачом в областную больницу.

1958 — побывал туристом в Чехословакии.

1961 — в Орловском книжном издательстве выходит первая и единственная книга стихов «Люди молодые». Она должна была выйти ещё два года назад, но издательство при переезде потеряло рукопись. «Хороший у тебя год, — завидовали друзья, — сына родил, книжку выпустил, в партию вступил...» Сын Владимир родился, как и тремя годами ранее дочь Галина, в городе Ставрополе, где жили родители жены.

1963 — участник 4-го Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. «Нас зазывали в редакции газет и журналов, скопом величали талантливой молодёжью на помпезных форумах, фотографировали вокруг заинтересованных классиков. Мне изрядно досталось от руководителя семинара Даниила Гранина. Правда, его ассистент Георгий Владимов говорил о моей прозе значительно мягче».

Рассказ «Письма идут медленно» опубликовал журнал «Смена». Позже, вспоминая об этом, Шумаров скажет: «Как ни печально признаться, в мире от этой публикации ничего не произошло: никто не звонил, не бежал мне навстречу с распахнутыми объятиями; я даже не знаю, читал ли кто... Литература — это разлетающаяся вселенная, центром которой являются Гомер, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Шекспир. А мы — мелкие осколки астероидов, космическая пыль».

В Орловском книжном издательстве выходит сборник повестей и рассказов «Парень, живи!» (1963).

1964 — за восемь лет жизни в Орле супруги Шумаровы так и не выехали из общежития... Что ж, прощай город первых самостоятельных шагов в хирургии и в литературе! Семья переезжает в Ставрополь. Шумаров устраивается на работу в хирургическое отделение краевой больницы.

1965 — проходит в Фергане сборы офицеров запаса ВДВ.

1966 — в престижном «Советском писателе» публикуют роман «Круглый стол на пятерых». Ставропольские писате-

ли слегка озадачены: они никак не могут уяснить, что это за хирург приехал и как к нему относиться. Вот в тему высказывание Шумарова: «Не замечать бездарность - дело такта. А вот не замечать талант — это слепота. К сожалению, слепыми бывают от зависти. В чужом кармане кошель толще кажется. Если бы наши писатели так относились к чужому таланту! А то ведь свой талантик малым не бывает».

Зато как всегда на высоте оказался Игорь Романов. Обнаружив неизвестный краю талант, он рассказом «Улица, которую я любил» почётно открывает альманах «Ставрополье» (№ 2, 1965) плюс портрет молодого, ещё безусого Шумарова и биография в рубрике «О наших авторах».

1967 — моё знакомство с Шумаровым.

1970 — тиражом пятнадцать тысяч экземпляров в Ставропольском книжном издательстве выходит сборник повестей и рассказов «Письма идут медленно». Он на «ура» встречен читателями края, но вопрос о приёме популярного автора в Союз писателей — не обсуждается.

Понадобилось десятилетие 70-х, в течение которого были приняты в профессиональный союз Романов, Мосинцев, Грязев, Дятлов, Ащеулов, Виктор Колесников. Теперь было у кого брать рекомендации.

1980 — появляется второй, наиболее нашумевший роман о медиках и научной медицине «Ни эллину, ни варвару». Наконец-то Георгия Михайловича принимают в Союз писателей СССР.

1982 — в книге «Творчество (очерки, воспоминания, штрихи к портрету)» о своём друге поведал Вадим Белоусов в материале «Доктор всматривается в лица». Это очень даже неплохой очерк с глубоким аналитическим проникновением в произведения Шумарова. Но первый вариант, напечатанный в альманахе «Ставрополье», начинался с весьма сильного эпизода, который Вадим Александрович почему-то убрал:

«Как-то шли мы по улице с Георгием Шумаровым. Навстречу нам попало семейство — между папой и мамой бойко топала маленькая девочка. Вдруг мама остановилась:

— Здравствуйте, доктор... Доченька, это твой доктор. Скажи ему «спасибо».

Девочка что-то пробормотала. Чувствовалось, что доктора она не помнит. Да и сам Георгий несколько неуверенно расспрашивал, как дела у маленькой пациентки. Оказалось, что теперь всё в порядке.

Когда мы пошли дальше, я спросил:

— Ты что, не узнал их?

— Да, понимаешь, если бы мне шовик показали, узнал бы. А так...»

1983 — московское издательство «Современник» 50-тысячным тиражом выпускает книгу повестей «Такой ты мне должна присниться».

1985 — новый сборник повестей «Сезон на Чёрном плёсе» выходит в Ставрополе.

1987 — проработав в хирургии 31 год и заметив ухудшение зрения, оставляет медицину «ради вздорной — я это предполагал — работы руководителя краевой писательской организации. В воспоминаниях о двухлетнем периоде моего писательского секретарства я не нахожу никакого, доброго противовеса писательскому хамству, самомнению, лицемерию, доносительству. Из моей жизни вычеркнуты эти два года, и я стараюсь о них не упоминать».

1988 — Ставропольское книжное издательство публикует сборник поэта Виктора Бабиченко «Весло (стихи, поэмы, переводы)». Вы спросите: «А при чём тут Шумаров?» А это именно он несколько лет кряду составлял, редактировал и пробивал этот сборник. Диву даюсь: надо ж было человеку переехать из Орла, чтобы сохранить для краевой литературы ставропольского поэта!

У самого Шумарова печатают роман «Дороги бортхирурга Басова». Возникает желание собрать все три романа о хирургах как трилогию. Огромную помощь в осуществлении этого замысла оказывает дочь Галина.

1990 — с писателями-единомышленниками (Игорь Романов, Вениамин Ащеулов) едет в Москву на съезд общественно-литературного движения «Апрель». Тогда-то, наверное, и перешли все трое из Союза писателей СССР в Союз российских писателей. Это было обманчивое время-перевертыш, время уверенности и надежд, которым никогда не суждено было сбыться.

1991 — книга «Хирурги» успела-таки прорваться к читате-

лям пятитысячным тиражом на излёте советской эпохи, но как диалогия — без «Круглого стола на пятерых».

В первой половине 90-х пишет главную, как сам считает, книгу «Гвозди в скрипичном футляре» и литературные портреты знакомых ему писателей: А. Губина, М. Батчаева, В. Гнеушева, В. Бабиченко, В. Ащеулова...

1998 — в Институте развития образования тиражом триста экземпляров выходит повесть «Гвозди в скрипичном футляре», самое автобиографическое произведение, от которого невозможно оторваться. «Дорогому Коле Сахвадзе, человеку, с именем которого связано много хорошего, даже сама молодость, от души — Г. Шумаров», — напишет он на подаренном мне экземпляре.

1999 — в серии «Библиотека писателей Ставрополя для школьников» печатают сборник «Улица, которую я любил». Он открывается новым талантливым рассказом «Стол Пастернака». Мастерски препарировав прошлое, автор сумел дать оценку дню сегодняшнему. Он всегда с долей изысканной элегантности владел тем, что шутливо называл «бегством в подтекство», редкое для писателя качество, свойственное очень немногим русским прозаикам.

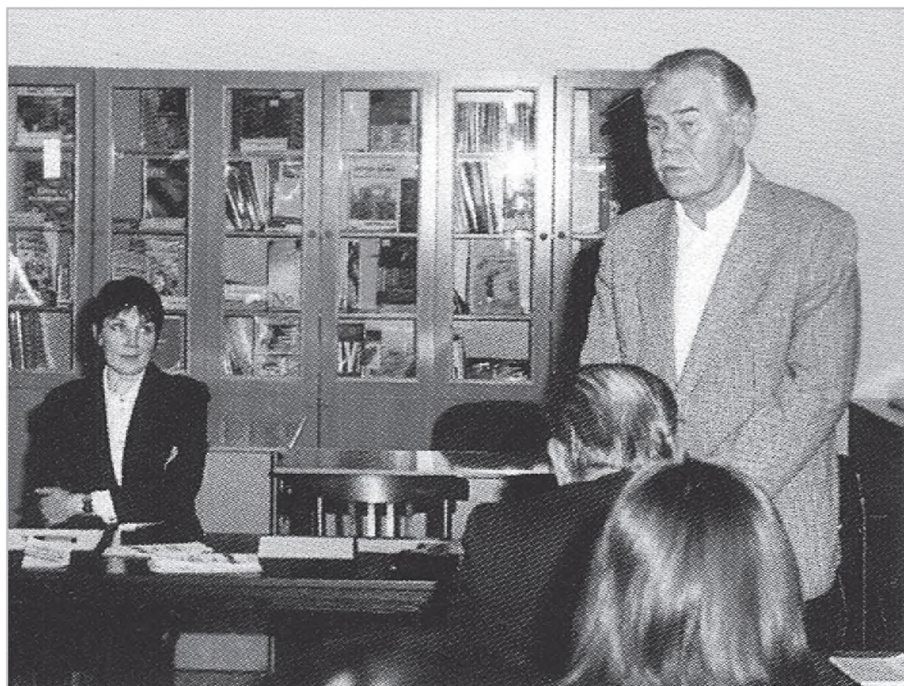
В начале XXI века становится лауреатом Губернаторской премии по литературе за обширный вклад, который внёс в искусство и культуру края. С появлением в Ставрополе нового все-российского литературно-художественного журнала «Южная звезда» печатает в его номерах (№ 1, № 4) объёмный рассказ «Чёс», мемуары «Я сам провинциал, а друг мой — забугрянин...»

2006 — в сдвоенном номере альманаха «Литературное Ставрополье» (№ 1-2) напечатана «детская», явно автобиографическая повесть «Копай-город» о жизни подростка Егора в Монголии в 1944-45 годах.

Друг-поэт Игорь Романов вернулся в лоно Союза писателей России: пусть с палочкой, но ходил на собрания, юбилеи и другие мероприятия. Шумаров этого не сделал. Тут повинны не столько гордость и порядочность, вошедшие у всех знавших Шумарова в поговорку, сколько сильно пошатнувшееся здоровье. После инсульта семь мучительных лет боролся с болезнью.

2010 — 11 февраля на 78-м году жизни Георгий Михайлович Шумаров умер.

Хирург и писатель, одинаково талантливый и сильный в любой ипостаси, он сумел воспитать такого же специалиста из сына Владимира, ставшего одним из лучших детских хирургов края; дочь Галина Туз после окончания Литинститута — известный в крае писатель, преподаёт в одном из ставропольских ВУЗов, внук Георгий - молодой журналист.

*Г. М. Шумаров на семинаре «Новая словестность».
г. Ставрополь, апрель 2002 г.*

Яковлев Владимир Яковлевич

5 апреля 1976 года начал свою работу третий краевой семинар-совещание творческой молодёжи. На нём присутствовало более 150 юношей и девушек.

Их распределили по шести секциям:

1. вокально-инструментальных ансамблей;
2. актёрской молодёжи;
3. художников;
4. журналистов;
5. композиторов;
6. прозаиков и поэтов.

Там я познакомился со многими незаурядными людьми: инженером строительного управления Ниной Чечулиной, студентом пединститута Анатолием Масловым, врачом из Железноводска Олегом Игнатьевым.

Тогда же дружеские отношения завязались с Владимиром Яковлевым. Помню наши вольнолюбивые разговоры в неказистом вагончике, неподалёку от цирка. Сторожевой вагончик стоял на территории какой-то стройки.

К слову, я рассказал Яковлеву о том, как недавно мне, простому слесарю химцеха, предложили должность бригадира, а это, понятно совсем другая зарплата. Я же, ни секунды не задумываясь и не сомневаясь, решительно отказался.

– Но почему? – искренне недоумевал Владимир.

– Потому что это уже другая ответственность. Она станет мешать мне. Простому слесарю комфортнее сочинять рассказы, чем бригадиру.

К моему удивлению, мнение, которому я не придавал особого значения, прозвучало для Яковлева откровением.

– Да-да! Это важно, – взволнованно произнёс он. – Это многое объясняет.

Спустя сорок лет Владимир с привычной для него гиперэмоциональностью вспомнит памятный для обоих день и напи-

шет на 709 странице книги «ИМЕНА в истории Ставропольской краевой писательской организации»:

«Коля, нет границ моего восхищения твоей независимостью от этого мира накопительства и тщеславия. Ты великолепен в своей способности жить для высокой цели. И ничто не затмит этого убеждения. Вова Яковлев».

Поэзия Яковлева стала близка мне со дня знакомства с нею. Я хотел включить биографию поэта в первое издание «Ставропольских писателей», но он не дал никаких сведений о себе. А то, что я живу вдали от краевого и даже районного центра, имеет как положительные, так и негативные для меня последствия и результаты. В связи с чем вынужден опираться в этой работе на краткие автобиографические суждения В. Яковлева в большом сборнике стихотворений «Якорь» (2009), а также на материалы двух литературных критиков: Светланы Солодских, незабвенной хозяйки «Литгостиной», и Галины Шевченко, автора из Пятигорска.

Итак, Владимир Яковлев родился 29 октября 1947 года в Ставрополе.

«Семья: отец – фронтовик, будущий майор госбезопасности, мама – будущий преподаватель литературы, старший брат. Домишко, в котором они жили, был настолько тёмным, что родители не придумали ничего другого, как прорубить окно в... потолке. Ночью туда смотрела луна, днём над ним с рёвом пролетали краснозвёздные бомбардировщики. Ещё одно, правда уже трагическое воспоминание детства. Он сидит на табуретке, а братишка завязывает шнурки. Вскоре они расстанутся на веки вечные. Брат кинется спасать утопающего в пруду мальчика, спасёт, а сам, обессиленный, не сможет выкарабкаться на берег...» – писала в очерке «Жизнь – не чёрный квадрат!» Светлана Солодских в газете «Ставропольская правда» от 14 июля 2010 года.

Неожиданная и ранняя смерть брата произвела на Володю колоссальное впечатление.

В 19 лет, находясь на службе в Советской Армии, получит телеграмму о смерти отца, и опять душевной лиловой волной захлестнёт душу чувство сиротства: «Чёрные кроны сосен растворялись от подступающих слёз. Последний ветер теребил седину отца... Подушечка с боевыми орденами. Их протягивают мне молчаливо односельчане. Я отказываюсь, помня наставления прапорщика Жарова: не заслужил – не носи! Но старики настаивают. Есть, мол, на Руси такой обычай: награды отцов – хранят сыновья».

Бьют молотки.

Забуть ли эти звуки?

Но кто-то тихо говорит?

– Неси!

Не отдавай, сынок, в чужие руки.

Как холодна сейчас земля в горсти!

А впереди – немеряные дали.

И кроме сына

Некому нести

Вот эти потемневшие медали.

Закончил художественно-графический факультет Смоленского пединститута, о котором сохранил трогательные воспоминания: «Золотой закладкой в Книге Жизни сияет студенческая юность. В ней были и авторские росписи фреской (от стены до стены!) основного цеха Смоленской трикотажной фабрики и альфрейные работы в кафе «Космос», и сожжённые от отчаянья холсты».

После окончания института работал преподавателем живописи в Брянском строительном техникуме, был сотрудником картинной галереи. По вечерам в спортзале техникума вёл секцию бокса.

«Как-то в зал вдруг ворвалась десятка два полупьяных оболтусов. Володя крикнул своим ученикам: «Бокс – это не драка, а борьба за правое дело!» Появился смысл жизни, и «яковлевцы», разумеется, победили!» (С. Солодских).

Матросом Торгфлота отходил четыре навигации в Ледовитом океане: «Я счастливый человек! Все мои мечты сбылись. Даже са-

мые дерзкие. Хотел стать матросом – и стал им. Грезил пройти путями Нансена и Амундсена. Пусть не полностью, но получилось!»

Покинув флот, устроился в контору геологоразведочной партии «Якутзолото», где поначалу ему предложили таскать за топографами нивелирную рейку. Но Владимир, человек по натуре целенаправленный и энергичный, дослужился в «Якутзолоте» до высокого звания помощник бурового мастера.

Уникальной особенностью поэта Яковлева я считаю умение препарировать явления реального мира, события личной жизни, мимолётные впечатления в пласты полноценного творчества: «Армия», «Арктика», «Мастерская», «Журналисты».

Он рисует, фотографирует, пишет стихи, колесит по свету – в поиске надёжных, общественно-значимых ориентиров, с которыми не стыдно выйти к всесоюзному читателю. Вот почему В. Яковлев в конце концов возвращается домой, на малую родину, которую до этого навещал лишь по случаю.

Эй, приятель, о чём толкуем?
Погоди, водитель, давить на газ.
А ну-ка, назовите землю другую,
Чтобы так тепло повстречала нас.

Хочется петь на таком раздолье,
Попросить шофёра выключить мотор.
Я тебя приветствую, Ставрополье
С голубой каёмочкой Кавказских гор!

1976 – участвует в уже упомянутом третьем семинаре-совещании молодёжи края. Альманах «Ставрополье» №4 публикует произведения участников. Отдел «Поэзия» открывается подборкой стихов В. Яковлева.

1977 – по итогам семинара выходит коллективный поэтический сборник «Станция отправления».

Время птенцам вылетать из гнезда,
Голос опробовать пением.

Время – заполнить твои поезда,
Станция отправления!

Точка отсчёта,
Начало пути.
Здесь не запеть – преступление...
Ярче звездой семафора свети,
Станция отправления!

Заголовком книги послужило название стихотворения В. Яковлева. Он учится на пятом курсе Литературного института им. Горького. Был участником V Всесоюзного совещания молодых писателей.

1979 – Ставропольское книжное издательство выпускает первые сборники стихов молодых поэтов. Восемь книжек вошли в кассету под общим названием «Поэтическая радуга Ставрополя». Была в этом футляре и книга В. Яковлева «Место в строю».

1981 – журнал «Дон» №5 публикует обсуждение секцией критики Ростовского отделения СП (с участием Татьяны Чёрной) поэтов, вошедших в «Поэтическую радугу Ставрополя».

Сборник В. Яковлева назван «лирическим дневником», который в большей степени, чем все остальные, отвечает своему названию «Место в строю». О чём бы ни писал поэт – всё подчинено единому мироощущению: «Мы люди строгой воинской судьбы». Критики отзывались о Яковлеве как о вполне сложившемся поэте и гражданине.

1982 – краевое книжное издательство напечатало второй сборник В. Яковлева «Продолжение».

После окончания литинститута редактировал молодёжные программы на канале Ставропольского комитета по телевидению и радиовещанию. Затем, как уважительно отмечает С. Солодских, «по неписаным законам своей судьбы, он из успешных радиожурналистов неожиданно ушёл в... пожарную службу. Эта адская огненная работа, которой он отдал почти пятнадцать лет, нравилась ему больше всех других».

В эти годы его стихи печатают знаменитые столичные журналы: «Огонёк», «Дружба народов», «Юность», «Москва»,

«Сельская молодёжь», «Студенческий меридиан». Редкий писатель Ставрополя может похвастаться таким реестром публикаций в журналах Москвы.

1996 – закончил курсы Академии МВД. За время работы в милиции не раз участвовал в проведении антитеррористических операций на земле Северного Кавказа.

Нас судьба повенчала с горячими точками.
Нас трусливые люди бросали в бои.

Но когда продавали Отчизну кусочками,
Мы державе подставили плечи свои.

«Один из первых его телефильмов, прошедших по центральному ТВ, посвящён учебному теракту в Пятигорске. А позже он будет снимать сюжет о реальных будённовских событиях. Плёнка запечатлеет министра МВД России В. Ерина и «божьего одуванчика» С. Ковалёва, которого охранники буквально спасли от разъярённых людей, желающих «поговорить» со знаменитым миротворцем... Были и другие военные ленты: гибель московского погранотряда, в кадре страшные подробности – жирные мухи на мёртвых лицах. Тогда же запомнилась собственная мысль: если бы при Сталине завёлся какой-нибудь терроризм, фронтовики его бы и порешили» (С. Солодских).

В 1995-1997 – преподавал на кафедре журналистики Ставропольского государственного университета.

– Благодаря чудесной профессии репортёра, мне довелось познакомиться с учёными и космонавтами, победителями Олимпийских игр, Героями России. Побывать на Северном Полюсе, в Кара-Кумах, на Балтике и Тихом океане. И каждый раз я поневоле старался воплотиться в героя своего репортажа, очерка или радиозарисовки.

В последующие годы регулярно бывал на пограничных заставах, готовил материалы для газеты «На рубежах Родины».

Нас в Каспийске взрывали.
В нас стреляли на вышках.

Мы на стол не бросали
Офицерские книжки.

Мы в расстрельную эру
Отпусков не просили
На плечах офицеров
Держалась Россия.

Организовал работу пресс-центра Ставропольской городской «Службы спасения».

Работал помощником начальника Главного управления по делам Гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Ставропольского края.

Несколько лет вёл военную программу «Призыв» на канале «Рен-TV».

Я специально перечислил сейчас все профессии Яковлева, чтобы парадоксальным замечанием С. Солодских подвести жирную черту: «Но при этом человек, у которого по обычным меркам профессии, считай, нет, потому что он – поэт».

И в доказательство своего суждения С. Солодских присовокупила к очерку четыре стихотворения удивительного гражданского мужества и вопиющей боли за Отчизну. Вот одно из них:

Ополчилась Москва на Россию.
Призакрыла рублями глаза.
И прощения не попросила
У забытого Богом села.

А как хочется, хоть на немножко,
Реквизировав все калачи,
Посадить вас на воду с картошкой,
Дорогие мои москвичи.

То-то вы возмутились бы сразу,
То-то стали бы русскими вы...
А пока одичанья зараза
По России идёт от Москвы.

В 2009 году поэт Яковлев заявляет о себе в полную силу; выходит однотомник «Якорь» (Ставрополь, «Сервисшкола», 392 с.) с послесловием доктора филологических наук Л.И. Бронской «Связь времён в поэзии Яковлева»:

«"Якорь" – явление нашей жизни, долгожданное хотя бы потому, что в этом духовном безвременье нашёлся человек, прямо обратившийся к утерянным мотивам личной ответственности за будущее нашего общества».

2010 – стал членом Союза писателей России.

2015 – публикация сборника «Право выбора» (Пятигорск, РИА КМВ, 335 с.) с предисловием С. Солодских и послесловием Г. Шевченко.

«В поэзии этого автора нет неточных определений и случайных метафор. Каждая строка мускулиста. Каждая строфа откалибрована, как сверкающий патрон. Каждая позиция определена, как место солдата в строю.

В сборнике Владимира Яковлева «Право выбора» нет ни одного «проходного» стихотворения. Это редкое качество, когда автор и редактор так достойно и органично воплотились в одном лице. Наверняка тут сработал инстинкт пограничника – не пропускать ничего подозрительного и чужого» (Г. Шевченко).

2016 — в той же пятигорской типографии «Рекламно-информационного агенства на КМВ», где появился сборник «Право выбора», выходит новая книга В. Яковлева «Украинская трагедия». Она построена на интернет-беседах с женщиной-киевлянкой, а затем на личных встречах с ней. Эпизод, когда герои принимают решение совокупляться на ложе-сексодроме под видеокамеру, врзается в сознание читателя хамовитой чужеродностью: «Получилась не видеозапись, а удивительно солнечная корпускула счастья...» Опомнись, родной! На обложке книги на фоне потока крови написано «Украинская трагедия», а не «Тропик Рака».

Выходит, трагедию для автора воплощает не столько политическая обстановка Малороссии, сколько неожиданная смерть подруги Олеси. Даже про Дебальцево в книге упоминается вскользь, хотя именно там произошла настоящая трагедия. Разгромив украинских карателей в Дебальцевском котле, армия

ополченцев готовилась захватить Мариуполь и двигаться дальше, освобождая по пути Украину от бандеровской нечисти. Но Кремль, прислушавшись к увещаниям «западных партнёров», остановил героев Донбасса. Об этом рассказывает Юрич-Ангел в книге «В окопах Донбасса (Крестный путь Новороссии)».

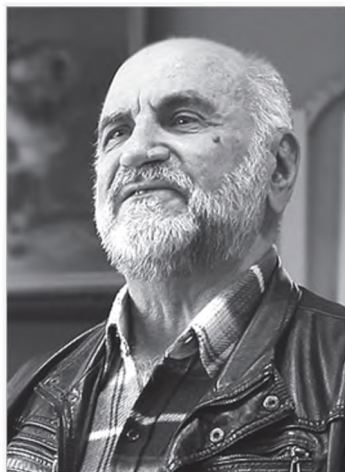
Стопроцентно права в своём раздражении мать ополченца Людмила Слободняк, написавшая предисловие к книге «Украинская трагедия» от имени истекающих кровью ДНР и ЛНР:

«Трагедия, в которой морально и физически умирает, вроде бы, обеспеченный и защищённый державный олигарх, может называться оптимистической, ибо, когда гибнет боевой корабль врага, крыс не жалко».

Это самые сильные и справедливые слова в книге «Украинская трагедия».

*На сцене краевой филармонии (слева направо):
В. Яковлев, А. Маслов, Н. Бондаренко, В. Петров, А. Комаров.
Сентябрь, 2017 г.*

Ярош Виктор Андреевич

На одном из краевых писательских собраний, ещё во времена правления дружелюбно-настроенного ко всем писателям Ивана Белоусова, «варяга» с острова Сахалин, к нам с поэтом Анатолием Масловым молодцевато подошёл подтянутый, черноусый мужчина. Мы знали, что это член Союза писателей СССР Виктор Ярош из Невинномысска, хотя и не были с ним официально знакомы.

— У меня просьба до вас, односумы, — обратился он по-деловому. — Я хотел бы с вашей помощью восстановить надпись на заброшенном железнодорожном мосту, что расположен на подъёме к Ставрополю, когда едешь со стороны Невинки.

— Я помню эту надпись! — воскликнул Маслов. — Раньше там было написано «Любовь моя, любовь».

— Верно! — расцвёл улыбкой довольный Ярош.

— Мы приедем, как только вы позвоните нам.

И братья-казаки обменялись номерами телефонов.

Вскоре Ярош действительно восстановил эту надпись. Жаль только, что звонка от него мы с Масловым так и не дождались...

Родился будущий поэт и прозаик 29 декабря на излёте високосного 1936 года.

Родители после окончания Ставропольского педучилища работали на момент рождения сына сельскими учителями в селе Рагули Апанасенковского района, куда попали по распределению.

Через два года учительская семья собрала нехитрые пожитки и на нанятой подводе переехала в Спицевку Грачёвского района, на родину матери, где со времён основания села жили все её родственники, казаки кавказского линейного войска.

Вот что рассказывает о памятных ему семейных событиях

сам Ярош:

«В Спицевке прошло моё дошкольное детство. В 1939 году отец ушёл служить в армию, там его захватила война. После войны он с нами не жил, завёл другую семью.

В Спицевке я пережил немецкую оккупацию, всё видел собственными глазами. Знаю голод, холод, унижения. Запомнилось на всю жизнь.

В 1944 году поступил в первый класс Спицевской средней школы. Весной 1945-го, заканчивая его, встретил День Победы. Никогда не забыть этот день!»

Дышалось так привольно и беспечно!
Родная хата. Улица. Порог.
Всё потому, что это было вечно.
И вечно будет. Только дал бы Бог!

В школьные годы подросток не только собирал колоски, помогал убирать кукурузу, хлопок на колхозных полях, но и пробовал писать стихи.

В 1953 году появилась первая публикация. Увидев в газете «Молодой ленинец» напечатанные стихи и выделенную жирным шрифтом фамилию «Ярош», - семнадцатилетний Виктор догадливо смекнул, что главным делом его жизни будет литература.

В 1954 году, окончив школу с серебряной медалью, первой в Спицевке, он не рискнул продолжить учёбу – на несколько лет задержался в родном колхозе. Молодому комсомольцу было где показать себя: строительство, уборка зерна, ток, животноводство. А в результате собственного усердия стал инструктором райкома ВЛКСМ. Но он отринул от себя рай номенклатуры, на который купился в те годы слабый до почестей Горбачёв.

В 1957 году В. Ярош поступил в Ставропольский пединститут.

Его заканчивали Игорь Романов, Вадим Чернов, Александр Поповский, Вадим Белоусов – будущие корифеи краевой словесности. Лекции по зарубежной и русской литературе читали любимые студентами Карп Григорьевич Чёрный и Андрей Васильевич Попов. Общение с досточтимой вольницей и профессионалами помогает Ярошу обрести литературный опыт и основы художественных воззрений.

Он исправно ходит в «Молодой ленинец» на занятия литературного объединения. Руководит объединением недавний выпускник Литинститута, участник Великой Отечественной войны Владимир Гнеушев.

«Занятия посещали А. Екимцев, В. Колесников, Г. Колесников и многие другие – впоследствии члены Союза писателей СССР. Это – важный, поворотный период жизни, определивший дальнейшее её течение. Главным стало литературное творчество. Знакомство со всеми писателями Ставрополя, в том числе старейшими – Чумаком, Мелибеевым, Усовым... В 1962 году окончил пединститут по специальностям: биология, география. Женится. Уехал по распределению в аул Озек-Суат учителем» («Автобиография» - буклет, изданный к 50-летию Ставропольской краевой писательской организации).

Всего год отработал свежеиспечённый учитель в далёком, основанном туркменами ауле, где по сей день главной достопримечательностью остаётся здание школы, построенное в 1907 году, и искусственное озеро в окрестностях. Спустя год В. Ярош покинул Озек-Суат.

Отчасти его поступок объясняет цитата-версия из книги «Лоскутное одеяло» Ивана Аксёнова. Известный ныне писатель получил диплом Ставропольского пединститута тремя годами ранее Яроша:

«О многом приходилось мне жалеть в жизни, но больше всего жалел я о том, что в день, когда принял роковое решение вступить на богатую гибельными трясиными и полыньями педагогическую стезю, не нашлось рядом со мной доброго и авторитетного человека, который устроил бы мне хорошую трёпку.

Работа учителя, тяжёлая и неблагодарная, поработает человека, и, если он вовремя не сумел стряхнуть с себя её злые чары и не вырвался на вольный простор, он обречён на вечное рабство».

Ярош же не признавал над собой ни малейшего насилия:

Душе лишь с небом хорошо.

Просторнее, светлей и шире.

Зачем ты в этот мир пришёл?

Чтоб быть свободным в этом мире!

В 1963 году молодой учитель биологии и географии переехал в Невинномысск. Этот «город, бегущий в завтра» (выражение В. Чернова), полюбился Виктору со студенческих лет, когда он в составе стройотряда выезжал сюда на сооружение гигантского химического комбината.

И вот уже более полувека живёт он в Невинномысске, ставшем для него родным. Кем только не приходилось работать здесь за это время!

Сотрудник городской газеты.

Газоспасатель.

Аппаратчик блока разделения воздуха.

Инженер на объединении «Азот».

Редактор многотиражки и заводского радио на химкомбинате.

Был депутатом Невинномысского горсовета. Награждён медалью «Ветеран труда».

И всё-таки основным делом его жизни неизменно являлось литературное творчество. Оно не отпускало от себя ни на миг.

В 1973 году в Ставропольском книжном издательстве тиражом тридцать тысяч экземпляров выходит первая книга В. Яроша «Чёртов палец». Это удачный дебют наблюдательного автора, посвящённый жизни села. Повесть начинается с описания весеннего ливня; короткие и ёмкие фразы воочию рисуют читателю живую картину природы, которая олицетворяет собой глубинную сложность всего окружающего мира. Главный герой повести Николай Добрынин – чабан, студент-заочник сельскохозяйственного института – выписан рельефно, с психологической точностью, как, впрочем, и другие персонажи... В дальнейшем В. Ярош отдаст предпочтение малой форме повествования, но именно «Чёртов палец» впервые откроет нам интересного и зоркого писателя. Его появление приветствовали В. Белоусов, А. Поповский, В. Куропаткин.

В 1976 году вышла в свет книга очерков «Высокое напряжение» о строителях и эксплуатационниках Ставропольской ГРЭС. В числе авторов – В. Ярош, написавший о комплексной бригаде арматурщиков и бетонщиков. В рецензии на сборник (альманах «Ставрополье», № 1, 1977) скупой на похвалу Вадим Чернов отметил явную зрелость очерка «Прочный фундамент».

Но этот материал – мимолётный эскиз в творчестве невинномысского автора. Ярош занят более важным делом: готовит к печати рукопись следующей книги, сборник превосходных рассказов с глубоким лирическим подтекстом.

«Любовь моя, любовь», вторая книга писателя, появилась на прилавках в 1980 году.

Через год была подготовлена и опубликована документально-художественная хроника «Наша с тобой биография». Виктор Ярош детально объяснил читателям неотвратимость её появления:

«Жизнь в городе Невинномыске, работа журналистом, химиком, учителем позволили познакомиться со многими людьми и их делами, с теми героями, которые явились главными действующими лицами документальной книжки о молодом городе, о Всесоюзной ударной комсомольской стройке, об орденоносной городской комсомольской организации...» («Автобиография»).

В 1982 году Виктор Ярош принят в члены Союза писателей СССР. Подтверждая неоспоримую правильность этого решения, он в 1985 году издаёт одну из лучших своих книг – «Ветка алычи». Небольшой томик рассказов поставил В. Яроша в один ряд с такими мастерами малого жанра, как Илья Чумак, Евгений Карпов, Виктор Колесников. «Ветка алычи» с отменным психологическим мастерством показывает жизнь небольших казачьих станиц в районе Предгорья.

В начале 90-х Виктор Ярош стал вместе с поэтом Витиславом Ходаревым инициатором казачьего движения в крае. Первые выступления по поводу возрождения казачества они провели на Кавминводах.

Оседлаем коней!
Да поедем-ка в чистое поле!
Там тихонько свистит
Свежий ветер в густых ковылях.
У Святых Копаней
Мы отпустим буланых на волю,
Ты к воде, что блестит
В роднике, осторожно приляг.
В нём такая вода,

Что не знает ни труб и ни крана.
Ты к ней ртом припади,
Пей, пока не начнёшь уставать.
Никакая беда,
Ни навет, ни душевная рана
Против этой воды
Никогда не могли устоять!

Параллельно с прозой Ярош всегда писал стихи. Они помогали сохранять чистый настрой души, обостряли наблюдательность. Отмечу его лирические сборники: «Возвращение к себе» (1996), «Жаворонок» (2000), «Слушаю небо» (2005), «Наши корни» (2008). Иногда рассказы и поэзия с должной внутренней полнотой и естественностью живут под одной обложкой: «Избранное» (1999), «Необычный день» (2003).

Наш разговор о Яроше будет не полон, если не вспомним сейчас, что свыше тридцати лет, с середины 80-х прошлого века, он является бессменным руководителем Невинномысского литературного объединения «Кубань», из недр которого вышли три члена Союза писателей России. Поверьте, это невероятно много, если учесть, что в большинстве районов Ставропольского края нет ни одного члена СП.

Не так давно Виктор Ярош написал стихотворение, которое завершил исповедально-мудрым манифестом:

Я доволен вполне! Ничего мне не надо.
Столько радости! Сил! Не хочу отдохнуть.
Только бы оевала моё тело прохлада,
И всё вёл бы в бескрайность загадочный путь!

Поэт всегда остаётся поэтом, и его духовная жизнь привлекает и завораживает читателей (озорством, глубиной, искренностью) даже тогда, когда поэту за восемьдесят.

Слава казачеству, Виктор Андреевич!

Силуэты современников

Алексей Бибик

Андрей Губин

Лев Разгон

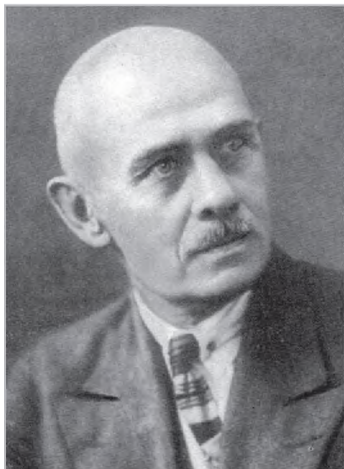
Вадим Куропаткин

Юлия Каунова

Анатолий Маслов

Дмитрий Баранов

Сергей Телевной

В гостях у Бибика

В 1967 году ответственным секретарём писателей Ставрополя стал Евгений Васильевич Карпов. В то время у него в Москве выходила книга рассказов «Крупица добра». Он летел за гонораром. А меня пригласил сопровождать его в качестве награды за то, что сторожу его дом в Моздоке. Сам он жил в одной из ставропольских гостиниц, ожидая получения квартиры.

Обратимся к моему дневнику 67-го года. Но прежде цитата из Бибика: «вполне естественно, что люди смотрели тогда на мир и всё прочее глазами своего времени».

7 июля, пятница.

Вечереет. Сижу в Минводском аэропорту. Карпов пошёл провожать молодую, лет 23-х, поэтессу Светлану Заикину. Эта скромная, крупная, художавая женщина не лишена обаяния. Мужчины в её присутствии невольно подтягиваются и в каждом из них проступает налёт галантности. Для женщины, которая так легко преображает их, это, наверное, большой плюс.

Сегодня в пятигорской гостинице «Машук», в № 317, где поселился корреспондент «Известий» Илья Бессонов, мы, четверо, пили за её боевое крещение. Газета «Кавказская здравница» опубликовала поэму Заикиной «Отец».

Светлана читала нам свои стихи, не повышая голоса, мягко и доверительно:

Родилась я в станице на Тереке,
Где казачки смуглы и вёсны хмельны.
Где в 14 лет тополиным листком
Просыпается ранняя женственность.
И подсолнухом пахнут девчонки в ночах.

— Просто, даже наивно, — задумчиво оценил Карпов. — А в результате — мудро и хорошо.

Бессонов в очередной раз старался переключить на себя внимание присутствующих. Стал рассказывать, как во время войны служил в десантных войсках. Шесть раз «работал» в тылу у немцев. Трогал короткую, в шрамах, шею. Говорил, что у него дико болит голова, врачи ничего не могут понять, лекарства не помогают. Только когда выпьет — легче.

У Бессонова — редакционная машина с шофёром.

— Заедем к Бибику, — предложил он. — Ведь именно Би-бик — истинный зачинатель пролетарской литературы. Удивительный старик!.. Возражений нет?

— Нет, — подтвердила Заикина. — Дело стоящее.

— Наслышан, — одобчительно сказал Карпов. — Пора и познакомиться.

«Двум зубрам», — мысленно добавил я. Но вслух ничего не сказал, потому что был в этих местах впервые, никого не знал и полностью зависел в этой поездке от Карпова.

Мы приехали на зелёную провинциальную улочку на окраине Минеральных Вод. Время от времени над улочкой с воем и грохотом пролетали невероятно большие самолёты, поднимаясь в небо или заходя на посадку.

Здесь жил Алексей Павлович Бибик — девяностолетний писатель. Ещё крепкий, жилистый на вид, он был в простенькой светлой рубашке с короткими рукавами. Истончившиеся руки обтянуты тоненькой сухой кожей, из-под которой проступают хрупкие фиолетовые вены. Вид его вызвал в нас уважение, даже почтительность.

— Я — Карпов, — представился Карпов. — Секретарь краевой организации писателей.

— Рад познакомиться, — сказал Бибик. — Давненько никто из ваших не бывал здесь. Наверное, думали, что помер.

Медленно встал, прошёлся, пожал руку каждому из нас. Было видно, что черед этих простых действий: пройтись, пожать руку — доставляет ему нескрываемое удовольствие. По отношению к нам вёл себя сдержанно, с достоинством, причём не специально, а просто за долгую жизнь научился или при-

вык вести себя так: сдержанно и с достоинством.

— Не желаю я вам до этих лет доживать, — негромко произнёс он. — Ох, не желаю.

— Но почему? — удивился Карпов.

— А потому, что хочется мне жить, бороться. В международной обстановке своё участие принять. А не могу. Уже живёшь как бы на обочине... Этот возраст крепко обособляет от жизни.

Бибик не знал, кто мы, вернее — какие мы. Только Бессонов был у него два-три, от силы четыре раза. Остальных он видел впервые и не хотел раскрываться сразу, уходил от прощупывающих вопросов Карпова.

— А это молодой писатель, — указал на меня Карпов.

— Какая у него биография? — спросил Бибик.

Возможно, он поинтересовался этим оттого, что пять дней назад я постригся наголо и выглядел сейчас, как уголовник. Что поделаешь — обеты надо исполнять: а я поклялся прилюдно, что если сдам экзамены и получу аттестат, то сделаю это. Вот и пришлось идти в парикмахерскую.

— Какая у него может быть биография, Алексей Павлович?! Семнадцать лет парню. Только-только вот десять классов закончил.

— Понятно, — покивал Бибик и с некоторым смущением, будто чувствуя, что все ждут от него обрётённых за долгую жизнь истин, и они есть у него в запасе, но он не вполне уверен, что придутся всем по душе, сказал мне: — Учитесь, молодой человек... — Я думал, последует наставление о писательском труде, но он сказал: — ...Держать в руках винтовку.

Карпов и Бессонов переглянулись. Я подумал о Маяковском: «Хочу, чтоб к штыку приравняли перо». Но Бибик продолжил:

— Пели мы «как один умрём»... рано пели. Эту песню, видно, вам допеть предстоит.

Не могу не отметить: если б слова, которые произносил Бибик, говорил другой человек, то они показались бы неискренними или даже нелепыми. Но в его устах они звучали как нечто заветное, сокровенное, значимое.

— А к вам, Евгений Васильевич, — сказал старик через время Карпову, — у меня есть просьба. В Ставрополе затерялась руко-

пись нескольких моих повестей. И вот никак не найду концов.

— Я сделаю всё, — пообещал Карпов.

— Да, пожалуйста, — попросил Бибик. — Она мне очень поможет. Сейчас работаю над книгой, которую назвал «Баланс». К такой книге рано или поздно обязан (придёт ли, не придёт, но обязан) прийти каждый писатель. Её можно назвать анализом пройденного пути. Но всё-таки сущности полной в этих словах нет. Это и совесть нашего века, и осуждение, и просмотр пути правительства и государства.

Дальнейшие слова покрыл свербящий вой взлетающего лайнера. Пришлось сделать паузу.

— Нет покоя ни днём, ни ночью из-за чьей-то безграмотности, — пожаловался Бибик. — И ведь всё от невежества. Теперь власти сами не рады, что построили этот аэродром в черте города. А ничего не изменишь.

То, что Карпов пообещал принять участие в поисках рукописи, изменило поведение Бибика. Он стал более откровенен. Разговор пошёл о коммунистической партии и правительстве. И тут Бибик сказал:

— Я считаю себя коммунистом, большевиком. Но с этими лихачами мне не по пути.

Говорил с некоторым усилием, подключая резервы. А пожилая женщина, что пустила нас во двор (возможно, дочь), предупредила, чтобы мы были здесь недолго, а то он быстро устаёт. Мы, перебивая друг друга, обещали не утомлять старика. Но тема стала настолько захватывающей, что сейчас все забыли об этом и затаили дыхание.

— В 1938 году я уж было совсем собрался в партию. Дозрел, как говорится... Не получилось. — Он усмехнулся, переводя дыхание. — Среди ночи — стук в квартиру. Спрашиваю: «Кто?» — Говорят: «Телеграмма». Открыл. Вместо телеграммы — тюрьма. А ведь как раз за день до этого собирался послать в ЦК заявление о своем приёме в партию. Да-а... Было время подумать.

— И к чему вы пришли? — поспешно спросил Карпов. — Что надумали?

— Все пятьдесят с лишним томов Ленина - это ещё только схема. А мы принимаем её за развитую систему. А эту систему ещё надо разработать по схеме.

Он обвёл всех взглядом настолько бесхитростным, что мне стало почему-то не по себе. Будто я, в отличие от него, скрывал и прятал в себе что-то тёмное, как негатив. Быть может, он почувствовал моё замешательство. Потому что тут же кивнул в сторону меня и Светланы, сказал:

— Вы, молодые, идёте по широкой и большой дороге литературы, которую советская власть для вас даже покрыла асфальтом.

— К чему эти дорожно-ремонтные параллели?! — недоумевая, буркнул Бессонов.

— На асфальте быстрее обувь стирается и ноги устают.

...Я подсчитал, что Бибик был мне ровесником в 1894 году, когда в литературе активно работали Антон Чехов и Лев Толстой. Несомненно, в течении времени присутствуют загадка и обаяние. Возникает мостик, который через собеседника вдруг перекидывается от меня в глубинную даль стыка веков.

Я был рад знакомству с Бибиком. Его благожелательность, память и явное неувыдание чувств вызывали внимание и благодарность. Я дал слово, что при первой же возможности познакомлюсь с его творчеством ... ²

Лечу. Запись о встрече заканчивал в самолёте. Голос стюардессы: «Высота — девять тысяч метров, скорость — девятьсот километров в час. Температура за бортом минус сорок пять градусов». Ого! То-то у нас в салоне прохладно.

Рядом в кресле давно спит Карпов. Буду и я спать.

— Эх, если б Волгу-матушку да вспять повернуть! — с неожиданной удалью произнёс Алексей Павлович, прощаясь...

С тех пор прошло сорок пять лет. Целая жизнь, в которую вместились столько разных событий.

² Через полгода купил переиздание романа А. Бибика «К широкой дороге». Его книга не была таким откровением, как проза Бунина или Платонова. Но Бибик обладал такой сдержанностью и точностью пера, что было бы странным для меня отрицать и его воздействие на собственное творчество.

Давно умер Илья Бессонов, успев побывать прежде директором краевого книжного издательства.

Не дожив самую малость до своего столетия, которое с помпой планировали отпраздновать на Ставрополье, ушёл от нас Алексей Павлович Бибик. (Всё надо делать вовремя, господа! А не к датам и юбилеям, тогда и сожалений будет меньше!)

Страшно нелепой смертью погибла Светлана Заикина, ставшая блестящим прозаиком. Она попала в автомобильную катастрофу, и ей оторвало голову. Большая лирическая книга прозы «Вспомни меня, Юлька!» (Ставрополь, 1984) оказалась в её жизни последней.

И из всех людей, что вели 7 июля 1967 года беседу в Минеральных Водах в уютном дворике, над которым время от времени плотоядно проплывали туши самолётов, в живых на сегодняшний день остались двое.

Я живу в посёлке энергетиков Солнечнодольск, ветераном которого считаюсь. Профессию сливщика мазута поменял на должность дежурного слесаря топливно-транспортного цеха. С переменным успехом борюсь за письменным столом с собственной ленью.

Карпов в конце XX столетия повторил маняще-обманчивый путь Андрея Губина и Владимира Гнеушева — переехал в Москву. Там скрасил дружбой последние годы жизни полузабытого Семёна Бабаевского. Благодаря своему духовному отцу Дмитрию Дудко из атеиста (а это на моей памяти Карпова приняли в КПСС в Моздоке) превратился в ревностного христианина. В настоящее время живёт в Киеве, продолжает писать. Прислал мне три новые книги (300-400 страниц в каждой).

«Когда и каким образом твоё время прошло невидимым? Тебе даже не верится, что оно было», — прочитал в одной из них: «Да будет воля Твоя (записки православного христианина)».

Всё стесняюсь спросить в письме: помнит ли Евгений Васильевич тот знойный сумбурный день 1967 года?

г. Минеральные Воды, 1967 г.

п. Солнечнодольск, 2012 г.

«Здесь только что был Губин...»

Превенция³

Это печальный этюд о несостоявшейся встрече, в связи с чем писатель Губин будет в этих заметках лишь своим отражением от близких ему людей.

1. Мусса Батчаев

Хорошо и отчётливо помню день, когда впервые узнал о Губине.

Это случилось в Пятигорске 2 октября 1967 года.

В те ясные, полные осеннего очарования дни здесь проходил краевой семинар молодых писателей под эгидой ставропольского отделения Союза писателей РСФСР и краевого комитета комсомола.

В секции прозы разбирали повесть Муссы Батчаева «Когда осуждают предки» и несколько моих работ. Когда разговор коснулся новеллы «Угощение», в которой первым слушателем «Алых парусов» оказался петроградский нищий, поставивший Грину в порыве благодарности угощение на собранную за день милостыню, Геннадий Красухин, известный в то время критик «Литературной газеты», деликатно морщась, сказал:

— Если повесть Николая «Натюрморт любви» показалась мне жизненно правдивой, то рассказ о Грине грешит книжностью. Неоправданно большое место занимает пересказ самой феерии, что делает «Угощение» вторичным...

— А я не согласен, — перебил столичного гостя Мусса Батчаев, круглолицый, лысеющий, уверенный в себе преподаватель русского языка из карачаевского аула Кумыш. — Мне рассказ понравился. Во-первых, там есть хорошо продуманный сюжетный ход, что само по себе редкость. Во-вторых, пересказ «Алых

³Предупреждение /лат./

парусов» сделан достаточно умело. Думаю, что со временем автор сможет соперничать в биографическом жанре даже с Андреем Губиным. Ты же, верно, читал его «Афины Палладу»?

В тот год я закончил среднюю школу и был настолько наивен, что любое сравнение с другим писателем воспринимал как обвинение в плагиате. Всё это тут же отразилось на моём вспыхнувшем обидой лице.

— Ну нет, старик, что ты! Я вовсе не в упрёк тебе, — добродушно заверил меня Мусса. — А даже наоборот... Сравнение с хорошим писателем — комплимент, а не оскорбление. Так что прими это как похвалу.

Часа через два мы спустились с Муссой на проспект, по которому бегали с птичьим трезвоном краснобокие трамваи, и зашли в книжный магазин.

— У вас есть собрание сочинений Муссы Батчаева? — с важным видом поинтересовался Мусса в отделе подписных изданий.

— Нет, — виновато ответила молоденькая продавщица.

— Будут! — заверил Мусса, и мы с ним засмеялись.

Девушка смотрела на нас с недоумением, поправляя неосознанным жестом короткую, как у Мирей Матье, стрижку и не понимая нашего веселья, неожиданной игривости, абсолютной уверенности в том, что самое лучшее у нас — впереди.

Посередине зала стоял обширный стол, на котором среди букинистических изданий в беспорядке лежали экземпляры альманаха «Ставрополье» разных лет. Тогда они выходили большим, как раскатанные лаваша, форматом. Мусса стал переключать их, выискивая нужный, вдруг понадобившийся номер.

— Вот! — ткнул палец в ярко-оранжевую обложку, на которой две полногрудые блондинки в глухих светлых платьях тащили плетёную корзину с наливными яблоками. — Не забыл, надо же: номер третий за 65-й год — первая публикация Андрея на родине!

И, пролистнув резким движением несколько страниц, протянул распахнутый журнал.

«Знакомьтесь! Автор альманаха «Ставрополье», — увидел я короткий анонс в правом углу страницы, а в левом — фотография молодого, плотно сбитого пижона в большой клетчатой кепке.

— Какая симпатичная кепка! — первое на что обратил я внимание.

— Андрей какое-то время жил и работал в Прибалтике. Думаю, фотография относится к тому периоду, — пояснил Мусса и укоризненно добавил: — Ты хотя бы на название рассказа посмотри, а не на кепку...

Рассказ назывался «Бочка Франсуа Рабле».

Мимолётный взгляд выхватил предложение из второго абзаца: **«Дуб для бочки везли из северных стран, в существование которых не верили»**. Эта фраза была столь выразительна и совершенна, что я по сей день поражаюсь мощному и достоверному чувству времени, которое заключено в ней.

Так началось моё внезапное знакомство с творчеством Губина.

2. Евгений Карпов

— Ты слегка опоздал, старичок! — отечески пожурил меня Карпов. — Здесь только что был Губин...

Я ещё не подозревал как часто и фатально будет звучать в моей жизни эта фраза, наполняясь со временем насмешливостью и ядом, поэтому высказал лишь лёгкое сожаление, что не присутствовал при их встрече:

— Мы монтировали в театре декорации для вечернего спектакля; я не мог прийти раньше.

Тут же, не удержавшись, горячо и восторженно похвалил понравившийся рассказ Губина, который надолго наполнил душу отрадным трепетом.

За окном то стихал, то шумно усиливался ветер; снег несло косыми штрихами. Карпов, с тенью смутного недовольства на лице, сказал:

— Ты прав, рассказ и впрямь хорош. Причём он настолько совершенен, что я сомневаюсь в авторстве.

— Как это? — не понял я.

— У меня сложилось убеждение, что это либо перевод из иностранного журнала, либо неизвестное творение Анатоля Франса.

Я недоверчиво покачал головой. Мне подумалось, что Карпов ощутил в рассказе мастерство, не уступающее его собственному таланту, и это уязвило его. Уж если Лев Толстой охотно хвалил Леонида Андреева, ставил «пять с плюсом» Серафимовичу за

рассказ «Пески», а вот Шекспира на дух не выносил, ибо чувствовал достойного соперника, то что говорить о нас, грешных.

К чести Карпова, он не делал из своего мнения тайны и высказал его Андрею в глаза, о чём свидетельствует письмо Губина к Сергею Бойко: «Помню альманах с рассказом «Бочка Франсуа Рабле» стал праздником, а Евгений Карпов, тоже тогда мой почитатель, даже усомнился: не украл ли я этот рассказ у Анатоля Франса или перевёл из забытого французского журнала — это, конечно, высочайшие премии — такие сомнения».

Думаю, самое время озвучить остроумно-горькую усмешку Губина:

Я знаю свою долю и венец,
И об одном лишь только сожалею:
Когда меня полюбят наконец,
Я на свиданья эти не успею.

3. Виктор Колесников

Однажды утром, в очередной набег из Солнечнодольска, я посетил крошечную коммунальную квартиру Виктора Колесникова на проспекте Карла Маркса, вечный приют иногородних писателей края.

На этот раз одинокий, как птица, Колесников пребывал в благодушной похмельной нирване, восседая на старом продавленном диване перед остатками пиршественного стола. Его крупное одутловатое лицо славянина хранило обычное для него выражение добродушия и хитринки.

— От меня только вот ушёл Губин, — пробубнил Виктор, сосредоточенно мастера из куска газеты и нескольких окурков внушительную самокрутку. — У Андрея не так давно переиздали «Молоко волчицы». На этот раз в «Советской России», в Москве... Всё-таки завидная судьба у этого романа!

Оживившись, кивком указал на сиреневый том на краю стола.

— Ты посмотри, посмотри, Колька! Ты только взгляни, что он нацарапал мне там... — и, хехекая, душевно засмеялся, как это бывает с нами при чтении Чехова.

Я раскрыл книгу. Увидел хлёсткую радужную надпись, сделанную разными фломастерами: «Виктору Колесникову (зелёным) придумай себе такую молочную сиську, соси и пиши книги. (синим) Андрей Губин. 4. 4. 78. (красным)».

В смятении от прочитанного цинизма я положил книгу на край дореволюционного пианино, рядом с разрозненными желтовато-зелёными томами собрания сочинений Генриха Гейне конца XIX века. Пианино слегка выдвинулось в дверной проём, не уместившись в тесном пространстве соседней комнатушки.

— Хорошо сказано, а? — с озорным энтузиазмом пригласил меня повеселиться Колесников, попыхивая гигантской, как кулёк, самокруткой. — Андрея можно понять. Постоянные переиздания романа позволяют ему писать в стол то, что он хочет. А это самое главное в нашей профессии.

Я весь — внимание: спокойствие и грациозность, с каким Виктор рассуждает о сложившейся ситуации, не только утешают меня, а даже делается совестно за своё легкомыслие перед Андреем Губиным, с которым я только что мог столкнуться в тёмном, как внутренность пустого спичечного коробка, коридорчике.

4. Георгий Шумаров

Я приобрёл в Доме Книги новое издание Георгия Шумарова, напечатанное в московском издательстве «Современник», и заскочил к нему, радостный, за автографом.

— Аа, Николай, проходи! — как-то невесело пригласил хозяин.

На кухне журчала, всхрапывая в раковине, вода, воинственно гремела посуда. Эти лязгающие звуки напоминали отдалённый абордажный бой в Карибском море.

Я нерешительно переступил порог и, конфузясь, остановился в прихожей:

— Я, кажется, не вовремя... Похоже ты занят, Георгий Михалыч?

В ответ Шумаров прочитал четверостишие. Это была неис требимая потребность его характера: создавать экспромты в любом настроении.

Обратно занят я стихами,
Обратно слава, гонорар.
Обратно (это между нами)
С утра вчерашний перегар.

И уже прозой: — У меня ночевал Губин.

— Это хорошо, — позавидовал я. — В книгах Губин поражает своей эрудицией. Какое же это лакомство, какое пиршество духа — общение с таким человеком. Давно мечтаю встретиться с ним.

— Хорошо-то оно хорошо, — кисло согласился Шумаров, — но не в этот раз... Жена у меня — в санатории. Тёща прямо с базара сюда заявила, чтобы сварить мне обед. А Андрей возьми и скажи: «Вовремя мы с тобой, Жора, наших девочек проводили».

— Зачем же он так? — посочувствовал я.

— Пошутить решил, — усмехаясь, вздохнул Шумаров, оглаживая тёмные усы, которые придавали ему внешнее сходство с Максимом Горьким. — Писатель он прекрасный, но юмор Губина губит. Кто-то рассказывал мне, что он снял в электричке шапку и пошёл с ней по вагону. Да ещё пел при этом старинную казачью песню. Хохмач... Весельчак... Выдумщик...

Как мне было не поверить в эпизод с пением в электричке, если поэт Александр Мосинцев, рассказывая о встречах с Губиным, всегда подчёркивал, что их беседам «сопутствовали шутки, острое слово, мистификация, смех. По этой части Губин был непревзойдённым мастером, дурачившим не одного простака».

Подозреваю, что именно в эту их встречу Шумаров сочинил экспромт:

О, если б мне, как Губин, наловчиться:
Всю жизнь питаться молоком волчицы!

Чем вызвал ответный ход Андрея Терентьевича.

Между тем на кухне закончили мыть посуду и стали перетирать её и с грохотом ставить в кухонный шкаф.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо предложил я.

— Иди, — согласился Шумаров. — Сам видишь, мне не до гостей. Больно день нескладный и невезучий... А книгу я подпишу.

Он взял из моих рук свою книгу и, не проходя в комнату, стоя, написал на титульном листе: «Дорогому Николаю Сахвадзе — в память о Ставрополе, с пожеланием удач, успехов и везения — Г. Шумаров».

5. Виктор Колесников

В 1991 году у меня вышла вторая книга, и я подал документы на вступление в Союз писателей СССР. Одну из рекомендаций написал Виктор Колесников.

Весной 1992 года я получил от него такое послание:

«Коля! Письмо сугобо деловое, поэтому не обращай внимания на отсутствие обязательного словесного ритуала. В эпистолярном стиле я никогда силён не был, а когда получил первый гонорар за исписанный плохими стихами листок бумаги, сразу перестал писать письма. Усёк, что писать надо — А-БЫ ВЫ-ГО-ДА.

Не знаю за какие доблести меня избрали в бюро и поручили работу с молодыми, но это так. В мае в Краснодаре состоится выездная сессия секретариата СП РСФСР по приёму в Союз. Билет в Москву и обратно, гостиница и пр. — это как минимум тысяча. Поэтому практикуют выездные сессии. Авторы приглашают за казённый кошт.

Остальное — дело техники, и как расположатся звёзды.

А ещё у меня большое горе. Никогда не надо откладывать встречу с друзьями на хорошие времена — горькая может получиться встреча.

Умер Андрюша Губин. В Москве. Похороны 21-го в Ессентуках, по завещанию. Да и не похороны, а предание праха земле в самом прямом смысле — сожгли, а привезут урну с прахом домой. Круг замкнулся и пошёл Андрей к старику Бабиченко пить портвейн № 13 и спорить о поэзии; они никогда не говорили, они только спорили.

Поклон от меня супруге, если ещё помнит меня. Живи. В. Колесников.»

Ужас, досада и разочарование, которые обрушились на меня, не поддаются описанию... Моя встреча с Андреем Губиным, которая в течение четверти века казалась доступной и

неотвратимой, теперь не просто откладывалась, а становилась абсолютно и навсегда невозможной.

Созерцание глубины собственных страданий доставило мне непонятное, навязчивое и стыдное удовольствие.

6. Владимир Гнеушев

«...неохотно направился к зазвонившему телефону. Трубка голосом Риты Губиной произнесла:

— Володя, вчера поздним вечером умер Андрюша. Я только что прилетела с сыном. Приезжай, если можешь, а то некому помочь. Позвоню ещё в Союз писателей, может, кто-нибудь от туда приедет...

Плохо помню, как я добрался в Чертаново, как поднялся в медленном том лифте, как глядел в тихое, спокойное лицо Андрея со следами инфарктной муки.

Почему в ночь на седьмое марта Андрей, уже почувствовавший приближение инфаркта, не вызвал «скорую помощь», а сел за машинку и начал отстукивать, как метроном, последние минуты своей жизни то горчайшими откровениями личных отношений с близкими людьми, то медицинскими наблюдениями над собственным умиранием?»

6 марта 1992 года в 23 часа 30 минут сердце писателя остановилось. Здесь только что был Губин, читатель... И как вдруг пусто стало без него на планете!

7. Последний акт трагедии

1993 — апрель: Международная книжная ярмарка в Кисловодске. Встреча мэра Ессентуков Василия Бондарева с Маргаритой Губиной: «Открывай издательство. Давай издадим все книги Андрея — я помогу...»

Из цикла романов «12 камней на Млечном пути Вселенной» Маргарита Николаевна успеет издать четыре тома: «Молоко волчицы» (1994), «Траншея» (1995), «Светское воспитание» и «Афина Паллада» (1996) — в прекрасном завораживающем оформлении Александра Иваненко, друга писателя.

1997 — 17 апреля Маргарита Губина будет зверски убита. Её сожжённый, с пулей в затылке труп через 19 дней найдут в лесополосе у станицы Бекешевской, в 50 километрах от Кисловодска. Кто эти нелюди? Нет ответа... Краевая прокуратура практически сразу приостановит уголовное дело, и убийц не станут искать.

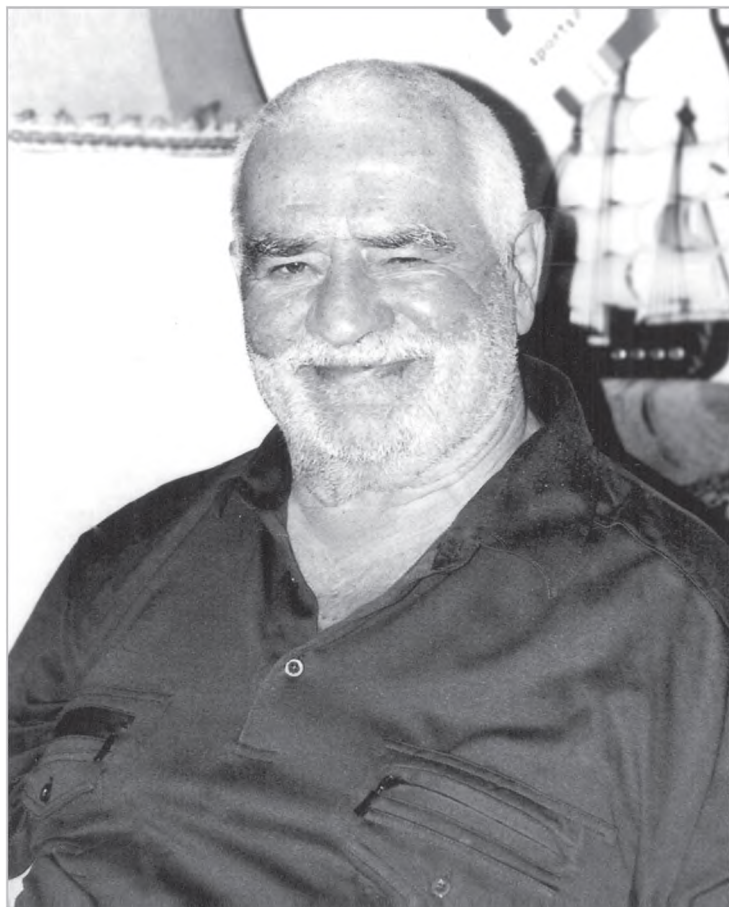
2001 — 4 февраля обнаружат мёртвым 25-летнего Андрея, сына писателя, на пороге дома в Ставрополе, где вместе с женой-студенткой он снимал квартиру. По официальной версии судмедэкспертов абсолютно здоровый двухметровый парень умер от острой сердечной недостаточности. Хотя в организме обнаружат следы подозрительного вещества и продукты распада лекарственных препаратов.

Более подробные сведения об этих невероятных событиях можно узнать в пятничном номере газеты «Ставропольская правда» от 18 мая 2001 года в материале Елены Саркисовой «Тристан и Маргарита, или жизнь после смерти». Там даже присутствует смелая журналистская попытка дать версии случившегося...

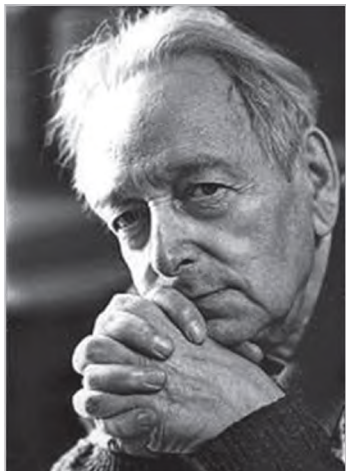
Однажды на книге, подаренной самым близким ему людям, автор проникновенно написал: «Рите и Андрюше, кто понесёт мой дом дальше, в XXI век, и запомнит меня навсегда, — с любовью. Андрей Губин. 8.XI. 89. Кисловодск».

Этим надеждам не суждено было сбыться. Семья Губиных исчезла с лица земли на пороге XXI века.

Чтоб наша молодость вернулась,
Мы детям завещаем всё!
Мы песню спели. Повернулось
Страданий наших Колесо.

*Александр Поповский.
Германия, 3 февраля 2013 г.*

Вечер с Разгоном

«Сны наяву». Если судить по названию, то новый документальный фильм мог быть о чём угодно. О приписках в центре Госстандарта или о криминальной деятельности подпольного наркопритона.

Позднее я никак не мог уразуметь, почему сразу не признал человека, который появился на экране телевизора и стал рассказывать о себе. Это был Лев Эммануилович Разгон, и со времени наших с ним посиделок минуло полугодие.

Дважды прошёл он через сталинские застенки, пересыльные пункты, лагеря. В конце 50-х Детгиз опубликовал сборник повестей Разгона о русских географах и путешественниках. Были, видимо, и другие книги. Но особую известность Лев Разгон приобрёл как автор рассказов о ГУЛАГе, объединённых в книгу «Непридуманное».

Фильм А. Белобокова «Сны наяву» с первых минут создавал гнетущее настроение 30-х. А когда показали Льва Эммануиловича в предрассветной ставропольской тюрьме, я ощутил вдруг волну озноба и вспомнил, что всего за шесть часов до съёмки этих кадров мы сидели с Разгоном за столом местного писателя-диссидента Александра Поповского.

Мать Поповского одно время заведовала кабинетом краевого управления культпросветработы, и Разгон свыше года проработал там после освобождения методистом. Поэтому, когда после съёмки в Бутырской тюрьме киногруппа прибыла в Ставрополь («редкий большой город, где можно было жить с паспортом изгоя»), Разгон счёл своим долгом навестить Евдокию Наумовну.

Я давно уже не встречал такого собеседника! Его лёгкий, негромкий (я бы назвал: обесцвеченный) голос был наполнен уверенностью прирождённого рассказчика. Мягкий, доброжелательный, не чуждый юмора 83-летний Разгон уже с первых секунд стал центром нашей компании. И первый тост, естественно, произнёс он:

— За повстречание!

Дальнейшая беседа шла сумбурно, нерасчётливо, перескакивая с одного на другое. Но о чём бы не говорил Лев Эммануилович, он легко, как гипнотизёр, брал в плен своё окружение.

О создании историко-просветительского общества «Мемориал»:

— И знаете, общественный совет «Мемориала» не выбирался, его никто не назначал. Ходили активисты по улицам, по площадям: «Кого хотите видеть во главе «Мемориала»?» Было названо пятнадцать человек. Шестнадцатый — Солженицын, но он отказался. Но что самое главное — в их числе оказался я.

Обвёл нас взглядом и улыбнулся с лёгким пожатием плеч: мол, куда денешься, раз так вышло. Дождался ответных улыбок.

— Смысл деятельности «Мемориала» в том, чтобы обнародовать, сделать достоянием гласности этот небывалый, ни с чем не сравнимый конвейер смерти, когда власть считала возможным и целесообразным любое преступление, если сочтёт его необходимым для своего дальнейшего существования. Абсолютное отсутствие всякой законности... Идея «Мемориала» — предотвратить подобное в будущем. Забыть — это значит простить. Но одно дело, когда ссорятся муж с женой, а потом говорят: «Давай забудем!» Но уж когда противостоят государство и народ, система и люди — здесь никаких поблажек! Мы должны знать и имена мучеников, и имена палачей.

Завершил разговор о «Мемориале» следующими словами:

— Президентом общественного совета «Мемориал» стал академик Сахаров. Был и Ельцин. Он являлся на все заседания. Ничего генеральского, абсолютная естественность. Это сблизило их с Сахаровым, двух таких разных людей.

В какой-то момент я, не надеясь на память, с отчаянием спросил:

— Лев Эммануилович, можно я буду записывать?

— Ради Бога, Коля! Ради Бога! — охотно согласился он.

Но и с ручкой в руке я не больно-то поспеивал за ним: сокращал слова, писал фразы до половины. Когда в Солнечнодольске занялся расшифровкой каракулей, то никак не мог понять, что это за «№29» вклинился на полях страницы, пока не встретил

объяснение в книге Разгона. Это был номер его камеры в Бутырской тюрьме. Именно отсюда началась работа над фильмом.

— Мы уже сняли материал в Москве, — сообщил Лев Эммануилович. — В Бутырьках ничего за 53 года не изменилось. Была кормёжка, и пищу доставляли по камерам таким же способом, как и раньше... Единственное: нары тогда были деревянные, а сейчас двухъярусные, железные. И в камере сидело сейчас сорок человек, а тогда — шестьдесят.

Морщась, тронул под собой стул, словно устраиваясь поудобнее:

— На какой-то миг показалось, что время сместилось, что не было никакой воли, и что я только сегодня, а не 53 года назад прочитал на стене в бутырском сортире надпись, которая будет помогать мне потом, в лагерной жизни: «Будь терпелив, ничему не удивляйся и жди худшего». Сразу после этого первого дня, после посещения, после съёмки я был как бы не в себе, я не знал, как мне жить дальше, пока не зашёл к знакомому поэту. Спросил: «У тебя есть водка?» Он молча, ничего не спрашивая, налил полный стакан. Я выпил — и только тогда меня отпустило.

Иногда, если разговор становился слишком тяжёл для Разгона, мы переводили его на другие темы. И тогда Лев Эммануилович рассказывал о чём-то нейтральном. О пен-клубах, например:

— Мы являемся Европейской секцией пен-клуба. Сейчас президент у нас Анатолий Рыбаков. В этом году я впервые побывал за границей.

Он назвал три страны: Англия, Франция и Испания. Больше всего ему запомнилась и понравилась Англия. Он увидел там мир уж очень отличный от всего, что видел прежде, чем жил до сих пор.

Иной мир. С другими ценностями. Мир, где государство учитывает интересы своих подданных, и подданные, как ни странно, к этому привыкли.

— Англичане наиболее привлекательны, — оживлённо объяснял Лев Эммануилович. — Если видят, что вы испытываете растерянность, к вам подходят: «Чем могу быть полезен?..» Дружить с англичанином — это приятно, надёжно. Совершенно другая психология. Там я видел у многих слуховые аппараты. И даже если человек недослышит чуть-чуть, совсем немного, он обязательно наденет слуховой аппарат. Я удивился, ведь

в нашей стране неприлично быть неполноценным, а англичанин удивлялся мне: «А почему я должен напрягаться?»

Но о чём бы не шла беседа, Лев Эммануилович не мог не вернуться к тому времени, когда его на семнадцать лет бросило в круговорот ГУЛАГа.

— Недавно у меня появилась возможность ознакомиться на Лубянке с делами близких. Я нашёл там всего несколько бумажек. И больше всего стал бояться, что громадные зловещие архивы будут изъяты, уничтожены. Уйдут в небытие. Но потом понял, что нет, этого не произойдёт никогда.

— Отчего вы так решили? — осторожно не поверил я.

— А есть у нас такая старая российская привычка — сопровождать всё на свете бумагой. Это обилие бумаг не даёт ничему пропасть окончательно. Всегда хоть что-то остаётся. Когда в середине тридцатых, ночью, привозили на московское кладбище груды трупов, расстрелянных в этот день, чтобы тайком схоронить в дальнем углу, то вместе с ними привозили бумагу. И сторож должен был расписаться в получении... Сия стойкая чиновничья привычка помогает открыть многие преступления. Скажем, сотрудники НКВД расстреляли 15 тысяч польских офицеров, а заявили, будто это дело немцев. Не было возможности доказать обратное, пока не обнаружили ведомости о продовольствии конвойным войскам, сопровождающим эшелоны поляков к месту расстрела.

Наш разговор происходил вечером 13 августа 1991 года.

Через пять дней Москву захлестнёт стремительный вал событий, которые одни назовут путчем, несостоявшимся переворотом, другие — революцией, третьи попросту скажут, что народ в августе «пучило». Но именно эти, предстоящие вскоре события приведут к развалу СССР — Союза Советских Социалистических Республик. Хотя в тот вечер никто из нас не мог даже в страшном сне предположить что-либо подобное.

Лев Эммануилович шутил, прикрывая серьёзность темы юмором:

— Уверяю вас, одуматься никогда не поздно. Как говорил мой старый отец: «Сынок, имеет смысл, может быть, обманывать других, но обманывать себя?..» — Разгон артистично, с

долей иронии и изумления отвёл от стола руку, повторяя жест отца, и уже для меня добавил: — Я это напечатал в одной статье.

— Но ведь не хотят. Упорно стоят на своём, как будто потеряли способность видоизменяться, — процедил диссидент Поповский, не сумев погасить в голосе оттенок злого раздражения. — Если есть реакция, то обязательно негативная.

Разгон кивнул:

— Эта система неизбежно приводит к всеобщему обнищанию. И тут ничего нельзя поделывать — это как бы заложено в ней.

— Но почему? Почему? Как вы думаете? — не выдержал я.

— КПСС — наш дядя, — сказал Разгон. — Мы всю жизнь были добры к ним, а они к нам — никогда!

Таким я и запомнил его — с добродушно-насмешливым прищуром в светлых глазах. Он легко реагировал на шутку и охотно шутил сам. В фильме «Сны наяву» Разгон всегда скорбен, серьёзен и величав. Из-за чего пропали обаяние, доступность и естественность персонажа.

Единственный эпизод картины напомнил мне м о е г о Разгона.

— Лагерь — это сколок жизни, — рассказывает в этом эпизоде Лев Эммануилович. — Там соседствует трагическое с комическим, драма со смешным. Наиболее подходящими начальниками для нас были глупые и разнузданные. Вспоминаю начлага Кныша. Он специально подобрал себе помощников с фамилиями Петлюра и Махно. У них всегда стояла огромная бочка браги, и они регулярно напивались. Были морозы, и нам было хорошо, потому что при температуре ниже пятидесяти градусов нас не водили на работу, а Кныш с подчинёнными, перепившись, не следили за термометром. Бывало, ему звонили: «Почему не выводишь заключённых, ведь уже только пятьдесят градусов?» На что Кныш отвечал: «Может, у тебя градусник на фую висит, а у меня 56 показывает».

Но это так, к слову. Вернёмся к памятного для меня вечеру. Хозяйка дома давно уже порывалась сказать что-то. Разгон любезно повернулся к ней:

— Я весь внимание, Евдокия Наумовна.

— Из книги мы знаем, что ваша первая жена Оксана была красавица-украинка. И что она умерла в лагере.

— Оксана погибла на пересыльном пункте, — уточнил Разгон.
— А саму книгу вы посвятили второй жене Рике. Как её полное имя?

— Ревекка.

— Я так и думала! — с удовлетворением кивнула Евдокия Наумовна.

В связи с книгой братьев Вайнеров «Петля и камень в зелёной траве», к которой написал предисловие, произнёс, жалуясь:

— А вообще я читаю немного и редко. Времени осталось мало. Хочется успеть что-то сделать ещё. А библиотека, между тем, растёт просто катастрофически. В основном дарят авторы.

— Лев Эммануилович, — решительно сказал я, — не буду оригинален и попрошу вас принять от меня мой сборник. Я ценю ваше время и разрешаю не читать его. Но мне будет приятно знать, что он у вас есть.

— Ну конечно же, коллега, конечно! — с оттенком то ли наигранной радости, то ли великодушия произнёс он. — Надпишите мне вашу книгу. Я просмотрю её на досуге.

На обратной стороне бумажной обложки написал о мужестве Разгона, которое помогает нам выстоять сегодня. Он был тронут этим посвящением, судя по ответному автографу, оставленному им на подаренном мне экземпляре книги «Непридуманное».

В одиннадцатом часу Лев Эммануилович извинился, сказал, что на четыре утра назначены съёмки в ставропольской тюрьме: перед ними надо отдохнуть, — и попросил нас с Поповским проводить его до гостиницы.

Втроём вышли на улицу.

— Сейчас такси перехватим, — гордо пообещал Поповский.

— Я не партийный бонза, — улыбнулся Разгон. — И общественный транспорт мне не противопоказан.

В полупустом троллейбусе доехали до центра. Мне всегда нравились быстрые, с посверком искр, поездки в полупустых троллейбусах по ночному Ставрополю. Ещё с тех юношеских времён, когда я был рабочим сцены в драмтеатре им. Лермонтова, и если успевал после окончания спектакля и разбора декораций на последний троллейбус, то чувствовал себя самым счастливым человеком.

У входа в гостиницу «Кавказ» Разгон, прощаясь, поцеловал Поповского. Потом меня - быстрым птичьим поцелуем. Вошёл

в холл, залитый ярким неоновым светом. Сквозь стекло мы видели, как он вызвал лифт и скрылся в кабине...

Выписка из дневника 1999 года:

«8 сентября, среда. В 14-00 радиодинамик «Бештау», установленный на кухне, сообщил печальную весть:

— На 92-м году жизни скончался российский писатель Лев Разгон! Он умер от сердечного приступа.

«В лагере человек освобождается от догм и всяческих рамок. Именно там он становится свободным», — с парадоксальной убеждённой уверенностью утверждал Лев Эммануилович.

Он немного бравировал и рисовался перед нами. Я думаю так из-за последующей встречи с ним на экране телевизора.

— Кремлёвский горец отобрал у меня филейный кусок жизни, — посетовал Разгон в передаче «Час пик». Передача проходила в день рождения В.И. Ленина (22.04.1996), и, разумеется, нельзя было не вспомнить именинника.

— Для Ленина не существовало никаких ограничений в деле укрепления власти. Он сказал: «Морально только то, что полезно нам». И этим отказался от общепринятой морали. Ленин оставил империю, которая не выдержала ту нагрузку, что легла на неё. Ведь были Римская империя или Британская, которые существовали века. А эта была очень недолго. Для уничтожения партии хватило всего-то десять милиционеров и пуд сургуча. Стоило им опечатать все кабинеты на Старой площади — существование империи закончилось. И ведь Зюганов не кинулся на баррикады!

Таким предстал передо мной Лев Эммануилович в последний раз.

В 1988-89 годах вышло три миллиона экземпляров его книги «Непридуманное»!

Я приблизился к застеклённой книжной полке, отодвинул стекло и вытащил томик «Непридуманного» в скромном самодельном переплёте: «Дорогому Коле Сахвадзе — с радостью знакомства — с верой и надеждой. 13.8.1991. Лев Разгон».

Перечитал эту надпись, и щемящая боль немного отпустила сердце. Всё-таки есть какая-то высшая справедливость в том, что книги не всегда умирают вместе с их творцами».

Вадим Куропаткин
(фрагменты ненаписанного очерка)

Две смерти

29 марта 1996 года рейсовым автобусом прибыл в Ставрополь на отчётно-выборное собрание писателей.

— Попрошу встать и почтить память тех, кто скончался за отчётный период, — предложил глава краевой писательской организации Иван Белоусов.

Мы дисциплинированно поднялись, свесив головы и чубы.

Умер пятигорский поэт Геннадий Колесников. Автор песни «Тополя», которую в 60-70 годы охотно, без всякого принуждения пел весь Советский Союз. Особенно проникновенно она звучала в исполнении грузинского ансамбля «Орэро». Песня была настолько знаменита, что при взгляде на Геннадия даже не верилось, что этот невысокий, подвижный и общительный человечек с горбиком — автор легендарного творения.

«Был несколько ошарашен — пишет по этому поводу поэт Станислав Подольский, — узнав, что слова широкой, степной южнорусской и очень народной песни «Тополя» принадлежат его перу. Как-то сильна инерция мнения, по которому всё настоящее, высокое, крупное находится вдали, за пределами нашей «здешней» жизни».

Подольский и Колесников ходили в одно и то же литбюбьединение в Пятигорске. А я встречался с Геннадием лишь в Союзе Писателей на мероприятиях, подобных сегодняшнему. Живой и непоседливый, как подросток, он успевал в перерыве пропустить с друзьями по стопочке, быстро пьянел — и желал немедленно поделиться своими взглядами на мир, творчество и искусство.

Однажды президиум собрания долго игнорировал его взметнувшуюся над головой ручонку. Тогда Геннадий встал, требовательно устремил палец в сторону незабвенного Карпа Чёрного, руководителя писательской организации:

— Тамада! Дай слово чекушке русской поэзии.

— Выведите его из зала! — взвизгнула Меренкова, нервная чопорная дама, заведующая отделом культуры крайкома партии.

К чести ставропольских писателей ни один из них и не подумал тронуться с места: ведь незваным гостем здесь была сама Меренкова.

Это воспоминание мелькнуло в невесёлую поминальную минуту молчания на моих задворках памяти.

Когда опять уселись на стулья, сидящий рядом Владимир Маляров спросил:

— Николай, а ты в курсе, что 23 января умер Вадим Куропаткин?

«Бог ты мой, его нет уже два месяца, а в моей памяти всё это время он оставался живым. Я даже планировал с ним встречу, представлял наш разговор».

Вадим хоть и не состоял в нашем Союзе, но представить без него ставропольскую литературу последних тридцати лет просто немыслимо. Неопубликованный роман Куропаткина «Синь-ягода» являлся неотъемлемой частью литературного процесса. Его знало абсолютное большинство местных писателей. На моей памяти Евгений Карпов дважды брал его у Куропаткина.

Евгений Васильевич давно мечтал написать Большую Книгу и, думаю, примерялся к ней, постигая объём и композицию знаменитого в крае романа.

П о с т с к р и п т у м . При посмертной публикации в книге «Избранное» (1999) многострадальный роман был сокращён и изуродован. Ах, как хочется верить, что когда-нибудь нам всё же удастся прочитать его в первоизданном виде.

Курьёзное совпадение

Куропаткин не был на семинаре молодых писателей 1967 года в Пятигорске, и нас представили друг другу месяцем позже, когда я приехал в Ставрополь и первый раз попытался закрепиться здесь, устроившись рабочим сцены в Ставропольский драмтеатр.

Вадим жил тогда в районе кооперативных домов, неподалеку от кафе «Аист». В подвале дома, в одном из помещений,

предназначенных под сарай, оборудовал уютный кабинет. Круг общения Вадима в то время был невероятно обширен, и его часто навещали знакомые и друзья. Именно здесь познакомился я с уникальным по самобытности Людвигом Коштояном, который мастерски сочинял восточные притчи и легенды. Забегали сюда молодые журналисты и художники.

Вадим дописывал последние страницы своего огромного романа, который назывался поначалу «Сосновое семечко», но вскоре стал «Синь-ягодою».

Мне запомнился такой эпизод. Мы сидим в его кабинете и знакомимся с рукописями друг друга. Вадим читает мою школьную повесть «Натюрморт любви».

— Ну надо же! — вдруг вскрикивает он и бросается ко мне со страницей в руках.

— Что случилось? — спрашиваю я, в глубине души довольный, что так сильно потряс его чем-то.

Он отбирает у меня часть своей рукописи, начинает переключать страницы, объясняя попутно своё поведение:

— У тебя в сцене школьного вечера героиня во время танца говорит партнёру: «Ой, лохматая, да? Что ты на меня так смотришь?» Так вот, чтобы не было потом обвинения в плагиате — читай!

И он протянул мне страницу, указав пальцем место, где те же фразы, слово в слово, говорила его героиня.

— Вот потеха! — засмеялся я.

— Видимо, женщины меньше разнятся между собой, чем мужчины, и в схожих ситуациях произносят одно и то же.

— Вполне логичное объяснение, — согласился я с Вадимом.

Сегодня вспоминая столь незначительный эпизод, я думаю: а почему он мне, собственно, запомнился? И прихожу к выводу, что уже на этом незатейливом примере видно: для Вадима не существовало мелочей в литературе.

Почтовая марка

В апреле 1969 года я сделал вторую попытку закрепить себя если не в Ставрополе, то хотя бы на Ставрополье, и навестил в те дни Вадима Куропаткина.

Он обрадовался, увидев меня, и предложил поехать на главпочтамт вместе. В руках у него была толстенная папка с его романом.

— Что за спешка? — поинтересовался я.

— Понимаешь, Николай, — охотно стал рассказывать Вадим, обычно более спокойный и сдержанный, — недавно вернулся из Москвы. Был на Пятом всесоюзном совещании молодых писателей, в семинаре Франца Таурина. Не слышал о таком?

— Нет, не слышал, — признался я.

— Это довольно известный сибирский прозаик. Пишет объёмные романы. Как принято говорить — «на производственные темы». Но, уверяю тебя, не конъюнктурщик. Старается быть по возможности честным.

— Верю, верю, — перебил я. — Уж ты-то знаешь сибирскую жизнь досконально, а я знаком с ней лишь понаслышке. Лучше скажи, как прошло совещание?

— Таурин сравнил меня с молодым Достоевским. «Обратите внимание, — говорил он на семинаре, — как естественно вводит автор в ткань повествования новых героев. Женщина пошла взять сена, ткнула в стог вилы, а оттуда выскочил Кузьма. Очень эффектное появление. Дай Бог каждому такую редкую, в общем-то, способность!»

— Мне тоже нравилась эта сцена, только я не смог бы объяснить её так точно и популярно.

— Таурин — профессионал, — успокоил меня Вадим и, хлопнув ладонью по папке, поделился главной радостью: — «Синь-ягду» рекомендовали к печати в издательстве «Молодая гвардия». Знаешь, там ещё серия такая есть - «Молодые писатели»?

— Знаю. Недавно прочёл в этой серии «Теорию невероятности» Михаила Анчарова. Замечательный прозаик.

Но Вадим не был расположен сегодня говорить о других. И теперь я хорошо понимаю его. Ведь это и вправду был самый звёздный час писателя Куропаткина, когда всё вокруг казалось возможным и благополучный исход предприятия не вызывал никаких сомнений.

— Так ты пойдёшь со мной на почту?

— Обязательно. Мне приятно погреться возле чужой удачи.

— У тебя тоже всё будет хорошо, — великодушно пообещал

Вадим. — На следующем краевом совещании молодых писателей я возьму тебя в свой семинар и какие-то из рассказов обязательно рекомендуем к публикации.

У стойки под высокими сводами главпочтамта мы благополучно сдали рукопись и направились к выходу. Но вдруг Вадим остановился:

— Николай, ты собираешь марки?

— Как тебе сказать, — замялся я. — У меня есть небольшой альбом. Но я не фанат этого дела.

Вадим вернулся к окошку и купил красивую марку за четыре копейки. Множество точно таких марок были наклеены на упаковку с его рукописью.

— Держи, — сказал он. — На память об этом дне.

— Спасибо.

На марке была воспроизведена картина В.И. Сурикова «Взятие снежного городка».

— Какая радостная, бьющая через край весельем картина, — задумчиво произнёс Вадим. — А ведь Суриков писал её вскоре после смерти горячо любимой жены. Совершенно необъяснимый феномен искусства.

— Может быть, именно так он и сумел пересилить своё горе, — предположил я.

П о с т с к р и п т у м . Роман «Синь-ягода» был опубликован в Ставрополе уже после смерти Вадима. Разумеется, я приобрёл эту книгу. Но самое дорогое для меня воспоминание о писателе связано почему-то с почтовой маркой, которую храню до сих пор.

Апрель 1996; 2000 гг.

*Два молодых очкарика справа от центра —
Вадим Куропаткин и Николай Сахвадзе.
г. Москва, апрель 1975 г.*

*Село Константиновское (слева направо):
В. Дмитриченко, Н. Ляшенко, Р. Котовская —
в последнее лето Раисы. Август 2006 г.*

Немного жизни и книг Юлии Кауновой

Это было 1 октября 1997 года в дни празднования 60-летия Ставропольской писательской организации. В зал вошла рослая блондинка в чёрном в самом расцвете сил. Мелькнула мысль, что эта женщина служит достойным обрамлением кого-то из маститых. Когда узнал, что она пишет стихи, испытал привкус разочарования. В тот момент мне почему-то не верилось, что внешняя красота и

содержательность поэзии могут совместиться.

Меня даже не насторожил тот факт, что предисловие к её второй книге «На острове Разлюбовь» (1997) написал Александр Мосинцев — один из наиболее сильных поэтов Ставрополья. Рекомендацию в Союз писателей СССР ему дал сам Твардовский.

— С Твардовским было не совсем так, как ты написал здесь, — огорчился Мосинцев, впервые прочитав очерк в книге «Сад осьминогов».

— Знаю, дорогой друг, — сказал я. — Но мифы надо создавать при жизни. Самим!

— Миф прожорлив, — зорко напомнил Мосинцев. — Его надо постоянно кормить... Хорошо, если не человечинной.

Не знаю, известны ли Кауновой языческие воззрения славян по книгам А. Афанасьева, С. Максимова, или это подсознательное, генетическая память предков. Но уже первый её самостоятельный сборник «Бумажная башня» (1994) открывается стихотворением «Тьмутаракань», удивительным по своей непохожести:

В чугунном котле, до лопаток в воде
Сижу мохнатушкой. В моей бороде
Змеится улыбка. В котле-то не глыбко,
Приятно, тепло. Словно детская зыбка
Баюкает страшненькое дитё.

Стихотворение показалось мне прорывом в запредельное. А само название сборника по закону ассоциативности: «Образование — есть кратчайший путь к ассоциации» — мгновенно отослало к гениальным строчкам Ахматовой:

Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни.

Хотя, знакомясь с первым сборником Юлии, я отчётливо видел, что опубликованные в нём стихотворения весьма неравноценны. Скажем, существенную дань отдала Каунова романтической поэзии. О чём говорят даже названия стихов: «Хозяйка таверны», «Ещё раз о Трое». Но вместе с тем рядом с ними публикуются очень сильные стихи, где отблеск романтической традиции служит всего-навсего фоном в описаниях собственных радостей, бед и переживаний.

Вечером я и Александр Мосинцев сидели в номере Юлии Кауновой. Они были поэты с Кавмингруппы, а я — прозаик из посёлка Солнечнодольск. За бутылкой сухого вина вели какие-то необязательные, но приятные нам разговоры о жизни, политике, литературе, перескакивая с одной темы на другую, и перемежая всё это чтением стихов — личных, своих друзей и, разумеется, классических.

Когда в дверь деликатно постучали, то я, испытывая жгучее раздражение оттого, что кто-то непрошенный врывается в накатанный ход беседы, опережая возглас хозяйки, недовольно вскинулся:

— Да! Кто это?

Вошёл поэт Валентин Ефремов. Чем-то растерянный или озабоченный, одновременно всем своим видом извиняясь за вторжение, деликатно спросил:

— Можно я посижу у вас?

— Посидите, — усмехнулась Каунова. — Мы гостей не выгоняем.

Валентин тихонько присел на стул и замолчал так настойчиво, так упорно, что в какие-то мгновения мы, трое, даже упускали его из виду и продолжали разговор с тем же оживлением, с каким беседовали до прихода Валентина.

Но вот в одну из пауз Ефремов, вздыхая, с восхитительным смущением сказал:

— Хорошо у вас! Даже стихи читают... Обсуждаете их.

— А у вас разве не так? — вздымая светлые брови, поинтересовался Мосинцев.

— Нет! — с глубокой и безнадежной печалью ответил Ефремов. — Они выпили и драться начали. Я сразу ушёл оттуда.

Было приятно видеть человека, который давным-давно познакомился с литературной средой, но всё ещё предъявлял к ней столь высокие претензии.

Состояние всепоглощающей любви и мучительной радости жизни обычны для поэзии Кауновой. Но уж если из сердца уходит любовь, то уходит и жизнь:

Как без меня ты живёшь?

Я без тебя не живу.

Всем известен космический парадокс, связанный с теорией Эйнштейна. Ещё более сложные метаморфозы происходят с лирической героиней Кауновой из-за парадоксов любви:

Проживаю не жизнь, а жизни.

Умираю не дни, а годы.

Но совершенно особое, неизгладимое впечатление на меня произвела гражданская лирика Кауновой. Она занимает значительную часть книги в её втором сборнике. Вот стихотворение, написанное в Будённовске 23 июня 1995 года. Какой житель

Ставрополья не помнит этот чёрный июнь?! Никогда не забыть то ощущение беспомощности и зависимости, которое парализовало тогда многих из нас. И в первую очередь тех, кто обязан был принимать решения по долгу службы. А когда решения, наконец, стали приниматься, то они далеко не всегда были лучшими.

Слезами наш путь размыт:
Бредёт наугад страна.
Нет, мёртвым не снимся мы,
Но мёртвые снятся нам.

Охрипли в лесах дрозды,
В горах обезумел лес.
На камнях растут кресты.
Из камней сочится муть

И в душах черным-черно,
И негде плоду упасть.
В заложниках весь народ, -
Вот так веселится Власть!

Меня поразило, что даже в профессионально сделанном поэтном венке сонетов «За дверью мира» наткнулся на город Грозный: «В двухстах — курились Грозного руины». И я понял, что поэзия нужна Ю.Кауновой не для того, чтобы укрыться в любовной лирике от неопределённости нашей сегодняшней жизни. Нет, сострадание к своему народу поднимает её творчество на новую высоту: «Безродные люди в убогих проходах жуют рукава — то вымерзший студень простого народа вспорол по швам. На знамени череп двоится орлами: — Гуляй! — не хочу! То рвётся безверье из плена «Корана» навстречу мечу. Исчезнувший призрак обманутой силы берёт в оборот. То дочка Отчизны, ей имя — Россия, — на помощь зовёт».

В 2001 году, в дни вступления Кауновой в Союз писателей России, у неё выходит сборник «Волчьи времена» (Ставро-

поль). Поражает глубина и сила, с которой исследуется в стихах криминальная повседневность от быта до вершин власти.

Волчьи времена. В похожей коже
Между нами, как между границ,
Ходят, называясь «люди» тоже,
Множество непойманных убийц.

Носят незапятнанные платья,
Смотрят одинаково — в висок.
Ласковый обман рукопожатья
Продлевает нисходящий сон.

Нарастает пагуба крещендо:
Волчьи времена — не знать иных.
Вечности лазоревая лента,
Ужасая, обнимает их.

А открывается сборник стихотворением «Закройте сумасшедшие дома! Отправьте сумасшедших на войну!» В нём выражено отношение поэтессы не только к чеченской войне, но и ко всем войнам вообще как к социальному явлению, которое уничтожает в первую очередь самых лучших — отважных, честных, молодых.

В 2003-м Каунова публикует книгу «Первая четверть. Ранние стихи», храбро включив в неё страницы из школьного дневника. Недавняя студентка Московского института журналистики и литературного творчества вознамерилась представить читателям очаровательные истоки своих взаимоотношений с Поэзией:

Мечусь и плачу
в собственной скорлупке.
Расту, вращая в судорожный быт.
Отец в проёме делает зарубки
Двери открытой. Он по горло сыт
Взрослением моим. Всем надоела:
Ищу себя с утра и до утра.
В тяжёлое зачем одета тело
Душа моя из пуха и пера?

В том же 2003 году террористы дважды (3 сентября и 5 декабря) взорвали утренние электропоезда из Кисловодска. Большинство пассажиров электричек составляли студенты, ехавшие на занятия в Ессентуки, Пятигорск. Пятьдесят погибших, свыше двухсот пострадавших...

Каунова приступает к созданию книги «Два чёрных утра». Какое невероятное мужество и какое любящее сердце надо иметь, чтобы ежедневно ходить из дома в дом к людям, только что потерявшим самых близких своих родственников!

Она выходила после встречи на улице и шла, продолжая рыдать. «Донором духа для сотен людей» назвала Юлию близкая ей по духу поэтесса Елена Иванова.

Книга «Два чёрных утра» (2004) была выдвинута на соискание Губернаторской премии, но НЕ ПОЛУЧИЛА её. Елена Иванова считает это недоразумением. Наталья Быкова из «Ставропольской правды», говоря о писательских союзах, саркастически утверждает: «Далеко не всегда в списки претендентов попадают самые талантливые. И, добавлю, тенденция сия наметилась давно» («СП» от 31.08.2011).

За годы нашего с Юлией знакомства я убедился, что она стойко держит удар. Что бы там не случилось в её жизни (а судьба иногда становится по отношению к ней неоправданно жестокой), — я никогда не видел Каунову обзлённой. Она всегда спокойна и доброжелательна:

Спасибо, Господи, жива!

И жить хочу и силы много.

Некоторые пишущие после выхода книги «Сад осьминогов» посчитали, что я преувеличил масштаб и значение Кауновой в нашей поэзии. Можно было бы сослаться на мнение Светланы Солодских, которая была полностью согласна со мной. Но она высказала его за чашкой чая, у себя в доме, расположенном на крутом спуске Кавалерийской улицы.

Зато представьте охватившее меня торжество, когда в возродившемся альманахе «Литературное Ставрополье» № I (2005) я прочитал в статье доктора филологических наук Татьяны

Карповны Чёрной под названием «Будем жить» — следующее:

«И опять сборник стихов. Признаться, открывала я его с некоторой предвзятостью — снова женская поэзия, может, сентиментальная, может, с претензиями на какую-нибудь сверхфилософию. Но читаю — и попадаю под неожиданно захватывающее обаяние лирики, создаваемой Юлией Кауновой. Возникает ощущение, что этот человек просто родился и живёт в стихах, как в воздухе, — как на земле растения и облака в небе. Без напряжения, без подготовки высказывания, без попыток ухода от себя в мир «мудрых мыслей», — всё естественно и просто, но той простотой, которая рождает непрдуманную гармонию.

Поэзия Ю. Кауновой — не экспериментальная, но порой неожиданно удивляет многозначностью композиционной формы, которая, как известно, придаёт новые смыслы произведениям.

Есть у меня причуда,
Не знаю я, Я - откуда?
Откуда мои печали?
Откуда моя морока?
Всё тише сердечко бьётся,
Всё реже мой рот смеётся.
И все от меня устали.
Меня в этом мире много.

Парная рифма, вторгшаяся в середину перекрёстной и подчеркнувшая начальную парную, создаёт ощущение длительности, протяжённости размышления, действительно требующего длительности, потому что это размышление о смысле и месте своей личности в мире. Думается, что Ю. Каунова сможет сделать в поэзии ещё очень много».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что пророчество маститого литературного критика оправдалось.

В мае 2010 года мы встретились на похоронах Александра Мосинцева в Пятигорске. У неё только что вышел в издатель-

стве МИЛ сборник стихов «Тонкие ночи» с трогательным посвящением: «Моим друзьям, с кем свел меня Господь».

На подаренном экземпляре скорбно утешила: «Другу Николаю. В грустные дни для нас. Теперь — без Мосинцева... Но... будем жить!»

В последнюю нашу встречу рассказала о работе над романом:

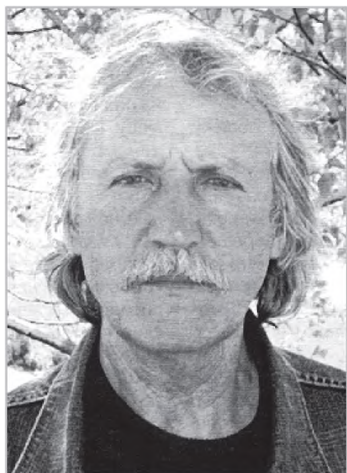
— Он, Коля, изначально задуман в двенадцати книгах, почти шесть из них готовы. У каждой книги — своё название: «Сила ветра», например. Приблизительно по 150 страниц книга, не больше. Двенадцать — это символичное число мира: двенадцать апостолов, двенадцать месяцев в году, двенадцать часов разделяют день и ночь на две половины. Мой роман — это фантом ампутированной страны, что многолико и призрачно даёт о себе знать в характерах нескольких моих героинь.

Я внимательно её слушаю, а в памяти всплывают слова незабвенного Мосинцева, сказанные о ней, о Юлии Кауновой: «Кажется, всё органично соединилось в ней — достоинство воительницы Афины Паллады, энергия мысли, чувства и гармония поэзии».

Что ещё можно добавить к этому?

*Конференция писателей и художников. Слева направо:
В. Бутенко, Н. Туз, Н. Марьевский, Ю. Каунова, И. Аксёнов.
12 ноября 2013 г.*

Певец доли казачьей

*А в глазах уже степи и дрофы...
Я вздыхаю, от чая сомлев.
И ведут меня Маслова строфы
По казачьей былинной земле.*

*Он читает. В природе стихает.
Животинка сопит в закуте.
А за сердце цепляет стихами,
И тревога звенит в темноте.*

**Виктор Конобейский,
казачий бард
из посёлка Солнечнодольск.**

Лет уж тридцать тому назад поэт Александр Екимцев обратился ко мне со словами:

— Слушай, Сафадзе (он так никогда и не освоил правильное произношение моей фамилии), у вас в районе есть интересный поэт Маслов. Написал хорошую антисоветскую поэму «Свет родимой земли».

— Так уж сразу — антисоветскую? — не поверил я.

— Да, да. Он пишет о том, что государство разрушило зону традиционной деятельности, в которой жили десятки поколений. То есть человек с рождения попадал в веками сложившийся порядок, и жизнь его обретала понятный правильный ритуал. А власть всё это поломала.

И Екимцев прочитал мне несколько запомнившихся ему четверостиший из поэмы «Свет родимой земли», которая ходила по рукам в списках:

**И пошло всё на слом...
Укрупняли колхоз —
Хуторочек под снос,
И сады — топором.**

Степь. Забытый погост,
Где всего два креста.
Да бурьян во весь рост.
А какая верста?!

Так я впервые открыл для себя нового поэта. Впоследствии, когда познакомился с Масловым поближе, выяснилось, что мы — соучастники семинара молодых писателей 1976 года в Ставрополе. А кроме того оказывается какой-то отчаянный, потрясённый правдой жизни редактор опубликовал «Свет родимой земли» в начале 80-х в районной газете «Заря коммунизма» (г. Изобильный)...

Анатолий Михайлович Маслов родился в потомственной казачьей семье 15 августа 1950 года на хуторе Весёлом Егорлыкского (ныне Изобильненского) района. С годами Весёлый сросся с соседним хутором и стал посёлком Передовым. Это крупная, известная на всю страну железнодорожная станция, а по сути большая, привлекательная, казачья станица в озерелье прудов и водоёмов.

Вот моя святая Мекка —
Средь наезженных дорог,
Посреди чужого века,
Затерялся хуторок.

Среди августа, с рассветом,
Огласив родную весь,
Я родился здесь поэтом
И умру, наверно, здесь.

С раннего детства Анатолий любил слушать казачьи песни и рассказы стариков о прошлом. В них представала перед мальчуганом местная история времён гражданской войны, коллективизации, немецкого нашествия.

Первое стихотворение написал в девятилетнем возрасте, в рождественское утро. Перелез через забор к богомольной соседке; поделился ещё не вполне понятной самому радостью. Выслушав стихотворение, бабушка Даша Борцова без тени сомнения сказала:

— Этот дар тебе дан Богом! Береги его в себе.

Так определилась дальнейшая жизнь Анатолия. В пятнадцать лет состоялась первая публикация...

«Хуторской юноша, уже почувший в себе поэтический пыл, словно губка влагу, впитывал я обступающую меня действительность во всех её проявлениях».

Сразу после школы попробовал себя разнорабочим на строительстве газо-бензинового завода в Нефтекумске. Два года армейской службы прошли в военно-строительном отряде в Забайкалье: сначала в степи, потом на лесоповале. Заготавливал лес, перерабатывал древесину. На всю жизнь запомнился старшина-фронтовик Нагаев и таёжная станция Харагун. После армии стал электромонтёром в колхозе «Правда».

И все эти годы ни на миг не забывал о поэзии.

Однажды в посёлке Передовом появился ставропольский поэт Александр Мосинцев, который вместе с писателем Вадимом Черновым выступал перед тружениками района. Анатолий встретился с известным поэтом, прочитал несколько своих стихотворений. Александр Фёдорович отметил их задушевность и несомненную литературную одарённость. Беседа была долгой и содержательной. С тех пор благодарный Анатолий стал считать Мосинцева своим литературным крёстным отцом.

Закончил филологический факультет Ставропольского педагогического института, где обрёл своё семейное счастье в образе юной, по восточному красивой студентки Татьяны. Много лет работал преподавателем литературы и русского языка; был завучем.

«Зачем ты пошёл на этот факультет? — сочувствовал А. Екимцев. — Надо было на биологический или исторический наконец».

В 1991 году избран заместителем главы администрации и, сдав класс другой учительнице, стал курировать на Передовом культуру, школу, больницу. Организовывал скачки в праздники. Улаживал конфликты между людьми.

Переломным для Маслова стал 1999 год, когда в Ставропольском издательстве «ЮРКИТ» вышел первый авторский сборник «Плач по России».

«О чём печалится душа поэта? — вопрошала в «Ставропольской правде» Елена Иванова. — Оглядываясь назад, поэт, потомок казачьего рода, пытается понять, осмыслить трагедию народа, пережившего роковые времена революционных потрясений, братоубийственной гражданской войны, трагедию разказачивания».

Ради чьих утех
Сгинул мой народ,
Да на ком тот грех
За казачий род.

Протянулся след
К лагерям страны.
Хоть крестов и нет —
Бугорки видны.

Историзм пронизывает каждую страницу первой книги Маслова. Через отдельные драматические моменты мы вместе с автором постигаем суть эпохи: «Ветер с пепелища», «Белые и красные», «Изгой», «Блудный сын», «Задурили народ». А сколько национальной скорби в этих до слёз обжигающих сердце словах:

России нет, которую по крохам
В один кулак сбивали сотни лет.
России нет. Кровавая эпоха,
Где краше воронья и птиц-то нет.

«Плач по России» явил миру зрелого, сложившегося поэта со своим голосом, который подкупает неукротимой силой и дерзкой выразительностью. Я даже высказал Анатолию опасение, что ему скорее всего не удастся удержаться в следующей книге на том же уровне.

И, к счастью, ошибся.

Уже в 2000 году у Маслова в том же издательстве выходят через короткий промежуток два сборника: «Вечная дорога к себе» и «Даруй мне, степь, успокоенье...» Кстати, к третьей книге я по просьбе автора написал короткое предисловие, в котором отмечал, что хотя пишет поэт в основном о жизни родного хутора - потаённого уголка Ставрополя, но то, что в просторечии именуют «поэтическим огнём», поднимает творчество Маслова на новый качественный уровень.

Отчий край не забуду вовек:
От родного куда же мне деться?!
Там в высокой заречной траве
Стынет след босоного детства...

Мотив возвращения на родину присутствует во многих стихах. Легко заметить, что посредством диалога между природой и человеком поэт мастерски передаёт переполняющее его чувство.

Была гармония во всём.
И кстати музыка звучала.
Жизнь начиналась, как сначала —
Всё молодело под дождём.

25 апреля 2000 года Анатолия Михайловича Маслова принимают в Союз писателей России. Каждый новый сборник поэта: «Сладкая горечь полыни» (2002), «Степная сторона» (2005) — существенно закреплял неоспоримое значение Маслова в духовной жизни Ставрополя.

Вставай, Россия! Русь, вставай!
Родная, слышишь?!
Деревней русской оживай,
Рожай детишек!

Распашем степи до краёв,
Посеем жито,

Сожжём бурьян, починим кров
В стране, где жить нам.

Молитвы вымолвим слова,
Чтоб сгинул враг,
Чтоб воссиял наш град Москва,
Наш русский город!

Разнузданная пропаганда насилия, разврата, блатных песен с телеэкрана уже принесла свои плоды: всё реже и реже народ поёт русские песни. Молодое поколение попросту не знает их.

А. Маслов видит вокруг себя разрушение, уничтожение и исчезновение национальной русской культуры, и в отличии от большинства из нас предпринимает усилия, чтобы противостоять цинизму власти, которая правит нами, привыкнув ни за что не отвечать и ничего не бояться.

Високосный год

Говорят:

— Касьян укажет —

Не укрыться от беды.

На худобу — жди пропажи,

На людей — готовь гробы...

...Мы лампаду погасили

Пред Спасителем и вот

Сколько лет уже в России

Високосный длится год!

Анатолий Михайлович активно участвует в возрождении казачества и православия на Ставрополье. Регулярно готовит вестник Изобильненского казачьего отдела «Майдан» на страницах районной газеты «Наше время». Опубликовал ряд блестящих историко-этнографических очерков о казачьих поселениях и братьях-казаках: «Гаевская», «Передовая», «Есть речка, есть хата...», «Родней богатеть надо!»

В дни празднования 60-летия А.М. Маслова поэтесса Елена Иванова с грустью утверждала в «Ставропольской правде»: «Самое время выйти бы в свет не книжечке, но полновесной — и по содержанию, и по объёму — книге. К сожалению (и в том не вина, но беда автора), пока что не явлена читателю книга, которая широко и разносторонне представила бы мир поэта. Между тем целый мир, скрывающийся под этим именем — Анатолий Маслов, я открыла для себя давно и с удовольствием продолжаю глубокое погружение в него, когда захочется чего-то душевного, искреннего, чистого».

Недавно я обратил внимание, что последнее время не встречаю в газетах, не слышу по радио или по телевизору слово «Родина». Как будто средства информации решили вытравить из нас не только память о «социалистическом отечестве», а чувство Родины вообще, — скрыто подготавливая население к чьей-то неизбежной оккупации. Вот почему нам, как никогда, необходимы люди подобные Маслову.

В предисловии к сборнику «Степная сторона» поэт так озвучил творческое кредо: «Родина!.. Вот оно самое главное, ёмкое, великое слово! Оно вмещает в себя всё, о чём помнит неравнодушный человек: от дрожащей на ветру хрупкой былинки до отцовских крестов на взгорках кладбищ под высоким бескрайним небом с тоскующими криками улетающих птиц...»

Когда умру — не плачьте обо мне.
Похороните так, чтоб запах тлена
Ещё коснуться не успел чела.

Душа моя рванётся в бесконечность...
Прощай, лик милой родины невзрачной...
Припомнят ли меня твои дороги?!

...Но только б Русь не канула в веках!..

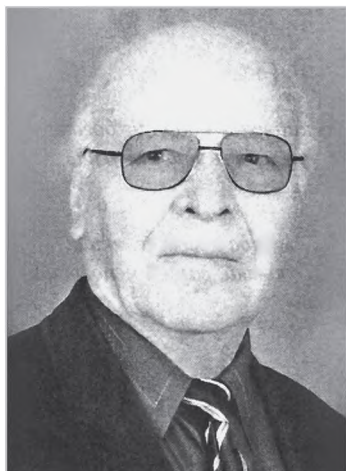
Могу смело утверждать, что после смерти Владимира Гнеушева и Александра Мосинцева именно Маслов — самый заметный ставропольский поэт, который отстаивает в творчестве

честь и достоинство Родины. Его гражданская позиция вызывает восхищение у всех, кого беспокоит дальнейшая судьба России.

Чтобы убедиться в этом достаточно взять в руки и прочесть большой том избранного «Я твой сын, соколиная степь», изданный летом 2019 года.

*Презентация книги «Земля изобильная». Слева направо:
Татьяна и Анатолий Масловы, Тимофей Шелухин.
Май, 1998 г.*

Возвращение Дмитрия Баранова

Летом 1999 года, будучи в гостях у Дмитрия Николаевича, я обсуждал с ним первый авторский сборник Анатолия Маслова «Плач по России» – мощный, темпераментный, трагический.

Неожиданно Баранов не совсем, как мне показалось, в тему вспомнил и поведал такую историю:

– В начале восьмидесятых, лет за пятнадцать до отъезда с острова, я работал в секретном отделе конторы «Сахалинбургазразведка». Здесь хранились документы проводимых разведок не только на территории Советского Союза, но и в Африке, и на Ближнем Востоке. Однажды, распаковав присланный в секретный отдел пакет, я обнаружил там документ с сообщением о том, что сенат и правительство США на двести лет законсервировали у себя месторождения нефти и газа. Как подарок потомкам!

Дмитрий Николаевич помолчал, тяжело вздохнул и срывающимся голосом признался:

–Перечитал я этот документ... Не выдержал и заплакал!

28 мая 1995 года в 1 час 05 минут остров Сахалин содрогнулся от мощного подземного толчка. Сила его в районе Нефтегорска составила семь с половиной балла.

Это было самое сильное за весь период наблюдений (с 1909 года) землетрясение. Посёлок Нефтегорск стал братской могилой для 70 процентов жителей.

Неподалёку от эпицентра находился город Оха, столица островной нефтедобычи. Здесь, в газете «Сахалинский нефтяник», работал журналист и поэт Дмитрий Баранов. «Жить в квартире было невозможно, – отмечал он в воспоминаниях. – О ремонте дома речь не велась, в почтовом ящике появилось

предложение: «Покинуть квартиру и перейти в палаточный городок, расположенный в городском парке. С собой взять необходимое постельное бельё и одежду»» («От Терека до Курил», Ст. 2009, с. 127).

Так, в результате сокрушительного подземного толчка, Д. Баранову пришлось вернуться к своим истокам, на Северный Кавказ, где он родился 17 июня 1928 года в станице Калиновской Наурского района Чечено-Ингушской АССР.

Первые стихи, обращённые к другу, написал в четвёртом классе:

И, Коля, веришь ли ты мне,
В то время в полной тишине
Моё покрылось сердце мраком,
Как будто связанное браком.

И был на десять дней исключён из школы. «Слишком рано заинтересовали тебя брачные узы, джигит», – ехидно прокомментировала наказание учительница.

В годы Великой Отечественной войны – бригадир полевой комсомольско-молодёжной бригады. Под его началом было 46 подростков в возрасте от 13 до 16 лет. Мальчишки работали на лошадях, а девочки пололи кукурузные и подсолнечные поля тяпками, сделанными из распиленного пополам диска от сеялки. От зари до захода солнца пололи и плакали... Плакали, пололи до кровавых мозолей и пели песни под бравурную музыку слепого баяниста, который сидел на табуреточке на краю поля... Иероним Босх и Франц Кафка отдыхают!

Армейскую службу проходил в Грузинской Советской Социалистической Республике. Окончил в Тбилиси курсы учебно-танкового батальона, получил звание старшины. Был направлен в воинскую часть, расположенную в 12-ти километрах от Батуми, – старшиной танкового батальона. На одной из подаренных книг написал: «Другу Николаю! В память о кусочке жизни, прожитой в Грузии – давней и до того приятной!..»

В 1963 году тридцатипятилетний Баранов уехал на Сахалин, а в 1995-м в возрасте 67-ми лет переехал в Ставропольский край, в небольшой районный центр Изобильный:

Дремлет обильный приветливый край.
Тише и ветры, и песни, и лай.

Только журчит ручеёк меж камнями –
Ива над ним наклонилась ветвями.

В небе прохладном – ни тучек, ни стай.
Дремлет обильный приветливый край.

С 1996 года Д. Баранов, автор двух поэтических сборников «Память сердца» и «Один на один», изданных на Сахалине, возглавил избыльненское районное литературное объединение «Светёлка», центр притяжения местных литераторов. Здесь выросли и профессионально окрепли поэты Виктор Пархоменко, Иван Блохин, Елена Звягинцева, Анатолий Соболев, Иван Сердюков – каждый из них, с моей точки зрения, вполне может претендовать на билет члена Союза писателей России.

В 1998 году Д. Баранов составил и опубликовал (не без помощи районной администрации) книгу «Земля избыльненная». В неё вошли произведения тридцати трёх прозаиков и поэтов Избыльненского района.

В 1999 году принял деятельное участие в создании книги «Ставропольская ГРЭС – 25 лет». Это масштабное, во многом новаторское полотно, рассказывающее об истории и тружениках знаменитой электростанции. Дмитрий Николаевич написал для этой книги восемь очерков.

Именно на Ставрополье раскрылись талант и поэтическое мастерство Д. Баранова:

Тем больше отдаюсь стихотвореньям,
Чем ближе биографии конец.

Один за другим выходят сборники стихов: «Явь», «Жизнь – капля вечности» (2000), «Иду по России» (2004), «Слова воистину поют» (2007), – а также книга эссе о Пушкине «Музы не умирают» (2007), за рукопись которой Д. Баранов получил в 1999 году благодарственное письмо и памятную медаль от Государствен-

ной комиссии по проведению 200-летнего юбилея А.С. Пушкина.

Ставропольский край отметили двумя такими медалями: одну дали краевому отделению Союза писателей России за общий вклад ставропольских поэтов и прозаиков в пушкинистику, другую – Дмитрию Баранову за вклад личный.

Я мудрость зрелым возрастом постиг.
В былом мерцают искренние дали...
В моей ладони – Пушкин на медали –
Святой успеха творческого пик!

На сборники стихов Д. Баранова благожелательно отозвались наиболее интересные и значимые поэты Ставрополя: Игорь Романов, Анатолий Маслов, Юлия Каунова. Но первым оказался писатель Вадим Белоусов, который, как всегда кратко и динамично, представил нового для края поэта читателям «Ставропольской правды».

Самого Дмитрия Николаевича тревожили не столько признание и слава, сколько страх того, что ему не удалось достучаться до наших сердец:

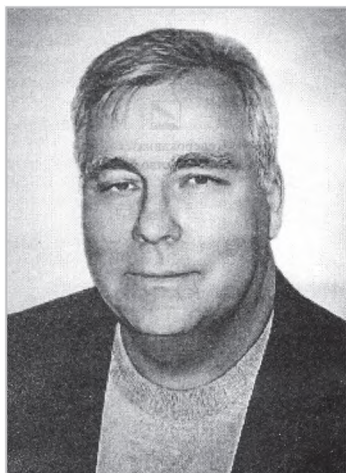
Ужель впустую просвищу
Над неустроенной Россией?

Чтобы этого не случилось, избобильненские литераторы, члены Союза писателей России: поэт Анатолий Маслов, прозаики Тимофей Шелухин и Николай Сахвадзе – рекомендовали талантливого земляка в Союз писателей России.

24 апреля 2011 года Д. Баранов получил долгожданную красную книжицу и стал полноправным членом писательской организации.

15 июня 2018 года в Изобильненском краеведческом музее при небольшом стечении народа горожане отметили 90-летний юбилей Д. Баранова.

Умер 5 февраля 2019 года.

**Сергей Телевной,
писатель из Моздока**

*Перед нами одарённый,
с ярко выраженной человеческой
и творческой позицией прозаик.*

***Николай Иванов,
председатель правления
Союза писателей России***

Он родился в семье колхозников 16 января 1959 года. Место рождения — хутор Графский (Курской район), расположенный на юго-востоке Ставропольского края. Это оконечность легендарной моздокской степи, о которой несколько поколений ямщиков, разгоняя в дороге скуку и сон, пели «Уж ты, степь моя, степь моздокская».

Там, где почил ямщик, в метель замёрзший,
Да тень белесую луны извёл буран, —
Поныне снег темней и воздух горше, —
Понуро бродит конь один окрест булан...

После трагической гибели отца-шофёра в 1964-м, мать Антонина Прокофьевна перебралась с тремя детьми в село Троицкое, поближе к Моздоку. «Там, собственно, и прошла вся моя сознательная, со школьных времён, жизнь», — поведал Сергей Владимирович Телевной в написанной по моей просьбе «Краткой автобиографии».

С детства его влекли две профессии, он мечтал стать сразу и писателем, и водителем. Даже в снах видел себя по-разному: то за письменным столом, то за рулём автомобиля. Стихи стал сочинять довольно рано, но никому не показывал. В старших классах стал отсылать их в районную газету, не указывая фамилии. В поэтических обзорах эти стихи отмечались.

В 1976-м окончил Троицкую среднюю школу. В советские времена даже сельские школы давали ученикам прочные знания.

Поступил в техническое училище № 15 в городе Нальчике. Получил специальность монтажника аппаратуры и радиоприборов.

1977 — Моздокским райвоенкоматом призван в ряды Советской Армии. Служил в Германии, в батальоне связи (г. Рудольштадт): «Два положенных года я буду давать неустойчивую связь — таскать жилистые кабели по холмам и лесам сказочной Тюрингии, где творил Гёте».

После демобилизации в 1979 году работал монтажником приборов на Нальчикском заводе телерадиоаппаратуры, рабочим Моздокского мясокомбината.

«Пребывание на мясокомбинате планировал на короткое время — мечтал поступить в институт. Но оно затянулось на одиннадцать лет — женитьба, семья, дети, стройка. Упорно продолжал мечтать о литературе, о писательстве. Посылал стихи в молодёжную республиканскую газету. Там их оценили, опубликовали и рекомендовали обратиться в республиканское отделение Союза писателей за консультацией. Что автор и сделал.

В результате был приглашён на совещание молодых писателей Северной Осетии. Там был замечен Русланом Тотровым, зам. председателя республиканского отделения Союза писателей, впоследствии — основатель и главный редактор журнала «Дарьял». Вплотную занялись работой над сборником стихов. Но в стране грянули перемены. Книга не вышла. Однако в первом номере журнала «Дарьял» (1991) из несостоявшейся книги была опубликована солидная подборка стихов, затем — вторая» («Краткая автобиография», рукопись).

Я — сбившийся с пути трамвай,
В луга забредший по колёса,
Где удивлённая трава,
Где злак остистые колосья
Стеной щетинистой смыкал,
Тел инородных не приемля.
Я, озадаченный, смекал:
Маршрутом продвигаюсь тем ли?
Стал. Опрокинулся в покос, —
И поделом. Но вот что жалко:

В свой хутор дальний не довёз
Мечту-утеху-горожанку.

Во время чубайсо-гайдаровского кошмара либерализации ценообразования в России С. Телевной брался за любую работу: кочегар, сторож, художник-оформитель.

В 1993 году понёс стихи в редакцию районной газеты «Моздокский вестник», рассчитывая получить за публикацию хоть какое-то вознаграждение. В итоге стал корреспондентом этой газеты. Впоследствии приобрёл высшее образование на филологическом факультете Северо-Осетинского государственного университета, а затем в Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

2001 — в Ставрополе стал выходить ежеквартальный литературно-художественный журнал «Южная звезда». Его создатель и главный редактор Виктор Кустов успешно вывел на всероссийскую орбиту десятки неизвестных авторов. Стал он добрым гением и для писателя из Моздока.

2003 — произведения С. Телевного публикуются сразу в двух номерах «Южной звезды»: рассказ «Репейник» в № 2 и блистательный очерк «Сплетение (Записки кавказского лица русской национальности)» в № 3.

Появление очерка было негативно воспринято чеченской диаспорой и другими национальными обществами города Моздока. Хотя по сравнению с «окопной правдой» газеты «Лимонка», это всего-навсего биографическая летопись расплывающегося рода Телевных и грустный рассказ об исходе из района русскоязычного населения за последнее десятилетие: «Выехало тысяч 15. По сути, каждый третий коренной русский».

Сам С. Телевной переезжает в Пермь, утверждая, что «никто меня откровенно не прогонял из Моздока... Выбор, подсказанный обстоятельствами, делаю сам». В столице Западного Урала работает в заводской многотиражке, корреспондентом газеты «Аргументы и факты – Прикамье», заместителем главного редактора газеты «Труд – Прикамье». Два года сотрудничал с РИА «Новости» (Москва).

С 2004 по 2007 год служил консультантом пресс-службы губернатора Пермского края.

2007 — вернулся в Моздок. Устроился маркетологом на предприятие «Мясной двор Богачёва»; работал там, пока не пригласили, почтительно признавая прошлые заслуги, в газету «Моздокский вестник». Ему удалось сделать дотационное издание экономически прибыльным. Среди районных газет Северной Осетии самые большие тиражи у «Моздокского вестника».

2013 — в Северокавказском издательстве МИЛ (Пятигорск — Кисловодск) выходит сборник поэзии и прозы С. Телевного «Ветер противоречий». Отмечу притягательный внешний облик книги. Член Союза художников России Юрий Побережный (Моздок), чьи работы находятся в краеведческом музее Пятигорска и в Коллекции международной графики в Санкт-Петербурге, создал, используя тушь и перо, подлинное творение искусства.

Писатель же с редкой достоверностью показывает нам разнообразные стороны сегодняшней жизни. Его проза изысканна и метафорична.

Вот беженец из Чечни на вокзале: «Он прошёл через вязкую людскую массу инородным телом, медленной, как бы энергосберегающей поступью».

А вот описание ночи: «Над Николашкиной головой ластоногие звёзды пробирались сквозь бурые водоросли облаков. Месяц ущербом указывал на новолуние».

Запоминается «птичья клинопись, оставленная мокрыми лапками голубей», «взбрыкнувший на краю покоса трактор», «бамбуковая флейта позвоночника у филармонистки Лидии», «ковровая, вытертая до плешивости дорожка».

Рекомендации для вступления в Союз писателей России предоставили С. Телевному весьма влиятельные в литературном мире люди:

1. Николай Фёдорович Иванов — нынешний руководитель Союза писателей России, автор 20 книг прозы и драматургии;
2. Игорь Николаевич Тюленев — поэт из Перми, секретарь Союза писателей России с 2004 года;
3. Руслан Хадзыбатырович Тотров — основатель и первый редактор журнала «Дарьял» (Владикавказ).

2015 — год литературы начался для Моздокского района с феерической новости: журналист, поэт и прозаик Сергей Те-

левой принят в Союз писателей России. Он стал единственным профессиональным писателем в районе.

2017 — журнал «Южная звезда» № 3 опубликовал повесть С. Телевного «Я — не заморыш!» Вот что говорит автор в одном из интервью:

«Это повесть о многотрудной жизни и злоключениях 14-летнего Кирилла. Он отправляется из глубинки в мегаполис ухаживать за отцом, закованном в гипс после аварии. Вместе с ним в город-миллионник едет мать подростка, также помогает выхаживать его отца, своего бывшего мужа. Кирилл мечтает, чтобы семья воссоединилась; кажется, ему это удаётся... Если образно говорить, повесть о том, как заморыш борется с обстоятельствами, чтобы стать... витязем».

Последнее слово — завуалированный намёк на награду, которой отмечена повесть в Иркутске. Здесь с 12 по 15 сентября 2017 года проходил VIII Международный славянский литературный форум «Золотой витязь». Повесть «Я — не заморыш!» получила на форуме статуэтку «Бронзовый витязь» и диплом. Её напечатали журналы «Неман» (Минск), «Русское эхо» (Самара), «Берега» (Калининград), альманах «Литературная Пермь», журнал «Нижний Новгород», ряд других периодических изданий.

И было всё так жизнеутверждающе,
что я решил совсем не умирать!

Триумфальное шествие повести по журналам России красноречиво и убедительно свидетельствует о том, что С. Телевной не зря был принят в Союз писателей России по одной изданной книге, —обычно требуется представить приёмной комиссии не менее двух книг.

В настоящее время он директор-главный редактор газеты «Моздокский вестник» и еженедельника «Время, события, документы».

Когда я бываю в Моздоке, то непременно захожу в редакцию «Моздокского вестника» на улице Шаумяна, 110, и общаясь с Сергеем Владимировичем Телевным, вспоминаю слова древнекитайского основателя философии даосов Лао-цзы. Он сказал:

«Разве можно назвать глухой провинцией местность, где пребывает совершенный муж?»

**Архив
литературного пункта
(пос. Солнечнодольск)**

*Такая картина открылась перед
Николаем Сахвадзе из кухни Литературного пункта
(бульвар Солнечный, 16) в мае 1975 года.*

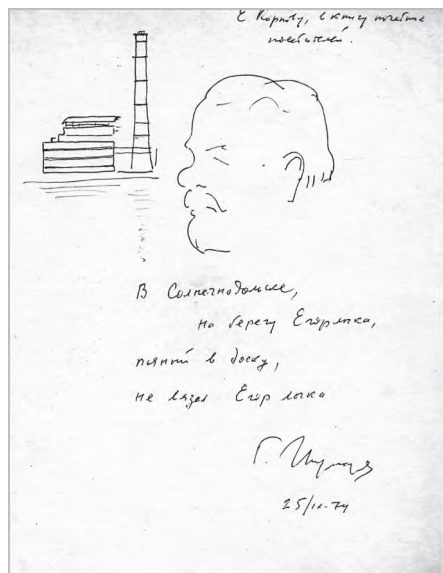

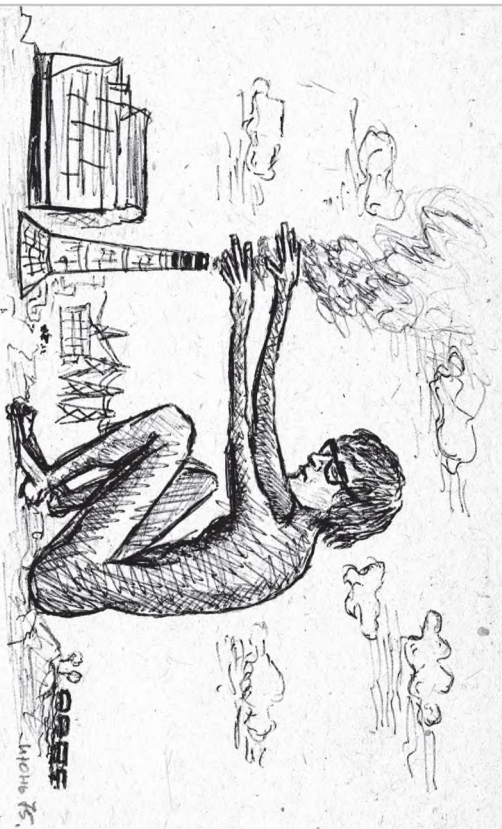
*Три друга, три блестящих прозаика (слева направо):
Андрей Губин, Георгий Шумаров, Владимир Дятлов.
г. Ставрополь, 1973 г.*

*Работники химцеха Ставропольской ГРЭС возвращаются
с субботника (слева направо): сварщик Владимир Крикунов,
слесарь-ремонтник Николай Сахвадзе,
сварщик Николай Братченко. Апрель 1978 г.*

Шумаров —художник:

Автошарж :

Срещам нарци, новаци, Тупи —
Кривоу дучинас нарца.
Дивотени к тави вежва в огуни —
Кривоу вежени е нар нарца.

А таву, огуни, вепрометивес гучино —
Другичко иугучени нарца.
Сетабилу тави **иуиуспунит** ...
Звече уиув Сахбачзе диноран.

Член Союза журналистов СССР Дмитрий Баранов берёт интервью у олимпийского чемпиона Андрея Чемеркина. пос. Солнечнодольск, 1999 г.

Поэт Анатолий Маслов от имени районного казачества вручает клинок юбиляру Николаю Сахвадзе во Дворце культуры «Современник». пос. Солнечнодольск, 27 февраля 2010 г.

*Феерические женщины Ставрополя (слева направо):
поэтессы Алла Мельник, Надежда Хмельёва,
композитор Анна Саакова. г. Пятигорск, 2005 г.*

*Новый руководитель краевого Литфонда Елена Иванова
(слева) принимает дела у Валентины Слядневой.
г. Ставрополь, 2008 г.*

Встреча аксакалов пера (слева направо:) руководитель краевой писательской организации Александр Куприн, поэт Дмитрий Баранов, прозаик Тимофей Шелухин. г. Изобильный, 2015 г.

Ф.ТГ-17	
 ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА	
Прием: _____ го _____ час. _____ мин. Бланк № 000394 Принял: _____	Для записи ПАО «Ростелеком» Максимальный филиал «ЮГ» Ставропольский филиал 27 ФЕВ 2020 Межрайонный центр технического эксплуатации телекоммуникаций г.Изобильный
2 ++++++ ТЕЛЕГРАММА из СТВ-1 за № 003 ++++++ ++++++ Дата: 27-02 Время: 09:53 Печать № (03) ++++++ СИЗН 003 С01 223567 1 (223 223025/01 0007 0908 27.02)	
СТАВРОПОЛЬ 25/188 53 27/02 0900=	
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОС СОЛНЕЧНОДОЛЬСК ИЗОБИЛЬНЕНСКОГО ГО БУЛЬВАР СОЛНЕЧНЫЙ Д 12 КВ 7 САХВАДЗЕ Н Н=	
УВАЖАЕМЫЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВСКЛ СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ ВСКЛ ОТ ДУШИ ЖЕЛАЮ ВАМ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ ЭПТ НЕИССЯКАЕМОЙ ЭНЕРГИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАМЕЧЕННЫХ ПЛАНОВ И НЕИЗМЕННОГО УСПЕХА В ТРУДЕ НА БЛАГО РОДНОГО СТАВРОПОЛЬЯ ТЧЕ-ГУБЕРНАТОР СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ВЛАДИМИРОВ-	

СОДЕРЖАНИЕ

Ставропольские писатели: Биографический словарь

Аксёнов Иван Михайлович.....	6
Ащеулов Вениамин Абрамович.....	14
Бабаевский Семён Петрович.....	20
Бабиченко Виктор Ильич.....	24
Батурина Татьяна Петровна.....	33
Батчаев Мусса Хаджи-Кишиевич.....	38
Бахтинов Андрей Дмитриевич.....	48
Белоусов Вадим Александрович.....	59
Белоусов Иван Емельянович.....	68
Бибик Алексей Павлович.....	73
Бойко Сергей Павлович.....	78
Бударин Владислав Пантелеевич.....	86
Воропаев Олег Владимирович.....	95
Гнеушев Владимир Григорьевич.....	103
Гниловской Владимир Георгиевич.....	116
Грозная Ольга Леонидовна.....	121
Грязев Василий Никанорович.....	127
Губин Андрей Терентьевич.....	134
Дедусенко Идиллия Владимировна.....	139
Дмитриченко Валентина Гапуровна.....	146
Дятлов Владимир Семёнович.....	150
Егоров Иван Яковлевич.....	156
Екимцев Александр Ефимович.....	164
Епанешников Леонид Фёдорович.....	171
Заикина Светлана Андреевна.....	178
Ибрагимова Мариам Ибрагимовна.....	185
Иванова Елена Львовна.....	195
Игнатъев Олег Геннадьевич.....	201
Исаков Андрей Максимович.....	209
Капиев Эффенди Мансурович.....	215
Карпов Евгений Васильевич.....	225
Кашпуров Иван Васильевич.....	232
Керсновская Ефросиния Антоновна.....	240
Кожевников Владимир Иванович.....	249
Колесников Виктор Сергеевич.....	252
Котовская Раиса Николаевна.....	258

Коштоян Людвиг Людвигович.....	264
Кравченко Виктор Николаевич.....	272
Кудинов Владимир Васильевич.....	278
Кустов Виктор Николаевич.....	285
Логвинов Виктор Александрович.....	290
Ляшенко Николай Петрович.....	300
Маляров Владимир Константинович.....	305
Марьянский Валентин Данилович.....	311
Мосиенко Александр Алексеевич.....	320
Мосинцев Александр Фёдорович.....	329
Орловский Борис Александрович.....	337
Павлов Анатолий Филиппович.....	341
Пидоренко Игорь Викторович.....	350
Романов Игорь Степанович.....	357
Сахвадзе Николай Николаевич.....	365
Твалчрелидзе Антон Иванович.....	372
Усов Михаил Васильевич.....	378
Ходарев Витислав Васильевич.....	382
Чернов Вадим Сергеевич.....	389
Чумак Илья Васильевич.....	402
Шелухин Тимофей Семёнович.....	413
Шилин Георгий Иванович.....	425
Ширяев Борис Николаевич.....	430
Шумаров Георгий Михайлович.....	435
Яковлев Владимир Яковлевич.....	441
Ярош Виктор Андреевич.....	450

Силуэты современников

В гостях у Бибика.....	457
«Здесь только что был Губин...».....	463
Вечер с Разгоном.....	473
Вадим Куропаткин.....	480
Немного жизни и книг Юлии Кауновой.....	486
Певец доли казачьей.....	494
Возвращение Дмитрия Баранова.....	502
Сергей Телевной, писатель из Моздока.....	506

Архив литературного пункта (п. Солнечнодольск).....	511
--	------------

Литературное издание

Сахвадзе Николай Николаевич
**Ставропольские
писатели**

Биографический словарь
Издание третье. Дополненное

Корректор — Федоренко О. В.
Компьютерная вёрстка — Липатова Ю. А.

Издательская лицензия ЛР №065840 от 23.04.1998 г.
Издательство «Ставрополь-Сервис-Школа»
355011, г. Ставрополь, ул. 45-я Параллель, 36.
Тел.: (8652) 57-47-27. E-mail: s-school@mail.ru, http: книга-ставрополь.рф

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93-953000

Подписано в печать 10.03.2020 г.
Гарнитура «Georgia». Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 30.23.
Тираж 160 экз. Заказ № 103

Отпечатано в типографии ООО «Борцов».
ИНН 2634059960, г. Ставрополь, ул. Семашко, 16
Тел./факс: (8652) 35-85-58, 35-75-80

